

ISSN 2307–2539

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№ 2 (22)

2018

ISSN 2307-2539

№2 (22) • 2018

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук, профессор;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
Н.Н. Серёгин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
И. Фодор, д-р археологии, профессор
(Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдилов, д-р ист. наук (Россия);
Т. Шу, профессор (Япония);
Л. Чжан, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН
(Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес издателя и редакции:

656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211,
телефон: 8 (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

Журнал основан в 2005 г.
С 2016 г. выходит 4 раза в год

Учредителем издания является
Алтайский государственный
университет

Утвержден к печати Объединенным
научно-техническим советом АГУ

Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо
издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя

Печатное издание «Теория и практи-
ка археологических исследований»
© Алтайский государственный уни-
верситет, 2005–2018.

Зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и мас-
совых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ
№ФС 77-65056. Дата регистрации
10.03.2016.

ISSN 2307-2539

№2 (22) • 2018

THEORY AND PRACTICE OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Barnaul

Altai State
University Press
2018

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief),
Doctor of History, Associate Professor;
S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;
N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences;
A.I. Krivoshapkin, Doctor of History, Professor;
A.L. Kungurov, Candidate of History;
D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;
N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate
of History;
S.S. Tur, Candidate of History;
A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;
J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Doctor of History,
Professor (Russia);
D.D. Anderson, Ph.D., Professor (Great Britain);
A. Beisenov, Candidate of History (Kazakhstan);
U. Brosseder, Ph.D. (Germany);
A.P. Derevianko, Doctor of History Academician,
Russian Academy of Science (Russia);
E.G. Devlet, Doctor of History (Russia);
I. Fodor, Doctor of Archaeology, Professor (Hungary);
I.V. Kovtun, Doctor of History (Russia);
L.S. Marsadolov, Doctor of Culturology (Russia);
D.G. Savinov, Doctor of History (Russia);
A.G. Sitdikov, Doctor of History (Russia);
T. Shu, Professor (Japan);
L. Zhang, Ph.D., Professor (China);
T.A. Chikisheva, Doctor of History (Russia);
M.V. Shunkov, Doctor of History, Corresponding
Member, Russian Academy of Sciences (Russia);
D. Erdenebaatar, Candidate of History,
Professor (Mongolia)

The address of the publisher and the publishing house: office 211, Lenin av., 61, Barnaul, 656049, Russia, tel.: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

The journal was founded in 2005.
Since 2016 the journal has been
published 4 times a year.

The founder of the journal
is Altai State University

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

All rights reserved.
No publication in whole or in part
may be reproduced without the
written permission of the authors or
the publisher

Print Edition of "The Theory and Practice of Archaeological Research"
© Altai State University, 2005–2018.

Registered by the Federal Service for
Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technologies and Mass Communications.
Registration certificate PI №FS 77-65056. Registration date 10.03.2016.

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Берлина С.В., Цембалюк С.И., Новиков И.К.</i> Городище Дикая Яма на Среднем Тоболе	7
<i>Лазаретов И.П., Поляков А.В.</i> Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы	21
<i>Папин Д.В., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В.</i> Фирсово-1 – погребальный комплекс периода финальной бронзы в Барнаульском Приобье	47
<i>Полеводов А.В., Сафаров М.Ю.</i> Курганный могильник Саргатское-4. К специфике культурно-исторических процессов в лесостепном Прииртышье в конце эпохи бронзы (по материалам погребальных комплексов)	63
<i>Руденко К.А.</i> Стратиграфия памятников именьевской культуры Казанского Поволжья	80
<i>Тимощенко А.А., Выборнов А.В., Рыбин Е.П.</i> Анжевский комплекс археологических памятников – новый разновременный могильник на территории Канско-Рыбинской котловины. Предварительные данные	99
<i>Тишин В.В., Серегин Н.Н.</i> Основные аспекты изучения комплекса Уюк-Аржан: к проблеме реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия на территории Тувы в раннем средневековье	117
<i>Тишкин А.А., Семибратов В.П., Ситников С.М.</i> Вторая находка раннего железного стремени в Алейской степи (северо-западные предгорья Алтая)	138

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Хаценович А.М., Анойкин А.А., Павленок Г.Д.</i> Эксплуатация осадочных пород в верхнепалеолитических технологиях расщепления камня Центральной Азии – Южной Сибири	146
--	-----

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Бейсенов А.З., Гимранов Д.О., Ахияров И.К., Дуйсенбай Д.Б.</i> Поселение сакского времени Абылай в Центральном Казахстане	157
<i>Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А., Кукушкин А.И.</i> Женское погребение на могильнике Шантимес	179
<i>Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мунхбаяр Ч.</i> Результаты исследований тюркского комплекса Баян булаг-I (Монгольский Алтай)	184
<i>Список сокращений</i>	196
<i>Сведения об авторах</i>	197

CONTENTS

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Berlina S.V., Tsembalyuk S.I., Novikov I.K. The Dikaya Yama Hillfort on the Middle Tobol	7
Lazaretov I.P., Polyakov A.V. The Krasny Kamen' Burial-Ritual Complex of the Early Bronze	21
Papin D.V., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Frolov Ya.V. Firsovo-1 – Funeral Complex of the Final Bronze Age in the Barnaul Priobye	47
Polevodov A.V., Safarov M.Yu. Sargatskoye IV Burial Ground. To the Specificity of Cultural – Historical Processes in the Forest-Steppe Priirtyshye at the End of the Bronze Age (based on the materials of the funerary complexes)	63
Rudenko K.A. Stratigraphy of the Imenkovskay Culture Settlement of the Kazan Volga Region	80
Timoshchenko A.A., Vybornov A.V., Rybin E.P. Anzhevsky Complex of Archaeological Site – New Asynchronous Burial in the Territory of the Kansk-Rybinsk Basin. Preliminary Data	99
Tishin V.V., Seregin N.N. The Main Aspects of Studying the Uyuk-Arzhan Complex: the Problem of Reconstruction of the Processes of Ethno-Cultural Interaction in the Territory of Tuva in the Early Middle Ages	117
Tishkin A.A., Semibratov V.P., Sitnikov S.M. The Second Find of the Early Iron Stirrup in the Alei Steppe (north-western foothills of Altai)	138

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Khatsenovich A.M., Anoin A.A., Pavlenok G.D. Sedimentary Rocks Exploitation in Upper Paleolithic Knapping Technology in the Territory of Central Asia and South Siberia	146
---	-----

FOREIGN ARCHAEOLOGY

Beisenov A.Z., Gimranov D.O., Akhiyarov I.K., Duisenbay D.B. The Abylai Settlement of the Saka Time in Central Kazakhstan	157
Kukushkin I.A., Dmitriev E.A., Kukushkin A.I. The Woman's Burial at the Shantimes Burial Ground	179
Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N., Munkhbayar Ch. Results of Studies of the Bayan Bulag-I Turkic Complex (Mongolian Altai)	184
Abbreviations	196
Authors	197

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 902«638.3»(470.4/.5)+902«638.3»(571.12)

С.В. Берлина¹, С.И. Цембалюк¹, И.К. Новиков²

¹Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр
Сибирского отделения Российской академии наук, Тюмень, Россия;

²Курганский государственный университет, Курган, Россия

ГОРОДИЩЕ ДИКАЯ ЯМА НА СРЕДНЕМ ТОБОЛЕ*

В статье представлены результаты исследования городища Дикая Яма, расположенного в Среднем Притоболье. Выявленная четкая планировка расположения жилищ и фортификаций позволяет предполагать, что поселок был построен по предварительному проектированию. Вероятно, поселение было оставлено намеренно, так как не фиксируются следы битвы, пожара, брошенные вещи и т.д. Количественные и качественные характеристики находок, их расположение также указывают на преднамеренное оставление площади поселения. Раскопками на второй площадке городища было исследовано жилище с жилой и хозяйственной камерами, соединенные длинным коридором. Обнаруженные следы железообработки, ткачества, косторезного дела, керамического производства позволяют реконструировать ремесленные занятия поселенцев. Фрагменты импортной среднеазиатской керамики, бисер с золотой обкладкой изнутри свидетельствуют о высоком социальном статусе отдельных жителей. Памятник характеризуют синкретичные материалы саргатской и гороховской культур раннего железного века, отображающие синтез их домостроительных и фортификационных традиций. Городище датируется III в. до н.э. – I в. н.э.

Ключевые слова: Среднее Притоболье, ранний железный век, саргатская, гороховская археологические культуры, фортификации, двухкамерное жилище.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-01

Введение

Памятники раннего железного века на территории лесостепного Зауралья изучены достаточно хорошо: на материалах поселений и могильников были выделены баитовская, саргатская и гороховская культуры. После определения характерных черт культур, хронологической атрибуции учеными проведен ряд исследований, направленных на изучение погребального обряда, традиций домостроительства, керамического производства, социальной структуры общества, торговых связей, ремесла и т.д. Этим вопросам посвящены исследования А.В. Могильникова, Л.Н. Коряковой, Н.П. Матвеевой, В.А. Булдашева, Д.И. Ражева, С.В. Шарাপовой, Л.С. Кобелевой и др. Несмотря на достаточно хорошую изученность культурных образований раннего железного века все же остаются «белые пятна». Они обусловлены как недостаточностью материала, так и его особенностями: большинство поселений имеет многослойный характер, ввиду чего иногда невозможно достоверно отнести тот или иной инвентарь, костные остатки (антропологические, палеозоологические) к определенной культуре или даже эпохе. Многослойность большинства поселений также не позволяет в полной мере исследовать памятник естественно-научными методами. Практика исследования поселений небольшими площадями и только единиц – полномасштабными раскопками не дает четкого представления о планировке и структуре поселков. Стремление исследователей к изучению городищ и крупных могильников (курганов) в результате дает искаженное

* Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол №2 от 08.12.2017. Приоритетное направление XII.186; Программа XII.186.2; проект №0371-2018-0036.

представление о материальной культуре населения в целом. Помимо этого, определение временных рамок существования культур в относительной хронологии (по инвентарным наборам), впоследствии дополненное данными радиоуглеродного анализа, выявило ряд проблем в хронологии культур раннего железного века: не ясны рамки переходных периодов, периодов сосуществования или прекращения функционирования отдельных культур и их дальнейшая судьба. На наш взгляд, решение части проблем в изучении населения раннего железного века возможно по материалам городища Дикая Яма ввиду его однослойности и непродолжительности функционирования. Полученные в процессе исследования данные, в том числе и методами естественных наук (палинологическим, палеозоологическим, палеоботаническим, радиоуглеродного анализа, почвоведческими и др.), позволят реконструировать хозяйственную деятельность населения, домостроительные и фортификационные традиции, палеодемографию и т.д., а также условия обитания в эпоху раннего железного века.

Материалы

Городище Дикая Яма находится на левом берегу р. Тобол, в ее среднем течении, немного выше от места впадения в нее р. Исеть (рис. 1.-1). Укрепленная часть поселка расположена на узкой части мыса, неукрепленная – на краю террасы, примыкая к городку с запада. Мыс, на котором расположен памятник, вдается в пойму с запада на восток, у его основания с северной и юго-восточной стороны расположено старичное озеро. Высота мыса невелика, до 2 м, тем не менее территория памятника в половодье не затопляется (рис. 1.-2, 3).

Укрепления городища имеют оригинальную форму «мотылька». Первая площадка городища расположена на стрелке мыса, отделена от остальных линией вал-ров-вал в виде сегмента круга. Въезд представлял собой перемышку во рву и понижение в валу шириной 3,0 м. В целом подобная система оборонительных линий широко распространена в зодчестве населения Западной Сибири как раннего железного века, так и эпохи поздней бронзы и средневековья. Наличие двух валов и рва между ними характерно для зодчества гороховской культуры, бытовавшей в Притоболье в VII–II вв. до н.э., схожее строение фортификаций имеется на городище Чудаки, Марьино Ущелье-IV, Павлиново, Мало-Казахбаевское, Чертово, Вохменка-1, Носиловское-1 (?), Ячменевское [Археологическая карта..., 1993].

Однако фиксация за первой площадкой еще двух, при этом расположенных не традиционно одна за другой, а вписанных в мыс рядом с друг другом, позволяет говорить нам об оригинальности фортификационных линий, не имеющих в данный момент аналогов. Вторая и третья площадка расположены по краям мыса и по строению фортификаций являются зеркальными: укрепления в виде вал-ров-вал идут от центрального входа на первую площадку, имеют перемышки во рву и понижения в валу – входы на вторую и третью площадку. Далее фортификации немного расходятся в стороны, при этом между ними остается проход-дорога, затем поворачивают к краям мыса, вдаваясь небольшим треугольным выступом в напольную сторону (рис. 2.-2). Треугольный выступ в напольной части линии фортификаций более характерен для носителей гороховских традиций. При этом на гороховских памятниках отмечены два типа выступов: первый – это выступы-бастионы (башни?), представляющие собой выступы из общей линии треугольной/прямоугольной/полукруглой формы размерами от 10×10 до 10×20 м (гор. Марьино Ущелье-IV – 2-я, 3-я линии фортификаций), гор. Чу-

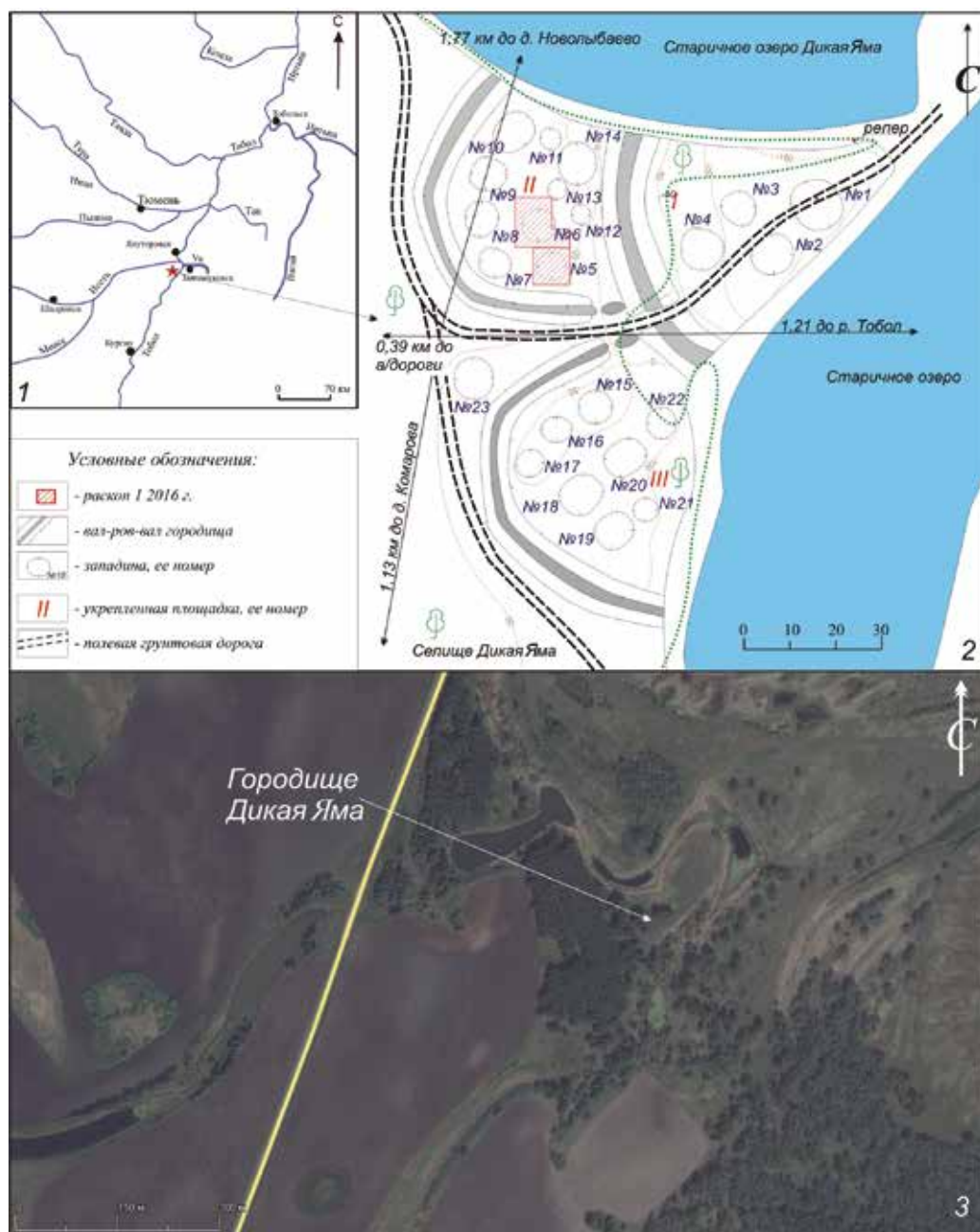

Рис. 1. Городище Дикая Яма: 1 – карта-схема; 2 – план; 3 – космоснимок

даки, Мало-Казахбаевское, Воробьевское, Мурзинское-I, II) [Сальников, 1947, с. 222; Козеко, Кузнецова, 1998, с. 118; Берлина, 2014; Третьяков, 2018, с. 12–18, 42–47]. Второй тип представлен выступами, образованными на поворотах оборонительных линий, в плане они представляют собой не полуокружности, а ломаные отрезки. Такие

формы зафиксированы на городище Павлиново [Среда, культура, общество..., 2009, с. 23], Ильтяковское, Закоуловское, Носиловское-1 [Археологическая карта..., 1993] и на представленном в статье [Берлина, Цембалюк, 2017].

Всего на площади городища визуально зафиксировано 22 жилищных западины округлой и подпрямоугольной формы, часть из них соединена между собой системой коридоров-переходов. С напольной стороны к городищу примыкает обширный посад, состоящий из 122 западин округлой и подквадратной форм.

Раскопами 2016 и 2017 гг. были изучены две западины, являвшиеся камерами одного жилища, соединенные коридором-переходом (рис. 2). Исследованное жилище ориентировано по линии СЗ-ЮВ, почти параллельно валу первой площадки. Вход в постройку зафиксирован недалеко от входа на вторую жилую площадку и располагался в хозяйственной камере, из которой через длинный коридор осуществлялся вход в жилую.

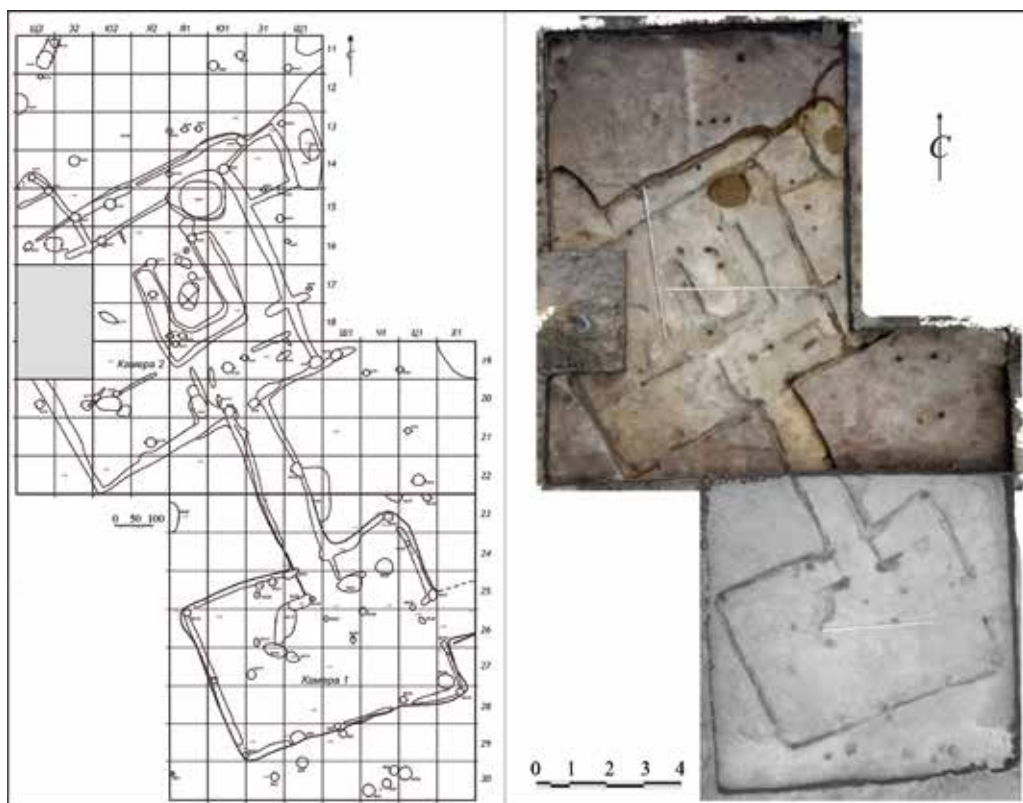

Рис. 2. Очертания сооружений в материке

Размеры основной, **жилой камеры №2** составляли 6,7×7,0 м, она имела почти квадратную форму. У стен камеры, по краям фиксировались канавки от горизонтально уложенных бревен, при этом над ними в верхних слоях фиксировались полосы черного суглинка с включением мелких угольков (северо-восточная линия стены постройки установлена по ямкам №59, 64, 66–68, 88, расположенным на одной линии). Ширина канавок составляла от 10 до 30 см. В углах и между ними в канавках зафиксированы ямки от вертикальных столбов-стоек, при этом в юго-западном углу постройки следов

такой стойки не отмечено. На расстоянии 0,5–0,75–1,0 м вдоль северо-западной, северо-восточной и частично юго-западной стены жилища зафиксированы следы канавок от бревен и столбовых ямок – полагаем, что это нижние элементы от настила пола или нар, которые располагались вдоль стен. Почти в центре жилища, ближе к восточной части, находится очаг. Размеры зафиксированного прокала – 50×70 см. Он был устроен на ровной поверхности на уровне пола. Очаг с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной сторон окружен околочажной канавой шириной 0,55–0,65 м по большей части с пологими, местами отвесными стенками и ровным дном. Глубина канавки достигала 15–30 см. Севернее очага фиксировалась хозяйственная яма №63.

Небольшой очаг-прокал размерами 0,65×0,35 м, мощностью до 10 см обнаружен в юго-западном углу постройки. Он овальной формы, ориентирован по линии З–В. Вероятнее всего, выполнял вспомогательную функцию обогрева помещения.

Камера 2 была подвергнута перестройке, на это указывает зафиксированный в ней в северо-западном углу небольшой выступ, оставшийся неисследованным. Размеры исследованной части – 1,5×1,75 м. Функциональное назначение выступа – увеличение жилой площади или же элемент перехода в другую камеру (в данном направлении фиксировалась западина) – не установлено, так как северо-западный угол постройки не вошел в раскоп. О перестройке свидетельствуют очертания материка и контуров жилища в северо-восточной части раскопа. Здесь зафиксировано небольшое понижение материка, продолжающее направление жилой камеры. Кроме того, параллельно реконструируемой нами северо-восточной стене (по линии ямок №59, 64, 67, 68) фиксируется канавка, идущая юго-западнее, конструктивно связанная с П-образной канавкой в северо-восточном углу и пересекающаяся с линией стены. За П-образной канавкой исследована хозяйственная яма №61, расположенная на уровне пола жилища. Полагаем, после некоторого периода функционирования постройки северо-восточная стена жилища была разобрана и расширена в северо-восточную сторону. И канавка, параллельная ямкам первичного каркаса, осталась от конструкции настила, нар расширенной камеры. Нельзя исключать и строительства дополнительной камеры с северо-востока, так как в данном направлении к раскопу примыкает западина.

Камера 1 располагалась юго-восточнее камеры 2, ближе к входу на вторую площадку. Постройка имела трапециевидные очертания, размеры ее составляли 6,2×4,2×5,1 м. Вдоль стен также исследованы канавки и в них ямки от вертикальных стоек. Ряд ям – №13, 16, 30, 31 – расположены на одной линии по длинной оси камеры и остались, на наш взгляд, от стоек, поддерживающих коньковую балку кровли. В северо-восточном углу камеры 1 зафиксирован прокал размерами 44×40 см.

Выход из жилища располагался в северо-восточной стене в виде перемычки в конструкции стен шириной 1,1–1,2 м, в длину он зафиксирован на протяжении 1,2 м в виде небольшого, на 2–3 см, понижения в материке, заполненного супесью, характерной для первичного заполнения камеры 1. Переход из камеры 1 в камеру 2 был оформлен в виде коридора длиной 4,25 м, шириной 1,2 м, с канавками вдоль стен шириной от 2 до 10 см. Конструкция коридора вдаётся вглубь камеры 1 на 0,8–1,0 м, у основания стен и у основания коридора зафиксированы глубокие овальные ямы от опорных столбов-стоек. Подобные конструкции характерны для домостроительной традиции гороховской культуры и зафиксированы на городище Чудаки (жил. 4, 6, 8), на Павлиновом городище (саргатские жил. 3, 5, 9) [Среда, культура..., 2009, с. 38, 164].

Реконструкция жилища (рис. 3). Форма и строение стен жилища реконструируется по системе ям и соединяющих их канавок, отмеченных вдоль материковой границы постройки, а также ям, расположенных на площади жилища. Диаметр ям составлял 16–20–30 см, толщина канавок, соединяющих ямки, составляла 6–10, реже 16 см для камеры 1 и 15–25 см для камеры 2.

Рис. 3. Реконструкция жилища (художник Д.А. Белоногов)

В целом процесс строительства и общее строение жилища представляется следующим. Первоначально под постройку была размечена площадка. С юго-западной стороны стены камеры 1 и камеры 2 располагались практически на одной линии, с северо-восточной – камера 2 немного выступала за линию камеры 1. Далее по размеченному контуру был выкопан котлован жилища. Планиграфические наблюдения позволили установить, что основная масса грунта складировалась за его глухими стенами и между камерами. При этом на участок выхода из постройки и около него выброс грунта был минимален – вероятно, чтобы оставался свободный проход к жилищу. Затем в котлован были установлены каркасные элементы конструкции: вертикальные стойки и скрепляющие их горизонтальные бревна. Строение стен жилой камеры 2 было выполнено в технике заплот: в пользу этого свидетельствуют размеры ямок от стоек и ширина канавок – 20–30 см. В юго-западном углу жилища ямка от стойки не зафиксирована, можно предположить, что данный угол был срублен в лапу. Подобный прием строительства стен, а именно рубка одного из углов жилища в лапу с остатком или без него, реконструируется для домостроительства саргатской (жил. 7 на Коловском городище) [Матвеева и др., 2008], (жил. 2 Рафайловского гор., жил. 3, 6, 7, 11 Рафайловского селища, жил. 2 Узловского поселения, жил. 3 Коловского-4 селища, жилище 1 Коловского-3 селища, жил. 2 Павлинова селища) и гороховской культур (гор. Чудаки) [Берлина, 2007, с. 84]. Строение стен камеры 1, на наш взгляд, было более легким. Наличие нешироких канавок (10–16 см) в осно-

вании стен позволяет предположить либо их облегченную конструкцию из тонких жердей, либо создание каркаса, который затем был дополнен/утеплен вертикальными жердями-бревнами, дерном.

Кровля жилища в камере 2 реконструируется как двухскатная с плоской вершиной. Коньковые балки укладывались параллельно стенам, ориентировались по оси жилища и располагались по обе стороны от очага. Одна коньковая балка опиралась на стойки, от которых остались ямки №56, 73, 75–77, 81, ямки от стоек под вторую, параллельную, балку имеют №58, 69, 83, сюда же относится канавка у ямы №86. Расстояние между балками забиралось легкими жердочками, поверх утеплялось травой, дерном. Таким образом, кровля камеры 2 была двухскатной с усеченной вершиной.

Кровля камеры 1 также двухскатная, ориентированная по длинной оси камеры, в направлении с юго-запада на северо-восток. В центре жилища зафиксирован ряд ям от стоек, поддерживающих кровлю (№13, 16, 30), при этом коньковая балка одним концом опиралась на столб у выхода (ямка №31).

В результате раскопок 2016 года вдоль стенок коридора между камерами были зафиксированы небольшие узкие полоски углистой супеси шириной 1,5–2 см. В основании коридора по краям фиксировались мелкие неглубокие канавки шириной 10–15 см. Вероятно, это свидетельствует о том, что стенки коридора были облицованы досками, а поверх земли он был утеплен так же, как и камера 1, – как легкий каркас и заплот либо вертикальными жердями, с утеплением травой, дерном.

Об утеплении жилища травой и, вероятно, специально заготовленной осокой позволяют говорить данные карпологического анализа заполнения ям: в одной из проб было зафиксировано семя осоки. Хотя не следует исключать использование осоки и в качестве подстилки на пол.

Между камерами 1 и 2 с восточной стороны прослежены ямки от столбов, расположенные по линии стены камеры 2. Полагаем, что с данной стороны между камерами был устроен навес, от стоек которого и остались ямки (№90, 91, 92, 38). Данное место могло использоваться для хранения утвари, снастей, дров.

Таким образом, камера 2, жилая, была построена со стенами в технике заплот, имела двухскатную с уплощением кровлю, соединялась длинным коридором с камерой 1, хозяйственной и более легкой по строению. При этом в строении жилища фиксируются как саргатские, так и гороховские традиции домостроения. К саргатским относятся наличие камер-пристроев по периметру жилища, к гороховским – устройство камер по одной оси, наличие длинных коридоров, соединяющих постройки, при этом вдающихся вглубь хозяйственной камеры, двухскатная кровля жилищ.

Гороховское население оказало большое влияние на домостроительную традицию саргатцев, особенно на характер строения жилищ в технике заплота. Для гороховского населения характерна большая устойчивость и традиционность в организации форм жилой среды. Изученные на сегодняшний день гороховские жилища очень похожи друг на друга, можно сказать, существовал определенный стандарт строительства: жилища представлены слабоуглубленными (0,2–0,5 м) четырехугольными полуземлянками, делящимися на однокамерные и двухкамерные, причем двухкамерные ориентированы строго по одной оси, что уже отмечалось; характерны и канавки в месте расположения дверей у гороховцев, при этом первая камера имела более легкое строение и была хозяйственной [Сальников, 1947; Ковригин, 2003, с. 123]. У саргатцев

же, напротив, хозяйственные камеры располагались обычно позади или сбоку от основной жилой, разнообразны варианты возведения стен камер-построек в ансамбле одного жилища.

Симбиоз гороховских и саргатских традиций домостроительства отмечен на Павлиновом городище, он также выражается в расположении по периметру камеры пристроев-выступов – и увеличении с их помощью полезной площади, что характерно для саргатцев [Корякова, 1984, 1988], а также в объединении жилой и хозяйственной камер на основе однорядовой коридорной связи, типичны парные ямы по краям входа, что относится к гороховским чертам [Ковригин, 2003, с. 123].

Вещевой материал. В культурном слое памятника найдены керамика саргатской культуры (рис. 4.-1–7), несколько фрагментов от среднеазиатских станковых сосудов (рис. 4.-8–9), два фрагмента кашинской керамики, дисковидные и сферические пряслица, костяная рукоять, скребок, фрагменты железных изделий, оселок, позолоченная изнутри бисерина, костяная проколка, фрагменты шлака, костные остатки животных.

Керамический комплекс немногочисленный, сильно фрагментирован, зафиксировано несколько развалов. Они локализовались у стен жилища и у очага. Статистической обработке было подвергнуто 59 сосудов, из них 58 горшков и чаша (табл.).

Морфология и орнаментация сосудов саргатской культуры с городища Дикая Яма

Морфологические характеристики					
Венчики сосудов			Профилировки шеек горшков		
	Кол-во	%		Кол-во	%
Плоский	7	12,1	Наклоненная внутрь	4	6,9
С карнизиком наружу	7	12,1	Вертикальная	14	24,1
Скошенный внутрь	8	13,8	Отогнутая	35	60,3
Округлый	21	36,2			
Приостренный	9	15,5			
Отогнутый	7	12,1			
Конфигурация шеек горшков			<i>Переход от шейки к тулову</i>		
Прямая	20	34,5	Резкий	20	34,5
Отогнутая	38	65,5	Плавный	26	44,8
Орнаментация					
<i>Зона орнаментации</i>			<i>Техника орнаментации</i>		
Венчик	29	50	Резная	26	44,8
Шейка	19	32,8	Вдавление	22	37,9
Переходная зона от шейки к тулову	13	22,4	Гладкий штамп	3	5,2
Верхняя треть тулова	11	19,0	Гребенчатая	2	3,5
			Ямки	2	3,5
			Прочерченная	3	5,2
<i>Элементы орнамента</i>					
Горизонтальная елочка	10	17,2	Овальные вдавления	1	1,7
Наклонные линии	20	34,5	Горизонтальная линия	1	1,7
Насечки на венчике	11	19,0	Наклонные Гребенчатые линии	1	1,7
Угловые вдавления	8	13,8	Треугольные Вдавления	3	5,2
Наклонные насечки	9	15,5	Фестоны	2	3,5
Вертикальный зигзаг	3	5,2	Горизонтальный зигзаг	2	3,5

Рис. 4. Керамика с городища Дикая Яма: 1–7 – саргатская; 8–9 – среднеазиатская

Диаметр горшков – от 4–9 до 40 см. Венчики сосудов преимущественно округлые (36,2%), в относительно равных долях встречаются плоские, с карнизиком внутрь или наружу, скошенные внутрь, приостренные, отогнутые. Шейки сосудов в основном отогнутые (60,3%) либо вертикальные (24,1%), редко – наклоненные внутрь (6,9%), в профиле чаще отогнутые (65,5%), около трети – прямые (34,5%).

Около 50% сосудов не орнаментировано, на орнаментированных узор наносился преимущественно на венчик (50%), шейку (32,8%), реже на переходную зону от шейки к тулову или на верхнюю часть плечика (22,4 и 19,0% соответственно).

Среди элементов орнамента преобладают наклонные линии (34,5%), насечки по венчику (19,0%) или на шейке (15,5%), горизонтальная елочка (17,2%), встречаются также угловые вдавления (13,8%), редко – вертикальный и горизонтальный зигзаг, фестоны, треугольные или овальные вдавления (см. табл.).

Техника орнаментации преимущественно резная или вдавление, встречаются также гладкий штамп, гребенчатая, ямки, прочерчивание.

Таким образом, по основным показателям саргатская посуда городища повторяет основные каноны керамических комплексов саргатской культуры.

Инвентарь

Шарообразные лепные пряслица (рис. 5.-8, 9, 11) представлены тремя экземплярами: одно целое и два в обломках. Их размеры составляют 3–3,4 см, диаметр сквозного отверстия – до 5 мм. Подобные пряслица массово встречаются в материалах памятников раннего железного века [Корякова, 1988; Матвеева, 1993; 1994 и др.]. Сферические орнаментированные пряслица найдены на Андреевском озере [Корякова, 1988, рис. 23], неорнаментированные – на Рафайловском селище [Чикунова, 2002].

Дисковидные пряслица из стенок сосудов (рис. 5.-2, 6) – одно целое пряслице и один фрагмент. Диаметр изделий составляет 5,0 и 2,3 см соответственно, толщина стенки – 0,7 см. Данный тип пряслиц широко распространен территориально и хронологически, начиная с позднего бронзового века.

Рис. 5. Инвентарь с городища Дикая Яма: 1 – рукоять (кость); 2, 6, 8–9, 11 – пряслица (2, 6 – керамика; 8–9, 11 – глина); 3 – оселок (камень); 4 – нож (железо); 5 – проколка(?) (кость); 7 – бисер (стекло с позолотой); 10 – скребок (керамика)

Скребок керамический (рис. 5.-10) размерами 6×3,5 см изготовлен на венчике сосуда саргатской культуры, следы сработанности отмечены на нижней части изделия. В саргатском хозяйстве керамические скребки использовались при выделке шкур и обработке кожи [Чикунова, Скочина, 2009].

Костяная рукоять (рис. 5.-1). Предмет изготовлен из эпифиза-метафиза кости животного, имеет размеры 8×4,0–3,5 см, в нижней части немного сужено. Поверхность из-за плохой сохранности деформирована, следов внешнего воздействия (шлифовки, оплетки, насечек) практически не отмечено, только в одном месте фиксируется гладкая поверхность. Внутренняя поверхность втулки гладкая, зашлифованная.

Фрагмент стержневидного костяного изделия (рис. 5.-5). Изделие обломано с двух сторон, размеры его составляют 9,5 см, в сечении овальной формы, 0,7×1,2 см. Можно предположить, что это фрагмент костяной проколки.

Каменный оселок (рис. 5.-3). Представляет собой прямоугольное изделие размерами 6,8×1,4 см. К верхней части утолщается до 6,5 мм. В нем просверлено отверстие для подвешивания. Нижняя часть более тонкая, имеет две рабочие вогнутые поверхности.

Обломок железного ножа (рис. 5.-4). Представлен лезвием длиной 4,5 см и шириной 2,6 см. В верхней части толщина лезвия составляет до 3 мм, в нижней – тонкое. С одной стороны фиксируется часть уступчика, идущая от лезвия.

Фрагменты металлических изделий прямоугольной формы размерами 3,8×0,4×0,5 см и 6,0×1,4 см, сильно корродированы, что не позволяет определить их функциональное назначение.

Бисер (рис. 5.-7). Мелкая белая бисерина цилиндрической формы с фрагментами золотой фольги внутри и небольшими вкраплениями снаружи. Бисерина размером около 1,5 мм, диаметром около 1 мм была обнаружена в процессе флотации пробы грунта.

Полученные результаты и анализ

Полученные в результате исследования материалы позволяют говорить нам, во-первых, об однослойности городища, во-вторых, установить время его существования: кон. I тыс. до н.э. – нач. I тыс. н.э. Керамика кашинской культуры, найденная в слое, также подтверждает время функционирования городища. Кашинский тип керамики был отнесен В.Д. Викторовой [1968] к рубежу веков. Проба угля из камеры 1 жилища 1, датированная радиоуглеродным методом, уточняет время функционирования постройки III в. до н.э. – I в. н.э. (калиброванное значение).

Ко II веку до н.э. в лесостепи перестают фиксироваться памятники гороховской культуры. В это время на всей территории лесостепного Зауралья устанавливается гегемония саргатского населения [Цембалюк, Берлина, 2016, с. 49]. По мнению Л.Н. Коряковой [1993], к заключительному периоду раннего железного века саргатская культура включила в себя различные инокультурные традиции, что привело к стандартизации и относительной однородности культуры. Материалы городища Дикая Яма подтверждают данный тезис, в домостроительстве и фортификационном зодчестве мы видим синтез саргатских и гороховских традиций. Полагаем, саргатское население усвоило часть архитектурных традиций гороховцев, включив их в свои.

Заключение

Таким образом, раскопки городища Дикая Яма и анализ его материалов позволили реконструировать не только домостроительные и фортификационные традиции саргатского населения, но и проследить инокультурные заимствования.

Наличие на памятнике сложных фортификационных сооружений указывает на функционирование здесь хорошо укрепленной цитадели, где, вероятно, проживала знать и военная верхушка. В пользу этого говорит и наличие тщательно спланированных многокамерных жилищ, построенных в технике заплота, наиболее трудоемкой и требующей хорошего строительного материала. Наличие в слое фрагментов среднеазиатской керамики, бисера с позолотой свидетельствует о материальном достатке жителей городка и вовлеченности его в караванно-торговые пути.

Наличие за пределами укреплений обширного селища свидетельствует, на наш взгляд, о функционирующей ремесленно-скотоводческой округе.

В целом городище расположено недалеко от слияния рек Исеть и Тобол, что позволяло населению контролировать водные пути сообщения. Данная территория изобилует пойменными лугами, пригодными для выпаса скота, обладает высокой экологической емкостью для успешного развития различных отраслей хозяйства. В округе зафиксировано несколько могильников саргатской культуры, при этом огромные, так называемые «царские» курганы расположены на расстоянии 10–20 км выше и ниже по течению. Все это позволяет считать городище важным социально-экономическим и политическим центром рубежа эпох.

Библиографический список

- Археологическая карта Курганской области. Курган : Зауралье, 1993. 344 с.
- Берлина С.В. Строительные приемы носителей саргатской культуры как форма адаптации к сырьевым ресурсам // Экология древних и традиционных обществ : докл. конф. Тюмень : Вектор Бук, 2007. Вып. 3. С. 81–86.
- Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино Ущелье-IV // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. памяти В.А. Могильникова. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. Вып. 9. С. 96–101.
- Берлина С.В., Цембалюк С.И. Городище Дикая Яма эпохи раннего железа в лесостепном Зауралье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 10–13.
- Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // УЗ ПермГУ. 1968. №191. С. 240–256.
- Козеко О.Е., Кузнецова А.Э. Мало-Казакбаевское городище гороховской культуры // Поселения: среда, культура, социум : материалы тематич. науч. конф. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 117–119.
- Ковригин А.А. Павлиново городище: хронология и архитектура // Экология древних и современных обществ. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 121–124.
- Корякова Л.Н. Поселения саргатской культуры // Древние поселения Урала и Западной Сибири : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1984. С. 61–79.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 240 с.
- Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века) : дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1993. 72 с.
- Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
- Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск : Наука, 1994. 152 с.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск : Наука, 2008. 237 с.
- Сальников К.В. Городище Чудаки в Челябинской области по раскопкам 1937 г. // СА. 1947. Вып. 9. С. 221–238.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шарапова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелева, Д.И. Ражев, П. Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. Екатеринбург ; Сургут : Магеллан, 2009. 298 с.
- Третьяков Е.А. Проведение археологической разведки на территории Каргапольского района Курганской области в 2017 г. : отчет о НИР. Тюмень, 2018. 203 с.
- Цембалюк С.И., Берлина С.В. Бочанецкое городище – памятник баитовской культуры в Среднем Притоболье // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий : материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию Курганской археологической экспедиции (8 декабря 2016 г.). Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2016. С. 39–49.
- Чикунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения у саргатов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2002. №4. С. 119–126.
- Чикунова И.Ю., Скочина С.Н. Керамические изделия с поселения Муллашинские Юрты 7 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №10. С. 49–57.

References

- Arheologicheskaja karta Kurganskoj oblasti [Archaeological Map of the Kurgan Region]. Kurgan : Zaural'e, 1993. 344 p.
- Berlina S.V. Stroitel'nye priemy nositelej sargatskoj kul'tury kak forma adaptacii k syr'evym resursam [Construction Techniques of the Carriers of Sargatskaya Culture as a Form of Adaptation to Raw Materials]. Ekologija drevnih i tradicionnyh obshhestv : dokl. Konf [Ecology of Ancient and Traditional Societies: Report of the Conference]. Tjumen' : Vektor Buk, 2007. Issue 3. Pp. 81–86.

Berlina S.V. Gorodishhe gorohovskoj kul'tury Mar'ino ushhel'e IV [The Hillfort of the Gorokhovskaya Culture the Marino Gorge IV]. Voprosy istorii Sibiri : sb. nauch. st. pamjati V.A. Mogil'nikova [Questions of the History of Siberia: Collection of Scientific Articles in Memory of V.A. Mogilnikov]. Omsk : Izd-vo OmGPU, 2014. Issue 9. Pp. 96–101.

Berlina S.V., Cembaljuk S.I. Gorodishhe Dikaja Jama epohi rannego zheleza v lesostepnom Zaural'e [The Dikaya Yama Hillfort of the Early Iron Age in the Forest-Steppe Zauralye]. Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurihe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. II. Pp. 10–13.

Viktorova V.D. Pamjatniki lesnogo Zaural'ja v X–XIII vv. n.e. [The Sites of the Forest Zauralye in the 10th – 13th Centuries AD]. UZ PermGU [UZ Perm State University]. 1968. №191. Pp. 240–256.

Kozeko O.E., Kuznecova A.Je. Malo-Kazakbaevskoe gorodishhe gorohovskoj kul'tury [Malo-Kazakbaevo Hillfort of Gorokhovskaya Culture]. Poselenija: sreda, kul'tura, socium : materialy tematic. nauch. Konfi [Settlements: Environment, Culture, Society: Materials of the Thematic Scientific Conference]. SPb. : SPbGU, 1998. Pp. 117–119.

Kovrigin A.A. Pavlinovo gorodishhe: hronologija i arhitektura [Pavlinsky Hillfort: Chronology and Architecture]. Ekologija drevnih i sovremennyh obshhestv [Ecology of Ancient and Modern Societies]. Tjumen' : Izd-vo IPOS SO RAN, 2003. Issue 2. Pp. 121–124.

Korjakova L.N. Poselenija sargatskoj kul'tury [Settlements of Sargatskaya Culture]. Drevnie poselenija Urala i Zapadnoj Sibiri : sb. nauch. tr. [Ancient Settlements of the Urals and Western Siberia: Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk : UrGU, 1984. Pp. 61–79.

Korjakova L.N. Rannij zheleznyj vek Zaural'ja i Zapadnoj Sibiri (sargatskaja kul'tura) [Early Iron Age of the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatskaya Culture)]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1988. 240 p.

Korjakova L.N. Kul'turno-istoricheskie obshhnosti Urala i Zapadnoj Sibiri (Tobolo-Irtyshskaja provincija na rannej i srednej stadijah zheleznogo veka) : diss. ... d-ra ist. nauk [Cultural-Historical Communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh Province in the Early and Middle Stages of the Iron Age): Diss. ... Dr. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 1993. 72 p.

Matveeva N.P. Sargatskaja kul'tura na Srednem Tobole [Sargatian Culture in the Middle Tobol]. Novosibirsk : Nauka, 1993. 175 p.

Matveeva N.P. Rannij zheleznyj vek Priishim'ja [Early Iron Age of the Priishimye]. Novosibirsk : Nauka, 1994. 152 p.

Matveeva N.P., Berlina S.V., Rafikova T.N. Kolovskoe gorodishhe [Kolovskoye Hillfort]. Novosibirsk : Nauka, 2008. 237 p.

Sal'nikov K.V. Gorodishhe Chudaki v Cheljabinskoj oblasti po raskopkam 1937 g. [The Chudaki Hillfort in the Chelyabinsk Region by the Excavations in 1937]. SA [Soviet Archaeology]. 1947. Issue 9. Pp. 221–238.

Sreda, kul'tura i obshhestvo lesostepnogo Zaural'ja vo vtoroj polovine I tys. do n.e. (po materialam Pavlinovskogo arheologicheskogo kompleksa) [The Environment, Culture and Society of the Forest-Steppe Zauralye in the Second Half of the 1st Millennium BC (Based on the Materials of the Pavlinovsky Archaeological Complex)] / L.N. Korjakova, M.I. Djejr, A.A. Kovrigin, S.V. Sharapova, N.A. Berseneva, S.E. Panteleeva, D.I. Razhev, P. Kurto, B. Hjenks, E.G. Efimova, A.A. Kazdym, O.V. Mikrjukova, O.A. Saharova. Ekaterinburg : Surgut : Magellan, 2009. 298 p.

Tret'jakov E.A. Provedenie arheologicheskoy razvedki na territorii Kargapol'skogo rajona Kurganskoj oblasti v 2017 g. : Otchet o NIR [The Conduct of the Archaeological Exploration in the Kargapolsky District of the Kurgan Region in 2017: a Report on the Research]. Tjumen', 2018. 23 p.

Cembaljuk S.I., Berlina S.V. Bochanetskoe gorodishhe – pamjatnik baitovskoj kul'tury v Srednem Pritobol'e [Bochanetskoe Hillfort – a Site of Baitovskaya Culture in the Pribotol]. Arheologija Srednego Pritobol'ja i sopredel'nyh territorij : materialy mezhregional'nogo kruglogo stola, posvjashhennogo 50-letiju Kurganskoj arheologicheskoy jekspedicii (8 dekabrja 2016 g.) [Archaeology of the Middle Pritobolye and Adjacent Territories: Materials of the Interregional Round Table Devoted to the 50th Anniversary of the Kurgan Archaeological Expedition (December 8, 2016)]. Kurgan : Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2016. Pp. 39–49.

Chikunova I.Ju. Prjaslica Rafajlovskogo selishha kak istochnik po izucheniju prjadenija u sargatcev [Pryaslitsa of the Rafailovskoe Hillfort as a Source for the Study of Spinning from the Sargatians]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2002. №4. Pp. 119–126.

Chikunova I.Ju., Skochina S.N. Keramicheskie izdelija s poselenija Mullashinskie Jurty 7 [Ceramic Products from the Mullashinsky Yurt 7 Settlement]. Vestnik arheologii, antropologii i etnografii [Vestnik of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2009. №10. Pp. 49–57.

S.V. Berlina¹, S.I. Tsembalyuk¹, I.K. Novikov²

¹Federal State Institution Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Centre SB RAS), Tyumen, Russia;

²Kurgan State University, Kurgan, Russia

THE DIKAYA YAMA HILLFORT ON THE MIDDLE TOBOL

The article presents the results of the research of the ancient hillfort of Dikaya Yama, located in the Middle Tobol River Basin. As it was found out, the dwellings and the fortifications are located according to an accurate plan, which allows us to assume that the hillfort had been preliminary designed. Probably, the hillfort had been abandoned intentionally, since no traces of battle, fire, left things, etc. were found. Quantitative and qualitative characteristics of the finds and their location also demonstrate that the hillfort zone was abandoned deliberately. During excavations at the second site of the hillfort, a dwelling with residential and household chambers, connected by a long corridor, was explored. The discovered traces of iron processing, weaving, bone carving, ceramic production allow us to reconstruct the crafts of the settlers. Fragments of imported Central Asian ceramics, beads with a gold facing from within are indicative of a high social status of certain residents. The site is characterized by syncretic materials of the Sargatskaya and Gorokhovskaya cultures of the Early Iron Age, which reflect a synthesis of their house-building and fortification traditions. The hillfort dates back to the 3rd century BC – 1st century AD.

Key words: the Middle Tobol, early Iron age, Sargatskaya, Gorokhovskaya archaeological cultures, fortifications, two-part dwelling.

МОГИЛЬНИК КРАСНЫЙ КАМЕНЬ – ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕЙ БРОНЗЫ*

Данная работа вводит в научный оборот материалы, полученные при изучении кургана №1 могильника Красный Камень, относящегося к редчайшей категории монументальных погребально-ритуальных комплексов периода ранней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Единственным полноценным аналогом этого памятника является курган Туим-Кольцо, исследованный Л.Р. Кызласовым. Комплекс Красный Камень (курган №1) состоял из погребальной ограды, оформленной дополнительными диагональными кладками, и содержал 12 могил. К востоку от ограды находилась ритуально-поминальная площадка. Обе были окольцованы кольцом диаметром около 60 м из отдельно стоящих каменных менгиров с центром в месте пересечения диагоналей. В ходе раскопок, помимо традиционного сопроводительного инвентаря, обнаружен целый ряд уникальных предметов: костяной гребень с антропоморфным ликом и комплект каменных орудий, включающий терочник с изображением головы животного. Материалы кургана №1 могильника Красный Камень позволяют выделить и охарактеризовать отдельный хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение на стыке уйбатского и черновского этапов. На основании результатов радиоуглеродного датирования его можно отнести к XXIII–XXII вв. до н.э.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, Красный Камень, погребально-ритуальный комплекс, период ранней бронзы, окуневская культура.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-02

Введение

Могильник Красный Камень находится в Боградском районе Республики Хакасия, в 2 км к северу от одноименного села. Памятник расположен на надпойменной террасе левого берега реки Кокса, в 500 м от ее русла. Нижняя часть террасы, прилегающая к реке, рассечена современными оросительными каналами и используется под пашню. Верхняя ее часть, где расположен могильник, распахивать не подвергалась, но была значительно повреждена при строительстве объездной шоссейной дороги. Курганы устроены на пологом склоне горы, на удалении 50–100 метров от автодороги «Енисей» (361 км участка Красноярск – Абакан). Памятник состоит из двух оград окуневской культуры периода ранней бронзы. На момент раскопок курганы хорошо сохранились и выглядели как небольшие всхолмления на поверхности степи высотой до 1 м и диаметром 15–20 м. У кургана №2 отчетливо видны вертикальные камни, установленные в углах ограды, и отдельная стела (стела 4), расположенная к востоку от нее. Последняя, вероятно, маркирует дополнительное сооружение, аналогичное ритуальной площадке, исследованной в кургане №1. На площади могильника визуально фиксировались еще две вертикальных плиты (стелы 1 и 3), оказавшиеся впоследствии частью кольца менгиров, принадлежащего кургану №1 (рис. 1, 2). Раскопки этого комплекса производились в 2010–2011 гг. Первоначально было исследовано погребальное сооружение, затем ритуальная площадка и часть кольца менгиров. Основная

* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: №0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тысячелетие до н.э. – I тысячелетие до н.э.)».

цель данной статьи состоит в том, чтобы в полном объеме ввести в научный оборот полученные уникальные материалы окуневской культуры и определить их место в кругу известных памятников периода ранней бронзы.

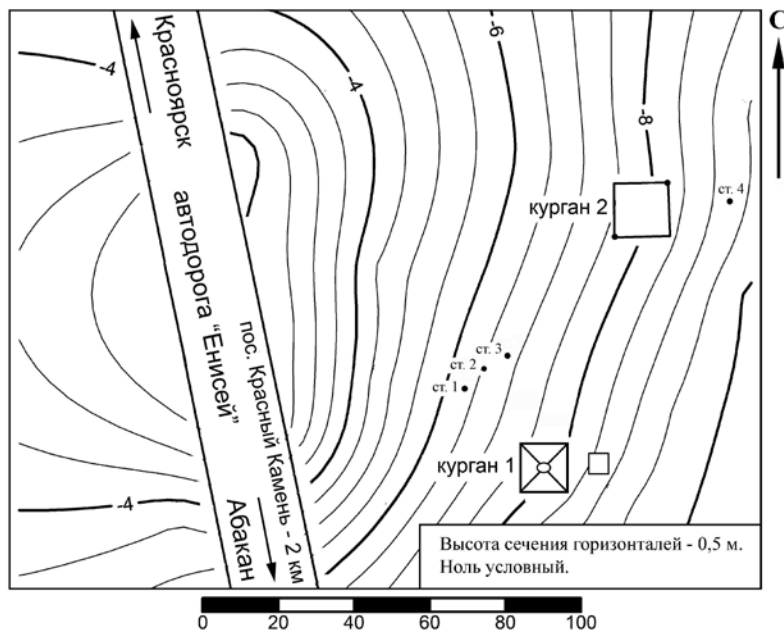

Рис. 1. План могильника Красный Камень

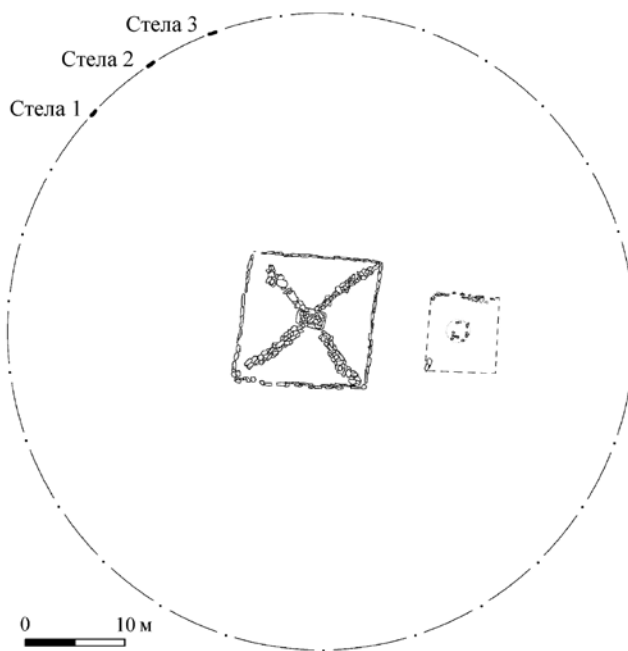

Рис. 2. Схема погребально-ритуального комплекса Красный Камень (курган №1)

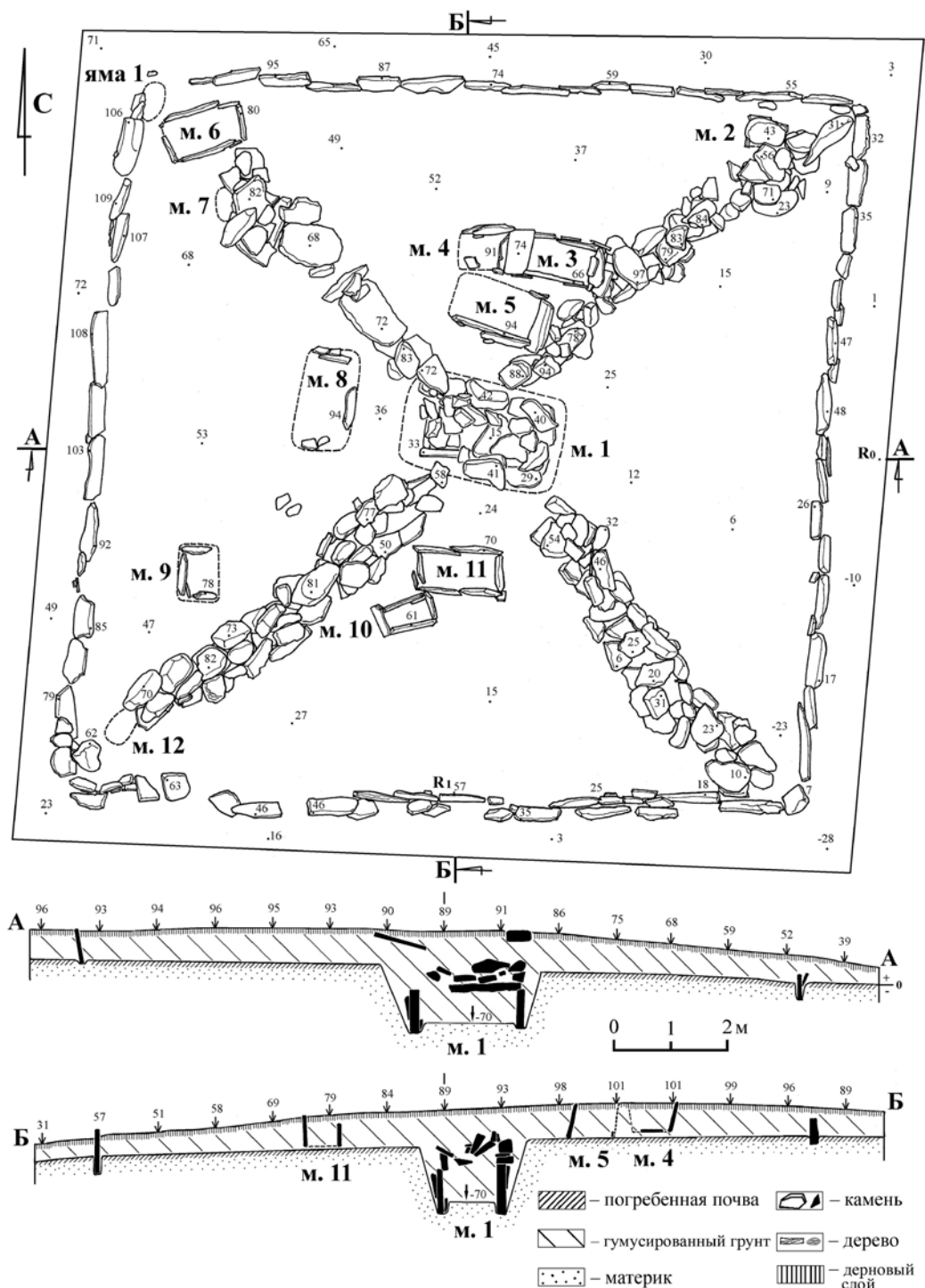
Описание исследованного комплекса

Курган №1. Представлял собой ограду размерами 12,5×12,5 м, ориентированную сторонами по линиям З–В и Ю–С с небольшим отклонением (рис. 3). Стенки ограды составлены из плит песчаника, установленных на ребро. Они были углублены в материк на 0,1–0,2 м и расклинены камнями меньшего размера. Высота сохранившихся плит ограды достигала 0,3–0,45 м от уровня погребенной почвы. Особенностью данного кургана является наличие диагональных каменных кладок, соединявших углы ограды с центральной могилой. Они были сложены на уровне погребенной почвы из 3–4 слоев плоских каменных глыб. В центре кургана высота кладки достигала 0,7 м, ближе к углам ограды она уменьшалась до 0,3–0,4 м. Ширина линий варьировала от 1 до 1,5 м. В центре кладка была уложена поверх земляного надмогильного сооружения основного захоронения. Судя по отсутствию развалов камней, строительство диагональных каменных кладок непосредственно предшествовало возведению курганной насыпи, которая к моменту раскопок сохранила высоту 0,7–0,8 м.

Общая последовательность формирования кургана определяется следующим образом. Первоначально была сооружена квадратная ограда, в центре которой было устроено основное захоронение (могила 1). Над каменным перекрытием этого погребения было возведено куполообразное земляное надмогильное сооружение. Затем были выложены диагональные каменные кладки и сделана курганная насыпь. Все последующие погребения (могилы 2–12) впущены в уже сформированное тело кургана. При устройстве могил 6 и 12 диагональные каменные кладки были частично разобраны.

При разборке верхнего слоя насыпи кургана были обнаружены фрагменты двух керамических сосудов (рис. 7.-1, 2), каменная «лунница» (рис. 7.-3) и предмет уплощенно-сферической формы с отверстием, выточенный из белого крупнозернистого песчаника (рис. 7.-4). Эти артефакты, по-видимому, были извлечены из могил при позднейших проникновениях. Кроме того, в северо-западном углу ограды был обнаружен клад каменных орудий из семи предметов, который будет подробно описан далее по тексту.

Могила 1. В центре ограды располагалась подпрямоугольная грунтовая яма размерами 2,8×1,8 и глубиной 1,1 м, ориентированная осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 5.-1, 2). В ее нижней части был установлен каменный ящик из плит песчаника размерами 2,1×1,2 и высотой 0,6 м. Свободное пространство между ящиком и стенками ямы было заполнено мелкими камнями и сыпным грунтом. Перекрытие, состоящее из плит песчаника и нескольких слоев плоских каменных глыб, опиралось на верхние края ящика, достигая уровня древней дневной поверхности. Над погребением, по-видимому, было дополнительно возведено куполообразное земляное надмогильное сооружение. Захоронение ограблено, каменное перекрытие в западной части могилы разрушено. На дне ящика сохранился почти полный скелет женщины в возрасте 20–25 лет, ориентированной головой на запад–северо-запад. Погребенная лежала на спине с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх. У правой тазовой кости женщины стоял керамический сосуд баночной формы, орнаментированный ногтевидными отпечатками (рис. 7.-5). В пространстве между сосудом и правым локтевым суставом погребенной были беспорядочно разбросаны 24 просверленных зуба марала. Еще 13 таких же зубов найдено в заполнении могилы (рис. 7.-7). У середины южной стенки ящика в вертикальном положении, лицевой частью наружу располагался костяной гребень с антропоморфным

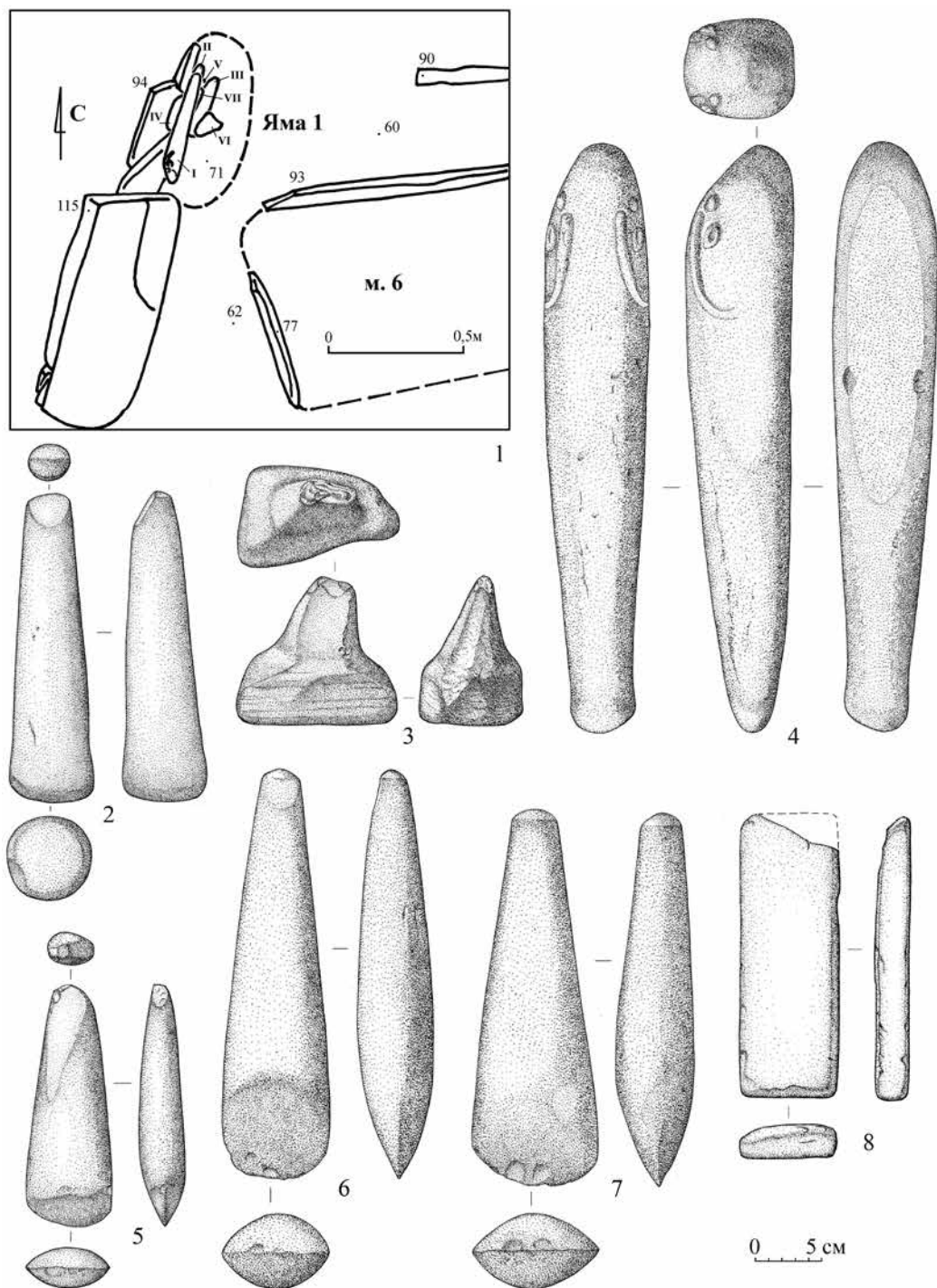

Рис. 4. Красный Камень. Курган №1. Клад каменных изделий, найденный на площади ограды: 1 – местоположение клада; 2–8 – каменные изделия из состава клада

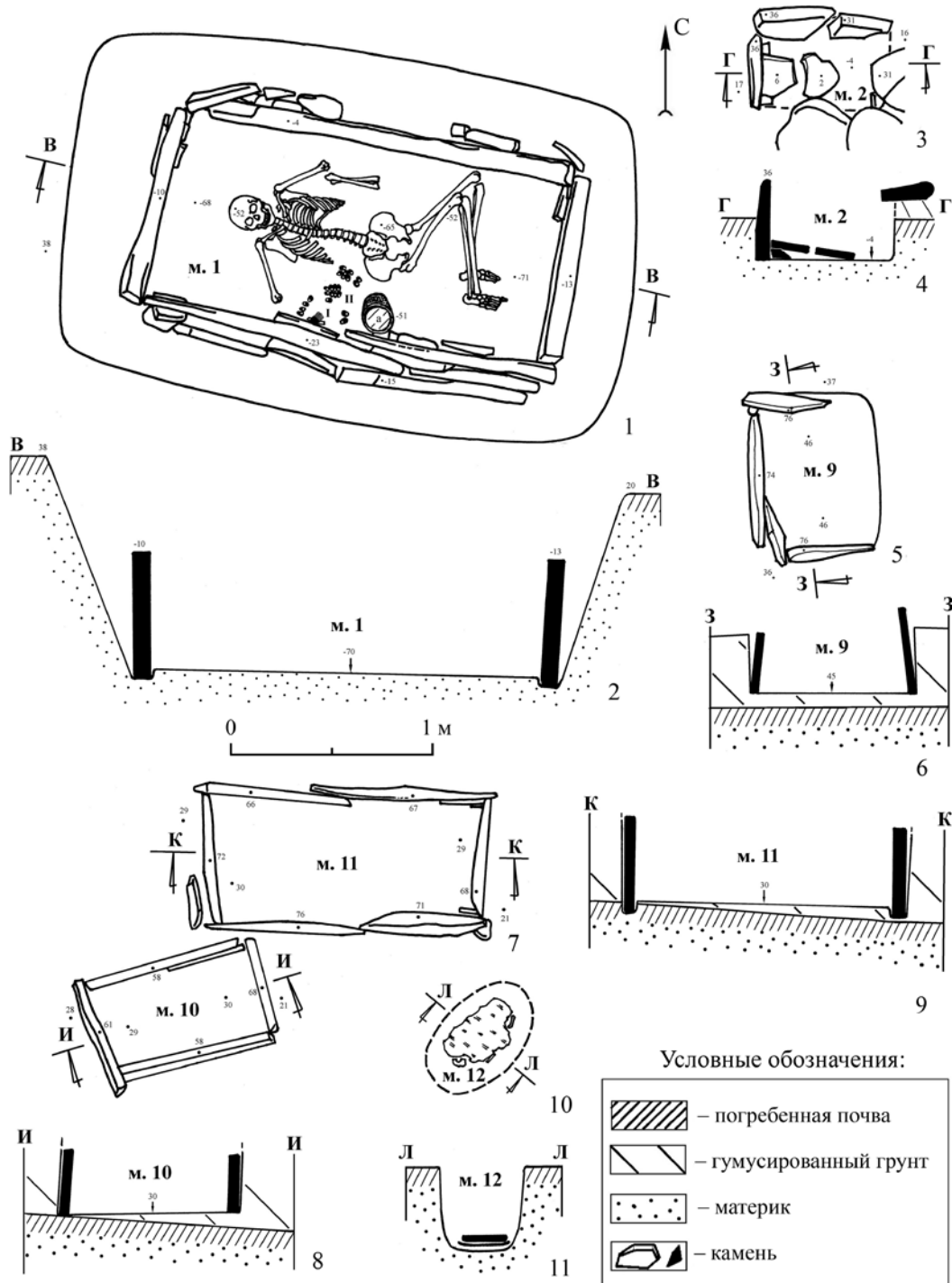

Рис. 5. Планы и разрезы могил 1, 2, 9–12 кургана №1 могильника Красный Камень

изображением (рис. 7.-10; 8). Его верхняя часть оформлена в виде контура женской головы с сердцевидной личиной, выполненной в технике низкого рельефа. Зубчики на боковых гранях в сочетании со сквозными прорезями подчеркивают силуэт и имитируют заплетенные косы. В заполнении могилы обнаружено 35 мелких цилиндрических каменных бусинок (рис. 7.-9), довольно крупная костяная бусина (рис. 7.-6) и плоская каменная бусинка с симметричными насечками по краю (рис. 7.-8).

Могила 2. В северо-восточном углу кургана вплотную к диагональной кладке пристроен каменный ящик размерами 0,7×0,45 и высотой 0,4 м, ориентированный длинной осью по линии 3–В (рис. 5.-3, 4). Дно могилы углублено в материк на 0,15 м. Южная и восточная стенки ямы, примыкающие к диагональной кладке, были грунтовыми. Перекрытие состояло из одной большой плиты. Дно могилы в ее западной части было выстлано плитками песчаника и имело уклон к востоку. Костей ребенка не сохранилось, вещей нет.

Могила 3. Расположена в северном секторе кургана между центральной могилой 1 и стеной ограды. Каменный ящик размерами 1,5×0,7 и высотой 0,4 м, ориентированный длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 6.-1–3). Восточная стенка примыкает вплотную к диагональной кладке. Ящик был перекрыт несколькими плитами песчаника, одна из которых сохранилась в западной части могилы. Дно могилы имеет выраженный уклон к востоку и прорезает материк на глубину до 0,2 м. Плиты самого ящика установлены в канавках, углубленных в материковое дно ямы на 0,1–0,15 м. Захоронение ограблено. Причем произошло это в момент, когда связки еще не распались. В восточной части могилы в беспорядочной куче обнаружены крестец, кости рук, нога и несколько ребер женщины 35–40 лет, частично сохранившие сочленение. Здесь же под плитой песчаника найдено несколько крупных фрагментов баночного сосуда (рис. 7.-11). В заполнении ямы обнаружены недостающие кости скелета женщины (череп отсутствовал) и несколько обломков бронзового предмета неясного назначения (рис. 7.-12).

Могила 4. Каменный ящик размерами 0,8×0,6 и высотой 0,4 м (рис. 6.-1, 2). Ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Восточная стенка примыкает к западной торцевой плите могилы 3. Западная и частично южная стенки ящика разрушены. Дно могилы расположено выше уровня погребенной почвы на 0,05–0,1 м и выстлано несколькими тонкими плитками песчаника. Кости погребенного не сохранились. В заполнении могилы найдены два фрагмента сосуда, украшенного оттисками зубчатого штампа, прямыми и волнистыми налепными валиками (рис. 7.-13, 14).

Могила 5. Расположена в промежутке между центральной могилой 1 и могилами 3, 4. Каменный ящик размерами 1,6×0,8 и высотой 0,55 м, ориентирован длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ (рис. 6.-1, 3). Северная и западная стенки ящика почти полностью разрушены. Дно могилы располагалось на уровне погребенной почвы. Захоронение ограблено. На месте, в восточной части ямы, сохранилась только пяточная кость мужчины 35–45 лет. Судя по ней, погребенный лежал головой на запад–северо-запад. Остальные кости скелета выброшены грабителями. В заполнении могилы найдены пять зубов соболя со следами окраски охрой (рис. 7.-15).

Могила 6. Расположена в северо-западном углу ограды. При ее строительстве частично разобрана диагональная выкладка. Каменный ящик размерами 1,3×0,8 и высотой 0,5 м ориентирован длинной осью по линии ЗЮЗ–ВСВ и углублен в материк на 0,3 м (рис. 6.-4, 5). На дне могилы сохранилась часть позвоночника и стопы жен-

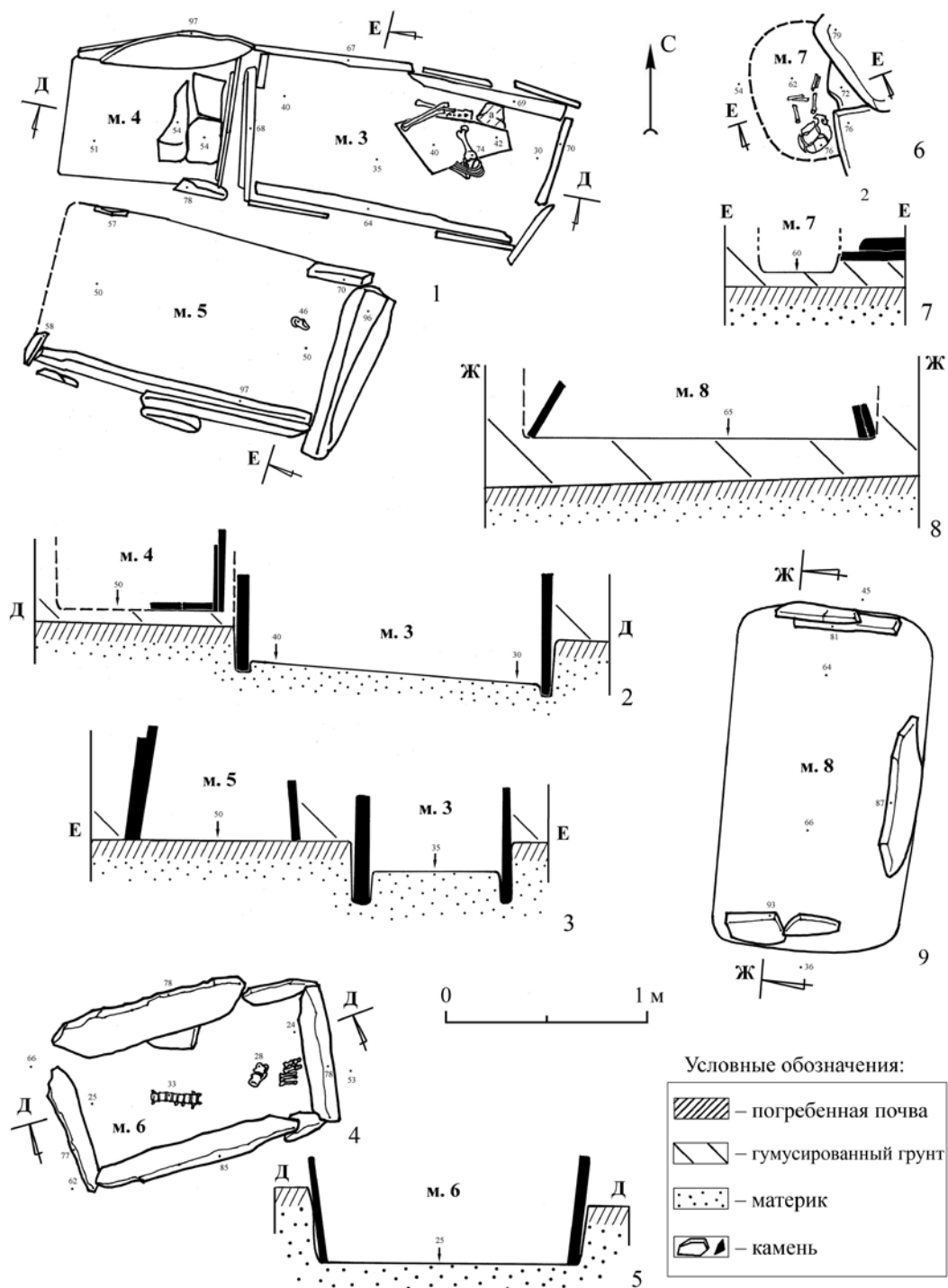

Рис. 6. Планы и разрезы могил 3–8 кургана №1 могильника Красный Камень

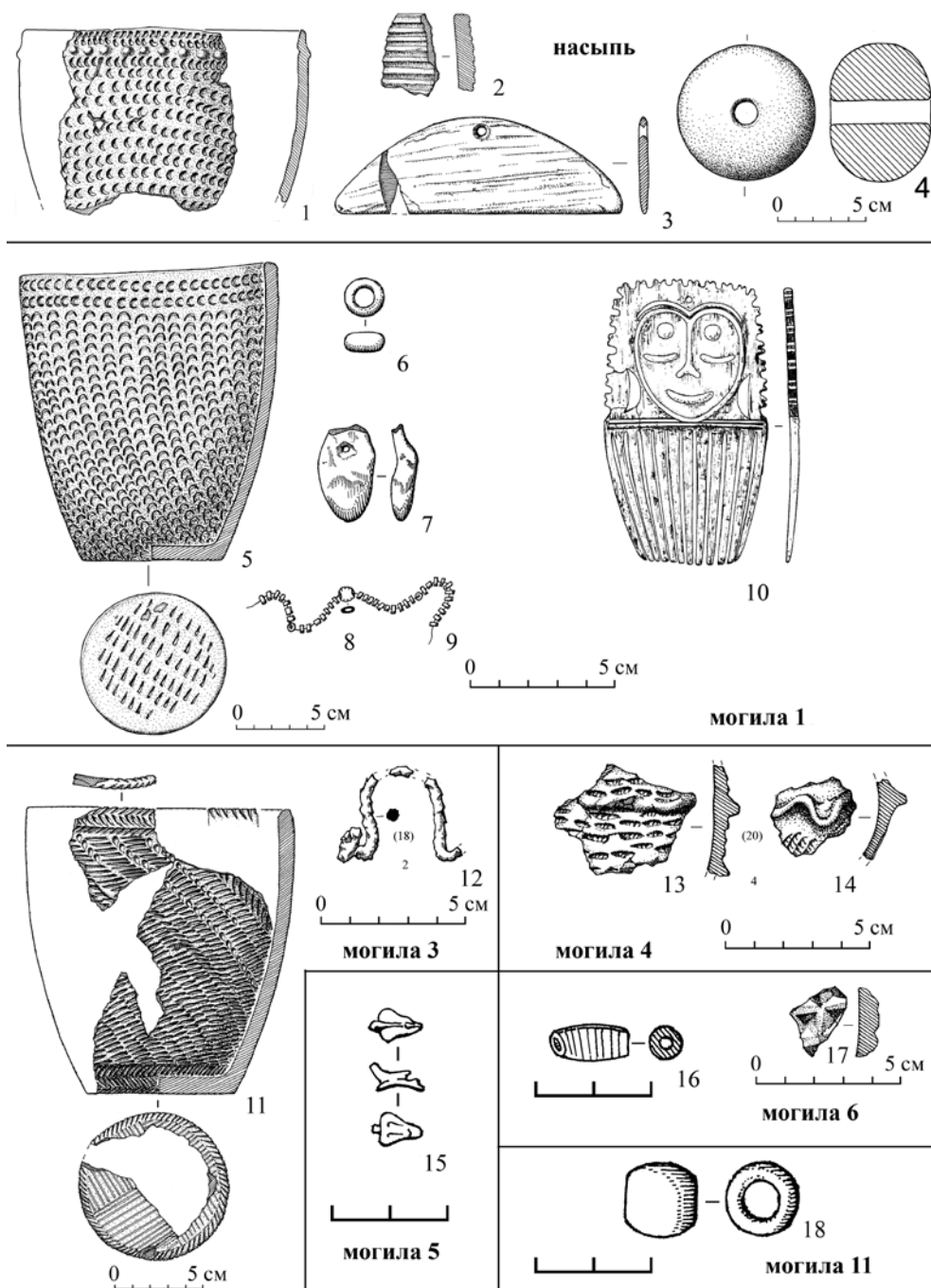

Рис. 7. Сопроводительный инвентарь, обнаруженный при исследовании кургана №1 могильника Красный Камень: 1–4 – насыпь, 5–10 – могила 1, 11–12 – могила 3, 13–14 – могила 4, 15 – могила 5, 16–17 – могила 6, 18 – могила 11; 1, 2, 5, 11, 13, 14, 17 – керамика, 3, 4, 8, 9, 16 – камень, 6, 7, 10, 15, 18 – кость/зуб животного, 12 – металл

Рис. 8. Костяной гребень из могилы 1 кургана №1 могильника Красный Камень (фотоснимок)

щины 40–55 лет, лежавшей на спине с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. Погребенная была ориентирована головой на запад–юго-запад. В области ее таза обнаружена полупрозрачная каменная бусина зеленоватого цвета, украшенная поперечными бороздками (рис. 7.-16). В заполнении могилы обнаружены кости этой же женщины (череп отсутствовал), несколько косточек новорожденного ребенка и фрагмент керамического сосуда (рис. 7.-17).

Могила 7. Расположена рядом с могилой 6, вплотную к диагональной каменной кладке (рис. 6.-6, 7). Форму грунтовой ямы достоверно определить невозможно. Ее дно находилось на 0,1 м выше уровня погребенной почвы. От ребенка в возрасте 2–3 лет сохранились череп и кости рук. Судя по ним, погребенный лежал на правом боку, головой на юг. Вещей нет.

Могила 8. Расположена в западной части кургана рядом с могилой 1. Каменный ящик размерами 1,7×0,9 и высотой 0,3 м почти полностью разрушен (рис. 6.-8, 9). Сохранились отдельные плиты на северной, восточной и южной стенках. Могила была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Ее дно находилось на 0,3 м выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенных и вещей не обнаружено.

Могила 9. Расположена в юго-западной части кургана. Каменный ящик размерами 0,8×0,6 и высотой 0,4 м сохранился частично (рис. 5.-5, 6). Могила была ориентирована длинной осью по линии Ю–С. Ее дно находилось на 0,1 м выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенного человека и вещей не обнаружено.

Могила 10. Расположена в южном секторе кургана между центральной могилой 1 и стенкой ограды. Каменный ящик размерами 0,9×0,5 и высотой 0,3 м, ориентирован длинной осью по линии ЗЮЗ–ВЗВ (рис. 5.-7, 8). Дно могилы располагалось выше уровня погребенной почвы. Захоронение полностью разграблено. Костей погребенного человека и вещей не обнаружено.

Могила 11. Расположена между могилой 10 и центральной могилой 1. Каменный ящик размерами 1,3×0,7 и высотой 0,4 м, ориентирован длинной осью по линии З–В (рис. 5.-7, 9). Дно могилы располагалось выше уровня погребенной почвы. Захоронение разграблено, кости погребенного отсутствуют. В заполнении ямы найдена костяная бусина (рис. 7.-18).

Могила 12. Расположена в юго-западном углу ограды. При ее строительстве частично разобрана диагональная каменная выкладка. Грунтовая яма размерами 0,6×0,4 м углублена в материк на 0,3 м (рис. 5.-10, 11). Ориентирована длинной осью

по линии ЮЗ–СВ. На дне могилы сохранились фрагменты бересты и разрозненные косточки младенца. Судя по расположению фрагментов черепа, погребенный был уложен головой на юго-запад. Вероятно, это было захоронение новорожденного ребенка в берестяной колыбели. Вещей нет.

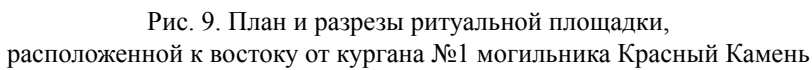
Поскольку на площади могильника Красный Камень были обнаружены отдельные выступавшие на поверхность вертикальные плитки и несколько каменных стел, назначение которых оставалось невыясненным, в 2011 г. было решено провести исследование межкурганного пространства памятника. В ходе этих работ к востоку от кургана №1 удалось раскопать дополнительную культовую оградку, а также выявить и обследовать кольцо менгиров, окружавших весь этот погребально-ритуальный комплекс (рис. 2).

Ритуальная площадка. При раскопках кургана №1 к востоку от него были расчищены остатки прямоугольной ограды из вкопанных на ребро плит песчаника (рис. 9). Ее юго-восточная часть полностью уничтожена бульдозером при строительстве оросительной системы. Сохранились только часть северной и три плиты западной стенки ограды. Судя по ним, это была прямоугольная конструкция с размерами сторон не менее 7–7,5 м, ориентированная стенками по сторонам света. Она располагалась точно в створ центральному погребению кургана №1 и была удалена от восточной стенки его ограды на 5 м к востоку. Следов какой-либо курганной насыпи внутри оградки не обнаружено. Особенности грунта и наличие в нем многочисленных морозобойных трещин не позволили выявить следы канавок от вкопанных плит. Ограда ритуальной площадки была сооружена из плит песчаника, установленных на ребро и расклиненных с внешней стороны камнями (рис. 9). Многие плиты расслоились, их верхние части обломаны. Судя по сохранившимся камням, первоначальная высота ограды не превышала 0,4 м. В центральной части конструкции расчищено скопление плиток песчаника среднего размера. Некоторые из них имели уклон к центру скопления. По-видимому, здесь находилось небольшое углубление диаметром около 2 м. Поскольку оно было выбрано в дерновом слое, точно определить его размер и глубину невозможно. Внутри оградки не обнаружено органики, угольков или явных следов прокала. Отсутствуют артефакты, позволяющие уточнить назначение и хронологическую принадлежность сооружения. Тем не менее само его расположение к востоку от окуевского кургана, точное совпадение ориентировок погребальной и поминальной оград позволяют считать их единым комплексом, датирующимся периодом ранней бронзы.

Помимо погребальной и ритуальной оград данный комплекс включал в свой состав еще и кольцо из отдельно стоящих менгиров.

Стела 1. При обследовании площади могильника была обнаружена верхняя торцевая грань крупной плиты песчаника, обломанной на уровне современной дневной поверхности (рис. 2). Ширина плиты составляла 0,8 м, толщина – 0,2 м. Стела была установлена в грунтовой яме и дополнительно расклинена с внешней стороны мелкими плитками песчаника (рис. 10.-1). Точные размеры ямы установить не удалось, так как она была заполнена материковым грунтом, вынутым при ее прокопке. Своей широкой лицевой плоскостью стела была развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м. Определить ее изначальную высоту невозможно, корневая же часть была заглублена на 0,55 м.

Стела 2. При контрольной прокопке пространства между стелами 1 и 3 было обнаружено несколько плиток песчаника, уходящих вглубь материкового слоя (рис. 2).

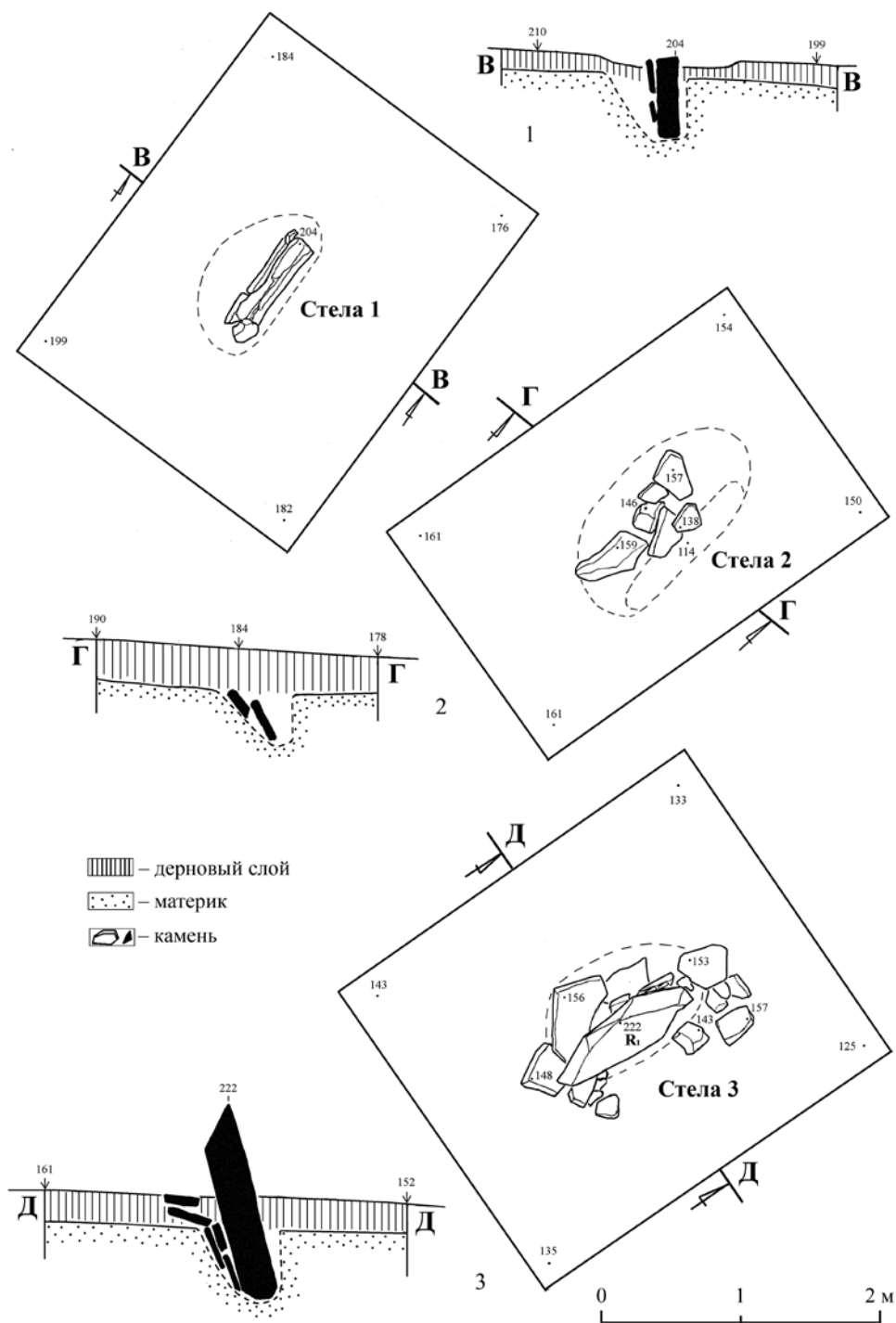

Рис. 10. Планы и разрезы мест установки каменных стел, окружавших погребально-ритуальный комплекс Красный Камень, курган №1

В этом месте была расчищена грунтовая яма для установки каменной плиты размерами 1,4×0,8 и общей глубиной 0,7 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 10.-2). В ее донной части выделяется узкое углубление для основания каменной стелы шириной около 1 м и толщиной 0,15–0,2 м. Судя по нему, стела была своей широкой лицевой плоскостью развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м.

Стела 3. Массивная каменная плита шириной 1,1 м и толщиной 0,25 м выступала над современной поверхностью степи на 0,7 м (рис. 2). Стела была установлена в грунтовой яме и дополнительно расклинена с внешней и частично внутренней стороны мелкими плитками песчаника (рис. 10.-3). Точные размеры ямы установить не удалось, так как она была заполнена материковым грунтом, вынутым при ее прокопке. Широкой лицевой плоскостью стела была развернута в сторону центрального захоронения кургана №1 и находилась от него на удалении 30 м. Общая высота плиты составляла 1,4 м.

Примечательно, что все три стелы очень точно укладываются в кольцо диаметром 60 м, центром которого является основное погребение кургана №1 (рис. 2). И развернуты своей лицевой частью (плоскостью) они именно в сторону этого захоронения. К сожалению, другие участки площади могильника, где проходило это кольцо, были сnivelированы бульдозером в ходе строительства оросительной системы и прокладки объездной шоссейной дороги. Определить точно, был это замкнутый круг или просто дуга из отдельно стоящих менгиров, сегодня уже невозможно. Если учесть, что диаметр кольца составляет 60 м, а расстояния между отдельными вертикальными стелами варьирует от 7 до 7,5 м, то в него могло входить 25–27 менгиров.

Устройство погребально-ритуального комплекса, конструкция кургана, расположение могил и последовательность их сооружения

Ближайшей аналогией комплексу кургана №1 могильника Красный Камень является памятник Туим-Кольцо, где круг из отдельно стоящих менгиров имел диаметр 82 м. Помимо кольца из стел, ограды с диагональными кладками и вертикальными камнями в углах, там зафиксирован «вход» с восточной стороны, обозначенный шестью гранитными менгирами [Кызласов, 1987]. Сейчас уже ясно, что это была ритуально-поминальная площадка, подобная культовым оградкам, обнаруженным при раскопках некоторых окуневских курганов [Поляков, 2010; 2014a]. Их общей особенностью является прямоугольная форма, расположение к востоку или северо-востоку от курганов и размещение строго по оси их основного погребения. В центре таких культовых оградок обычно находится неглубокий (0,2–0,3 м) каменный ящик или грунтовая яма со следами кострища, а в заполнении присутствуют фрагменты керамики, колотые и пережженные кости животных. С учетом данной поправки совпадение конструктивных элементов погребально-ритуальных комплексов могильников Туим-Кольцо и Красный Камень оказывается фактически полным.

Курганы с диагональными кладками известны нам и по другим окуневским могильникам (Карасук-II, Карасук-VIII, Уйбат-Батень, Итколь-I, Итколь-II). Колец из менгиров вокруг них не отмечено. Однако следует учитывать, что раскопки перечисленных памятников велись только в пределах самих оград и их ближайшей периферии. К тому же каменные стелы могли быть изъяты при устройстве позднейших курганов. Обнаружить ямы для их установки, не зная диаметра колец, практически невозможно.

В единственном случае, когда раскопки ограды с диагональными кладками велись относительно широкой площадью (Итколь-II, курган №13), сразу же были найдены остатки ритуальной площадки за восточной стенкой кургана и ямы для выборки материкового грунта с трех других сторон погребальной ограды [Поляков, 2014б]. Целенаправленного поиска следов кольца менгиров здесь также не производилось. Соответственно вопрос об обязательном присутствии у курганов с диагональными кладками кольца из менгиров и культовых площадок пока остается открытым.

Еще одной важной особенностью оград с диагональными кладками является момент возведения курганной насыпи. Рядовые окуневские курганы представляют собой ограды-кладбища, функционировавшие на протяжении длительного времени. Захоронения в них совершались последовательно, каждое имело собственное надмогильное сооружение. Погребения устраивались с уровня погребенной почвы либо впускались в развалы уже существующих надмогильных сооружений. Создание общей курганной насыпи над оградой-кладбищем, как правило, означало окончание его функционирования. Трудозатраты, вложенные в строительство такого кургана, были значительными, но они распределялись на несколько равноценных или близких по своему статусу погребений. У оград с диагональными кладками курганная насыпь возводилась сразу же после устройства центральной могилы. Соответственно трудозатраты на строительство такого комплекса были целиком адресованы только основному погребению. Все последующие захоронения, если таковые имелись, впускались в уже сформированное тело кургана, не меняя его архитектурного облика. Следовательно, центральное погребение в оградах с диагональными кладками имело повышенный социальный статус и предназначалось для захоронения особой категории лиц [Лазаретов, 2012].

В связи с этим уместно вспомнить реконструкцию семантики курганов эпохи бронзы и раннего железного века, в частности комплекса Туим-Кольцо, предложенную И.Л. Кызласовым. В его понимании данное монументальное сооружение можно интерпретировать как образ земного мира, ограниченного горными хребтами со священными вершинами по углам и в центре, вписанный в кольцо из менгиров, символизирующих охватывающий Землю небесный круг [Кызласов, 1989, с. 207–209]. Тогда центром этой своеобразной модели Вселенной оказываются захоронения молодых женщин. Именно женщины репродуктивного возраста были погребены в основных могилах курганов Карасук-II, Туим-Кольцо и Красный Камень. В центральном погребении кургана Карасук-VIII, по публикации, были обнаружены кости взрослого мужчины, мужчины 40–60 лет и двух детей [Комарова, 1981, с. 86]. Однако проведенные антропологом К.Н. Солодовниковым измерения единственного черепа из этого захоронения показали, что он, возможно, принадлежал женщине возмужалого возраста*. Данная могила представляла собой классическую грунтовую яму с заплечиками, нижняя часть которой была предназначена для одиночного захоронения. Не исключено, что там и была погребена женщина. Остальные покойники могли располагаться в верхнем ярусе могилы, на перекрытии первичного захоронения. Половую принадлежность погребенных в основных могилах курганов с диагональными кладками из могильников Уйбат-Батень, Итколь-I и Итколь-II установить не удалось. Примечательно, что центральные захоронения в обычных окуневских оградах содержат индивидуальные мужские, парные или коллективные погребения. В курганах же с диагональными клад-

* Пользуясь случаем, благодарим К.Н. Солодовникова за предоставленные данные.

ками на сегодняшний день определено три или четыре индивидуальных женских погребения и ни одного достоверного мужского. Если конструкция таких курганов могла восприниматься древним населением как модель Вселенной, то центральные женские захоронения в них, возможно, отражали воплощение идеи сохранения и постоянного возрождения существующего миропорядка [Лазаретов, 2012].

Схема размещения могил внутри ограды кургана №1 могильника Красный Камень является типичной для окуневской культуры [Поляков, 2017б]. В центре располагается основное погребение (могила 1) с мощным каменно-земляным надмогильным сооружением, образующим высотную и пространственную доминанту. Последующие захоронения впущены в насыпь кургана и образуют две цепочки могил, северную и южную, огибающие по периметру центральную надмогильную конструкцию. Погребения 2–7, несомненно, относятся к северной цепочке могил. Она проходит вдоль северной стенки ограды и плавно поворачивает на юг, прижимаясь к ее западной стене. Погребенные в них люди ориентированы соответствующим образом: запад – юго-запад – юг. Могилы 11 и 8 принадлежат южной цепочке. Последнее захоронение развернуто осью на север и вплотную прижато с западной стороны к центральному надмогильному сооружению. Погребенные в них люди должны были быть ориентированы головами на запад и север соответственно. Захоронения 9 и 10 полностью разграблены, ориентировка покойников не устанавливается. Они могли продолжать как северную цепочку, так и южную. В первом случае покойники имели бы разворот на юг и восток, во втором – на запад и север.

Конструкции погребений. В кургане №1 могильника Красный Камень представлено три типа окуневских захоронений: обширная грунтовая яма, нижняя часть которой оформлена в виде ящика, обычные каменные ящики и узкие грунтовые ямы. Два последних типа бытовали в широком хронологическом диапазоне, но в большей степени они характерны для комплексов черновского этапа. Ряд дополнительных деталей также указывают на их относительно поздний возраст. Это выраженный уклон дна могилы в сторону ног погребенного (могила 3) и вымостка его плитами песчаника (могилы 2 и 4).

Обширные ямы с оформлением нижней части в виде ящика являются развитием ранних окуневских конструкций – грунтовых ям с заплечиками. Они характерны для комплексов середины и финала уйбатского этапа (Мохов-VI, Уйбат-V, курган №1, Тас-Хазаа). Наиболее полные аналогии сочетанию центрального захоронения в грунтовой яме с оформлением нижней части в виде ящика и стандартных каменных ящиков, расположенных вокруг него, можно обнаружить в кургане №3 могильника Лебяжье и кургане №26 могильника Итколь-II [Максименков, 1981; Поляков, 2010]. Основные погребения этих комплексов, по-видимому, относятся к финалу уйбатского этапа. Впускные каменные ящики могут датироваться как финалом уйбатского, так и началом черновского этапа окуневской культуры.

Погребальный обряд. Как уже отмечалось выше, схема размещения захоронений и ориентировки погребенных в кургане №1 могильника Красный Камень вполне соответствуют окуневским стандартам. По костям человека ориентировку можно определить только в пяти случаях (могилы 1, 5–7, 12). В остальном нам приходится руководствоваться топографией могил и дополнительными деталями их оформления (наклон дна, наличие каменных подушек). Ориентировка покойников не устанавливается только для погребений 9 и 10, где возможны полярные варианты размещения

покойников в зависимости от принадлежности данных могил к северной или южной группам. Гораздо интереснее в хронологическом плане оценить позы погребенных в кургане людей. Для комплексов черновского этапа свойственно единое положение – на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. В ранних уйбатских комплексах прослеживается довольно четкая половая дифференциация: мужчины и мальчики, как правило, лежат на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами, женщины и девочки – на правом, реже на левом боку. В кургане №1 могильника Красный Камень женщины в погребениях 1 и 6 были захоронены на спине, что является относительно поздним признаком. Однако ребенок, вероятно, девочка в могиле 7 была погребена на правом боку. Налицо совмещение как ранних, так поздних особенностей погребального обряда в пределах одного комплекса. Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает переходный характер памятника, находящегося на стыке двух хронологических этапов.

Сопроводительный инвентарь. При расчистке ограды в ее северо-западном углу обнаружен клад каменных орудий из семи предметов [Лазаретов, 2011]. В его состав входили: три «топора», пест, «утюжок», прямоугольная плитка-абразив и терочник с изображением головы козла (рис. 4). Изделия были компактно уложены в небольшую ямку, выкопанную в насыпи рядом с погребением 6 (рис. 4.-1). В могиле оказались захоронены женщина старше 50 лет и новорожденный ребенок, что делает сомнительным привязку орудий к данному погребению. За исключением абразива (рис. 4.-8), все изделия выполнены в единой технике (точечная выбивка с последующей шлифовкой), из одинакового материала (зеленая речная галька) и составляют единый функционально-ритуальный набор. Предварительный трасологический анализ, выполненный О.Н. Загородней и Е.Ю. Гирей, показал, что явные следы износа прослеживаются только на «топорах» (рис. 4.-5–7). Их рабочие части местами выщерблены и вновь залощены до матового блеска. Один из краев лезвия «топоров» сработан и затуплен в заметно большей степени, чем другой. Вероятно, эти орудия предназначались и активно использовались для земляных работ: прорубания оградных канавок, рыхления грунта при выборке могил, нарезки дерна. Пест, судя по наличию на торцевой поверхности микрочастиц охры, применялся для растирания красок в деревянной ступе (рис. 4.-2). Вкрапления охры также обнаружены на всей поверхности терочника (рис. 4.-4). Многочисленные параллельные царапины на рабочей плоскости абразива могут быть интерпретированы как следы заточки металлического инструмента (рис. 4.-8). Открытым остается вопрос о функциональном назначении «утюжка» (рис. 4.-3). Он представлял собой гальку треугольно-пирамидальной формы с идеально плоским, гладким основанием. Ее верхняя часть подработана пикетажем и оформлена в виде ручки-выступа клювовидной формы. На конце выступа имеются сколы, подобные следам, возникающим на рабочих частях долотовидных орудий. Возможно, этот инструмент имел двойное назначение. Кроме основной функции он мог использоваться еще и как ударник при долблении мягкого камня.

Орудийные наборы неоднократно находили в погребениях эпохи бронзы степной зоны Евразии. Как правило, это были захоронения людей определенной специализации, чаще всего литейщиков и металлургов. В нашем случае, хотя орудия и составляют единый комплект, они относятся к разным сферам трудовой деятельности. Ими можно было осуществлять земляные работы, растирать краски, производить заточку инстру-

мента, делать выбивки. По-видимому, этот набор не принадлежал конкретно кому-то из погребенных в кургане людей, а предназначался для могильника в целом.

Наибольший интерес вызывает предмет, украшенный изображением головы козла. Это речная галька сигарообразной формы, подработанная пикетажем и шлифовкой. На ее утолщенном конце в технике низкого рельефа выполнены глаза, уши и рога животного (рис. 4.-4). Длина изделия составляет 43,5 см. Головная часть предмета имеет подпрямоугольное сечение 8×7,5 см, хвостовая часть более округлая, диаметром 4 см. На брюшковой грани изделия оформлена плоская рабочая площадка. Оба конца предмета имеют достаточно выразительные следы «затертости от рук». Данная находка позволяет установить культурную и хронологическую принадлежность целой серии подобных изделий, происходящих из случайных находок, а также уточнить их функциональное назначение. Аналогичные предметы называют пестами, атрибутами фаллического культа, зооморфными жезлами или переносными изваяниями. Помимо формы и размеров эти изделия объединяет обязательное наличие на «брюшковой» или боковой грани орудия уплощенной площадки, характерной именно для терочников. Не противоречит такой трактовке отсутствие явных следов износа, и даже наличие на рабочей площадке солярных знаков, как у изделия из Шира [Кызласов, 1986, рис. 158]. Условия находки позволяют предположить, что данные орудия вовсе не предназначались для регулярного применения по своему прямому назначению, а входили в состав орудийных комплектов, необходимых для проведения ритуалов непосредственно на могильнике. В нашем случае «топоры» из состава клада имели вполне реальную прикладную функцию, а пест, «утюжок», абразив и терочник использовались только для подготовки и проведения погребальных ритуалов. После совершения очередного захоронения комплект убирали в «хранилище» до организации следующих похорон. Терочник с изображением головы хищника, обнаруженный на месте разрушенного окуневского могильника Лебяжье, вероятно, входил в аналогичный функционально-ритуальный набор [Тарасов, Заика, 2000, с. 183]. Примечательно, что на всех известных нам орудиях из случайных находок изображены разные персонажи: бык, козел, хищник, рыба или змея. Возможно, это означает, что каждый из окуневских коллективов поклонялся своему тотемному животному, реальному или мифологическому, и использовал именно этот образ при проведении погребальных ритуалов.

Вещевой материал, происходящий из погребений кургана №1 могильника Красный Камень, немногочислен, но при этом весьма важен. Обнаружены два полностью реконструируемых сосуда, еще четыре или пять представлены фрагментами. Целые формы – банки со слегка раздутыми стенками и плоским дном (рис. 7.-1, 5, 11). О профилировке других горшков судить сложно. Декор керамики представляет собой монотонное заполнение большей части поверхности сосуда акцентированными наколами, сделанными одним орнаментом. Форма оттисков может быть различной – квадратной, овальной, каплевидной, в виде полумесяца. Они образуют ряды, располагающиеся горизонтально либо по диагонали. Один из сосудов, вероятно, был целиком покрыт резными горизонтальными линиями (рис. 7.-2). Зона венчика и придонная часть посуды обычно выделены иным расположением наколов. Эта особенность характерна для комплексов середины – финала уйбатского и, вероятно, начала черновского этапов: Черновая-VI, Уйбат-V, курган №1 [Максименков, 1965, рис. 2.-1, 3; Лазаретов, 1997, табл. XX.-2, 3; XXI.-2]. В классических черновских комплексах придонная зона

и венчиковая часть чаще всего украшались прочерченными горизонтальными линиями. Дно сосудов в одном случае покрыто рядами оттисков штампа (рис. 7.-5), в другом – украшено солярным символом: круг, разделенный на четыре сектора, заполненных разнонаправленными прочерченными линиями (рис. 7.-11). «Жемчужины», характерные для посуды уйбатского этапа, представлены только на одном сосуде (рис. 7.-1). На двух фрагментах из могилы 4 имелись рельефные валики (рис. 7.-13, 14). Возможно, это был горшок, аналогичный сосуду, обнаруженному в могильнике Черновая-IV [Максименков, 1980, с. 35, табл. XXIX.-9].

Массовый материал в кургане №1 могильника Красный Камень представлен различными видами украшений. На дне и в заполнении могилы 1 обнаружены 37 просверленных клыков марала, плоская каменная бусинка с симметричными насечками по краю и 35 мелких цилиндрических бисерин (рис. 7.-7–9). Вероятно, ими была обшита несохранившаяся сумочка из органического материала, использовавшаяся для хранения мелких бытовых предметов. Точно такие же фигурные каменные бусы в сочетании с бисером обнаружены в ограде 2 могильника Тепсей-VIII [Грязнов др., 1979, рис. 17.-3]. В погребениях кургана найдены еще две костяных (рис. 7.-6, 18) и одна каменная (рис. 7.-16) бусины, но их исходное местоположение и назначение неизвестны. Зубы соболя из погребения 5 (рис. 7.-15) могли использоваться в качестве украшения головного убора или обуви [Комарова, 1981, с. 83, 87, рис. 6.-3, 6; Лазаретов, 1997, с. 24].

Два довольно редких для окуневской культуры предмета обнаружены в насыпи кургана: каменная луновидная (сегментовидная) подвеска и изделие уплощенно-сферической формы, выточенное из белого крупнозернистого песчаника (рис. 7.-3, 4). Подвеска размерами 16,2×5,7×0,6 см была сделана из черного заполированного сланца. Ее грани скруглены, а в центре выпуклой стороны имеется сквозное отверстие диаметром 0,6 см, выполненное двусторонним сверлением (рис. 7.-3). Подробная сводка аналогичных предметов и различные варианты их интерпретации содержатся в работе Ю.Н. Есина [Есин, 2009, с. 123–133]. В комплексах Хакасско-Минусинской котловины такого рода изделия были обнаружены дважды: Усть-Бюрь, курган №5, могила 1 и Черновая-VIII, курган №8, могила 21 [Кызласов, 1986, с. 274, рис. 188.-1, 2; Максименков, 1980, с. 10, табл. XXIII.-3]. Эти предметы, вероятно, были элементами мужского ритуального костюма, подчеркивающего особый статус его владельца – вождя или жреца. В пользу такой трактовки свидетельствует находка А.В. Поляковым в кургане №21 могильника Итколь-II плиты с окуневской личиной, дополненной изображениями 18 луновидных подвесок. Помимо лунницы в насыпи кургана обнаружено изделие уплощенно-сферической формы из белого крупнозернистого песчаника диаметром 8,6 и высотой 6,2 см, имевшее сквозное отверстие диаметром 1 см (рис. 7.-4). Белые мраморные шарики с отверстием довольно часто встречаются в погребениях уйбатского этапа окуневской культуры. Они маркируют захоронения мужчин и мальчиков, по-видимому, обладавших особым социальным статусом. Размер этих изделий не превышает 3–5 см, а диаметр отверстия 0,3–0,5 см. В комплексах черновского этапа мраморные шары с отверстием встречаются крайне редко. Нам известно лишь два таких случая (Итколь-II, курган №1, могила 13 и Черновая-VIII, курган №8, могила 21). Размер изделий, обнаруженных в них, составляет уже 6–7 см, а диаметр отверстия заметно больше. По этому параметру предмет из насыпи кургана №1 могильника Красный Камень гораздо ближе к черновским, чем к уйбатским образцам.

Примечательно, что наряду с мраморным шаром в погребении 21 кургана №8 могильника Черновая-VIII была обнаружена луновидная подвеска [Максименков, 1980, табл. XXI.-10]. Вероятно, и в кургане №1 могильника Красный Камень эти предметы также входили в состав единого ритуального комплекта. Предположительно, лунница и шар с отверстием происходят из разграбленной могилы 5, где был захоронен мужчина 35–45 лет. Неординарность этого погребения подчеркивают и зубы соболя, окрашенные охрой.

Единственный металлический предмет из кургана №1 могильника Красный Камень фрагментирован и сильно корродирован. Это было изделие лировидной формы из бронзовой проволоки с двумя круглыми шляпками на концах (рис. 7.-12). В материалах окуневской культуры такие предметы ранее не встречались. Подобные артефакты происходят из могильника Саэньсаи на северном Тянь-Шане, где три изделия с приостренными грибовидными шляпками найдены в курганах М57 и М62 [Ковалев, 2015, с. 296–297, рис. 7.-4, 5; 8.-6]. Особенностью данного могильника является размещение захоронений в повозках, установленных в фигурных грунтовых ямах. Происхождение этого обряда, вероятно, связано с западными культурами позднемедного и раннекаменного времени. Калиброванная радиоуглеродная дата из могильника Саэньсаи укладывается в промежуток 2470–2340 лет до н.э. [Ковалев, 2015, с. 297]. В могильниках Красный Камень и Саэньсаи данные предметы обнаружены в разрушенных женских захоронениях и, возможно, являются новым, неизвестным ранее типом украшения. Не исключена, впрочем, и их сугубо прикладная функция.

Особую художественную и культурную ценность представляет костяной гребень, обнаруженный в погребении 1 (рис. 7.-10). Его верхняя часть оформлена в виде головы человека, ниже которой прорезано 12 зубцов. Сердцевидный контур лица, линии бровей, носа, скул и губ даны рельефным валиком. Глаза представляют собой округлые цилиндрические выступы. Зубчики на верхней и боковых гранях изделия, в сочетании со сквозными прорезами, имитируют две заплетенные косички. Человеческие фигурки с сердцевидными лицами и косичками, выполненные охрой, известны нам по наскальным изображениям в гроте Проскурякова на реке Белый Июс [Есин, 2010, с. 71, рис. 14.-3]. Из территориально удаленных аналогий следует упомянуть рисунок на плите из погребения 4 в Озерном на Алтае, где изображена человеческая фигура с косичками на голове и руками, согнутыми в локтях и упертыми в бока [Погожева, Кадиков, 1979, с. 84, рис. 4]. По материалу и технике исполнения гребень ближе всего к объемным изображениям на роговых подвесках из могильника Итколь-II [Поляков, Есин, 2015, с. 49–51, рис. 9.-2, 3]. Отличие между ними заключается, главным образом, в функциональном назначении этих предметов и выборе персонажей. На гребне из Красного Камня представлено изображение человека, а на подвесках из могильника Итколь-II – лики божеств, дополненные некоторыми фантастическими деталями. По своим стилистическим особенностям лицо на гребне проявляет несомненное сходство с изображениями на чумовских погребальных статуях с территории Монголии и Синьцзяна [Ковалев, 2012, с. 150–156, рис. 2.-1–4; 3.-1–4; 4.-5, 6]. У них идентичная манера передачи контуров лица, бровей, носа и скул, оформления глаз цилиндрическими выступами.

Хронология кургана

В отличие от большинства окуневских комплексов курган №1 могильника Красный Камень невозможно безоговорочно отнести только к одному из двух уже выде-

ленных этапов культуры: уйбатскому или черновскому. По целому ряду показателей он занимает промежуточное положение. Конструкция центрального погребения, единственный случай захоронения на правом боку, формы и орнаментация посуды, украшения из зубов марала и соболя в большей степени характерны для комплексов уйбатского этапа. Каменные ящики с уклоном в сторону ног погребенного и каменной вымосткой дна, небольшие грунтовые ямы, массивный шар с отверстием являются показателями относительно позднего возраста части захоронений и их возможной принадлежности к черновскому этапу. Такая же двойственность прослеживается в материалах еще нескольких окуневских комплексов: Усть-Бюрь, курган №5; Лебяжье, курган №3 и Итколь-II, курган №26 [Кызласов, 1986; Максименков, 1981; Поляков, 2010]. Все эти памятники, по-видимому, следует относить к особому переходному периоду, завершающему уйбатский и открывающему черновский этап культуры [Лазаретов, 1997, с. 36–37]. Их синхронизация позволяет очертить некоторые закономерности, проявившиеся в процессе трансформации культуры. Так, становится ясным, что погребальные конструкции в виде стандартных каменных ящиков и небольших грунтовых ям с дополнительными признаками (уклон дна и его вымостка плитами) получают широкое распространение еще в финале уйбатского этапа. В дальнейшем они в неизменном виде существуют на протяжении всего черновского этапа. То же можно сказать и в отношении некоторых редких категорий окуневского инвентаря: каменных луновидных подвесок, крупных шаров с отверстиями, костяных пластинок с изображениями женских лиц. К финалу уйбатского этапа полностью исчезают могильные конструкции в виде катакомб, а женские захоронения на боку сменяются погребениями на спине, с согнутыми и поднятыми коленями вверх ногами. Эта поза погребенных становится единой как для мужчин, так и для женщин. Массовый материал, такой как посуда, напротив, развивается с заметным запозданием. В самых ранних комплексах черновского облика она все еще сохраняет некоторые характерные особенности уйбатской керамики: округлодонную форму, акцентированный накол, украшение в виде «жемчужин» по венчику. Присущий классической черновской посуде декор в виде нескольких резных горизонтальных желобков под венчиком и в придонной части сосудов появляется позже. В ранних захоронениях черновского облика по-прежнему сохраняется традиционный для комплексов уйбатского этапа набор украшений из зубов марала и соболя. Все это указывает на то, что разные этапообразующие признаки возникали и исчезали вовсе не одновременно, как это зачастую принято в наших упрощенных хронологических схемах. Чтобы снять намечающиеся противоречия и рельефней подчеркнуть особенности двух уже общепринятых и устоявшихся хронологических дефиниций, перечисленные нами памятники было бы резонно выделить в особый, лебяжинский хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение между уйбатским и черновским этапами. Тем более, что кропотливая работа по выделению и описанию лебяжинской иконографической группы окуневских личин уже проделана [Савинов, 2006, с. 166, рис. 11]. Необходимо оговорить только один уточняющий момент. Согласно современной относительной и абсолютной хронологии окуневских памятников, могильник Лебяжье и плиты с изображениями, обнаруженные в нем, должны предшествовать черновской иконографической группе личин и никоим образом не могут быть результатом ее развития, как предположил Д.Г. Савинов.

На сегодняшний день по материалам центрального захоронения (могила 1) кургана №1 могильника Красный Камень получены три радиоуглеродные даты. Одна из них выполнена в Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН по образцу кости человека жидкостно-сцинтилляционным методом – Le-9963 (3550 ± 120). Ввиду очень большого доверительного интервала, который после калибровки с учетом двойной сигмы показывает хронологический период свыше 700 лет, использовать эту дату для определения возраста могилы затруднительно. Два других определения сделаны в лаборатории ^{14}C ХРОНО Центра по изучению климата, окружающей среды и хронологии (Королевский университет Белфаста) методом ускорительной масс-спектрометрии. В ходе исследования ставилась задача выявления резервуарного эффекта, для чего были использованы образцы кости человека и разрушившаяся подвеска из зуба оленя, взятые из одного погребения [Svyatko et al., 2017]. Следов резервуарного эффекта не обнаружено, но были получены две значительно более точные даты: UBA-31072 (3777 ± 41) и UBA-31073 (3855 ± 42) (рис. 11). Дата по подвеске из зуба оленя оказалась несколько древнее, что не удивительно. Она входила в состав ожерелья, которое могло быть изготовлено задолго до момента совершения погребения. Исходя из этого, при определении возраста могилы следует опираться в первую очередь на дату по костям человека. Сооружение центральной могилы кургана следует датировать XXIII – началом XXII в. до н.э., что совпадает с финалом уйбатского и началом черновского этапов окуневской культуры [Поляков, 2017а]. Как уже отмечалось, остальные захоронения в этом кургане были сделаны позже, после сооружения насыпи. Однако хронологический разрыв, судя по всему, был минимальным. Таким образом, данные естественно-научных методов полностью подтверждают точку зрения о хронологической позиции этого кургана на стыке уйбатского и черновского этапов окуневской культуры.

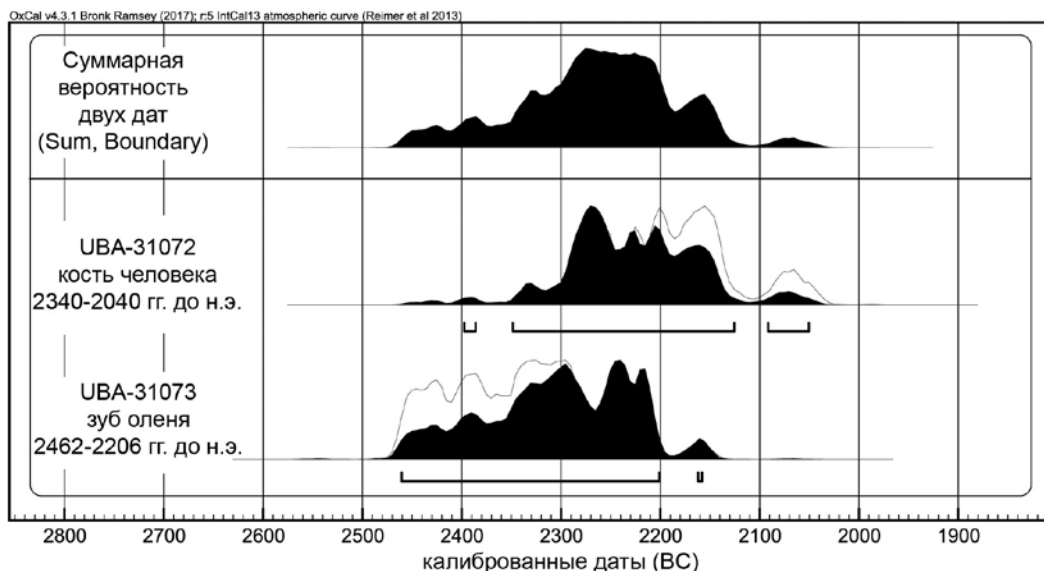

Рис. 11. Радиоуглеродные даты, полученные по материалам из могилы 1 кургана №1 могильника Красный Камень, и их суммарная вероятность (функции Sum и Boundary)

Заключение

Исследование кургана №1 могильника Красный Камень позволяет поставить вопрос о существовании в эпоху бронзы на Среднем Енисее сложных, многофункциональных погребально-ритуальных комплексов особого рода. Их конструкция, по-видимому, является воплощением модели Вселенной в том виде, как ее понимали «окуневцы». По результатам первых раскопок невольно сложилось мнение, что эти сооружения характеризуют именно ранний этап культуры [Комарова, 1981, с. 88–90]. Дальнейшее исследование показало, что курганы с диагональными кладками строились на протяжении всей окуневской эпохи, как на уйбатском (Карасук-II, Карасук-VIII), так и на черновском ее этапе (Туим-Кольцо; Уйбат-Батень, курган №2; Итколь-I, курган №1; Итколь-II, курган №13). Длительное бытование данной категории погребальных сооружений, по-видимому, связано с представлениями «окуневцев» о необходимости постоянного и непрерывного воспроизводства существующего миропорядка. Вероятно, именно эта функция подразумевалась основной для молодых женщин репродуктивного возраста, захороненных в центральных могилах курганов с диагональными кладками.

Обнаруженный в кургане №1 могильника Красный Камень клад каменных орудий послужил основанием для надежной культурно-хронологической привязки целого ряда художественных и бытовых предметов эпохи ранней бронзы, известных нам по случайным находкам, а также позволил уточнить их функциональное назначение. Аналогичные комплекты могли использоваться при строительстве курганов и проведении погребальных ритуалов непосредственно на могильнике. Это были предметы общего пользования определенных коллективов, а не отдельных индивидуумов.

Материалы кургана №1 могильника Красный Камень позволяют выделить и охарактеризовать отдельный хронологический горизонт окуневской культуры, занимающий промежуточное положение между ее уйбатским и черновским этапами. Его особенностью является органичное, устойчивое сочетание в одних и тех же комплексах пережиточных признаков раннего и инновационных элементов позднего этапов культуры. Радиоуглеродные даты, полученные по образцам из центрального захоронения кургана №1 могильника Красный Камень, указывают на интервал бытования комплексов лебяжинского хронологического горизонта в пределах XXIII – начала XXII в. до н.э.

Библиографический список

- Грязнов М.П., Завитухина М.П., Комарова М.Н., Миняев С.С., Пшеницына М.Н., Худяков Ю.С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск : Наука, 1979. 167 с.
- Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Труды музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск : Том. гос. ун-т, 2009. Т. II. 526 с.
- Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул : Азбука, 2010. С. 53–73.
- Ковалев А.А. Древнейшие статуи Чемурачека и прилегающих территорий. СПб., 2012. 160 с.
- Ковалев А.А. Сазньсаи – новая культура бронзового века восточноевропейского происхождения на Тянь-Шане // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурачский культурный феномен. Ч. 2. СПб. : МИСР, 2015. С. 293–306.
- Комарова М.Н. Свообразная группа энеолитических памятников на Енисее // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 76–91.
- Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 295 с.
- Кызласов Л.Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС : тез. докл. М., 1987. С. 143–145.

Кызласов И.Л. Воплощения вселенной: Археологические памятники как объект палеоастрономии // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М., 1989. С. 193–212.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб. : Петро-РИФ, 1997. С.19–64.

Лазаретов И.П. Клад каменных орудий с окуневским изваянием // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 240–242.

Лазаретов И.П. Окуневские курганы с диагональными кладками // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН ; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 220–224.

Максименков Г.А. Впускные могилы окуневского этапа в афанасьевских курганах // Советская археология. 1965. №4. С. 204–211.

Максименков Г.А. Окуневский курган у устья речки Черновой // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л. : Наука, 1980. С. 35–36.

Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у с. Лебяжье // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск : Наука, 1981. С. 91–110.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1979. С. 80–84.

Поляков А.В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб. : Инфо-ол, 2010. С. 75–80.

Поляков А.В. Объекты за пределами оград курганов окуневской культуры // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда. Казань : Отечество, 2014а. Т. I. С. 478–481.

Поляков А.В. К вопросу о необходимости раскопок курганов окуневской культуры широкими площадями (на примере кургана 13 могильника Итколь-II) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. СПб. : ИИМК РАН ; Арт-Экспресс, 2014б. Т. XLII. С. 332–355.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты окуневской культуры // Записки ИИМК РАН. 2017а. №16. С. 52–74.

Поляков А.В. Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017б. Т. I. С. 337–339.

Поляков А.В., Есин Ю.Н. Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 43. 2015. №2. С. 43–57. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.043-057.

Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. С. 157–190.

Тарасов А.Ю., Заика А.Л. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации) // Труды Междунар. конф. по первобытному искусству. Кемерово : Никалс, 2000. Т. II. С. 182–188.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

References

Gryaznov M.P., Zavitukhina M.P., Komarova M.N., Minyayev S.S., Pshenitsyna M.N., Khudyakov YU.S. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsey na Yeniseye [A Complex of Archaeological Sites near Mount Tepsei on the Yenisei]. Novosibirsk : Nauka, 1979. 167 p.

Yesin YU.N. Drevneye iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura. Trudy muzeya arkheologii i etnografii Sibiri TGU. T. II [Ancient Art of Siberia: Samus'kaya Culture. Proceedings of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia TSU]. Tomsk : Tom. gos. un-t, 2009. 526 p.

Yesin YU.N. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'yevskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny [Problems of Distinguishing the Images of Afanasyevskaya Culture in the Rock Art of the Minusinsk Hollow]. Afanas'yevskiy sbornik [Afanasyevsky Collection]. Barnaul : Azbuka, 2010. Pp. 53–73.

Kovalev A.A. Drevneyshiye statui Chemurcheka i privileyushchikh territoriy [The Most Ancient Statues of Chemurchek and the Adjacent Territories]. SPb., 2012. 160 s.

Kovalev A.A. Saen'sai – novaya kul'tura bronzovogo veka vostochnoyevropeyskogo proiskhozhdeniya na Tyan'-Shane [SaenSai – a New Culture of the Bronze Age of Eastern European Origin in the Tien Shan]. *Drevneyshiye yevropeytsy v serdtse Azii: chemurcheskiy kul'turnyy fenomen. Ch. 2* [The Oldest Europeans in the Heart of Asia: the Chemurchek Cultural Phenomenon. Part 2]. SPb. : MISR, 2015. Pp. 293–306.

Komarova M.N. Svoyeobraznaya gruppа eneoliticheskikh pamyatnikov na Yeniseye [A Peculiar Group of Eneolithic Sites on the Yenisei]. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzy* [Problems of West Siberian Archaeology. Age of Stone and Bronze]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 76–91.

Kyzlasov L.R. Drevneyshaya Khakasiya [The Ancient Khakassia]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986. 295 p.

Kyzlasov L.R. Pis'mo iz eneolita [A Letter from the Eneolith]. *Zadachi sovetskoy arkheologii v svete resheniy XXVII s'yezda KPSS : tez. dokl.* [Problems of Soviet Archaeology in the Light of the Decisions of the 27th Congress of the CPSU: doc]. M., 1987. Pp. 143–145.

Kyzlasov I.L. Voploshcheniya vselennoy: Arkheologicheskiye pamyatniki kak ob'yekt paleoastronomii [Embodiments of the Universe: Archaeological Sites as an object of Paleoastronomy]. *Istoriko-astronomicheskiye issledovaniya. Vyp. XXI* [Historical and Astronomical Studies. Issue. XXI]. M., 1989. Pp. 193–212.

Lazaretov I.P. Okunevskiy mogil'nik v doline reki Uybat [Okunevsky Cemeteries in the Valley of the Uybat River]. *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [Okunevsky Collection. Culture. Art. Anthropology]. SPb. : Petro-RIF, 1997. Pp. 19–64.

Lazaretov I.P. Klad kamennykh orudiy s okunevskim izvayaniyem [A Treasure of Stone Tools with Okunevo Sculpture]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. SPb. ; M. ; Velikiy Novgorod, 2011. Vol. I. Pp. 240–242.

Lazaretov I.P. Okunevskiy kurgany s diagonal'nymi kladkami [Okunevo Burial Mounds with Diagonal Masonry]. *Kul'tury stepnoy Yevrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of the Steppe Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. SPb. : IIMK RAN ; Periferiya, 2012. Book 2. Pp. 220–224.

Maksimenkov G.A. Vpusknyye mogily okunevskogo etapa v afanas'yevskikh kurganakh [Inlet Graves of the Okunevo Stage in the Afanasyevo Burial Mounds]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1965. №4. Pp. 204–211.

Maksimenkov G.A. Okunevskiy kurgan u ust'ya rechki Chernovoy [Okunevsky Barrow at the Mouth of the Chernovaya River]. *Vadetskaya E.B., Leont'yev N.V., Maksimenkov G.A. Pamyatniki okunevskoy kul'tury* [The Sites of the Okunevskaya Culture]. L. : Nauka, 1980. Pp. 35–36.

Maksimenkov G.A. Mogil'nik okunevskoy kul'tury u s. Lebyazh'ye [The Burial Ground of the Okunevskaya Culture near Lebyazh'ye]. *Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha kamnya i bronzy* [Problems of West Siberian Archaeology. The Stone and Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 91–110.

Pogozheva A.P., Kadikov B.KH. Mogil'nik epokhi bronzy u poselka Ozernoye na Altaye [Burial Cemetery near the Village of Ozernoe in Altai]. *Novoye v arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [New in the Archaeology of Siberia and the Far East]. Novosibirsk : Nauka, 1979. Pp. 80–84.

Polyakov A.V. Pominal'noye sooruzheniye okunevskoy kul'tury na ozere Itkol' [Memorial Construction of Okunevskaya Culture on Lake Itkol]. *Drevniye kul'tury Yevrazii* [Ancient Cultures of Eurasia]. SPb. : Info-ol, 2010. Pp. 75–80.

Polyakov A.V. Ob'yekty za predelami ograd kurganov okunevskoy kul'tury [Objects beyond the Burial Mounds of Okunevskaya Culture]. *Trudy IV(XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress]. Kazan' : Otechestvo, 2014a. Vol. I. Pp. 478–481.

Polyakov A.V. K voprosu o neobkhodimosti raskopok kurganov okunevskoy kul'tury shirokimi ploshchadymi (na primere kurgana 13 mogil'nika Itkol' II) [To the Question of the Need to Excavate the Mounds of Okunevskaya Culture in Wide Areas (on the Example of Burial Mound 13 of the Itkol II Burial Ground)]. *Arkheologiya drevnikh obshchestv Yevrazii: khronologiya, kul'turogenez, religioznyye vozzreniya. Pamyati Vadima Mikhaylovicha Massona (03.05.1929–19.02.2010). Trudy IIMK RAN. T. XLII* [Archaeology of the Ancient Societies of Eurasia: Chronology, Cultural Genesis, Religious Views. In Memory of Vadim Mikhailovich Masson (03.05.1929–19.02.2010). Proceedings of IHMC RAS]. SPb. : IIMK RAN ; Art-Ekspress, 2014b. Pp. 332–355.

Polyakov A.V. Radiouglerodnyye daty okunevskoy kul'tury [Radiocarbon Dates of Okunevskaya Culture]. Zapiski IIMK RAN [Notes of IEMK RAN]. 2017a. №16. Pp. 52–74.

Polyakov A.V. Osobennosti organizatsii pogrebal'nogo prostranstva kurganov okunevskoy kul'tury [Features of the Organization of the Burial Space of the Burial Mounds of Okunevskaya Culture]. Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"yezda v Barnaule – Belokurikhe [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2017b. Vol. I. Pp. 337–339.

Polyakov A.V., Yesin YU.N. Miniatyurnyye izobrazheniya iz pogrebeniya okunevskoy kul'tury na ozere Itkul' v Khakasii [Miniature Images from the Burial of the Okunevskaya Culture on Lake Itkul in Khakassia]. Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 43. 2015. №2. S. 43–57. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.2.043-057.

Savinov D.G. O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo iskusstva [On the Distinguishing of Styles and Iconographic Groups of Images of Okunevskaya Art]. Okunevskiy sbornik 2 [Okunevsky Collection 2. Culture and its Environment]. Kul'tura i yeyo okruzheniye. SPb. : Izd-vo SPbGU, 2006. Pp. 157–190.

Tarasov A.YU., Zaika A.L. Malye formy okunevskikh kamennykh izvayaniy (problemy interpretatsii) [Small Forms of Okunevo Stone Sculptures (Problems of Interpretation)]. Trudy Mezhdunar. konf. po pervobytnomu iskusstvu [Proceedings of International Conference on Primitive Art]. Kemerovo : Nikals, 2000. Vol. II. Pp. 182–188.

Svyatko S.V., Schulting R., Poliakov A.V., Ogle N., Reimer P.J. A Lack of Freshwater Reservoir Effects in Human Radiocarbon Dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // Archaeological and Anthropological Sciences. 2017. V. 9. P. 1379–1388. DOI: 10.1007/s12520-016-0383-3.

I.P. Lazaretov, A.V. Polyakov

*Institute of the History of Material Culture of the Russian
Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia*

THE KRASNY KAMEN' BURIAL-RITUAL COMPLEX OF THE EARLY BRONZE

This work introduces to the scientific circulation the materials obtained during the study of burial mound No. 1 of the Krasny Kamen' burial ground, which belongs to the rarest category of monumental burial-ritual complexes of the Early Bronze period of the Khakassko-Minusinsk depression. The only complete analogue of this site is the Tuim-Koltso barrow, investigated by L.R. Kyzlasov. Complex Red Stone (mound number 1) consisted of a funeral fence, decorated with additional diagonal masonry, and contained 12 graves. To the east of the fence was a ritual-memorial site. Both were contoured by a ring about 60 m in diameter made of separately standing stone menhirs with a center at the intersection of diagonals. In the course of the excavations, in addition to the traditional accompanying inventory, a number of unique items have been discovered: a bone crest with an anthropomorphic face and a set of stone tools, including one with the animal's head.

Materials of burial mound No. 1 of the Krasny Kamen' burial ground make it possible to single out and characterize a separate chronological horizon of the Okunevskaya culture occupying an intermediate position at the junction of the Uybaty and Chernovsky stages. Based on the results of radiocarbon dating, it can be attributed to the 23rd – 22nd centuries BC.

Key words: Khakassko-Minusinsk hollow, Krasny Kamen', burial-ritual complex, Early Bronze period, Okunevskaya culture.

Д.В. Папин^{1,2}, А.С. Федорук¹, О.А. Федорук¹, Я.В. Фролов¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

ФИРСОВО-1 – ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПЕРИОДА ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ*

Рассматривается культурная принадлежность нового погребального объекта на могильнике Фирсово-1, исследованного на территории Фирсовского археологического микрорайона в Барнаульском Приобье. В результате охранных раскопок был изучен погребальный объект, состоящий из системы рвов и могил, его особенностями являются наличие рва диаметром до 22 м и использование деревянных столбов. На основе типологического анализа керамики, инвентаря, планиграфического изучения погребальных объектов делается вывод о принадлежности материалов могильника к периоду финальной бронзы. Особенности орнамента сосудов и результаты технико-технологического исследования керамики демонстрируют процессы трансформации ирменской культурной традиции на рубеже поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу, при сохранении общего ирменского облика орнамента керамики значительно влияние инокультурного компонента, которое выражается в традиции добавления дресвы в формовочную массу. Наиболее близкие аналогии происходят с поселений Фирсово-18, Мыльниково-1, Малый Гоньбинский Кордон-1/3 (МГК-1/3) и могильника Малый Гоньбинский Кордон (МГК-1/5).

Ключевые слова: Барнаульское Приобье, финальная бронза, могильник, погребальный обряд.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-03

Введение

Выделение комплексов финального периода бронзового века сопряжено с рядом сложностей: с одной стороны, продолжают фиксироваться черты, свойственные предыдущему времени, с другой – появляются новые элементы, но они еще не становятся ведущими. Поэтому зачастую археологи относят подобные объекты либо к поздней бронзе, либо к переходному времени от бронзы к железу. Впервые данную проблему для Барнаульского Приобья обозначил А.Б. Шамшин, обратив внимание, что в материалах поселения Мыльниково присутствуют в большой мере позднебронзовые черты [Шамшин, 1989; Папин, Шамшин, 2005]. В дальнейшем эта тематика получила развитие в связи с открытием памятников Малый Гоньбинский Кордон (МГК) 1/3 и 1/5, в материалах могильника была зафиксирована ситуация одновременного присутствия как ирменских, так и позднеирменских элементов [Папин, 2000; Кунгуров, Папин, 2001]. В силу вышеозначенной специфики открытие нового объекта финальной бронзы существенно дополняет источниковую базу и вызывает повышенный интерес ученых. В этом плане чрезвычайно перспективным является исследование Фирсовского археологического микрорайона, где компактно расположено несколько памятников интересующего нас периода [Шамшин, 1997].

В 2015 г. при осмотре авторами участка под строительство коттеджного поселка Фирсова Слобода 4 в Первомайском районе Алтайского края на подготовленной к застройке территории (со снятыми верхними гумусными слоями) были обнаруже-

* Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (Постановление N220), полученного Алтайским государственным университетом, договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии», и госзадания Алтайского государственного университета, проект №33.867.2017/4.6 «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии», а также в рамках проекта РФФИ 17-11-22011-ОГН.

ны фрагменты древних костей и керамики. Зачистка этого участка позволила выявить и в дальнейшем полностью исследовать комплекс объектов финальной бронзы. Установлено, что изученная территория, относится к могильнику Фирсово-1, который исследовался в разные годы А.Б. Шамшиным [Цивцина, 2001].

Материалы. Результаты полевых исследований

В общей сложности на участке работ было раскопано 813 кв. м площади разрушений, что позволило захватить комплекс древних сооружений из 14 отдельных объектов и двух погребений (рис. 1).

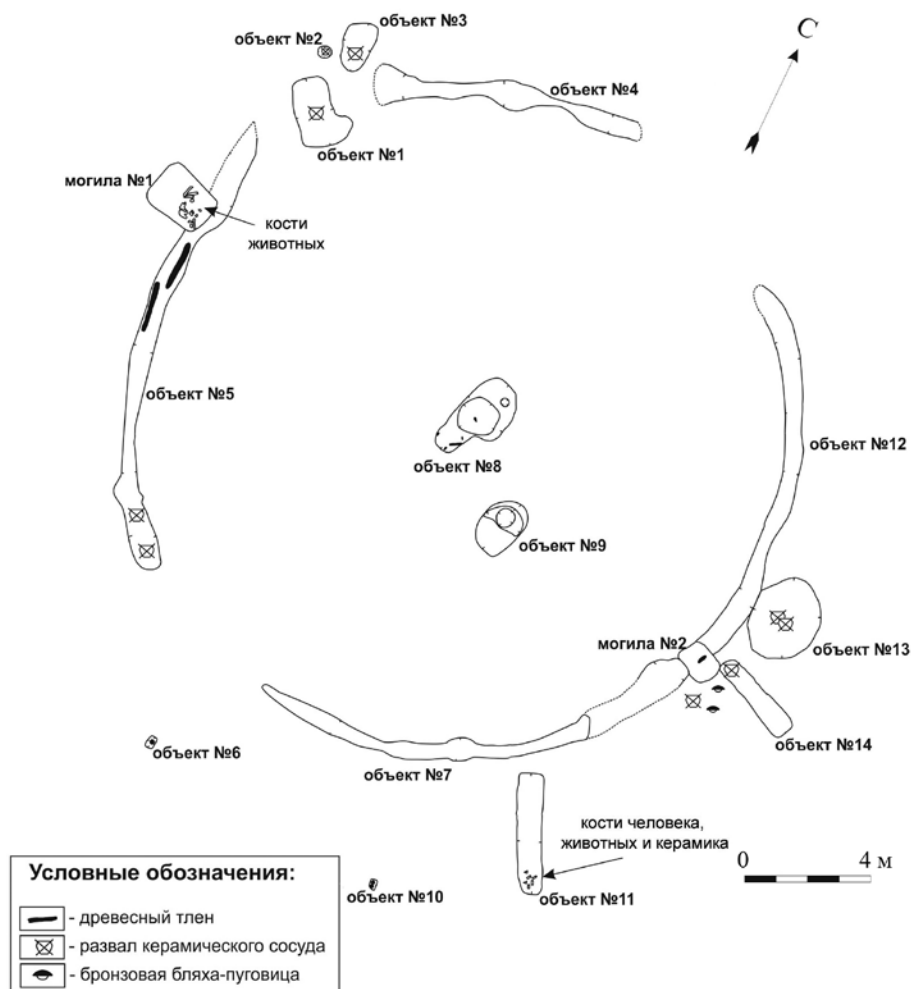

Рис. 1. План раскопанного комплекса

Объект №1 – яма неправильной в плане формы размерами в центральной части 2,2×1,2 м и глубиной 0,13 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь. Стенки со слабым наклоном (ко дну объекта сужаются). Длинной осью объект ориентирован по линии ССЗ–ЮЮВ. В центральной части обнаружен развал нижней части керамического сосуда (рис. 4.-7).

Объект №2 – ямка округлой в плане формы размерами 0,44×0,3 м и глубиной 0,12 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь. Стенки со слабым наклоном. В центре располагался фрагмент керамической плошки (рис. 4.-6).

Объект №3 – яма подовальной в плане формы размерами в центральной части 1,6×0,9 м и глубиной 0,1 м. Заполнение объекта аналогично заполнению объектов №1, №2 – светлая серая супесь. Стенки вертикальные. Длинной осью объект ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. В южной части обнаружен стоящий вверх дном керамический горшочек (рис. 4.-3).

Объект №4 – северо-западный участок ровика. Длина участка около 8 м, ширина до 0,6 м, глубина в центральной части до 0,2 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь.

Объект №5 (рис. 1; 10) – западный участок ровика. Длина участка около 15 м, ширина до 0,6 м, глубина в центральной части до 0,3 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь. В южной части ровика обнаружены две обгорелые деревянные плахи. На дне ровика, у его южного края обнаружено два развала керамических сосудов. К объекту №5 примыкает невыразительное искусственное понижение уровня материка, возможно, созданное при сооружении культового комплекса. Заполнение объекта – светлая серая супесь. В северной части обнаружено скопление костей, в том числе жженных, и фрагменты неорнаментированной керамики. После разбора этого участка выяснилось, что под скоплением в объекте №5 находится врезанное в объект погребение (могила №1 – см. ниже). В южной части рва двумя скоплениями лежало два развала керамических сосудов (рис. 4.-1, 2) (№4 южнее, №5 – севернее).

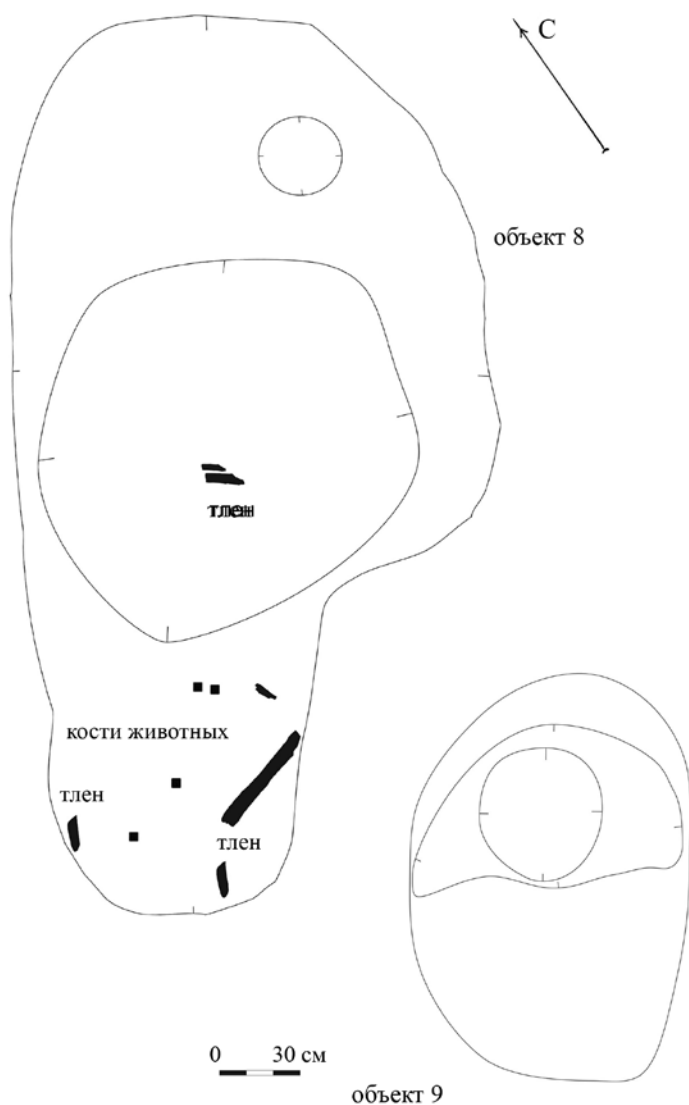

Рис. 2. Планы центральных погребений (объекты №8, 9)

Объект №6 – вертикальная столбовая ямка размерами 0,4×0,5 м, глубиной 0,1 м, с плоским дном. В заполнении присутствовал древесный тлен.

Объект №7 – юго-восточный участок ровика. Длина участка около 14 м, ширина до 0,7 м, глубина в центральной части до 0,2 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь. В западной части объекта в заполнении обнаружен фрагмент трубчатой кости животного.

Объект №8 – яма неправильной в плане формы размерами в центральной части 3,8×1,8 м и глубиной 0,96 м. Заполнение объекта неоднородное, преобладает темная супесь. Стенки преимущественно вертикальные. Длинной осью объект ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. В южной части вдоль стенок объекта в заполнении попадались фрагменты древесного тлена (обкладка?) и отдельные зубы лошади (?), в северо-восточной части выявлена столбовая ямка округлой в плане формы диаметром 0,3 м и глубиной 0,64 м от уровня дна объекта. Специфика заполнения и формы объекта указывает на имевшее место в прошлом его ограбление (мешанка в заполнении, подквадратной формы углубление в центральной части объекта (грабительский ход?), отсутствие в центральной части каких-либо находок, кроме одного человеческого зуба, обнаруженного на дне объекта (рис. 2).

Объект №9 – яма подовальной в плане формы размерами в центральной части 1,5×1,05 м и глубиной до 0,33 м. Заполнение объекта подобно заполнению объекта №8. Стенки преимущественно вертикальные. Длинной осью объект ориентирован по линии ССВ–ЮЮЗ. В северо-восточной части выявлена столбовая ямка округлой в плане формы диаметром 0,47–0,5 м и глубиной до 0,44 м от уровня дна объекта (рис. 2).

Объект №10 – яма прямоугольной в плане формы размерами 0,4×0,35 м, глубиной до 0,15 м, с вертикальными стенками и плоским дном. В заполнении четко фиксировался тлен от двух вертикально установленных деревянных столбов диаметром 0,12–0,15 м каждый.

Объект №11 – ровик, перпендикулярный объекту

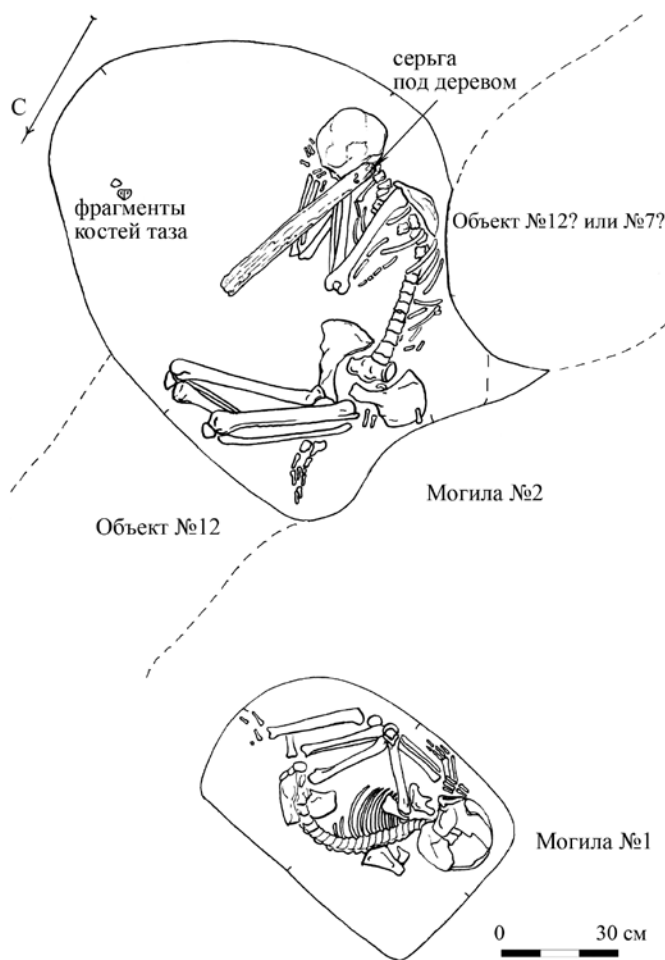

Рис. 3. Планы могил №1, 2

№7 (радиально идущий от центра комплекса). Длина около 4 м, ширина 0,5–0,6 м, глубина до 0,2 м. В заполнении объекта обнаружено два фрагмента костей человека (II, III и V плюсневые кости правой стопы взрослого человека, определения к.и.н. С.С. Тур), фрагмент каменного абразива, кости животного, 10 обломков керамических сосудов (рис. 6.-1–7, 9, 12, 13, 18).

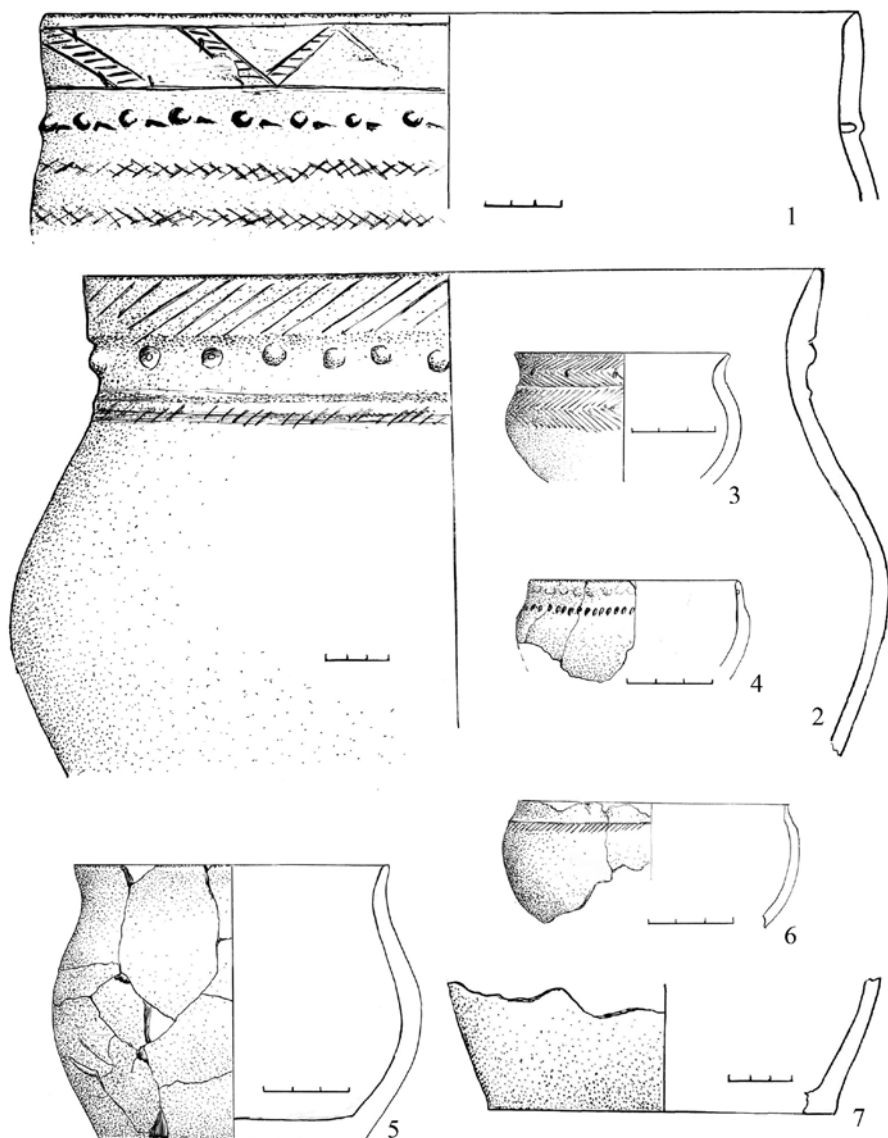

Рис. 4. Керамические сосуды объектов №1 (7), №2 (6), №3 (3), №5 (1 – развал №4; 2 – развал №5), №14 (5) и сосуд, обнаруженный на поверхности разрушений (4)

Объект №12 – восточный участок ровика. Длина участка около 12 м, ширина до 0,7 м, глубина в центральной части до 0,2 м. Вероятно, является продолжением объекта №7, однако между ними имеется разрушенный участок, не позволяющий просле-

дить их соединение. Заполнение объекта – светлая серая супесь. В южной части в ровик врезано погребение №2 (описание могилы №2 см. ниже).

Объект №13 – яма округлой формы размерами в центральной части 2,4×2,5 м и глубиной до 0,24 м. Заполнение объекта – светлая серая супесь. Стенки плавно сужаются к центру. В центре на дне объекта обнаружено скопление фрагментов от двух керамических сосудов (рис. 5).

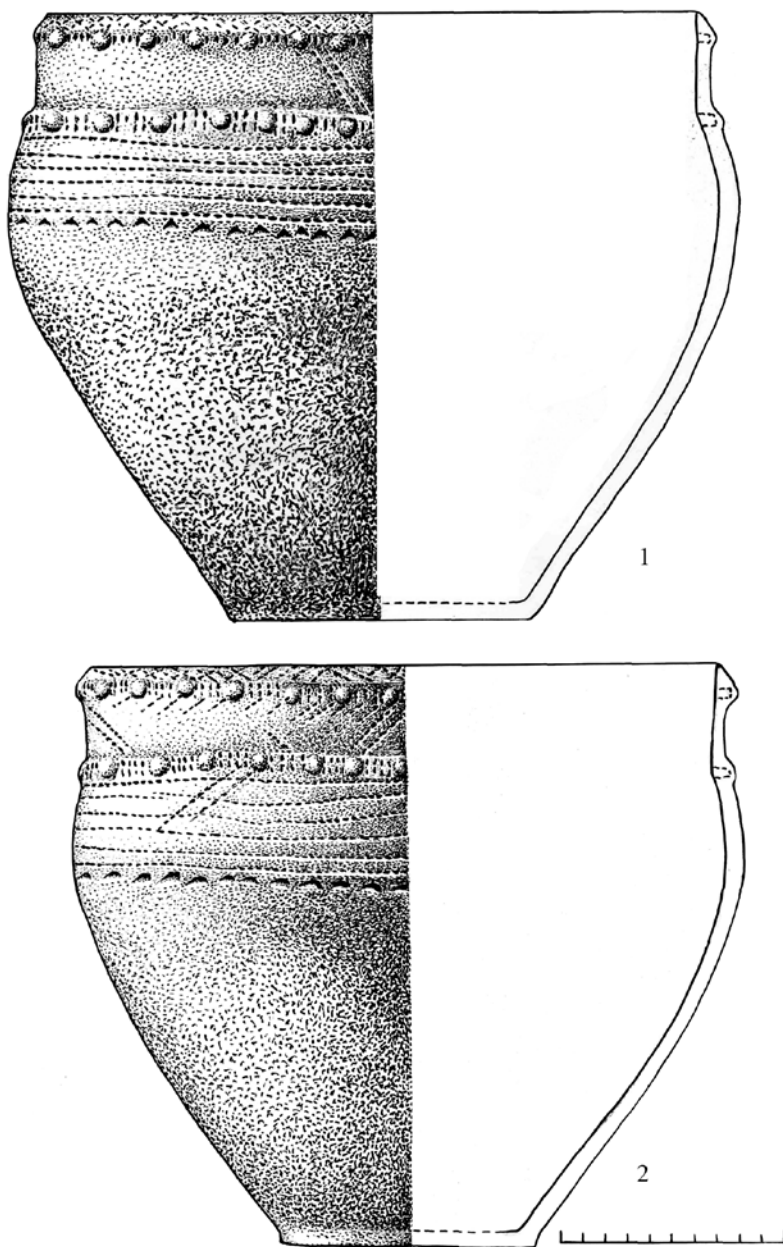

Рис. 5. Керамические сосуды объекта №13 (1 – развал №1, 2 – №2)

Объект №14 – ровик, перпендикулярный объектам №7, №12 (радиально идущий от центра комплекса). Длина около 2 м, ширина 0,5–0,6 м, глубина до 0,2 м. В примыкающей к могиле №2 части объекта обнаружен вертикально стоящий керамический горшочек без орнамента (рис. 4.-5).

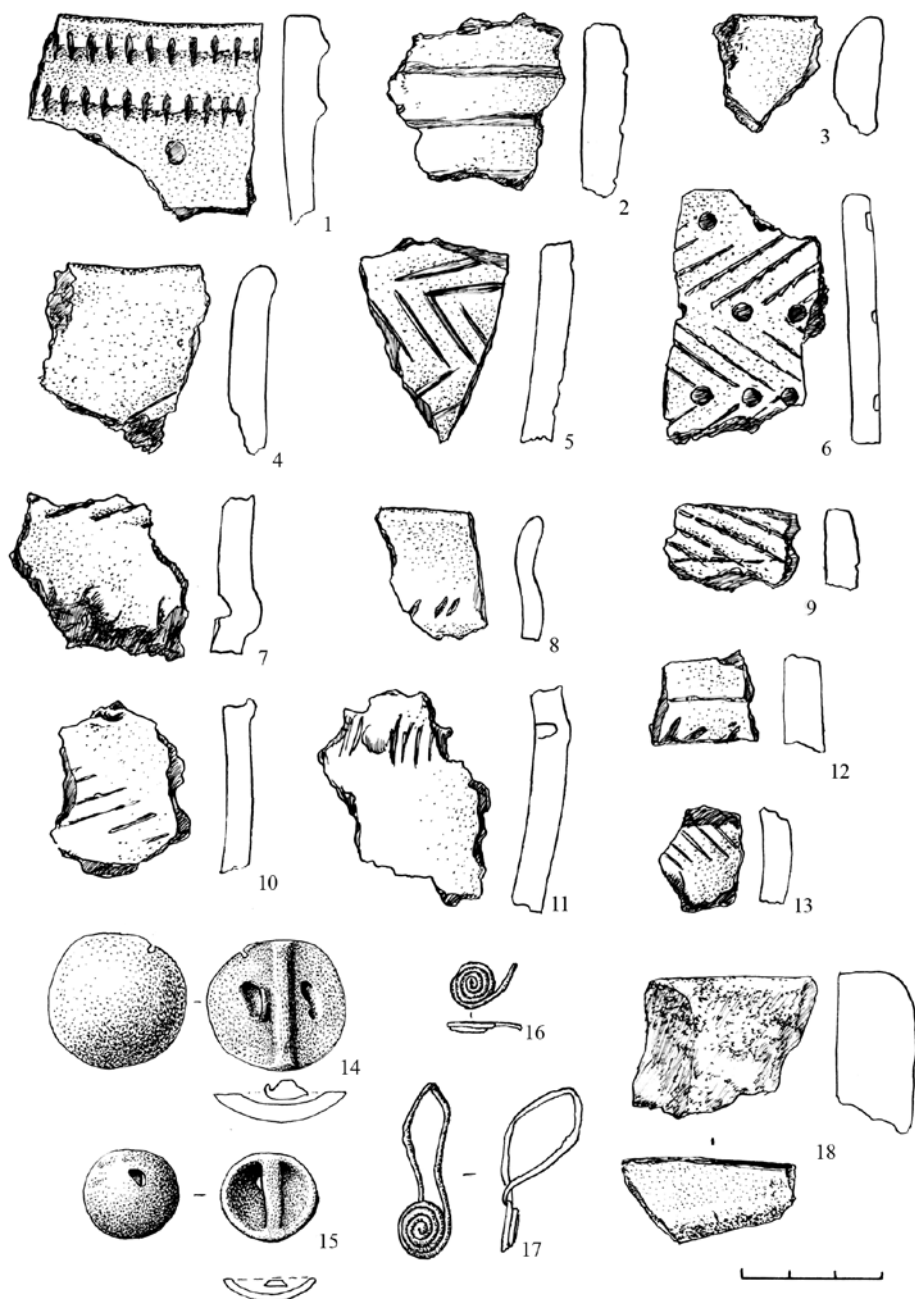

Рис. 6. Сборы с поверхности участка (8, 10, 11, 14, 15), керамика (1–7, 9, 12, 13) и фрагмент каменного абразива (18) из объекта №11, бронзовые серьги из могилы №2 (16, 17)

Могила №1 (рис. 3) визуально фиксировалась как примыкающее к объекту №5 вытянутое по линии ВЮВ–ЗСЗ светло-серое пятно подпрямоугольной в плане формы размерами 0,75×0,54 м. На верхнем уровне располагалось скопление костей животных, в т.ч. обожженных. Глубина могильной ямы составила 0,1 м от уровня дна объекта №5. В могиле обнаружен скелет ребенка (6,5–7,5 года, определения к.и.н. С.С. Тур) лежащий в сильно скорченном положении на правом боку головой на запад–юго-запад. Сохранность костей хорошая. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Могила №2 (рис. 3, 7, 8) располагалась в разрыве рва – между объектами №7 и №12. В могиле обнаружен скелет, лежащий в сильно скорченном положении, на правом боку, головой на юго-восток (пол – женский, возраст – 35–45 лет, определения к.и.н. С.С. Тур). Череп частично перекрыт древесным тленом со следами горения. Сохранность костей хорошая. На черепе в районе висков погребенного обнаружены две бронзовые сережки со спиральными окончаниями (рис. 6.-16, 17).

Кроме того, в районе могилы №2 со сдвинутого строителями отвала грунта до момента изучения были подняты две полусферические бронзовые бляхи-пуговицы и фрагменты керамического сосуда (рис. 4.-5; 6.-14, 15). Бляхи различаются по способу оформления тыльной стороны и ушка-крепления. Более крупное изделие, диаметром 2,9 см, имеет плоскую тыльную сторону и диагональный рельефный валик с узким сквозным отверстием под ним. Менее массивная бляха, диаметром 1,9 см, имеет вогнутую тыльную сторону и плоскую диагональную полоску-ушко. Эта пуговица – с литейным браком. Обнаруженный керамический сосуд – небольшая плошка с орнаментом.

Технико-технологический анализ керамического комплекса

Для технико-технологического анализа обнаруженной при полевом исследовании керамики было отобрано 12 образцов от 11 сосудов. Их изучение проводилось с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 по методике, разработанной А.А. Бобринским [1978]. В ходе работ исследованы первые две технологические ступени гончарного производства: отбор исходного сырья и составление формовочных масс. Обе ступени относятся к приспособительным навыкам изготовления керамики [Бобринский, 1978, с. 15].

Толщина стенок исследованных сосудов значительно варьируется: от 2 до 12 мм. Самые тонкие фрагменты происходят от маленьких сосудов высотой не более 50 мм. Семь образцов – обломки венчиков, четыре – тулов. Семь сосудов в изломе однородного черного цвета, в четырех случаях излом имел трехцветный окрас (по краям – красного, в центре – черного цвета).

В качестве *исходного сырья* во всех образцах использованы среднежелезистые глины, в большинстве случаев пластичные (пластичность определялась по: [Лопатина, 2005, с. 95]). Один сосуд был изготовлен из среднежесткого сырья (сосуд из объекта №14), еще один – из низкопластичных глин. В качестве естественной примеси практически во всех образцах зафиксирован бурый железняк оолитовой формы, различных размеров (от 0,5 до 2–3 мм). Один образец отличался наличием большого количества раковин моллюска в исходном сырье (фрагмент 1 из объекта №11).

Формовочные массы. На памятнике зафиксировано три рецепта составления формовочных масс. Большинство сосудов изготовлено по рецепту исходное сырье (ИС)+шамот (Ш)+органика (О) – пять образцов (сосуды 4 и 5 объекта №5, сосуды

объектов №1, №14). Формовочные массы трех сосудов состояли из исходного сырья (ИС)+дресва (Д)+органика (О) (сосуды объектов №2 и №3, фрагмент 1 объекта №11). Четыре сосуда были изготовлены по рецепту исходное сырье (ИС) + шамот (Ш) + дресва (Д) + органика (О) (сосуды 1 и 2 объекта №13, сосуд со сборов на поверхности разрушений, фрагмент 2 объекта №11).

Рис. 7. Зачистка пятен, могила 2, объекты №7 и №12)

Рис. 8. Выбранные объекты, могила №2 и объект 12

При анализе концентрации различных искусственных примесей установлено, что дресва добавлялась в основном в пропорциях 1:2 или 1:3. Размер дресвы от 0,5 до 1–2 мм. В одном случае дресва присутствовала в незначительном количестве (фрагмент 2 объекта №11).

Рис. 9. Зачистка сегмента рва

Рис. 10. Зачистка могилы №1 (верхний уровень кости животных) и рва (объект 5)

Шамот добавлялся в меньших пропорциях, чем дресва: 1:3 или 1:4. Размерность шамота варьируется от 0,5 до 10 мм. По степени ожелезненности шамот не отличался от исходного сырья. В четырех случаях в шамоте была обнаружена дресва (сосуд 4 объекта №5, сосуды объектов №13 и №1). Причем три из этих фрагментов изготовлены по рецепту ИС + Ш + О (сосуд 4 объекта №5 и сосуд объекта №1).

В качестве органических добавок в формовочных массах всех рассмотренных образцов, скорее всего, использовался навоз в небольшой концентрации (выжимки? раствор?).

Обсуждение результатов

Таким образом, проведенные полевые исследования позволили выявить и изучить несколько объектов конца бронзового века, объединенных в единый комплекс. При визуальном обследовании этого участка курганной насыпи выявлено не было, но поскольку эта зона подвергалась длительной распашке, ее наличие исключать нельзя.

Комплекс представляет собой огороженную округлым ровиком площадку диаметром 20–22 м. В северо-северо-восточной и юго-юго-западной части находились проходы на площадку. В центральной ее части располагались два объекта (№8 и №9), сопровождавшиеся столбовыми конструкциями. Не исключено, что располагающийся в центре объект № 8 является разрушенным погребением, так как на его дне обнаружен зуб человека. Два погребения были совершены в ровике. Остальные объекты (№1, №2, №3 и №13), вероятно, также играли определенную роль в погребальном обряде или поминании умерших. Обращает на себя внимание наличие столбовых ям в объектах №8, №9 и за пределами рва (объекты №6, №10). Очевидно, в период функционирования комплекса существовали конструкции из вкопанных вертикально столбов. Можно следующим образом реконструировать организацию погребального пространства исследованного комплекса могильника Фирсово-1. Важное значение было уделено рвам, они ограничивают территорию, где не только совершались собственно погребальные действия, но и последующие акты, связанные с поминальными ритуалами. Во рвы помещалась посуда и жертвенная пища, а также допускалось размещение дополнительных погребений. Обращает на себя внимание особенность в размещении двух центральных объектов (№8, №9), они образуют один ряд с погребениями № 1 и №2 по линии северо-запад – юго-восток, перпендикулярной оси расположения проходов в кольцевом рве (рис. 1).

Традиции погребальной практики, демонстрируемой на изученном комплексе, находят широкие аналогии в кругу памятников поздней бронзы (XII–IX вв. до н.э.) лесостепной полосы юга Западной Сибири. Прежде всего это выражается в общих правилах разметки погребального пространства с помощью рвов и ям, в позе умершего (скорченно на правом боку головой в южный сектор). Основываясь на параллелях, прослеженных на могильниках Заречное-I (Новосибирская область), Журавлево-IV, Танай-VII (Кемеровская область), Телеутский Взвоз-I, МГК-1/5 (Алтайский край) [Зах, 1997; Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2004; Матвеев, 1993; Кунгуров, Папин, 2001; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Молодин, 1985; Папин, Грушин, 2004], могильник Фирсово-1 можно уверенно отнести к кругу ирменских древностей.

Вместе с тем есть ряд особенностей: глубина центрального объекта (№8) комплекса (могилы?) достигает до 1,0 м от материка – подобной показатель характерен только для могильника Камышенка, где встречаются достаточно глубокие погребения. Присутствие деревянных столбов в целом также не свойственно ирменской традиции – их широкое использование зафиксировано в погребальном обряде андроновской культуры.

Но, несмотря на то что информация по центральным сооружениям весьма фрагментарна, мы склоняемся к их ирменской принадлежности. Другой важной особенностью являются размеры сооружения: внутренний диаметр по окружающему рву составляет 20–22 метра, что выделяет его среди ирменских погребальных сооружений Алтая.

Важнейшим культурно-диагностирующим признаком является керамика. Керамический комплекс могильника представлен сосудами из объектов и могил, а также сборами с поверхности. В первую очередь выделяются два крупных слабопрофилированных горшка и один малых размеров из объектов №5, №14, а также отдельные фрагменты из сборов (рис. 4.-1, 2, 5). Форма сосудов, выделение воротничка, использование в орнаментации жемчужника с разделителем и без, заштрихованные наклонные полосы, переходящие в зигзаг по зоне венчика, сетка и елочка в несколько рядов позволяют надежно идентифицировать традиции ирменской культуры алтайского Приобья. Наиболее близкие аналоги происходят с поселения Фирсово-18, которое располагается в непосредственной близости от могильника [Федорук, Шамшин, Папин, 2008]. Вторая группа – это сосуды малых форм, в том числе полусферическая чашка (рис. 4.-3, 4, 6), из объектов №2, №3, орнаментированные разного рода елочкой и косыми отпечатками гладкого штампа, а также два слабо профилированных плоскодонных горшка (рис. 5) из объекта №13. Горшки орнаментированы двойным рядом жемчужника в верхней части сосуда, поле между рядами жемчужника декорировано косыми отпечатками гребенчатого штампа, по тулову идут его горизонтальные оттиски, примечательно оформление среза венчика наружу. Данный набор признаков находит точные аналогии в материалах поселений Мыльниково, МГК-1/3 и могильника МГК-1/5 [Папин, Шамшин, 2005; Кунгуров, Папин, 2001]. Близкие сосуды известны в древностях Барабы [Молодин и др., 2009], Новосибирского Приобья [Троицкая, Мжельская, 2004], Кузнецкой котловины [Ширин, 2004], что указывает на принадлежность к широкому кругу памятников с позднеирменской традицией. Это хорошо согласуется с другой категорией инвентаря – бронзовыми серьгами из могилы №2 и обнаруженными возле нее бляшками-пуговицами (рис. 6.-14–17), находки данных изделий широко известны в материалах могильников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Молодин, 1985; Уманский, Демин, 1975; и др.].

Выполненный технико-технологический анализ указывает на использование гончарами в основном одного источника добычи глины. Из общей серии выделяются фрагменты из объекта №11. Один образец (фрагмент 1) сильно отличается по составу исходного сырья (содержит обломки раковины), второй – низкой пластичностью глины (фрагмент 2), что указывает на изготовление этих сосудов в рамках иной культурной традиции (рис. 6.-1, 2).

Наличие трех рецептов составления формовочных масс и почти равное количество изготовленных по этим рецептам сосудов свидетельствует о процессе активного смешения различных групп населения в период функционирования погребального комплекса. Также можно отметить, что сосуды, изготовленные по рецепту ИС + Ш + О, где в шамоте была обнаружена дресва (сосуд 4 объекта №5, сосуды объекта №13, сосуд объекта №1), скорее всего, были сделаны несколько позднее сосудов, изготовленных по рецепту ИС + Д + О (сосуды объектов №2 и №3). Также можно отметить, что сосуды из объекта №13 имеют очень схожий орнамент. Различия между ними проявляются в толщине стенок сосудов, особенностях обработки их поверхности, оформлении

зоны перехода от стенок ко дну, использовавшихся гончарами разных инструментах (орнаментирах) и отдельных нюансах орнаментальной схемы. Притом оба сосуда по исходному сырью и формовочным массам аналогичны. Все вышеперечисленные признаки указывают на единовременность их создания.

Интересной деталью развала 4 из объекта №5 является наличие на шейке сосуда участка с нанесенным поверх подсохшего орнамента дополнительным тонким слоем глины. Поверхность его, как и остальной части сосуда, дополнительно подверглась лощению.

На поселении эпохи поздней бронзы Фирсово-18 зафиксирована похожая ситуация. Ирменские сосуды здесь были изготовлены по двум рецептам: глина + шамот + навоз и глина + шамот + дресва + навоз. Однако не было обнаружено сосудов, изготовленных по «чистому» рецепту глина + дресва + органика [Папин, Ломан, Федорук, 2016, с. 263–264]. Интересно, что в исследованной корчажкинской серии поселения Фирсово-18 в качестве искусственной добавки присутствовали шамот и песок [там же, с. 266], в то время как фрагмент 2 объекта №11 (венчик сосуда с типично корчажкинской орнаментальной схемой), изготовленный из сильнозапесоченной глины, содержал шамот и дресву в незначительном количестве (рис. 6.-б).

Как указывается исследователями, в качестве основной добавки для составления формовочных масс ирменские гончары использовали шамот. Однако любой выход камня также использовался древними мастерами, что подтверждается материалами памятников, располагающихся в предгорной зоне. При этом шамот традиционно оставался в рецепте. Наличие же в коллекциях керамики, изготовленной по рецепту глина + породные обломки, следует рассматривать как иную, не связанную с ирменским наследством [Мыльникова, 2005, с. 92; 2014, с. 14–15].

Проведенный анализ показал, что при сохранении общего ирменского облика орнамента керамики, значительно влияние инокультурного компонента, которое выражается в традиции добавления дресвы в формовочную массу.

Заключение

Наиболее близкие аналогии керамическому комплексу происходят с поселений Фирсово-18, Мыльниково, МГК-1/3 и могильника МГК-1/5 Барнаульского Приобья. Скорее всего, комплекс Фирсово-1 является некрополем населения, проживавшего на поселении Фирсово-18, что фиксируется по результатам анализа формовочных масс.

Фиксация на изученном объекте одновременного нахождения сосудов, орнаментированных в традициях эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу, однозначно свидетельствует в пользу версии о неоднородном характере комплекса, что также подтверждается результатами технико-технологического анализа. При этом погребальный обряд демонстрирует классические черты ирменской традиции, но диаметр рва в нашем случае носит исключительный характер (22 метра). Наличие следов деревянных конструкций в объектах №8, №9 свидетельствует о том, что здесь были вкопаны столбы, которые могут являться аналогиями камней-обелисков [Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993].

Таким образом, исследование, проведенное на основе данных планиграфии, типологического и технико-технологического анализа керамики, показало, что комплекс памятника Фирсово-1 относится к финальному периоду бронзового века и отражает процессы трансформации ирменской культуры на рубеже эпох.

Библиографический список

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.
- Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 200.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.А. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-IV. Новосибирск : Наука, 1993. 157 с.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микро-района). Новосибирск : Наука, 1997. С. 132.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник 5 археологического комплекса малый Гоньбинский Кордон-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 56–68.
- Лопатина О.А. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // Российская археология. 2005. №3. С. 93–99.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1993. 180 с.
- Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в барабинской лесостепи / отв. ред.: акад. В.И. Молодин, проф. Г. Парцингер. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
- Мыльникова Л.Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : автореф. дис. ... д.и.н. Новосибирск, 2014. 38 с.
- Мыльникова Л.Н. Технологические особенности изготовления керамики поселения Мыльниково // Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.
- Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-I // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 93–103.
- Папин Д.В., Ломан В.Г., Федорук А.С. Керамический комплекс поселения Фирсово XVIII (технико-технологический аспект) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2016. №4(92). С. 262–267.
- Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку : моногр. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 202 с.
- Папин Д.В. Предварительные итоги изучения поселения Малый Гоньбинский Кордон-1/3 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 380–384.
- Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамический комплекс городища Завьялово-5 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 145–154.
- Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 3–14.
- Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных районах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 125–142.
- Цивцина О.А. Грунтовый могильник Фирсово-1 // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 286–287.
- Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. III. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 326–331.
- Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1989. С. 116–129.
- Ширин Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 170–184.

References

- Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. M. : Nauka, 1978. 272 p.
- Bobrov V.V., Myl'nikova L.N., Myl'nikov V.P. K voprosu ob irmenskoii kul'ture Kuznetskoi kotloviny [On the Question of the Irmenskaya Culture of the Kuznetsk Basin]. Aridnaia zona iuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzы [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. 200p.
- Bobrov V.V., Chikisheva T.A., Mikhailov Iu.A. Mogil'nik epokhi pozdnei bronzы Zhuravlevo-IV [The Zhuravlevo-IV Burial Ground of the Late Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1993. 157 p.
- Zakh V.A. Epokha bronzы Prislair'ia (po materialam Izylnskogo arkhеologicheskogo mikroraiona) [The Bronze Age of Prislairye (based on the materials of the Izylyn archaeological microdistrict)]. Novosibirsk : Nauka, 1997. 132 p.
- Kungurov A.L., Papin D.V. Mogil'nik 5 arkhеologicheskogo kompleksa malы Gon'binskii Kordon-1 [Maly Gonbinsky Kordon-1 Burial Ground of the 5th Archaeological Complex]. Problemy izucheniia drevnei i srednevekovoi istorii bronzы [Problems of Studying Ancient and Medieval History of the Bronze]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001. Pp. 56–68.
- Lopatina O.A. Tekhnologicheskie osobennosti drevneishei keramiki Kashirskikh gorodishch rannego zheleznoгo veka [Technological Features of the Ancient Ceramics of the Kashirsky Sites of the Early Iron Age]. Rossiiskaia arkhеologiya [Russian Archaeology]. 2005. №3. Pp. 93–99.
- Matveev A.V. Irmenskaia kul'tura v lesostepnom Priob'e [Irmenskaya Culture in the Forest-Steppe Ob Region]. Novosibirsk : Izd-vo NGU, 1993. 180 p.
- Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v barabinskoi lesostepi [Chicha – Fortification of the Transition from the Bronze Age in the Baraba Forest-Steppe] / otv. ed. : acad [ed. by : akad. V.I. Molodin, prof. G. Partsinger. Vol. 3. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2009. 248 s.
- Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzы [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 s.
- Myl'nikova L.N. Keramika perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku lesostepnoi zony Zapadnoi Sibiri: dialog kul'tur : avtoref. dis. ... d.i.n. [Ceramics of the Transition Time from the Bronze to the Iron Age of the Forest-Steppe Zone of Western Siberia: the Dialogue of Cultures: Author's Synopsis of the Dis. ... Doctor of Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2014. 38 p.
- Myl'nikova L.N. Tekhnologicheskie osobennosti izgotovleniia keramiki poseleniia Myl'nikovo [Technological Features of Manufacturing Ceramics of the Mylnikovo Settlement]. Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremia ot epokhi bronzы k rannemu zheleznomu veku [Barnaul Ob Region in the Ttransition from the Bronze Age to the Early Iron Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 p.
- Papin D.V., Grushin S.P. Irmenskii kompleks na pamiatnike Teleutskii Vzvoz-I [Irmensky Complex on the Teleut I Site]. Aridnaia zona iuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzы I [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 93–103.
- Papin D.V., Loman V.G., Fedoruk A.S. Keramicheskii kompleks poseleniia Firsovo-XVIII (tekhniko-tekhnologicheskii aspekt) [Ceramic Complex of the Firsovo-XVIII Settlement (Technical and Technological Aspect)]. Izv. Alt. gos. un-ta [Bulletin of Altai State University]. 2016. №4(92). Pp. 262–267.
- Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'e v perekhodnoe vremia ot epokhi bronzы k rannemu zheleznomu veku : monogr. [Barnaul Ob Region in the Transition from the Bronze Age to the Early Iron Age: Monogr.] / pod red [Ed. by]. Iu.F. Kiriushin. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 p.
- Papin D.V. Predvaritel'nye itogi izucheniia poseleniia Maly Gon'binskii Kordon-1/3 [Preliminary Results of the Study of the Maly Gonbinsky Kordon-1/3 Settlement]. Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. VI [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. VI]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 2000. Pp. 380–384.
- Troitskaia T.N., Mzhel'skaia T.V. Keramicheskii kompleks gorodishcha Zav'ialovo-5 [Ceramic Complex of the Zavyalovo-5 Settlement]. Aridnaia zona iuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzы [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 145–154.

Umanskii A.P., Demin M.A. Bronzovyi inventar' mogil'nika epokhi pozdnei bronzы u stantsii Plotinnaia [Bronze Inventory of the Late Bronze Burial Ground at the Plotinnaya Station]. *Voprosy istorii SSSR* [Questions of the History of the USSR]. Barnaul, 1974. Pp. 3–14.

Fedoruk A.S., Shamshin A.B., Papin D.V. Predvaritel'nye itogi issledovaniia poseleniia Firsovo-XVIII [Preliminary Results of the Study of the Firsovo-XVIII Settlement]. *Etnokul'turnye protsessы v Verkhnem Priob'e i sopredel'nykh raionakh v kontse epokhi bronzы* [Ethnocultural Processes in the Upper Ob Area and Adjacent Areas at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Pp. 125–142.

Tsivitsina O.A. Gruntovyi mogil'nik Firsovo-1 [The Firsovo-1 Burial Ground]. *Kul'turologiia i istoriia drevnikh i sovremennykh obshchestv Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Culturology and History of Ancient and Modern Societies of Siberia and the Far East]. Omsk : Izd-vo OmGPU, 2002. Pp. 286–287.

Shamshin A.B. Firsovskii arkhеologicheskii mikroraion. Nekotorye itogi i perspektivy issledovaniia [Firsovo Archaeological Microdistrict. Some Results and Research Prospects]. *Problemy arkhеologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii. T. III* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. III]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkhеologii i etnografii SO RAN, 1997. Pp. 326–331.

Shamshin A.B. Perekhodnoe vremia ot epokhi bronzы k epokhe rannego zheleza v Barnaul'skom Priob'e (VIII–VI vv. do n.e.) [Transition Time from the Bronze Age to the Early Iron Age in the Barnaul Priobye (the 8th – 6th Centuries BC)]. *Zapadnosibirskaia lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* [Zapadnosibirsk Forest-Steppe Region at the Turn of the Bronze and Iron Ages]. Tiumen' : Izd-vo Tium. gos. un-t, 1989. Pp. 116–129.

Shirin Iu.V. Tipy poselenii epokhi pozdnei bronzы i “perekhodnogo perioda” na iuge Kuznetskoi kotloviny [Types of Settlements of the Late Bronze Age and the “Transition Period” in the South of the Kuznetsk Basin]. *Aridnaia zona iuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzы* [Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2004. Pp. 170–184.

D.V. Papin, A.S. Fedoruk, O.A. Fedoruk, Ya.V. Frolov

Altai State University, Barnaul, Russia;

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

FIRSOVO-1 – FUNERAL COMPLEX OF THE FINAL BRONZE AGE IN THE BARNAUL PRIOBYE

The article considers the cultural affiliation of the new burial site at the Firsovo-1 burial ground, investigated in the territory of the Firsovo archaeological microdistrict in the Barnaul Priobye. As a result of the excavations, the research was done of the burial object, consisting of a system of ditches and graves; its features are the presence of a ditch with a diameter of up to 22 m and the use of wooden poles. Based on the typological analysis of ceramics, implements, and planning of burial sites, it is concluded that the burial materials belong to the Final Bronze Age. The peculiarities of vessel ornamentation and the results of technical and technological research of ceramics demonstrate the processes of transformation of the Irmenskaya cultural tradition at the turn of the Late Bronze and transition time from the Bronze to Iron; with maintenance of the common Irmenskaya ornamentation of ceramics, the influence of the inocultural component, which is expressed in the tradition of adding grit to the molding mass, is quite significant. The closest analogies are from the Firsovo-18, Mylnikovo-1, Maly Gorybinsky Cordon-1/3 (MGC-1/3) settlements and the Maly Gonbinsky Cordon burial ground (MGC-1/5).

Key words: Barnaul Ob region, Final Bronze, burial ground, burial rite.

**КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК САРГАТСКОЕ-IV.
К СПЕЦИФИКЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРИИРТЫШЬЕ В КОНЦЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(по материалам погребальных комплексов)**

Погребальные памятники являются одним из наиболее информативных видов археологических источников при изучении вопросов межкультурного взаимодействия, особенностей культурно-исторических процессов и вопросов хронологии. В полной мере это относится к погребальным комплексам заключительного периода эпохи бронзы лесостепного Прииртышья. В статье публикуются материалы исследованного кургана могильника Саргатское-IV в Омской области, оставленного, по мнению авторов, носителями синкретичной культуры лесостепного Прииртышья конца эпохи бронзы, сложившейся в результате взаимодействия местного андронидного и пришлого из Приобья (или Барабы) населения ирменской культуры. С привлечением всех известных и исследованных погребальных комплексов этого времени в Прииртышье в публикации ставятся вопросы о специфике культурно-исторической ситуации в регионе, о регулярном и продолжительном взаимодействии ирменского и андронидного населения Прииртышья. Культурную принадлежность последнего авторы определяют как сузгунскую, исходя из культурно-хронологической схемы, согласно которой генетически связанные пахомовские и сузгунские древности характеризуют два последовательных этапа, отражающих хронологически различные стадии процесса трансформации андронидного культурного комплекса, что подтверждается в том числе материалами рассматриваемых погребальных памятников. В связи с этим авторы обращают внимание на альтернативную схему синхронизации ирменских и андронидных древностей, реконструируемую новосибирскими коллегами на материалах Барабы.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, погребальные памятники, финальный период эпохи бронзы, андронидная культурно-историческая общность, пахомовская культура, сузгунская культура, среднеиртышский («розановский») вариант ирменской культуры.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22)-04

Введение

Погребальные комплексы, относящиеся к древностям андронидной культурно-исторической общности западно-сибирской лесостепи, попали в поле зрения археологов еще в середине прошлого века. Тем не менее на исходе восьмого десятилетия изучения можно с полным основанием констатировать, что могильники постандроновского периода эпохи бронзы на территории лесостепной и предтаежной зон Западной Сибири все еще исследованы (и продолжают изучаться) крайне неравномерно. Любопытно, что диспропорция проявляется в традиционном для археологии ключе – в соотношении исследованных поселенческих и погребальных комплексов, но при этом неодинаково в разных регионах. Если на востоке ареала, в Обь-Иртышской лесостепи (в первую очередь мы имеем в виду Барабу) к настоящему времени изучены уже сотни погребений этого времени, то на пространстве от Иртыша до Тобола количество исследованных и опубликованных погребальных комплексов продолжает исчисляться единицами – при гораздо более заметном количестве изученных и опубликованных поселенческих объектов. С одной стороны, этот дисбаланс объективно приводит к появлению (на базе, главным образом, барабинских материалов) новых

гипотез и интерпретаций межкультурного взаимодействия и культурогенеза в рамках культурно-исторических общностей эпохи бронзы, а с другой – существенно затрудняет верификацию новых материалов и концепций с уже имеющимися, построенными на основании преимущественно поселенческих комплексов.

В этой связи возрастает ценность публикации каждого нового памятника, характеризующего погребальные комплексы эпохи поздней и финальной бронзы Тоболо-Иртышья, будь то совершенно «свежие» материалы или же ранее полученные, но «запоздавшие» к введению в научный оборот. Тем более что именно в лесостепном Прииртышье за последние два десятка лет открыт целый ряд могильников эпохи поздней бронзы и переходного времени: Батаково-XXI [Погодин, Полеводов, Плешков, 1997, с. 121], Боровянка-XVII [Погодин, Полеводов, 2006, с. 120, рис. 1], Боровянка-XVIII, XXIII, XXVII [Полеводов, 2008, с. 72, рис. 1, 3], Омская крепость-II, III [Герасимов и др., 2015, с. 206].

Описание материалов

В 2004 г. одним из авторов настоящего сообщения была исследована одна из насыпей курганного могильника Саргатское-IV, расположенного примерно в 60 км севернее Омска (рис. 1). Могильник в составе пяти курганных насыпей был выявлен еще в 1969 г. известным археологом-сибиреведом В.А. Могильниковым. В ходе повторного обследования в 1990 г. М.Ю. Сафаровым было установлено наличие еще 11 насыпей округлой в плане формы. Таким образом, могильник включал не менее 15 насыпей (часть из которых распаивается), вытянутых цепочкой вдоль северного и северо-восточного берега озера, приуроченного к западной кромке пойменной гривы в левобережье р. Иртыш. Размеры насыпей колеблются в пределах от 4 до 22 м в диаметре, от 0,25 м до 2,2 м в высоту.

Для раскопок был выбран курган №12, диаметром около 14 м и 0,8 м в высоту. Насыпь выглядела оплывшей, хорошо задернованной, следы грабительских раскопок визуально не фиксировались. Скорее всего, ранее курган распаивался. В связи с тем, что уже вскоре после начала разборки насыпи на ее периферии обнаружилось наличие ровиков, конфигурация раскопа с первоначально выбранной радиальной формы была изменена на квадратную, совпадающую с предполагаемой конфигурацией ровиков. При снятии насыпи, представленной преимущественно темно-серой супесью с вкраплениями более светлых тонов, выяснилось, что, во-первых, в ее толще встречаются многочисленные находки: мелкие фрагменты керамики (около 350), зубы и кости травоядных животных (преимущественно лошади), комочки обожженной глины, скопления рыбьей чешуи и жаберные крышки, а во-вторых, насыпь кургана оказалась насквозь пропитана влагой (грунтовые воды щелочного состава). Насыщенность кургана агрессивными водами в течение последних десятилетий (или даже столетий) отрицательно повлияла на сохранность находок. Из-за этого, в частности, не удалось полноценно зафиксировать фрагмент бронзового изделия, найденный в верхних горизонтах насыпи, примерно в 4 м к север-северо-западу от ее центра. Непосредственно в процессе раскопок были извлечены отдельные чешуйки размером 2×3 и 6×6 мм. Скорее всего, изначально оно представляло собой бронзовую пластину малой толщины. Насколько изделие могло быть связано с курганным комплексом, также остается неясным, в то время как находки керамики, большинство из которых, судя по орнаментации, относятся к андроновской (федоровской) культуре, и костей животных достаточно

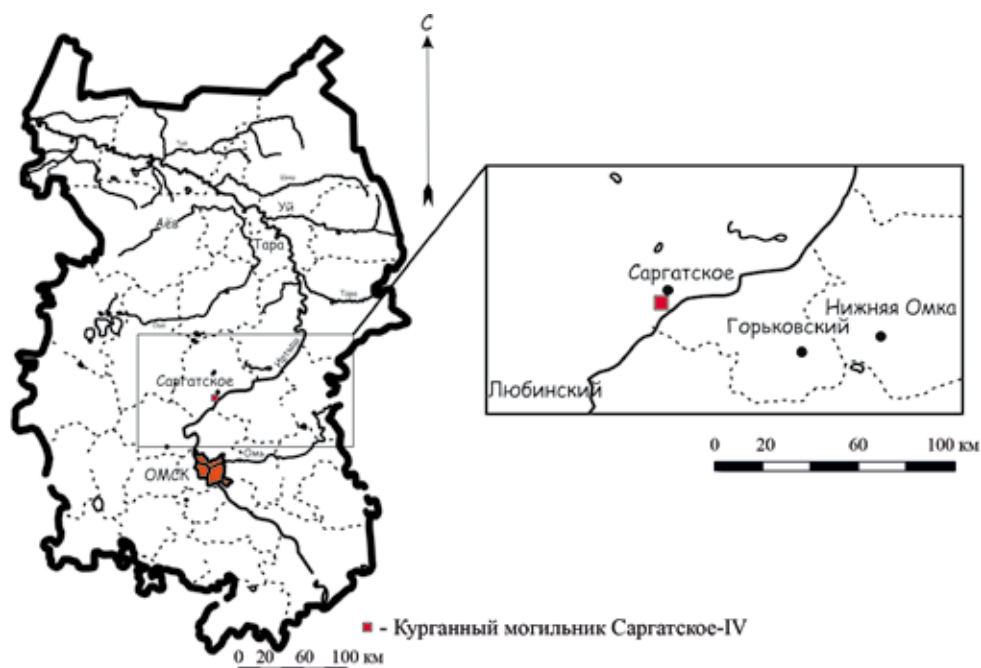

Рис. 1. Карта Омской области с указанием места археологических раскопок

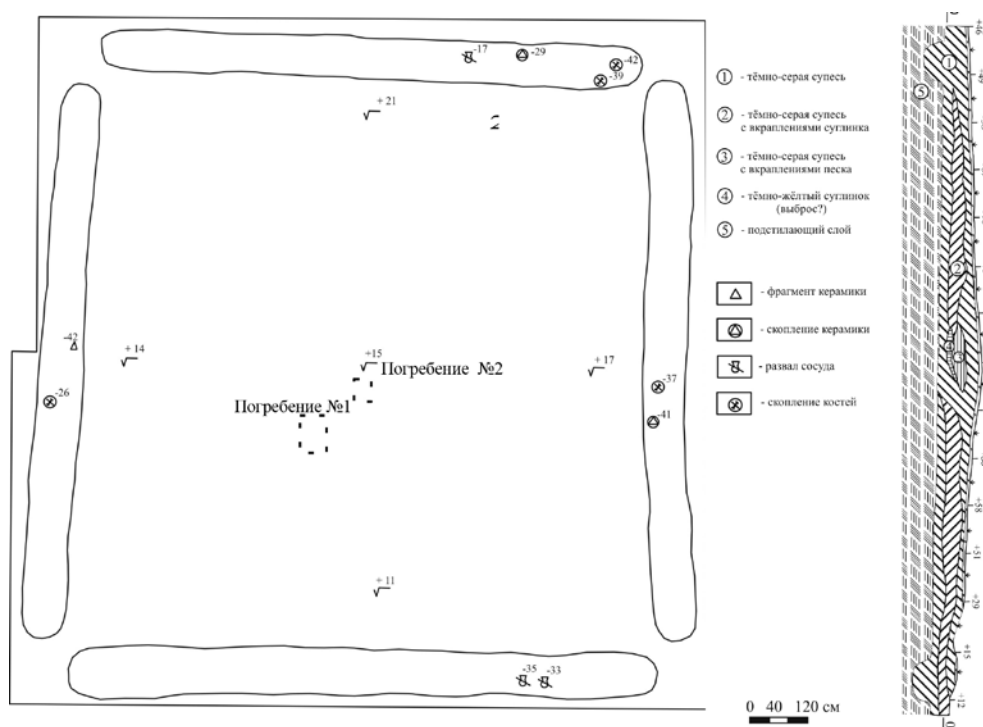

Рис. 2. Курганный могильник Саргатское-IV. План объектов кургана №12

уверенно можно интерпретировать как поселенческие остатки, не имеющие прямого отношения к погребению. Их попадание в толщу насыпи, судя по всему, связано с ее формированием из пластов грунта, изъятых из поселенческого слоя, находящегося, по всей видимости, за пределами могильного поля, поскольку ни на погребенной почве, ни на материке никаких объектов, могущих быть связанными с поселением, выявлено не было.

Непосредственно с погребальным комплексом (рис. 2) связаны остатки погребений (погребения?), обнаруженные в центральной части насыпи, и комплекс ровиков, оконтуривающих пространство примерно 12×12 м. Собственно погребения представлены двумя компактными скоплениями человеческих останков, расположенных в самом центре кургана, на сравнительно небольшом расстоянии (0,7–0,8 м) одно от другого, в силу чего автор раскопок описал их как два отдельных объекта.

Погребение 1 (рис. 3.-1) располагалось примерно в 0,8 м к юго-западу от центра кургана, представлено остатками раздавленного черепа* без лицевых костей; сохранились только кости черепного свода, верхняя челюсть, носовая и лобная части, хотя в целом анатомический порядок их сохранен. Череп лежал на левой стороне, сохранившаяся лицевая часть обращена на юго-восток. Диаметр свода черепа около 16 см, по-видимому, он принадлежал женщине или подростку. В 25 см севернее данного черепа обнаружена массивная нижняя челюсть (расстояние между головками суставов 12 см). Судя по зубам, челюсть принадлежала мужчине возмужалого возраста. Рядом с челюстью находились обломок ключицы, обломок лопаточной кости, фрагмент затылочной кости и четыре мелких кости стопы. В 15 см к северо-западу от черепа находился фрагмент шейного отдела человеческого позвоночника (восемь позвонков в анатомическом порядке), лежащий по линии СЗ–ЮВ. Весь костный материал, в особенности кости черепа и позвоночника, крайне плохой сохранности. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение 2 (рис. 3.-2) располагалось непосредственно в центре насыпи (на перекрестии бровок) и представлено также остатками человеческого черепа с плохо сохранившимися костями черепного свода (лежавшего теменной частью в направлении на север) и фрагментом верхней челюсти с уцелевшими резцами и премолярами. Диаметр свода черепа около 20 см. Судя по размерам черепа и зубам верхней челюсти, останки принадлежали мужчине возмужалого возраста. Сопроводительный инвентарь также отсутствовал.

При этом сохранившиеся антропологические останки располагались непосредственно на материке (темно-желтом суглинке), из чего можно заключить, что, скорее всего, изначально погребенные были помещены в грунтовую яму (ямы?), вырытую в древнем почвенном слое без заглабления в «материк». Уровень и толщину этого (погребенного) слоя (до 0,4–0,5 м) маркировали линзы темно-желтого суглинка – выбросы из ровиков, которые зафиксированы при выборке насыпи и на бровках (рис. 2).

Состав и взаиморасположение зафиксированных останков не позволяют однозначно судить ни о первоначальном количестве умерших и их положении в момент захоронения, ни о том, были ли это, строго говоря, два самостоятельных объекта (по-

* Здесь и далее определения антропологического и остеологического материала выполнены заместителем главного врача Омского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, к.м.н. А.А. Сиротиним.

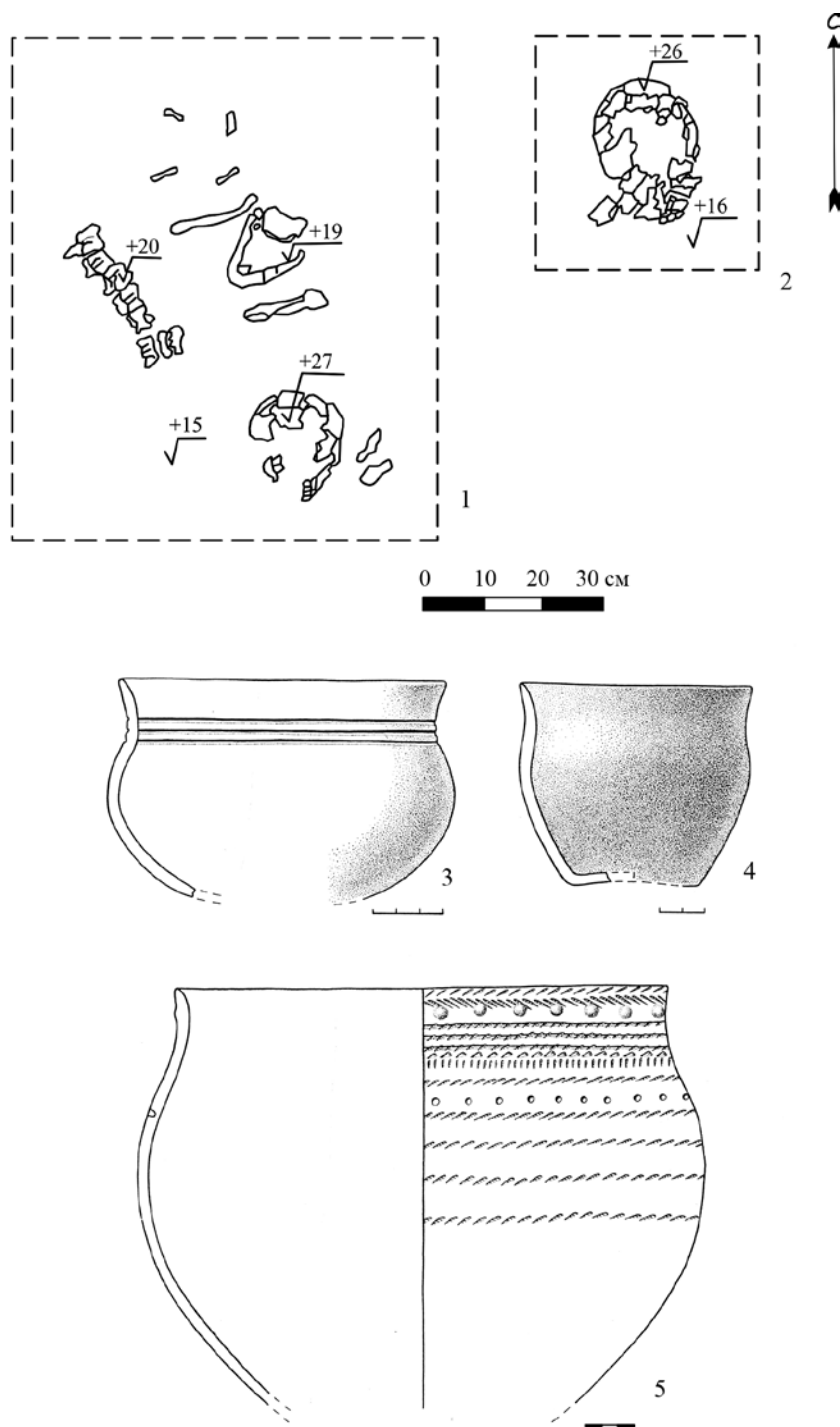

Рис. 3. План погребений (1, 2) и керамические сосуды (3–5) кургана №12 могильника Саргатское-IV

гребения) или же остатки одного коллективного. Также под вопросом остается собственно характер погребений – имела ли место в данном случае ингумация, существенно потревоженная при более поздних (по времени) манипуляциях с останками умерших, либо крайне ограниченный состав антропологического материала и его хаотичное расположение маркирует какие-то формы парциальных захоронений. С определенной степенью вероятности, по ряду косвенных признаков можно предположить, что в кургане были захоронены (неполные?) останки до трех человек (в том числе двух взрослых мужчин), уложенные на «материк». Об ориентации погребенных в таких условиях судить трудно, но, судя по положению черепов и некоторых других костей, допустимо предполагать использование общего направления ЮВ–СЗ.

Территорию собственно погребального комплекса оконтуривала система ровиков (рис. 2), образующих разомкнутый четырехугольник, ориентированный по сторонам света, и, судя по всему, маркирующих т.н. «сакрализованное пространство» [Бобров, 1991, с. 62], или «пространство некросферы» [Корусенко, Полеводов, 2016, с. 240]. Впрочем, наличие перемычек шириной 0,4–0,6 м между ровиками как будто указывает, что доступ «извне» на данную территорию был вполне возможен, по крайней мере, формально или на какой-то период времени. Длина отдельных отрезков (ровиков) колебалась от 11,2 до 12,2 м, ширина – от 0,40 до 0,54 м. Стенки прямые, дно неровное, чашевидное или слабо уплощенное, глубина колебалась от 0,25 (от уровня материка) до 0,45 м. Заполнение ровиков представлено темно-серой супесью, аналогичной по составу слагающей собственно насыпь. В них на разных уровнях обнаружены несколько скоплений костей животных, в том числе (в северном ровике) фрагмент челюсти лошади, а также три керамических сосуда, один в северном ровике (рис. 3.-4) и два – в южном (рис. 3.-3, 5).

Именно эти сосуды играют ключевую роль в культурно-хронологической атрибуции изученного комплекса. Следует сразу оговориться, что такого рода формы сосудов (горшковидные, хорошо профилированные, «средних» и «низких» пропорций, с плоским, округлым или округло-уплощенным дном) вполне характерны для большинства культур эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири [Матющенко, 2001, с. 25, рис. 4.-1, 6, рис. 5–7, 10, 11 и др.; Матющенко, 2006, рис. 3.-2, 4–5, 8 и др.; Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 56, 57]. Тем не менее по меньшей мере два из них (рис. 3.-3, 4), несмотря на практически полное отсутствие орнамента, можно достаточно уверенно атрибутировать как типичные образцы ирменской столовой (или индивидуальной) посуды, активно использовавшейся, в том числе в ритуальных целях [Молодин, 1985, с. 121–123, рис. 60–62; Бобров и др., 1993, с. 86, рис. 9, 10, 16, 32 и др.; Кунгуров, Папин, 2001, рис. 5, 6]. При этом отсутствие или скудость орнамента, ограничивавшегося зачастую нешироким бордюром (поясками каннелюр или узким валиком) в нижней части шейки, как отмечают исследователи [Молодин, 1985, с. 119], отнюдь не является чем-то из ряда вон выходящим именно для ирменских погребальных комплексов западного ареала культуры, включая Прииртышье [Труфанов, 1991, с. 75, рис. 2; Погодин, Полеводов, 2006, рис. 2–5] (рис. 4.-1–8, 12, 14, 17).

Гораздо более любопытен третий сосуд (рис. 3.-5). Заметно более крупные размеры, присущие обычно т.н. «кухонной» посуде, что дополнительно подчеркивается его типично «поселенческой» орнаментацией, указывают скорее на ситуативное включение этого образца в состав «вещей некросферы» [Корусенко, Полеводов,

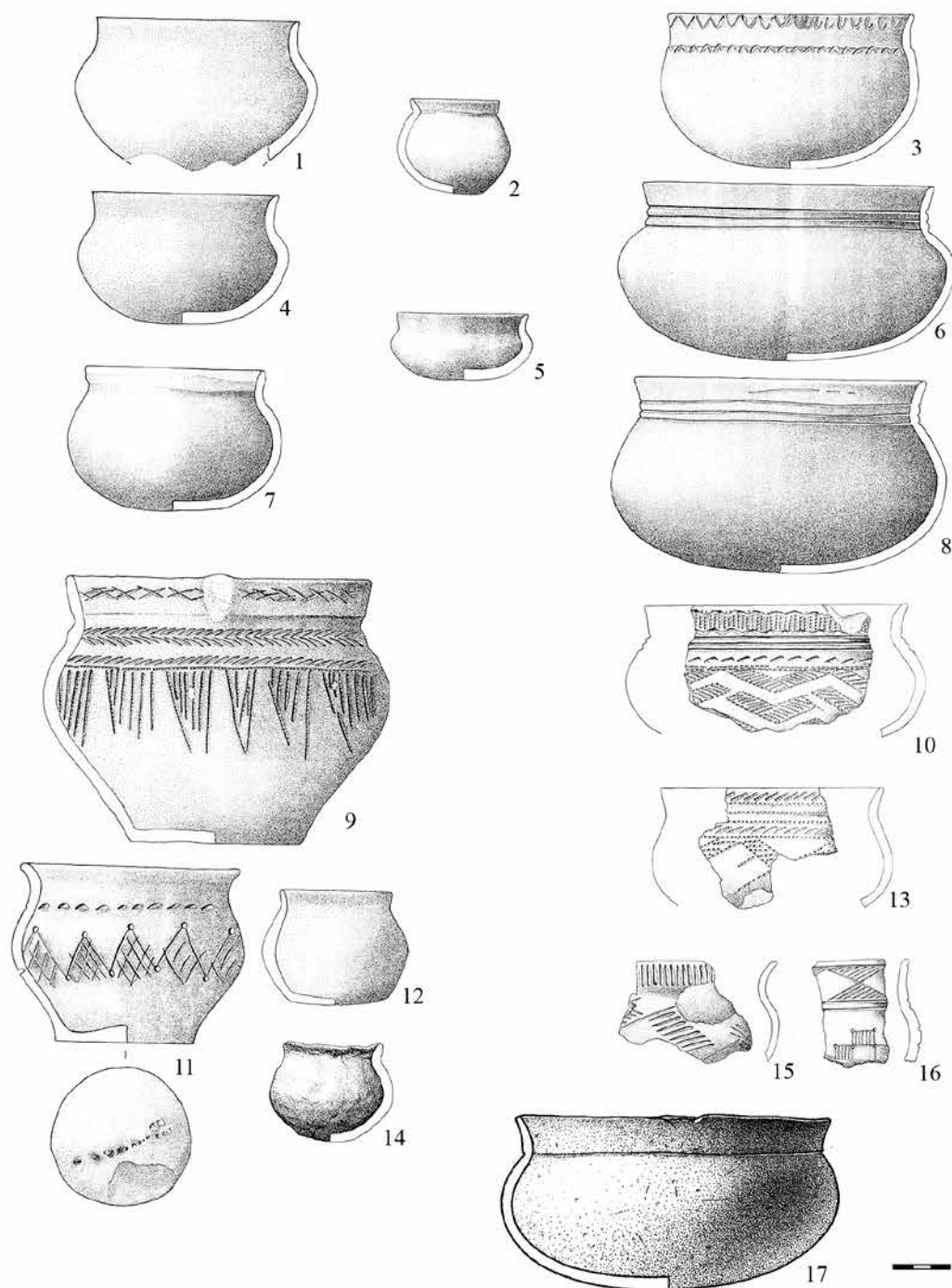

Рис. 4. Ирменская и сузгунская керамика из ирменско-сузгунских погребений лесостепного Прииртышья: 1–16 – Боровянка-XVII, по: [Погодин, Полеводов, 2006]; 17 – Боровянка-XXIII, курган 5

2016, с. 244]. Композиционное построение и используемые орнаментальные мотивы являются вполне традиционными для керамических сервизов андронидных культур Тоболо-Иртышья, в первую очередь пахомовской и сузгунской. Желобки с «насечками» в виде коротких оттисков гладкого или гребенчатого штампа вообще считаются специфическим признаком пахомовской орнаментики [Корочкова, 2010, с. 58], но также встречаются в сузгунских и даже позднесузгунских комплексах [Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 53, 56, табл. I–III; Полеводов, 2003, с. 15]. Своеобразие сосуда придает сочетание этого мотива с пояском «жемчужин» на шейке вместо обычных для пахомовской и сузгунской керамики ряда ямочных вдавлений. Однако подобная орнаментальная схема вполне типична для смешанной сузгунско-ирменской посуды (применительно к которой вполне уместна приставка «поздне-»), почти в обязательном порядке присутствующей в составе керамических комплексов ирменских и сузгунских поселений лесостепного и предтаежного Прииртышья [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 81, 82, рис. 5; Татаурова и др., 1997, с. 175, рис. 6, 7; Татауров и др., 2011, с. 76, 81, 137–142, рис. 21–23], и столь же синкретичной сузгунско-бархатовской посуды (Чупино, Кучум-Гора) в Приишимье [Голдина, с. 150, 152, табл. 74, 75; Матвеев, Аношко, 2009, с. 193, 201, рис. 98–104]. В свою очередь, «внедрение» «жемчужного» мотива в собственно сузгунскую орнаментальную схему маркирует позднесузгунский тип керамики [Труфанов, 1983, с. 73, табл. 1; Татаурова и др., 1997, с. 178, рис. 7; Глушков, Полеводов, Труфанов, 2001, с. 71, 72, рис. 3.-15, 5.-12] и одноименный завершающий этап развития сузгунских (и в целом андронидных) древностей в Прииртышье и Приишимье, синхронный периоду финальной бронзы или переходному времени от бронзового века к железному [Полеводов, 2003, с. 14, 16–17].

Отметим показательное, на наш взгляд обстоятельство. Собственно форма данного сосуда – широкогорлого, со слабораздутым туловом, с примерно одинаковым соотношением высоты и ширины (диаметра тулова) – по нашему мнению, одинаково близка типам как эпохи поздней бронзы, так и раннего железного века. Преимущество той или иной интерпретации могла бы дать форма дна (плоское или округлое), однако его, к сожалению, не удалось реконструировать, что, однако, не уменьшает впечатления «переходности» облика этого сосуда. В таком ключе отсутствие орнамента на «ирменских» сосудах комплекса (рис. 3.-3, 4) может найти объяснение в контексте общераспространенной тенденции к «обеднению орнаментальных схем» в канун раннего железного века. В лесостепном Прииртышье эту тенденцию особенно отчетливо демонстрирует керамический комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XVII [Погодин, Полеводов, 2006] (рис. 4.-1–16).

Выводы

Таким образом, анализ керамического сервиза кургана №12 могильника Саргатское-IV свидетельствует в пользу его принадлежности смешанному ирменско-сузгунскому населению Прииртышья периода финальной бронзы. Не противоречат этому и иные черты погребального комплекса – в частности система ровиков, оконтуривающих подквадратную или подпрямоугольную площадку, наличие в этих ровиках сосудов и костей животных, захоронения в древней почве или на уровне «материка». В том или ином объеме они характерны для других могильников лесостепного Прииртышья эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзового века к железному –

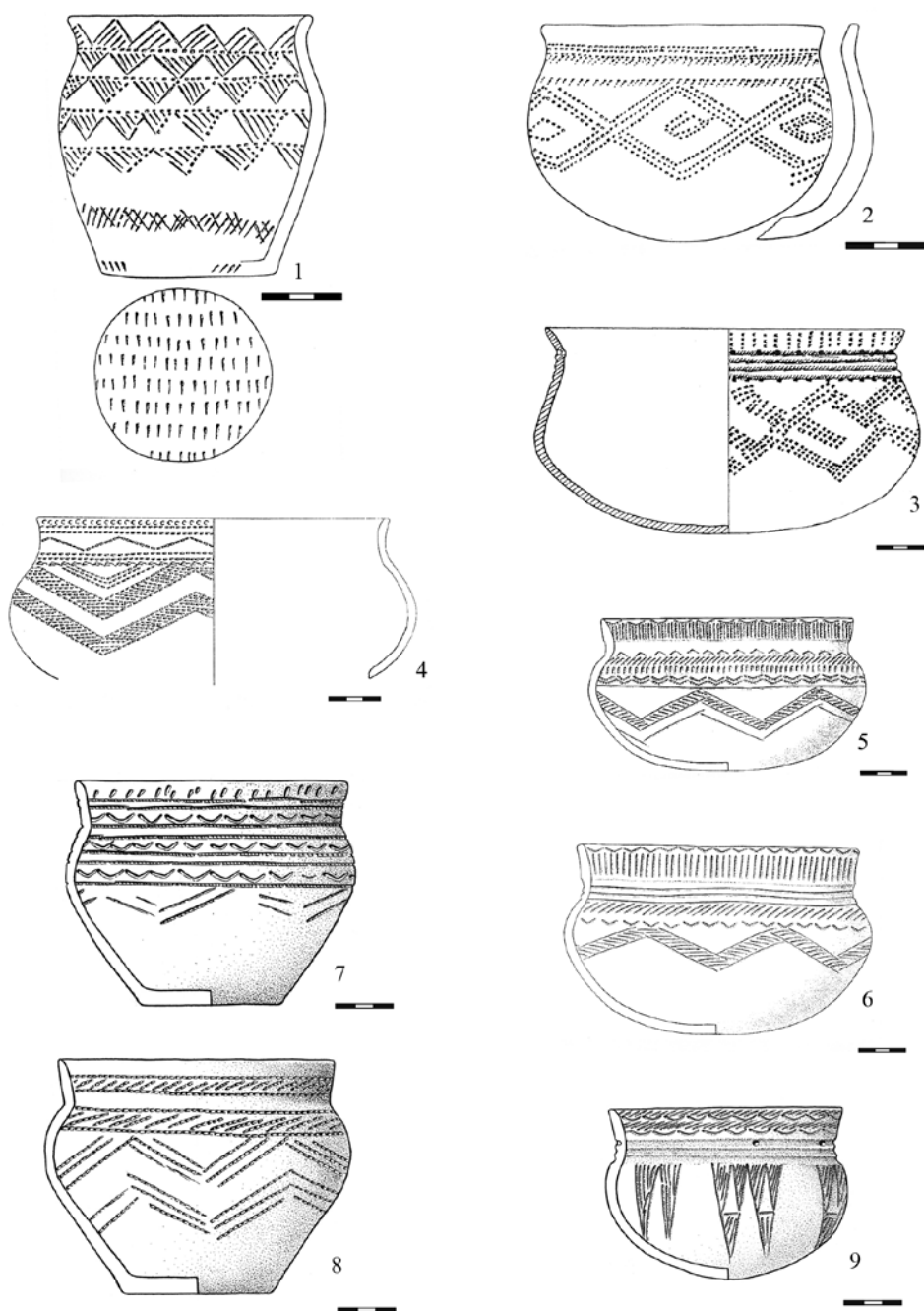

Рис. 5. Сузгунская керамика из погребений лесостепного Прииртышья и северо-западной Барабы: 1, 2 – могильник Протока, по: [Полосьмак, 1985]; 3 – Коконовка-II, курган 1, по: [Могильников, 1968]; 4 – Батаково-XXI, курган 10, по: [Погодин, Полеводов, Плешков, 1997]; 5, 6 – Боровянка-XXVII, курган 10, по: [Полеводов, 2008]; 7–9 – Боровянка-XXVII, курган 25

Калачевке-II [Труфанов, 1991, с. 74, 76, рис. 1], Батаково-XXI, Боровянке-XVII, XVIII, XXIII, XXVII (рис. 4; 5.-3-9, 6). Перечисленные комплексы оставлены ирменским, сузгунским и смешанным ирменско-сузгунским населением, которому, судя по всему, принадлежал и исследованный курган могильника Саргатское-IV.

Как уже отмечалось, наличие андронидной по происхождению керамики в составе керамических комплексов ирменских поселений лесостепного Прииртышья (Сибирская Саргатка-I, Черноозерье-VIII, Розановское городище и др.), по мнению исследователей, отражает специфику среднеиртышского («розановского») варианта ирменской культуры [Стефанов, Труфанов, 1988, с. 84; Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 122], которая, в свою очередь, обусловила несколько иное содержание процессов трансформации ирменской культуры в позднеирменскую в Прииртышье в сравнении с Барабой и Приобьем [Труфанов, 1990, с. 12, 13]. Важно подчеркнуть при этом, что исследователи не подвергали сомнению сузгунскую «природу» андронидных керамических комплексов среднеиртышских ирменских поселений, но при этом большинство из них объясняли (и объясняют) их появление в лесостепи некими «контактами» лесного по происхождению населения с южными соседями [Потемкина, Корочкова, Стефанов, с. 124] либо его экспансией на эти территории.

Сопоставляя эти данные с новыми материалами, в том числе вышеперечисленными погребальными комплексами, можно констатировать, что взаимодействие сузгунского и ирменского населения не исчерпывалось зоной соприкосновения ареалов обеих культур (предтаежное Прииртышье и северо-западная Бараба), но также имело место и в «глубине» освоенного носителями ирменской культуры лесостепного Прииртышья; что это взаимодействие осуществлялось во все время существования ирменских комплексов в Прииртышье, вплоть до переходного времени от бронзового века к железному (включительно); наконец, что характер этого взаимодействия был достаточно тесным, допускавшим не только совместное проживание в поселениях, но даже использование общих кладбищ (Калачевка-II, Боровянка-XXVII).

Наиболее правдоподобным объяснением этому является длительное и, скорее всего, мирное соседство носителей обеих культур в лесостепном Прииртышье. При этом местное, андронидное по происхождению население продолжало сохранять некоторую самобытность и после закрепления лесостепного Прииртышья в ирменском ареале, что подтверждается наличием характерной керамики как в поселениях, так и в погребальных комплексах. Вероятно, носители ирменской культуры доминировали в этом взаимодействии, что нашло выражение, в частности, в определенной унификации обрядовых практик обеих групп населения в части организации сакрализованного пространства, устройстве могил и обращении с умершим (на правом боку скорченно, головой в «южные» секторы), погребальном инвентаре и т.д. Во всяком случае, достоверно сузгунские погребения северо-западной Барабы [Полосьмак, 1987], Приишимья [Мошкова, Генинг, 1972, с. 92, 98] и Ишимо-Иртышской лесостепи (район Крутинских озер) [Полеводов, Шерстобитова, 2017, с. 50, 55], т.е., за пределами освоенной ирменцами территории Прииртышья, демонстрируют ряд выразительных отличий: наличие коллективных погребений, вариативные способы обращения с умершими, доминирование позы вытянуто на спине, преимущественная ориентация на север, значительная роль огня в ритуале [Полеводов, Труфанов, 1997; Полеводов, Шерстобитова, 2017, с. 58, рис. 5].

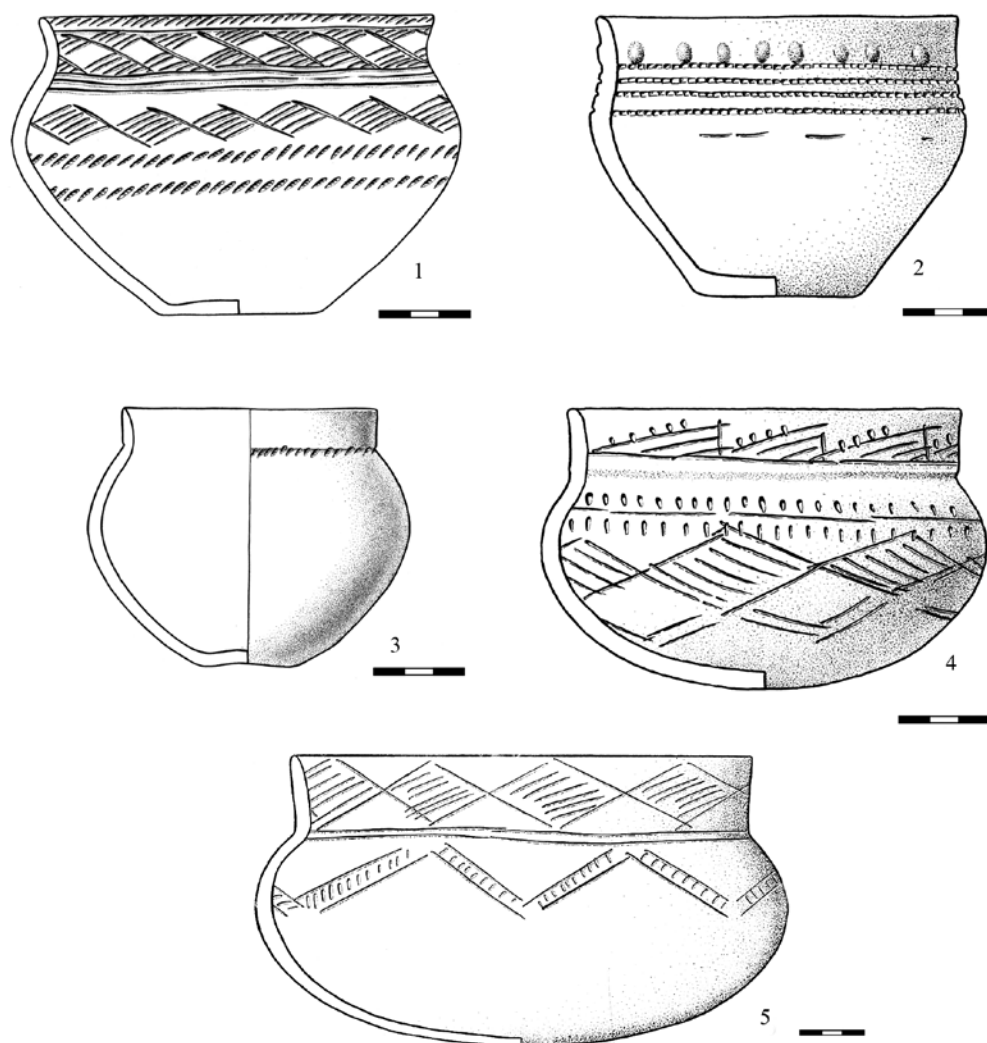

Рис. 6. Ирменская и ирменско-сузгунская керамика из погребений лесостепного Прииртышья: 1, 3 – Боровянка-ХVIII, курган 9; 2, 4 – Боровянка-XXVII, курган 9; 5 – Боровянка-XXVII, курган 23

Обращаем внимание, что все вышеперечисленные погребальные комплексы, будь то собственно сузгунские или сузгунско-ирменские, объединяет ряд общих черт: устройство могил под курганными насыпями в погребенной почве, на уровне или выше материка, а также наличие в сопроводительном инвентаре широкогорлых сосудов низких пропорций с округлым дном и упрощенным геометрическим орнаментом по тулову, а иногда и вовсе без оногo (рис. 3, 4, 5, 6). Эти признаки кардинально отличают данные погребения от пахомовских (Черноозерье-II, Лихачевский, Омская крепость-II, III, Старый Сад)*, для которых характерно помещение умерших в могиль-

* Культурную атрибуцию Усть-Терсукского 2 могильника в качестве принадлежащего пахомовской культуре [Матвеева, Костомаров, 2009] не считаем бесспорной.

ные ямы, вырытые в материке, в сопровождении плоскодонных горшковидных сосудов, в том числе с ярко выраженными «андроноидными» геометрическими узорами, доминирующими в орнаментальной композиции [Генинг, Стефанов, 1991, рис. 1–3; Герасимов и др., с. 206, 207, рис. 1; Молодин и др., 2017].

Эти факты вполне соответствуют предложенной ранее культурно-хронологической схеме андроноидных культурных образований западносибирской лесостепи, «разводящей» генетически связанные пахомовские и сузгунские древности в рамках последовательных хронологических этапов [Труфанов, 1990, с. 11–12; Полеводов, 2002, с. 113; 2003, с. 16, 17], или «историко-культурных пластов» («пахомово-ордынского» и «межовско-ирменского» соответственно) [Корочкова и др., 1991, с. 84, 85; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, с. 119]*. Ключевой момент в данной схеме заключен в признании общей судьбы и общего тренда культурно-исторических процессов, протекавших в среде родственного андроноидного населения. Смена пахомовской культуры сузгунской в лесостепном и южнотаежном Прииртышье стала результатом имманентных процессов дальнейшего угасания традиций, восходящих к «андроновским предкам», и обретения под воздействием внешних импульсов эпохальных черт, присущих культурам конца эпохи бронзы. Одним из таких импульсов, сыгравшим ключевую роль в судьбе прииртышского андроноидного населения как лесостепи, так и леса, стало его взаимодействие с ирменской культурой.

Показательно, что в целом близкую картину соотношения и взаимодействия ирменского и сузгунского населения демонстрируют материалы Барабы. В позднеирменском «протогороде» Чича-I зафиксировано существование сузгунского анклава, синхронного основному комплексу городища [Чича – городище..., т. 3, 2009, с. 44, рис. 1.-19–21]. Причем исследователи совершенно справедливо усматривают аналогии выявленному там сузгунскому керамическому комплексу не в лесной, а в лесостепной сузгунской (или позднесузгунской) керамике сузгунско-ирменских поселений Прииртышья [Чича – городище..., т. 2, 2004, с. 273]. И это не единственное свидетельство сузгунского присутствия в составе ирменских комплексов Барабы. Керамика с (поздне?)сузгунскими чертами встречена также в слое поселения Преображенка-2 [Членова, 1981, рис. 11.-31, 32] и курганах могильника Преображенка-3 [Молодин, 1985, рис. 62.-2, 3].

Эти факты входят в противоречие с гипотезой, продвигаемой в последние годы новосибирскими коллегами, о синхронности выделяемого ими восточного варианта пахомовской культуры с позднеирменской [Молодин и др., 2016, с. 359; Молодин и др., 2017]. В связи с этим обращаем внимание на отсутствие индикаторной для пахомовской культуры посуды так называемой «нарядной» группы в материалах эталонных памятников ирменской (в широком смысле) культуры Барабы – городище Чича-I и могильник Преображенка-3 и, в свою очередь, ирменской (или позднеирменской) керамики – в составе комплексов барабинских памятников восточного варианта пахомовской культуры: Старый Сад, Гришкина Заимка, Ложка-6.

Очевидно, что разрешить эти противоречия позволят лишь дальнейшие исследования и оперативная публикация накапливаемых материалов.

* Не считаем в данном контексте принципиальным решение вопроса о положении пахомовских и сузгунских комплексов в иерархии понятий «культура – тип» или «культура – этап».

Библиографический список

- Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 60–72.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск : Наука, 1993. 157 с.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 52–60.
- Герасимов Ю.В., Корусенко М.А., Полеводов А.В. Некоторые проблемы изучения бронзового века лесостепного Обь-Иртышья в свете новейших находок в Омске // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 204–209.
- Глушков И.Г., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Городище Калугино-I на Крутинских озерах // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут : РИО СурГПИ, 2000. С. 71–81.
- Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // Вопросы археологии Урала. Вып. 8. Свердловск : УрГУ им. А.М. Горького, 1969. С. 138–160.
- Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроновидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург : УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тобол-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : УрГУ, 1991. С. 70–92.
- Корусенко М.А., Полеводов А.В. Новые подходы в интеграции археологических и этнографических материалов // Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мёртвых в свете этноархеологических работ : моногр. Омск : Наука, 2016. С. 233–261.
- Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 3. С. 73–78.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2009. №1. С. 15–25.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 1. Еловский I курганный могильник. Омск : Омск. гос. ун-т, 2001. 62 с.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть 3. Еловский II могильник. Комплексы ирмени и раннего железного века. Омск : Изд-во ОмГУ, 2006. 120 с.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 180 с.
- Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Кобелева Л.С., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Селин Д.В. Новейшие археологические открытия на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. С. 348–352.
- Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М. : Наука, 1972. С. 87–118.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В. Комплекс финальной бронзы могильника Боровянка-XVII в Среднем Прииртышье // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 117–133.
- Погодин Л.И., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково-XXI – новый погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 1997. С. 121–126.
- Полеводов А.В. К характеристике погребального обряда населения лесостепного Прииртышья в эпоху поздней бронзы – канун раннего железного века (по материалам курганного могильника

Боровянка-XXVII) // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул : Концепт, 2008. С. 69–78.

Полеводов А.В. О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: время, пространство, культуры. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 111–113.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 22 с.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде в сузгунской культуре // Россия и Восток. Археология и этническая история : материалы IV Междунар. науч. конф. Омск: 1997. С. 19–23.

Полеводов А.В., Шерстобитова О.С. Погребальные комплексы сузгунской культуры в Ишим-Иртышском междуречье (Усть-Китерма-IV, Усть-Китерма-V) // Вестн. Омск. ун-та. Сер. : Исторические науки. 2017. Вып. 3(15). С. 50–61.

Полосьмак Н.В. Работы Западносибирского отряда // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 267–277.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М. : ПАИМС, 1995. 200 с.

Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка-I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 75–88.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. Омск : Наука, 2011. 196 с.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеев-XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск : Омск. ун-т, 1997. С. 162–191.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-I (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1983. С. 63–76.

Труфанов А.Я. Ирменский курган могильника Калачевка-II // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск : Омск. ун-т, 1991. С. 72–78.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 13 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 2. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Т. 3. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 248 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск : Наука, 1981. С. 4–42.

References

Bobrov V.V. Osobennosti pogrebal'nogo obryada irmenskoj kul'tury v Kuznetskoj kotlovine [Features of the Burial Rite of the Irmen'skaya Culture in the Kuznetsk Basin]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtys'h'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshya]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 60–72.

Bobrov V.V., Chikisheva T.A., Mikhaylov YU.I. Mogil'nik epokhi pozdney bronzy ZHuravlevo-4 [Zhuravlevo-4 Burial Ground of the Late Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1993. 157 p.

Gening V.F., Stefanov V.I. Mogil'niki andronoidnoy kul'turnoy obshchnosti Ishimskoy lesostepi [Cemeteries of the Andronoid Cultural Community of the Ishim Forest-Steppe]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtys'h'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshya]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 52–60.

Gerasimov YU.V., Korusenko M.A., Polevodov A.V. Nekotoryye problemy izucheniya bronzovogo veka lesostepnogo Ob'-Irtys'h'ya v svete noveyshikh nakhodok v Omske [Some Problems of Studying the Bronze Age of the Forest-Steppe Ob-Irtyshia in the Light of Recent Finds in Omsk]. Arkheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Archaeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Studies]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 204–209.

Glushkov I.G., Polevodov A.V., Trufanov A.YA. Gorodishche Kalugino I na Krutinskikh ozerakh [Kalugino I Hillfort on Krutinsk Lakes]. *Materialy po arkhologii Ob'-Irtysh'ya* [Materials on the Archaeology of the Ob-Irtyshye]. Surgut : RIO SurGPI, 2000. Pp. 71–81.

Goldina R.D. Gorodishche Kuchum-Gora [Ancient Settlement of Kuchum-Gora]. *Voprosy arkheologii Urala*. Vyp. 8 [Questions of Archaeology of the Urals. Issue 8]. Sverdlovsk : UrGU im. A.M. Gor'kogo. 1969. Pp. 138–160.

Korochkova O.N. Vzaimodeystviye kul'tur v epokhu pozdney bronzy (andronoidnyye drevnosti Tobol-Irtysh'ya) [Interaction of Cultures in the Late Bronze Age (andronoid antiquities of Tobol-Irtyshia)]. Ekaterinburg : UralYUrlzdat, 2010. 104 p.

Korochkova O.N., Stefanov V.I., Stefanova N.K. Kul'tury bronzovogo veka predtayezhnogo Tobol-Irtysh'ya (po materialam rabot UAE) [Cultures of the Bronze Age of the Pre-taiga Tobol-Irtyshye (based on the work of UAE)]. *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Archaeology in the Urals]. Ekaterinburg : UrGU, 1991. Pp. 70–92.

Korusenko M.A., Polevodov A.V. Novyye podkhody v integratsii arkheologicheskikh i etnograficheskikh materialov [New Approaches in the Integration of Archaeological and Ethnographic Materials]. *Etnografo-arkheologicheskiye komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: mogily, mogil'niki, pogrebal'nyy obryad i mir mertsykh v svete etnoarkheologicheskikh rabot : monogr.* [Ethnographic and Archaeological Complexes of the Tarski Priirtyshye Peoples: Graves, Cemeteries, Funeral Rite and the World of the Dead in the Light of Ethnoarchaeological Works: Monogr.] Omsk : Nauka, 2016. Pp. 233–261.

Kungurov A.L., Papin D.V. Materialy final'noy bronzy arkheologicheskogo kompleksa Malyy Gon'binskiy Kordon-1 [Materials of the Final Bronze of the Maly Gonbinskiy Kordon-1 Archaeological Complex]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Vyp. 3 [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography. Issue 3]. Pp. 73–78.

Matveyev A.V., Anoshko O.M. Zaural'ye posle andronovtsev: barkhatovskaya kul'tura [Zauralye after Andronovo People: Barchatovskaya Culture]. Tyumen' : OAO "Tyumenskiy dom pečati", 2009. 416 p.

Matveyeva N.P., Kostomarov V.M. K voprosu ob osobennostyakh pogrebal'nogo obryada naseleniya pakhomovskoy kul'tury lesostepi Zapadnoy Sibiri [To the Question of the Peculiarities of the Burial Rite of the Population of the Pakhomovskaya Culture of the Forest-Steppe of Western Siberia]. *Vestn. Tyum. gos. un-ta* [Vestnik of Tyumen State. University]. 2009. №1. Pp. 15–25.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkheologicheskii kompleks. CHast' 1. Elovskiy I kurgannyi mogil'nik [Elovsky Archaeological Complex. Part 1. Elovsky I Burial Mound]. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2001. 62 p.

Matyushchenko V.I. Elovskiy arkheologicheskii kompleks. CHast' 3. Elovskiy II mogil'nik. Komplekсы irmeni i rannego zheleznogo veka [Elovskiy Archeological Complex. Part 3. Elovsky-II Burial Ground. The Complexes of Irmen and the Early Iron Age]. Omsk: Izd-vo OmGU, 2006. 120 p.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk : Nauka, 1985. 200 p.

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. Vostochnyy variant pakhomovskoy kul'tury v TSentral'noy Barabe [Eastern Version of Pakhomovskaya Culture in Central Baraba]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2017. 180 p.

Molodin V.I., KHansen S., Durakov I.A., Raynkhol'd S., Kobeleva L.S., Nenakhova YU.N., Nenaikhov D.A., Demakhina M.S., Selin D.V. Noveyskiye arkheologicheskiye otkrytiya na pamyatnike Tartas-1 [The Latest Archaeological Discoveries on the Tartas-1 Site]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. T. XXII [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. Vol. XXII]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2016. Pp. 348–352.

Moshkova M.G., Gening V.F. Abatskiye kurgany i ikh mesto sredi lesostepnykh kul'tur Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Abbatial Barrows and their Place among the Forest-Steppe Cultures of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Pamyatniki YUzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [The Sites of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. M. : Nauka, 1972. Pp. 87–118.

Pogodin L.I., Polevodov A.V. Kompleks final'noy bronzy mogil'nika Borovyanka-XVII v Srednem Priirtysh'ye [Complex of the Final Bronze Burial Ground Borovyanka-XVII in the Middle Irtysh]. *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka* [Altai in the System of Metallurgical Provinces of the Bronze Age]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 117–133.

Pogodin L.I., Polevodov A.V., Pleshkov E.A. Kurgannyi mogil'nik Batakovo-XXI – novyy pogrebal'nyy pamyatnik suzgunskoy kul'tury [Barrow Burial Ground Batakovo-XXI – a New Funerary Site of the Suzgunskaya Culture], Chetvertyye istoricheskiye chteniya pamyati M.P. Gryaznova [Fourth Historical Reading in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omskiy gos. un-t, 1997. Pp. 121–126.

Polevodov A.V. K kharakteristike pogrebal'nogo obryada naseleniya lesostepnogo Priirtysh'ya v epokhu pozdney bronzy – kanun rannego zheleznogo veka (po materialam kurgannogo mogil'nika Borovyanka-XXVI) [To the Description of the Burial Rite of the Population of the Forest-Steppe Priirtyshye in the Late Bronze Age – the Eve of the Early Iron Age (Based on the Borovyanka-XXVII Burial Mound)]. Etnokul'turnyye protsessy v Verkhnem Priob'ye i sopredel'nykh regionakh v kontse epokhi bronzy [Ethnocultural Processes in the Upper Ob Area and Adjacent Regions at the End of the Bronze Age]. Barnaul : Kontsept, 2008. Pp. 69–78.

Polevodov A.V. O tipologicheskom i khronologicheskom sootnoshenii suzgunskikh i pakhomovskikh drevnostey [On the Typological and Chronological Relationship of the Suzgunskie and Pakhomovskie Antiquities]. Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: vremya, prostranstvo, kul'tury [Northern Eurasia in the Bronze Age: Time, Space, Cultures]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2002. Pp. 111–113.

Polevodov A.V. Suzgunskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoy Sibiri : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Suzgunskaya Culture in the Forest-Steppe of Western Siberia: the Synopsis of the dis. ... cand. Hist. sciences]. M., 2003. 22 p.

Polevodov A.V., Trufanov A.YA. O pogrebal'nom obryade v suzgunskoy kul'ture [On the Funeral Rite in the Suzgunskaya Culture]. Rossiya i Vostok. Arkheologiya i etnicheskaya istoriya : materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. [Russia and the East. Archaeology and Ethnic History: Materials of the IV International Scientific Conference]. Omsk: 1997. Pp. 19–23.

Polevodov A.V., SHERSTOBITOVA O.S. Pogrebal'nyye komplekсы suzgunskoy kul'tury v Ishimo-Irtyshskom mezhdurech'ye (Ust'-Kiterma-IV, Ust'-Kiterma-V) [Burial Complexes of the Suzgunskaya Culture in the Ishimo-Irtysh Interfluvium (Ust'-Kiterma-IV, Ust'-Kiterma-V)]. Vestn. Omsk. un-ta. Ser. : Istoricheskiye nauki. 2017. Vyp. 3(15) [Vestnik of Omsk University. Series: Historical Sciences. 2017. Vol. 3 (15)]. Pp. 50–61.

Polos'mak N.V. Raboty Zapadnosibirskogo otryada [Works of the West Siberian Detachment]. Arkheologicheskiye otkrytiya 1985 goda [Archaeological Discoveries of 1985]. M., 1987. Pp. 267–277.

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I. Lesnoye Tobolo-Irtysh'ye v kontse epokhi bronzy [Forest Tobol-Irtysh at the End of the Bronze Age]. M. : PAIMS, 1995. 200 p.

Stefanov V.I., Trufanov A.YA. K voprosu o svoeobrazii irmenskoy kul'tury v Srednem Priirtysh'ye (po materialam poseleniya Sibirskaya Sargatka-I) [On the Question of the Peculiarity of the Irmenskaya Culture in Middle Irtysh (Based on the Materials of the Siberian Sargatian-I Settlement)] Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urals i Zapadnoy Sibiri [Material Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia]. Sverdlovsk : UrGU, 1988. Pp. 75–88.

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tikhonov S.S., SHERSTOBITOVA O.S., Garkusha M.A. Arkheologicheskiye mikrorayony Zapadnoy Sibiri: teoriya i praktika issledovaniy [Archaeological Microdistricts of Western Siberia: Theory and Practice of Research]. Omsk : Nauka, 2011. 196 p.

Tataurova L.V., Polevodov A.V., Trufanov A.YA. Alekseyev-XXI – pamyatnik epokhi pozdney bronzy predtayezhnogo Priirtysh'ya [Alekseyev-XXI – a Site of the Late Bronze Age of the Pre-Taiga Priirtyshye]. Arkheologicheskiye mikrorayony Zapadnoy Sibiri [Archaeological Microdistricts of Western Siberia]. Omsk : Omsk. un-t, 1997. Pp. 162–191.

Trufanov A.YA. Zhertvennoye mesto Khutor Bor-I (o kul'turno-khronologicheskom svoeobrazii pamyatnikov epokhi pozdney bronzy lesnogo Priirtysh'ya) [The Sacrificial Place Khutor Bor-I (about the Cultural and Chronological Originality of the Sites of the Late Bronze Age of the Forest Priirtyshye)]. Etnokul'turnyye protsessy v Zapadnoy Sibiri [Ethnocultural Processes in Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta, 1983. Pp. 63–76.

Trufanov A.YA. Irmenskiy kurgan mogil'nika Kalachevka-II [Irmensky Barrow of the Kalachevka-II Burial Ground]. Drevniye pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya [Ancient Burials of the Ob-Irtyshye]. Omsk : Omsk. un-t, 1991. Pp. 72–78.

Trufanov A.YA. Kul'tury epokhi pozdney bronzy i perekhodnogo vremeni k zheleznomu veku lesostepnogo Priirtysh'ya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Cultures of the Late Bronze Age and Transitional

Period to the Iron Age of the Forest-Steppe of the Irtysh Region: the Synopsis of the Dis. ... cand. Hist. Sciences]. Kemerovo, 1990. 13 p.

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzы k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi [Chicha – an Ancient Transitional Settlement from the Bronze to the Iron Age Time in the Barabinsk Forest-Steppe. Vol. 2]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2004. 336 p.

Chlenova N.L. Svyazi kul'tur Zapadnoy Sibiri s kul'turami Priural'ya i Srednego Povolzh'ya v kontse epokhi bronzы i v nachale zheleznogo veka [Connections of Cultures of Western Siberia with the Cultures of the Urals and the Middle Volga Region at the End of the Bronze Age and at the Beginning of the Iron Age]. Problemy zapadnosibirskoy arkheologii. Epokha zheleza [Problems of West Siberian Archaeology. The Iron Age]. Novosibirsk : Nauka, 1981. Pp. 4–42.

A.V. Polevodov, M.Yu. Safarov

Ministry of Culture of the Omsk Region, Omsk, Russia;

Omsk State Historical and Cultural Museum-“Starina Sibirskaya”, Reserve Omsk, Russia

**SARGATSKOYE IV BURIAL GROUND. TO THE SPECIFICITY
OF CULTURAL - HISTORICAL PROCESSES IN THE FOREST-STEPPE
PRIIRTYSHYE AT THE END OF THE BRONZE AGE
(based on the materials of the funerary complexes)**

Burial monuments are one of the most informative types of archaeological sources when studying the issues of intercultural interaction, features of cultural and historical processes and chronology issues. This fully applies to the funeral complexes of the final period of the Bronze Age of the forest-steppe Priirtyshye. The article publishes the materials of the burial site of the Sargatsky IV burial ground in the Omsk region, left, in the opinion of the authors, by the carriers of the syncretic culture of the forest-steppe Priirtyshye of the end of the Bronze Age, formed as a result of the interaction of the local andronoid population and the population of the Irmenskaya culture from the Priobye (or Baraba). With the involvement of all known and explored funerary complexes of this time in Priirtyshyshe, the publication raises questions about the specifics of the cultural and historical situation in the region, the regular and continuous interaction of the Irmenskoye and andronoid population of the Irtysh. The cultural origin of the latter is defined by the authors as the Suzgunskaya culture, proceeding from the cultural and chronological scheme according to which the genetically related Pakhomovskie and Suzgunskie antiquities characterize two successive stages reflecting the chronologically different stages of the transformation process of the andronoid cultural complex, which is confirmed, among other things, by the materials of the burial sites under consideration. In this regard, the authors draw attention to the alternative scheme of synchronization of Irmenskie and andronoid antiquities, reconstructed by Novosibirsk colleagues on the materials of Baraba.

Key words: intercultural interaction, funeral monuments, the final period of the Bronze Age, andronoid cultural and historical community, Pakhomovskaya culture, Suzgunskaya culture, Middle Irtysh (Rozanov) variant of the Irmenskaya culture.

СТРАТИГРАФИЯ ПАМЯТНИКОВ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАЗАНСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Исследуется стратиграфия IX раскопа на Тетюшском II городище в Татарстане. Городище относится к эпохе бронзы, раннему железному веку и средневековью. Автор описывает культурный слой именьковской культуры V–VII вв. н.э. На этом раскопе слои, относящиеся к именьковской культуре, сформировались в VI–VII вв. Здесь в этот период находилась производственная площадка, где располагались металлургические горны, а позже – ямы для плавки металла. Это первый производственный металлургический комплекс, исследованный в раскопе на территории Татарстана. Стратиграфия этого участка уникальна. Удалось проследить последовательную смену производственных объектов и предшествующих им построек. Рядом с горнами и плавильными ямами было найдено большое количество фрагментов тиглей для плавки цветного металла, в том числе со следами металла на стенках тиглей. Обнаружены медная проволока и шлаки, а также большое количество деталей от разрушенных горнов. Все это подтверждает гипотезу о наличии здесь долговременного металлургического центра. Помимо этого, была восстановлена история этого участка культурного слоя Тетюшского-II городища и изученных объектов. В числе таких построек – интересное инженерное сооружение (яма 5), построенное на склоне оврага еще до того, как здесь были возведены горны. Публикуемый материал важен и с точки зрения методики, так как до сих пор исследования стратиграфии памятников именьковской культуры не проводились.

Ключевые слова: Тетюшское II городище, именьковская культура, металлургические горны, стратиграфия, датировка.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-05

Именьковская культура изучается более полувека, однако многие вопросы, касающиеся ее происхождения, характера, этнической интерпретации и даже датировки, по-прежнему остаются дискуссионными. Одним из ключевых является вопрос о хронологии ее материалов, который решается в первую очередь с помощью изучения стратиграфии поселений. Но если мы обратимся к публикациям по именьковской культуре, то увидим, что именно эта тема исследована меньше всего.

Первую обобщенную характеристику культурного слоя городищ именьковской культуры дал Н.Ф. Калинин, отметив, без каких-либо комментариев, что эти отложения имеют мощность 30–100 см [Калинин, Халиков, 1954, с. 49]. В Своде памятников именьковской культуры П.Н. Старостина [1967, с. 13] отмечено, что отложения культурного слоя на большинстве именьковских селищ составляют в среднем чуть более 25 см, и только на трех: Камскоустыинском (Обач-II), Старобурундуковском и II Маклашеевском селищах, по данным разведок, – в пределах 60–70 см. К сожалению, ни один из этих объектов впоследствии не исследовался стационарно.

При этом на памятниках раннеименьковского времени (III–V вв. н.э.) Самарского Заволжья и южных районов Татарстана не редкость случаи, когда достаточно внушительный по мощности культурный слой весьма слабо насыщен находками [Сташенков, 2005, с. 42; Руденко, 2012, с. 282]. В публикациях отмечены случаи, когда находки были зафиксированы только в распаханных верхних слоях или сосредоточены в сооружениях [Сташенков, 2005, с. 42; Рафикова, 2012, с. 248]. Изученные раскопками именьковские селища VI–VII вв. Казанского Поволжья практически все однослойные, хотя концентрация артефактов в слое достаточно высока (в основном это фрагменты

керамики) [Руденко, 1998, с. 185–186]. То же можно сказать и о городищах [Калинин, Халиков, 1960, с. 228]. Причем иногда даже наличие объектов и находок более позднего времени, например булгарского периода, что должно было бы отразиться в структуре отложений, все равно стратиграфическую ситуацию не меняет. Это отчасти объясняется расположением многих именьковских памятников на черноземных почвах [Генинг и др., 1962, с. 11–12], из-за чего различить слои как по структуре, так и по цветовым характеристикам очень сложно. Такая же ситуация в этом регионе и с некоторыми селищами и городищами булгарского времени [Казаков, 1991, с. 27].

Видимо, это послужило причиной того, что работы со стратиграфией именьковских памятников и относительной хронологией материалов из культурного слоя практически не проводилось, даже если была такая возможность. Так, В.Ф. Генинг [1960, с. 132], отметив факт перекрытия котлованом одного жилища другого на именьковском Рождественском селище, тут же опроверг свой тезис, предположив, что это может быть часть того же сооружения, только «наиболее углубленная». В более поздней публикации этот случай проанализирован более детально [Генинг и др., 1962, с. 15–16]. Однако помимо констатации этого факта В.Е. Стоянов, работавший с этим материалом под руководством В.Ф. Генинга, не пошел: керамика из построек была невыразительна и малоинформативна и в целом, как показали исследования Е.П. Казакова керамических фрагментов с этого селища, однородна [Генинг и др., 1962, с. 21–25].

Единственный раз, когда стратиграфия именьковского памятника вызвала дискуссию, – обсуждение публикации А.М. Ефимовой [1962, с. 26] результатов раскопок Балымерского городища с именьковским культурным слоем. В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков раскритиковали датировку этого слоя, который сам по себе был невелик: 20–40 см, и, как считала А.М. Ефимова, сформировался в VII–IX вв. По их мнению, именно стратиграфические данные (распределение керамики в слое, степень потревоженности отложений перекопами, послойная статистика находок массового материала) не позволяют согласиться с этой датировкой. Основываясь на одной пряжке и нескольких стеклянных бусинах, они утверждали, что время накопления именьковского слоя – IV–VII вв. [Генинг, Халиков, 1964, с. 92–95], т.е. добулгарское время. В то время как А.М. Ефимова и А.П. Смирнов предполагали включение именьковцев (позднегогородская культура по их определению) в булгарский этнос и соответственно последовательность смены стратиграфических слоев на Балымерском городище от именьковского к булгарскому, при этом булгарский слой ими был датирован X–XII вв. Но это ценное наблюдение и попытка стратиграфического анализа остались без продолжения.

В целом стратиграфический фактор в отношении памятников именьковской культуры казался ученым таким малозначимым, что этот сюжет не упоминается в обобщающих работах начала XXI в. по этой культуре [Матвеева, 2003]. Даже очень интересная стратиграфия разрезов валов Степановского и Именьковского I городищ в Казанском Поволжье [Калинин, Халиков, 1954, с. 48–49; 1960, с. 237–241] мало что изменила в общем подходе к данной теме, поскольку в этих насыпях отсутствовали массовые находки, а выделенные периоды строительства укреплений только в общих чертах стыковались со стратиграфией культурного слоя на площадке памятника либо вообще там не прослеживались.

На исследованных городищах Самарской луки культурный слой невелик. Так, на Кармалинском городище он составляет на одном участке в целом 36–50 см, причем

горизонт с находками – до 18 см; на другом – до 60 см. При этом в культурном слое узко датирующих находок не было, а керамический материал представлен в основном стенками сосудов [Богачев и др., 2013, с. 122, 125–127, 139, табл. 2]. На городище Новая Беденьга-I в Ульяновской области культурный слой составляет всего 15–20 см, а находки встречаются скоплениями на уровне погребенной почвы [Вязов, Семькин, 2016, с. 28–29].

Конечно, стратиграфическая ситуация на каждом археологическом памятнике индивидуальна* и во многом зависит от его топографии, структуры и специфики формирования культурного слоя, а также многих других факторов**, но однослойность культурных отложений где встречаются материалы нескольких столетий (от III–V в. и до VII в., а иногда и VIII–IX вв.) [Вязов и др., 2012, с. 55, 77–78], можно считать явлением для именьковской культуры устойчивым, хотя не абсолютным. Даже отмечаемые исследователями «ранние и поздние» слои на именьковских памятниках, как, например, на селище Ош-Пандо-Нерь на Самарской луке [Багаутдинов, Никитина, 2013, с. 165–166], лишь констатированы, но не использованы при дальнейшем анализе полученных артефактов.

Такая ситуация объясняется и еще одним фактором – активное исследование могильников именьковской культуры в 1980–1990-х гг. в Казанском Поволжье отодвинуло поселенческую тематику в целом на задний план; на Самарской луке, где исследования памятников именьковской культуры самарскими археологами в этот период были весьма масштабными, именьковских некрополей не было выявлено, а культурные слои исследованных поселений оказались стратиграфически невыразительными. Если в начальный период развития научного знания об именьковских древностях такая позиция казалась не столь важной, то отсутствие интереса к нему в настоящее время можно объяснить, с одной стороны, субъективной причиной – силой традиции и с другой – объективной: особенностями стратиграфии тех именьковских памятников, которые подверглись раскопкам.

Тем не менее использовать стратиграфический метод на некоторых именьковских поселениях вполне возможно, в частности на II Тетюшском городище в Татарстане, раскопки которого велись в 2007–2013 гг. [Руденко, 2010; 2011]. Поскольку отложения именьковского времени формировались здесь в V–VII в. н.э., при этом предметный комплекс имеет многочисленные параллели в инвентаре погребений биобрядных именьковских могильников и находках с ряда однослойных именьковских поселений с узкой датой существования, например Карлинского I селища [Сташенков, 2014, с. 436–466], появляется возможность синхронизировать различные типы памятников и проводить их контекстный анализ.

В отличие от многих других памятников именьковской культуры, стратиграфия этого городища имеет четкое членение отложений именьковского времени на читаемые по цвету и структуре почвы слои. Эта стратиграфическая ситуация была просле-

* Например, расположенные достаточно близко Тетюшское II городище и городище Новая Беденьга разительно отличаются стратиграфической ситуацией.

** Использование химических удобрений при землепользовании кардинально меняет цветность отложений и катастрофически влияет на сохранность артефактов из камня, металла и кости, а также остеологических материалов. Эти факты отмечены, например, на Русскочебоксарском поселении [Руденко, 2012, с. 282; 2014, с. 307].

жена практически на всех раскопах, что исключает случайный или частный характер этого явления на данном памятнике [Руденко, 2010, с. 83–104].

По исследованиям 2007–2011 гг. общая стратиграфия памятника выглядит следующим образом. Первый слой – дерн и поддерновый слой темной гуммированной почвы – 5–7 см: отложения XIX – начала XXI в. Второй слой – светло-серая с буроватым оттенком рыхлая супесь от 8 до 38 см. Относится к булгарской культуре X–XIV вв. и периоду XV–XIX вв.; здесь же встречаются переотложенные материалы именьковской культуры V–VII вв. н.э. Выделяются – второй ранний (IX–XV вв.) и второй поздний (XVI–XIX вв.). Третий слой – темно-серая рыхлая супесь 12–20 см, сильно гуммированная, насыщенная углями; относится к именьковской и кушнаренковской культурам VI–IX в. н.э.* [Руденко, 2013, с. 58–74]. В большей степени здесь представлены материалы именьковской культуры VI–VII вв. н.э. Четвертый слой – делится на ранний и поздний. Четвертый поздний слой (именьковская культура, V–VI вв. н.э.) – серая комковатая рыхлая супесь 25–40 см, на ряде участков – плотный серый пестроцвет. Четвертый ранний слой – светло-серая лессовидная (золистая) супесь (до 40–45 см), в заполнении объектов – суглинистый пестроцвет и серый слоистый пестроцвет. Этот слой относится к азелинской и именьковской культурам III в. до н.э. – IV–VI в. н.э. В большей степени здесь представлены материалы именьковской культуры. Пятый слой – светло-серая супесь с коричневатым оттенком, менее рыхлая, чем вышележащие отложения. Слой относится к эпохе поздней бронзы – раннего железного века (IX–VII вв. до н.э.). Шестой слой – темно-серый гуммированный суглинок, в нижнем горизонте с коричневатым оттенком – погребенная почва (5–35 см). Ниже – материк, желто-коричневый суглинок. Первый, второй и пятый слои, не относящиеся к именьковскому времени, мы в данной статье не рассматриваем.

Особый интерес представляет стратиграфия, выявленная в раскопе IX на Тетюшском II городище в 2013 г. (рис. 1). Уникальность ее состоит в том, что были зафиксированы стратиграфические уровни разновременных объектов производственной площадки именьковского времени (рис. 2): нескольких горнов и ям, использовавшихся для плавки железной руды и переплавки медного лома, а также предшествовавшей им хозяйственной постройки с глубоким котлованом, сооруженной на склоне оврага**. Это первый производственный комплекс именьковской культуры такого типа, выявленный в Казанском Поволжье. Полученную стратиграфию удалось связать с выявленными ранее в других раскопах объектами, в том числе с остатками металлургического производства, что позволяет скорректировать датировки слоев именьковского времени на этом памятнике, сузить их***.

Рассмотрим западный профиль участков 1–5 (рис. 3). Слой I – до 10 см, содержал единичные находки, в том числе монеты СССР 1980-х гг. Слой II – 17–28 см, также отличался немногочисленностью находок, состоявших из фрагментов керамики именьковского времени и глазурованной керамики XIV в., а в верхнем горизонте – стеклянного

* Материалы раннебулгарского времени на изученных участках памятника пока не выявлены, хотя фрагменты круговой керамики были зафиксированы. О взаимодействии именьковцев и булгар ведется дискуссия [Богачев, 2015, с. 30].

** Стратиграфия раскопа IX отличается еще и тем, что впервые за все годы раскопок здесь прослежены представительные отложения эпохи бронзы.

*** Вопросы датировки из-за большого объема материала мы рассмотрим в отдельной статье.

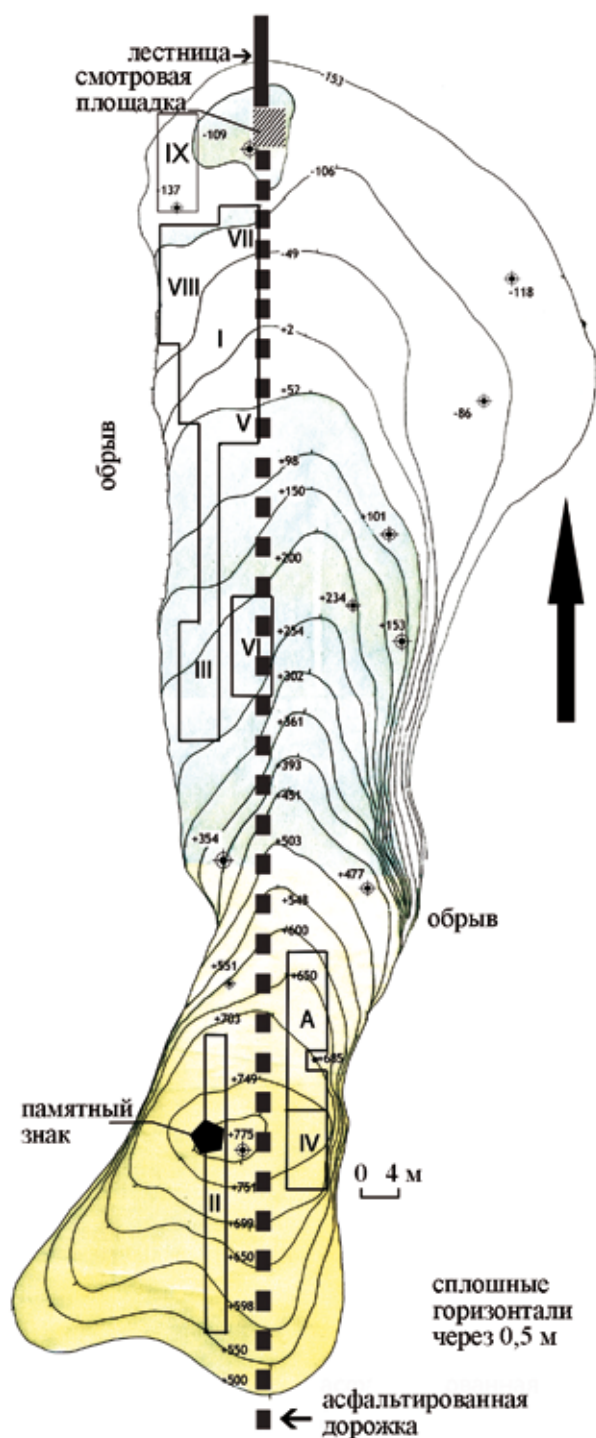

Рис. 1. Тетюшское II городище.
Расположение раскопов

боя XX в., попавшего сюда через норы грызунов. Слой III – от 15 до 30 см, сформировавшийся в VI–VII вв., насыщен находками, но следов построек, кроме нескольких небольших ямок, не выявлено. Слой IV, серая супесь, также богат находками и сохранил остатки многочисленных объектов. Этот слой имеет разную плотность, составляющая его супесь – рыхлая, чуть комковатая, легко рассыпающаяся при копании. Четко прослеживается слой IVп (серая супесь) практически на всей площади раскопа, за исключением участков 3 и 2, где он выклинивается. Мощность его составляет в среднем 20–25 см; максимальная на участках 1 и 6 – до 50 см.

Это объясняется, скорее всего, уклоном дневной поверхности, который здесь достигает 20° (сползание отложений) и активным процессом формирования III стратиграфического слоя, частично переработавшего отложения IVп слоя на этом участке. Интересно, что процесс накопления его на верхней части площадки (до естественного уклона в овраг) шел весьма интенсивно, отражая деятельную утилизацию бытовых отходов, как жидких, так и твердых (участки 4 и 5). При этом, естественно, отходы накапливались в большей степени на краю склона. За счет этого образовался склон с уклоном примерно в 40° . Эта картина прослеживается и на участках 9 и 10.

С серединой отложений IV п. слоя (–170–185 см на участке 1 и –30–40 см на участке 10) связаны находки предметов вооруже-

ния (например, наконечник стрелы – №24 и дротик – №59, рис. 4), что соответствует выявленным ранее следам разрушений на городище. Об этом свидетельствуют крупные камни от каких-то разобранных или разрушенных конструкций, золистые и пестроцветные включения и т.п.

Слой IVp – светло-серая золистая (лессовидная) супесь. Этот слой отражает период весьма активной деятельности на этом участке городища. В нем обнаружено большое число фрагментов тиглей, в нескольких случаях со следами окислов зеленого цвета, шлаки, небольшие железные крицы, сплески металла и детали от металлургических горнов. Судя по профилю западной стенки раскопа (рис. 3), к основанию IVp слоя относится возведение сооружения №5 (-120 см от 0) и №2 (-40 см). К тому времени, когда отложения сформировались на толщину, соответствующую половине его полной мощности в стратиграфическом профиле, завершилось функционирование производственной площадки, связанной с плавкой металла и плавильных ям (-70–75 см от 0). К верхнему горизонту IVp слоя относится дневной уровень сооружения 1 (рис. 2).

Второй объект, связанный с накоплением культурных отложений IVp слоя, – яма или естественная западина, вошедшая в раскоп небольшим участком (северный край и северо-западный угол квадрата 1). В западном профиле участка 1 на глубине -200 см фиксируется дневной уровень линзы серой супеси в IVp слое – край этого объекта (планиграфически он не был зафиксирован, что позволяет предположить его естественный характер). Подстиляется она тонкой углистой прослойкой, лежащей на слое серой супеси толщиной 10 см с золистыми включениями (дно объекта). В верхней части на границе IVп и IVp слоев (-180 см) здесь отмечено скопление достаточно крупных известняковых камней (северо-западный угол квадрата 1). Край этого сооружения хорошо читается в северном профиле 1-го квадрата. Дневной уровень его – 190 см в верхнем горизонте IVp слоя. От IVп он отделен линзой пестроцвета (длина 110, толщина 6–12 см), что говорит о каком-то времени его самостоятельного функционирования.

Производственная площадка (квадраты 5 и 4, рис. 2) отличается значительной мощностью отложений очень рыхлой ярко-оранжевой супеси. Здесь они достигают 50 см (рис. 5.-1). На участке 5 верхний горизонт этой супеси перекрыт золистой линзой светло-серой супеси толщиной до 28 см. На участке 4 она замещается характерной для этого слоя светло-серой лессовидной супесью.

Глубина -90–100 см – уровень разрушенных горнов и плавильных площадок. На участках 3 и 1 это документируется небольшими углистыми прослойками (углистая прослойка *а – а-уп*) толщиной до 6–7 см, протяженностью около 40 см. От самих производственных сооружений в профиле заметны прослойки и линзы твердой прокаленной глины (глины, обожженной до твердого комковатого состояния). Длина таких прослоек и линз 98–100 см; толщина – до 15 см.

На квадратах 5 и 4 углистая прослойка фиксируется еще дважды: на уровне -120 и -140 см. В последнем случае фактически на материковом суглинке, или прокаленной супеси, или глине (углистая прослойка *в – в-уп*). Во всех перечисленных случаях фиксируются следы сильного воздействия огня, к тому же углистая прослойка здесь эпизодическая. Средняя же прослойка угля (углистая прослойка *б – б-уп*), имеющая мощность до 7 см (в среднем 5–6 см), весьма примечательна, поскольку является границей двух производственно-строительных циклов или периодов функционирования производственного комплекса.

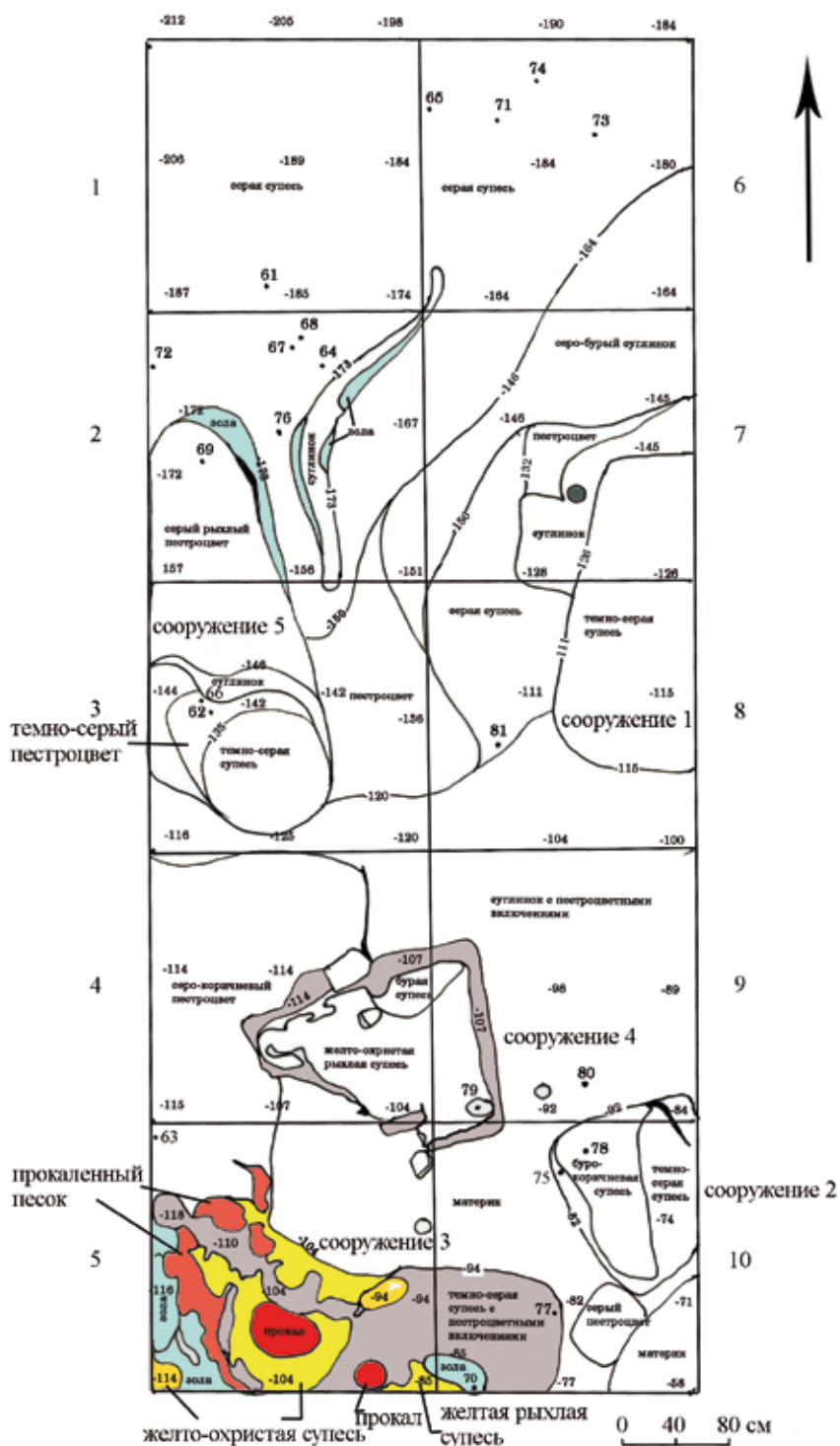

Рис. 2. Тетюшское II городище. Раскоп IX. План 4-го пласта

Пояснения к рисунку 2: На плане обозначены: №61, уч. 1, точило каменное, -180 см; №62, уч. 3, кость обработанная, -128 см; №63, уч. 5, прясло глиняное, -105 см; №63, уч. 5, прясло глиняное, -105 см; №64, уч. 2, прясло глиняное, -171 см; №65, уч. 6, глина ошлакованная, -200 см; №66, уч. 3, шлак, -110 см; №66, уч. 3, шлак, -110 см; №67, уч. 2, втулка каменная, -207 см; №68, уч. 2, шлак, -208 см; №69, уч. 2, нож железный, -159 см; №70, уч. 10, точило каменное, -72 см; №71, уч. 6, клык кабана, -188 см; №72, уч. 2, камень обработанный, -187 см; №73, уч. 6, изделие глиняное, -79 см; №74, уч. 6, шарик глиняный, -79 см; №75, уч. 10, прясло глиняное, -81 см; №76, уч. 2, прясло глиняное, -161 см; №77, уч. 10, фрагмент тигля, -65 см; №78, уч. 10, фрагмент тигля, -82 см; №79, уч. 9, терочный камень, -79 см; №80, уч. 9, прясло глиняное, -79 см; №81, уч. 8, изделие железное, -109 см

Второй цикл (поздний – верхние по расположению отложения, глубина -80–120 см) – фиксируется под 20-сантиметровым слоем желто-охристой очень рыхлой супеси примерно посередине между двумя углистыми прослойками (*а-уп* и *б-уп*). Это следы разрушенных горнов – они отмечены на западном профиле участка 4 (рис. 3) в виде линзы обожженной глины (до комковатого состояния) длиной 86 см и мощностью от 5 до 15 см на глубине 100 см. Основания самих производственных объектов отразились в западном профиле участка 5 в виде небольших по протяженности линз прокаленной глины (60 см в длину), под южной (левой) из которых прослеживается линза (длина 120 см, мощность 14–20 см) плотной прокаленной до коричнево-оранжевого цвета супеси. Она перекрывает прослойку буро-коричневой супеси с золистыми включениями толщиной до 15 см и длиной 220 см (переходя с участка 5 на 4), подстилает ее углистая полоса.

Производственные объекты этого периода – впущенные в заброшенные сооружения более раннего времени плавильные ямы. Такие следы отмечены на западном профиле участков 3 и 2 и южном профиле участка 5 и отчасти участка 10. В последнем случае это мощный слой прокаленного суглинка и рыхлой прокаленной супеси (толщиной до 40 см и длиной 180 см), прорезающий углистую («среднюю») прослойку. Своеобразные объекты, маркированные наличием прокаленных суглинистых участков и заполненные прокаленной супесью (песком) ярко-оранжевого цвета, а также с мощными углистыми прослойками на дне вырытого в предшествующем заполнении котлована или отдельных крупных углей отмечены в сооружениях №5 (рис. 5.-2) и №2 (восточный профиль участка 10 и западный – участков 3 и 2). Скорее всего, вышеописанные объекты – это остатки производственной площадки металлургов.

На восточном профиле участка 10 (рис. 6) хорошо видна еще одна яма для плавки металла, впущенная в сооружение №2, вырытое ранее и специально забутованное для вторичного использования. Сооружение №2 не использовалось как сбросовая яма, чем объясняется небольшое количество находок и достаточно большая плотность нижней части заполнения.

Плавильная яма в сооружении №2 имела прямоугольную форму (100×100 см) и глубину 60 см. В профиле она зафиксирована в виде прямоугольного пятна 100×60 см, на уровне -40–48 см. В основном ее заполнение – темная углистая гуммированная супесь, ниже которой – серая гуммированная супесь (основное заполнение котлована до сооружения плавильной ямы), перекрытая в верхней части линзой пестроцвета толщиной 15 и длиной 240 см и частично отложениями IVp слоя. В центре котлована плавильной ямы фиксируется мощная линза яркой охристо-красной рыхлой

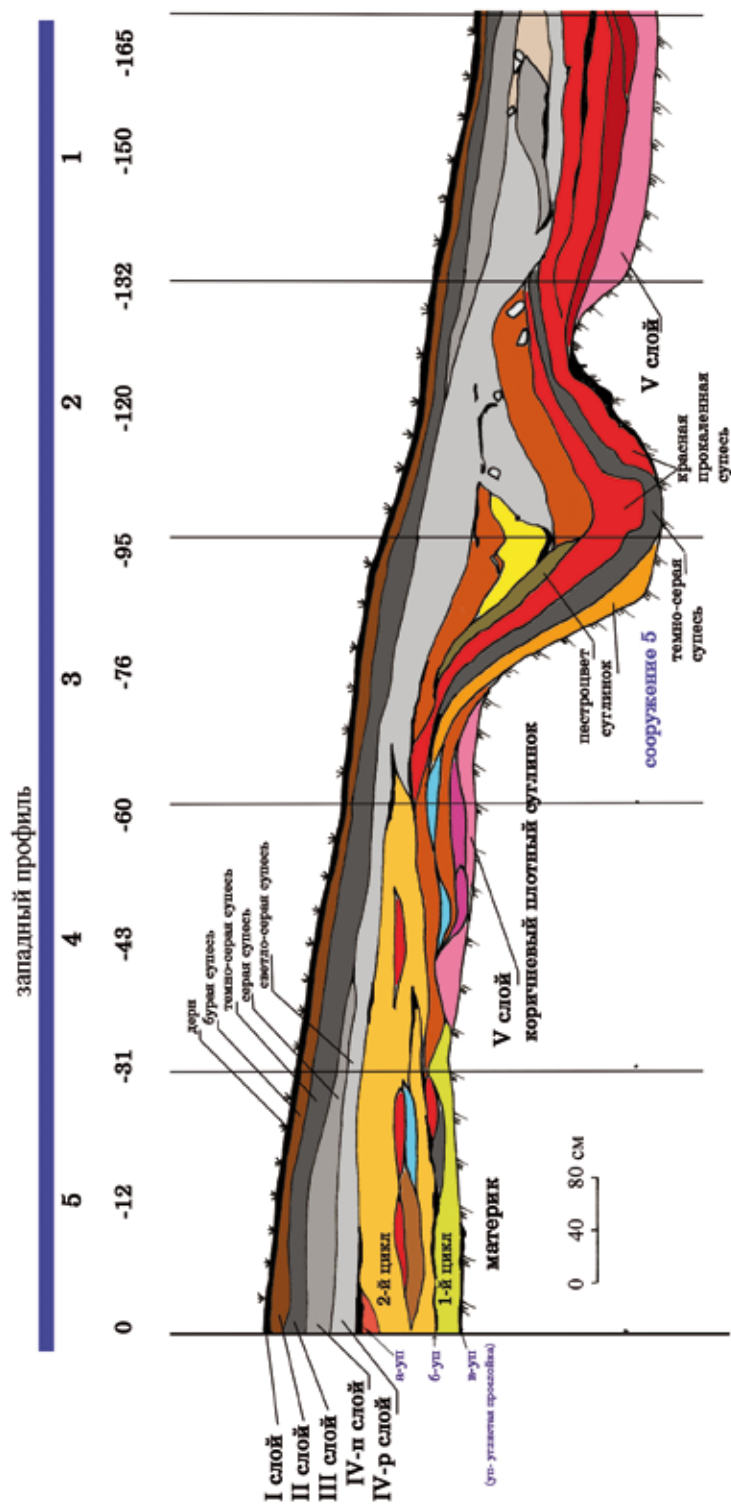

Рис. 3. Тетюшское II городище. Западный профиль раскопа IX

супеси (она нарушена норами животных) шириной 80 и толщиной 20–25 см – очевидно, следы самого производственного процесса. Здесь же зафиксированы линзы бурого цвета – вероятно, норы грызунов.

В сооружении №5 (рис. 5.-2) плави́льная яма вошла в раскоп не полностью. Она также заполнена темно-серой, практически черной гуммированной углистой супесью и ярко-оранжевым прокаленным песком (западный профиль квадратов 2 и 3, рис. 3).

Первый цикл производственной деятельности соотносится с отложениями желтого прокаленного песка с включениями кусочков прокаленной комковатой глины мощностью (судя по западному профилю участка 5) до 30 см (глубина залегания -120–140 см). Как уже говорилось, их перекрывает углистая прослойка, причем под ней (квадрат 5) также имеется линза твердой прокаленной глины (длина 86 см, толщина 10–12 см), которую подстилает буро-коричневая супесь, т.е. аналогичная вышележащей (второго цикла) линзе. Прямо над ней идет вышеупомянутая прослойка угля.

Этот производственный цикл начался с выравнивания площадки, в результате которого была срезана часть грунта. В южной части глубина подрезки составила почти 60 см (судя по южному профилю участка 10, рис. 7), включая и материковый суглинок. Выбранная глина была использована также в дальнейшем строительном процессе.

Ей послойно засыпался котлован большой хозяйственной постройки, обрушившейся ранее и так и не восстановленной (квадраты 2 и 3): фиксируется прослойка чистого суглинка толщиной до 45 см, заполнившего нижнюю часть котлована сооружения №5 (западный профиль квадрата 3). В этот период на участке 5 был сооружен горн, впоследствии разрушенный или разобранный.

Как уже было сказано, к основанию IVр слоя относится дневной уровень сооружений №5 и №2. Сооружение №5 (рис. 5.-2) – самый сложный объект на раскопе. Оно

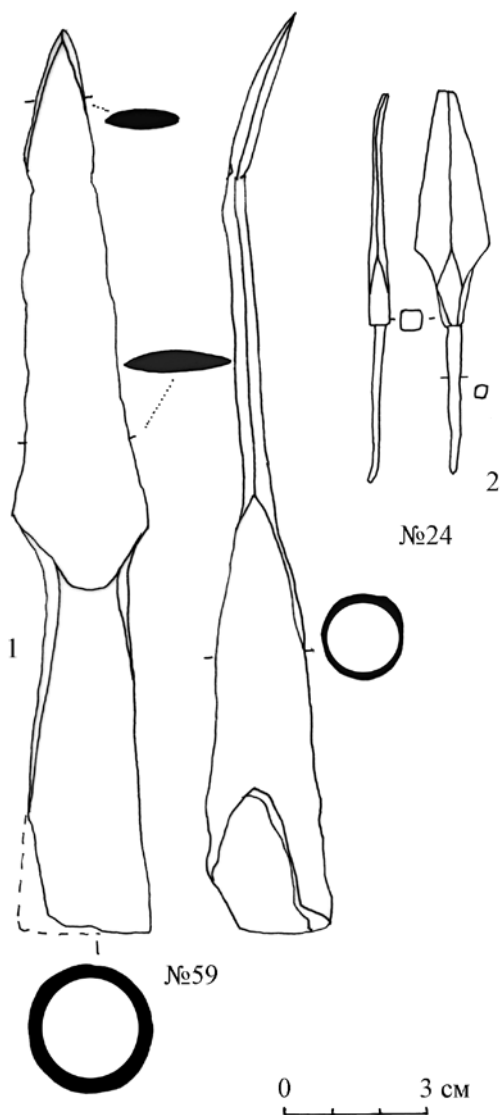

Рис. 4. Тетюшское II городище. Раскоп IX, участок 1: 1 – железный наконечник дротика (№59 по плану); 2 – железный наконечник стрелы (№24 по плану)

1

2

Рис. 5. Тетюшское II городище. Раскоп IX: 1 – уч. 5. Производственная площадка. Вид с северо-востока; 2 – яма 5. Вид с востока. *Фото автора*

вырыто в материковом суглинке на склоне оврага. Причем оно относится ко времени, когда большая часть площадки была уже освоена именьковским населением. Об этом свидетельствуют отложения плотного пестроцветного суглинка в северо-западном углу квадрата 1 с находками шамотной именьковской керамики*, которые перекрываются слоем разрушения деревянных конструкций сооружения №5. По крайней мере, они отлагались здесь практически одновременно с функционированием данного объекта. Однако особенности рельефа данного участка не позволили вести здесь активную хозяйственную жизнь до данного строительства. Вследствие этого даже при проводившихся земляных работах у строящегося объекта остались места, где сохранились отложения предшествующего времени (слой V), например отложения плотной коричневой супеси, прослеженные на западном профиле участков 4 и 3.

В профиле это сооружение зафиксировано на участках 3, 2 и 1 и имеет протяженность 6,5 м, а также частично на участке 4. Дневной уровень его отмечен в профиле на участке 3 на глубине -140 см; ширина заглубленной в материк части – 240 см; максимальная глубина от нулевой отметки достигает 260 см. В профиле заглубленная часть ямы имеет чашевидное дно шириной 120 см (рис. 3).

Конструкции периода функционирования сооружения отразились в профиле непосредственно на дне объекта. Это два элемента: 1) тон-

* Судя по составу находок – это мусорный сброс.

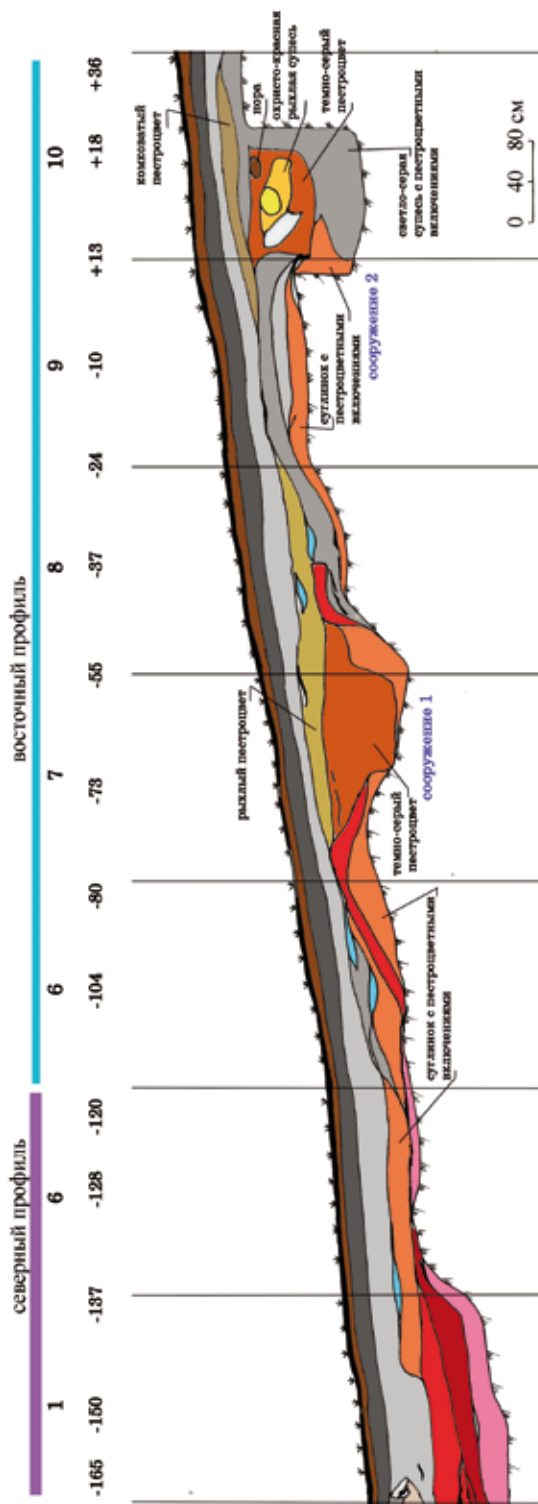

Рис. 6. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Северный и восточный профили

кая прослойка древесного тлена и обуглившегося дерева и 2) слой чистого суглинка над ней. Тонкая бурая полоска (прослойка) толщиной около 5 см – следы деревянных досок, обрушившихся на дно объекта, прослежены на профиле по контуру котлована сооружения в южной и северной его части. Эта прослойка идет по всей южной стенке (около 200 см) и заканчивается на уровне дневной поверхности, отложившись поверх плотного коричневого суглинка с включениями мелкой желтой глинистой крошки (V слой, частично переработанный в период формирования IVр слоя).

В северной части профиля (рис. 6) она также фиксируется непосредственно на дне сооружения, залегая на материковом суглинке. Причем здесь, видимо, находились еще какие-то деревянные конструкции, оставившие след в виде темного углистого гуммированного пятна длиной около 60 см и толщиной до 18 см, как это видно из западного профиля участка 2, они перекрывают слой суглинистого пестроцвета с серыми супесчаными включениями (V) и предматериковый слой (VI) плотного коричневого суглинка практически без находок.

Далее в северном профиле участка 1 с дневным уровнем сооружения №5 соотносится прослойка серого плотного суглинка, перекрывающая предматериковый слой (VI) коричневого плотного суглинка (рис. 6). Эта прослойка продолжается до конца участка 1, фиксируясь и в северном его профиле. Мощность прослойки – от 10 до 20 см. Над ней идет слой суглинка, как и в южной части заполнения сооружения, только более загрязненного пестроцветными включениями, отлагавшимися послойно, – видимо, результат сезонного замыва этой части котлована водой. Мощность этого слоя суглинка – до 40 см. Однако посередине здесь прослеживается тонкая углистая прослойка толщиной от 6 до 10 см – остатки обуглившейся древесины и древесного тлена.

Эту полоску древесного тлена и обуглившегося дерева перекрывает в яме слой чистого суглинка без находок. Он имеет наибольшую мощность в южной части котлована – до 28 см, наименьшую – в центре, около 6 см (это объясняется, вероятно, естественным проседанием и уплотнением глиняной наброски в самой глубокой части и скоплением дождевой и талой воды* или же наличием здесь какого-либо входного отверстия в помещение). Этот слой – часть конструкции объекта – достаточно герметичное перекрытие деревянных конструкций (досок), закрывавших внутренне пространство постройки. Оно выступило и в качестве своего рода консерванта, сохранившего остатки дерева от перекрытия котлована. Вероятно, этот суглинок был взят из выкида глины при строительстве самого сооружения.

Период функционирования сооружения №5 фиксируется в профиле в виде: 1) отложений серого пестроцвета как линзы длиной 100 и толщиной до 20 см на западном профиле участков 4 и 3 на глубине -118–136 см; 2) прослойки темно-серой супеси мощностью 20–30 см, перекрывающей нижележащий слой суглинка в котловане самого сооружения. Дневной уровень темно-серой супеси -120 см, выклинивавшийся в верхнем горизонте (верхняя треть) прослойки серого пестроцвета. В этом слое темно-серой супеси имеются останки жизнедеятельности – фрагменты керамики, расколотые кости животных. Завершающий этап функционирования постройки синхронен началу первого производственного цикла – выравниванию площадки для производственной деятельности. Вероятно, это произошло не сразу, поскольку рядом с сооружением №5 на начальной стадии производства успел нарасти небольшой культурный

* Это наблюдали и мы в период дождей 2013 г.

слой, отразившийся на западном профиле квадрата 4 на месте частичного перекрытия серым пестроцветом красной прокаленной супеси, связанной с первым производственным циклом. Обрушение постройки (сооружение №5) совпало с активной деятельностью металлургов, расширявших свое производство. Как уже говорилось, в этот период была выровнена производственная площадка путем частично срезания материкового суглинка на квадратах 10 и отложений слоя V. Выбранный грунт сбрасывался в просевший котлован сооружения №5.

Первый горизонт вторичного заполнения ямы №5 связан со сбросом суглинка и перекопанного V слоя в котлован. Он не стерилен: содержит угольки, фрагменты керамики, кремниевые сколы, шлаки, обломки тиглей и т.п. Перекрывается этот сброс углистой прослойкой, разделяющей отложения первого и второго производственных циклов.

Второй горизонт вторичного заполнения котлована по западному профилю квадратов 3 и 2 состоит из двух разновременных сбросов, зафиксированных в виде двух линз. Первая линза (западный профиль квадрата 3) – суглинистого пестроцвета толщиной до 12 см и длиной 160 см, соотносится, точнее, стыкуется с нижней углистой прослойкой производственной площадки. Аналогичная линза пестроцвета зафиксирована в западном и северном профилях квадрата 1. Толщина ее здесь достигает 30 см при длине в 200 см, т.е. по длине самого участка.

Интересно, что эта линза перекрыта сверху углистой прослойкой (соответствует *а-ун*), которая затем прослеживается на северном и восточном профиле квадрата 6. При этом она лежит непосредственно на материке и малых участках V слоя. По всей видимости, здесь также велась какая-то строительная деятельность, но на данном раскопе следы ее не проявились в полной мере. Можно только констатировать, что отложения V слоя были на участке 6 уничтожены.

В этой связи стоит сказать и о сооружении 1 (рис. 2). Дневной его уровень относится к верхнему горизонту слоя IV р (восточный профиль участков 7 и 8). Суглинистый выкид из его котлована (глубина – 100 см)* перекрывает отложения рыхлой серой супеси (верхний горизонт слоя IVр) с пестроцветными суглинистыми включениями, вероятно, образовавшимися в результате смешения выброшенной глины с культурными отложениями. Это было не только результатом неаккуратной работы, но и необходимостью, поскольку сооружение располагалось на склоне оврага (уклон склона составлял в то время не менее 45–55°) и было необходимо укрепить его хотя бы таким способом. В результате этого выкид отчасти перекрыл участок слоя IVр и на склоне – слой V (восточный профиль участка 6 и 7, рис. 6).

Заполнение сооружения 1 однородно и сформировалось из двух компонентов – серого гуммированного пестроцвета, плотного, комковатого. Находки в нем немногочисленны. Это, вероятно, заплыв суглинка после прекращения функционирования сооружения. Его мощность: ширина 45, толщина 63 см, фиксируется он только в южной части объекта. Остальную его часть занимает мусорный сброс – темно-серый пестроцвет средней плотности. Он перекрывает и суглинистый выкид из котлована сооружения. Сооружение 1 просуществовало недолго и было заполнено мусором (серый рыхлый пестроцвет, содержащий расколотые кости животных и более многочис-

* Разница глубин объясняется естественным уклоном, поскольку на этом участке начинается склон оврага.

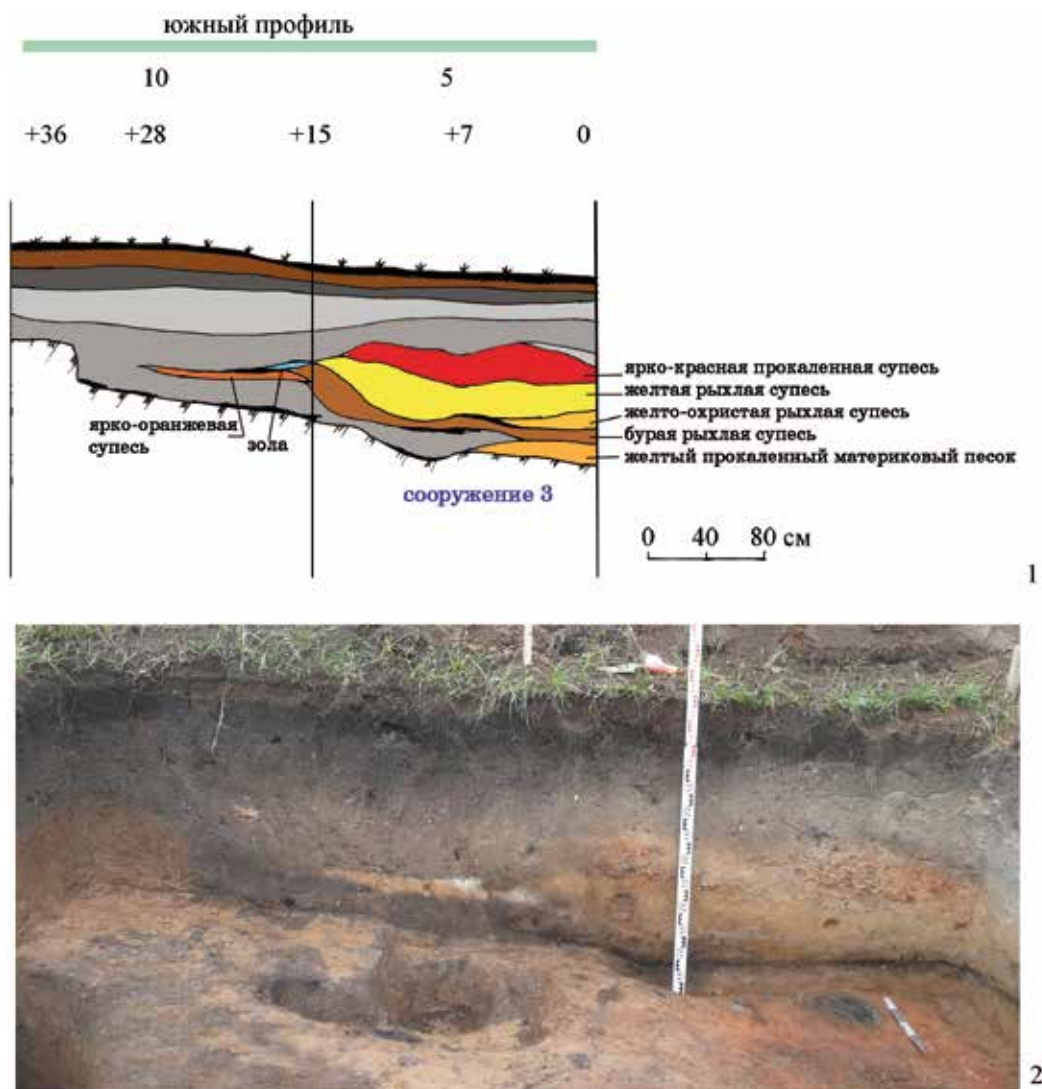

Рис. 7. Тетюшское II городище. Раскоп IX. Южный профиль:

1 – прорисовка; 2 – фото профиля южной стенки раскопа. Вид с севера. Фото автора

ленные – рыб) достаточно быстро и, вероятно, не спонтанно, а целенаправленно. Над затянувшимся котлованом культурный слой залегает ровно, без каких-либо перепадов и заплывов. По стратиграфии в период IVп сооружение уже было полностью заброшено и погребено под отложениями рыхлого серого пестроцвета (толщина 20–40 см, длина 360 см – на участках 7 и 8).

Возвращаясь ко второму горизонту вторичного заполнения котлована сооружения 5*, отметим, что вторая линза его заполнения – мощный мусорный сброс (западный профиль квадрата 2) толщиной 40–45 см и длиной 230 см – серый рыхлый

* Оно было исследовано в раскопе в сооружении 4.

комковатый пестроцвет с известняковыми камнями разного размера, фрагментами лепной керамики, золистыми включениями и т.п. Эта линза частично перекрывает первую линзу, однако не настолько, чтобы предполагать существенный разрыв во времени их накопления. Четкой верхней границей является угольное заполнение нового объекта в старом котловане – плавильной ямы, сооруженной во время второго производственного цикла, дневной уровень которой выходит на углистую прослойку на глубине 95 см.

Следующий этап функционирования сооружения №5 связан с использованием естественной западины в заплывшем котловане. Она имела неправильную прямоугольную форму в плане, а в профиле – почти треугольную (240×120×220 см) и неровное чашевидное дно шириной 60 см при ширине в верхней части 120 см. Заполнение ее: на дне и стенках – слой угля, в средней части – прокаленный песок или супесь яркого оранжево-желтого цвета, очень рыхлая. Верхнее ее заполнение – рыхлая серая супесь с пестроцветными включениями, гуммированная с угольками. Встречаются в профиле и известняковые камушки небольшого размера. Период функционирования плавильной можно уточнить по западному профилю квадрата 2. Здесь видно, что прекращение заполнения котлована – тонкая углистая прослойка с угольками – приходится на глубину -120 см – середину отложений светло-серой супеси (слой IVp), завершение второго производственного цикла.

Прекращение второго производственного цикла и работы плавильных ям стало причиной появления объектов, связанных с верхним горизонтом IVp слоя, как, например, в северной части квадрата 1.

Таким образом, изучение стратиграфии раскопа IX Тетюшского-II городища позволило реконструировать историю культурного слоя этой части памятника, определить условия формирования отложений именьковского времени в достаточно узком хронологическом диапазоне: VI–VII вв. н.э. Представленный материал является первым опытом стратиграфического исследования культурного слоя памятников именьковской культуры с разработкой относительной хронологии сооружений раскопа, включая сложный комплекс производственных объектов, который может быть использован и на других поселениях этой культуры.

Библиографический список

Багаутдинов Р.С., Никитина А.В. Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской луке в 1994 г. (по материалам раскопок Г.И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара : СООО «Самарск. арх. общ-во», 2013. С. 164–186.

Богачев А.В. История изучения памятников V–IX вв. лесостепного Среднего Поволжья и Предуралья: материалы и исследования // Вояджер: мир и человек. 2015. №5. С. 7–51.

Богачев А.В., Вязов Л.А., Гасилин В.В., Мышкин В.Н., Серых Д.В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара : СООО «Самарск. арх. общ-во», 2013. С.119–163.

Вязов Л.А., Багаутдинов Р.С., Нерушин И.А., Семькин Ю.А. Исследования селища Новая Беденьга-I в 2010 г. (новые материалы I тыс. н.э. с территории Ульяновского Поволжья) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань : РИЦ, 2012. С. 54–103.

Вязов Л.А., Семькин Ю.А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. Ульяновск: НИИ истории и культуры, 2016. 227 с.

Генинг В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у с. Рождествено // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. 1960. Т. 3. С. 131–144.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1962. 126 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымери Татарской АССР // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. 1962. Т. IV. С. 25–48.

Казаков Е.П. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1991. 176 с.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. 1960. Т. 3. С. 226–250.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 128 с.

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура: учебное пособие. Самара: Самарский ун-т, 2003. 160 с.

Рафикова З.С. К вопросу о культурно-генетических истоках носителей именьковской культуры (на материалах I Полянского селища) // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 248–265.

Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань: Заман, 2011. 144 с.

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): материалы II Междунар. археологич. конф. Самара: СОИКМ, 1998. С. 185–197.

Руденко К.А. Новое поселение типа Сиделькино-Тимяшево в Татарстане // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 307–324.

Руденко К.А. О характере взаимоотношений кочевых утров и оседлого населения Среднего Поволжья в «эпоху великого переселения народов» (по материалам Тетюшского-II городища в Татарстане) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №2 (8). С. 58–74.

Руденко К.А. Русскочебоксарское поселение // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань: РИЦ, 2012. С. 282–290.

Руденко К.А. Тетюшское II городище в Татарстане. Казань: Заман, 2010. 152 с.

Старостин П.Н. Маклашеевское II городище именьковской культуры // Труды Камской археологической экспедиции. Пермь, 1968. Вып. IV. С. 221–229.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры. М.: Наука, 1967. 100 с.

Сташенков Д.А. Карлинское-I селище (предварительная публикация) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М.: ИА РАН, 2014. С. 436–466.

References

Bagautdinov R.S., Nikitina A.V. Issledovaniya selishha Osh-Pando-Ner' na Samarskoj luke v 1994 g. (po materialam raskopok G.I. Matveevoj) [Studies of the Osh-Pando-Ner Village on the Samara Bend in 1994 (based on excavations by G.I. Matveeva)]. Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arheologicheskikh pamjatnikov Samarskoj oblasti) [Middle Ages. Great Migration of Peoples (based on archaeological sites of the Samara region)]. Samara: SOOO "Samarsk. arh. obshh-vo", 2013. Pp. 164–186.

Bogachev A.V. Istorija izuchenija pamjatnikov V–IX vv. lesostepnogo Srednego Povolzh'ja i Predural'ja: materialy i issledovaniya [History of the Study of the 5th – 9th Centuries Sites of Forest-Steppe Middle Volga and Preduralye: Materials and Research]. Vojadzher: mir i chelovek [Voyager: the World and the Man]. 2015. №5. Pp. 7–51.

Bogachev A.V., Vjazov L.A., Gasilin V.V., Myshkin V.N., Seryh D.V. Karmalinskoe gorodishhe [Karmalinskoe Ancient Settlement]. Srednevekov'e. Velikoe pereselenie narodov (po materialam arheologicheskikh pamjatnikov Samarskoj oblasti) [Middle Ages. Great Migration of Peoples (based on archaeological sites of the Samara region)]. Samara: SOOO "Samarsk. arh. obshh-vo", 2013. Pp. 119–163.

Vjazov L.A., Bagautdinov R.S., Nerushin I.A., Semykin Ju.A. Issledovaniya selishha Novaja Beden'ga I v 2010 g. (novye materialy I tys. n.e. s territorii Ul'janovskogo Povolzh'ja) [Research of the

Novaya Bedenga I Village in 2010 (new materials of the 1st century AD from the territory of the Ulyanovsk Volga region)]. Issledovaniya po srednevekovoj arheologii Evrazii [Studies on Middle Ages Archaeology of Eurasia]. Kazan' : RIC, 2012. Pp. 54–103.

Vjazov L.A., Semykin Ju.A. Gorodishhe i selishhe Novaja Beden'ga: jepoha Velikogo pereselenija narodov v Ul'janovskom Predvolzh'e [Ancient Settlement and the Village of Novaya Bedenga: the Era of the Great Migration of Peoples in the Ulyanovsk Predvolzhye]. Ul'janovsk : NII istorii i kul'tury, 2016. 227 p.

Gening V.F. Selishhe i mogil'nik s obrjadom truposozhzheniya dobolgarskogo vremeni u s. Rozhdestveno [The Ancient Settlement and the Burial Ground with the Ritual of the Corpses Burning of the Pre-Bulgarian Period at the Rozhdestveno Village]. Trudy Kujbyshevskoj arheologicheskoy jekspedicii [Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition]. 1960. Vol. 3. Pp. 131–144.

Gening V.F., Stojanov V.E., Hlebnikova T.A., Vajner I.S., Kazakov E.P., Valeev R.K. Arheologicheskie pamjatniki u s. Rozhdestveno [Archaeological Sites near the Rozhdestveno Village]. Kazan' : Izd-vo Kaz. un-ta. 1962. 126 p.

Gening V.F., Halikov A.H. Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarhanskij mogil'nik) [Early Bulgarians on the Volga (Bolshoy-Tarkhansky Burial Ground)]. M. : Nauka, 1964. 200 p.

Efimova A.M. Gorodeckoe selishhe i bolgarskoe gorodishhe u s. Balymeri Tatarskoj ASSR [Gorodetskoe Ancient Settlement and the Bulgarian Ancient Settlement near the Balymeri Village in the Tatar ASSR]. Trudy Kujbyshevskoj arheologicheskoy jekspedicii [Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition]. 1962. Vol. IV. Pp. 25–48.

Kazakov E.P. Kazakov E.P. Bulgarskoe selo X–XIII vv. nizovij Kamy [Bulgarian Village of the 10th–13th Centuries in the Lower Kama Region]. Kazan' : Tat. kn. izd-vo, 1991. 176 p.

Kalinin N.F., Halikov A.H. Itogi arheologicheskikh rabot za 1945–1952 gg. [Results of Archaeological Work for 1945–1952]. Kazan' : Tatnigoizdat, 1954. 128 p.

Kalinin N.F., Halikov A.H. Imen'kovskoe gorodishhe [Imenkovskoye Ancient Settlement] Trudy Kujbyshevskoj arheologicheskoy jekspedicii [Works of the Kuibyshev Archaeological Expedition]. 1960. Vol. 3. Pp. 226–250.

Matveeva G.I. Srednee Povolzh'e v IV–VII vv.: imen'kovskaja kul'tura : uchebnoe posobie [The Middle Volga Region in the 4th–7th Centuries: Imenkovskaya Culture: Textbook]. Samara : Izd-vo "Samar-skij un-t", 2003. 160 p.

Rafikova Z.S. K voprosu o kul'turno-geneticheskikh istokah nositelej imen'kovskoj kul'tury (na materialah I Poljanskogo selishha) [The Issue of the Cultural and Genetic Origins of the Carriers of the Imenkovskaya Culture (on the Materials of the 1st Polyanskoye Ancient Settlement)]. Issledovaniya po srednevekovoj arheologii Evrazii [Studies on the Middle Ages Archaeology of Eurasia]. Kazan' : RIC, 2012. Pp. 248–265.

Rudenko K.A. Drevnie Tetjushi. Arheologicheskoe issledovanie [Ancient Tetyushi. Archaeological Research]. Kazan' : Zaman, 2011. 144 p.

Rudenko K.A. Malopoljanskoe V selishhe [The Malopolyanskoye V Settlement]. Kul'tury evrazijskikh stepej vtoroj poloviny I tysjacheletija n.je. (voprosy hronologii) : materialy II Mezhdunar. Arheologich. konf. [The Cultures of Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millinium AD (questions of Chronology): Materials of the 2nd International Archaeological Conference]. Samara : SOIKM, 1998. S. 185–197.

Rudenko K.A. Novoe poselenie tipa Sidel'kino-Timjashevo v Tatarstane [New Settlement of the Sidelkino-Timashevo Type in Tatarstan]. Problemy vzaimodejstvija naselenija Vostochnoj Evropy v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Problems of Interaction of the Population in Eastern Europe during the Great Migration]. M. : IA RAN, 2014. Pp. 307–324.

Rudenko K.A. O haraktere vzaimootnoshenij kochevyh ugrov i osedlogo naselenija Srednego Povolzh'ja v "jepohu velikogo pereselenija narodov" (po materialam Tetjushskogo II gorodishha v Tatarstane) [On the Nature of the Relationship of Nomadic Ugrians and Sedentary Population of the Middle Volga Region in the "Era of the Great Migration of Peoples" (based on the materials of the Tetyushsky II ancient settlement in Tatarstan)]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. № 2 (8). Pp. 58–74.

Rudenko K.A. Russkocheboksarskoe poselenie [Russian Cheboksary Settlement]. Issledovaniya po srednevekovoj arheologii Evrazii [Studies on Medieval Archaeology of Eurasia]. Kazan': RIC, 2012. Pp. 282–290.

Rudenko K.A. Tetjushskoe II gorodishhe v Tatarstane [Tetyushskoye II Ancient Settlement in Tatarstan]. Kazan' : Zaman, 2010. 152 p.

Starostin P.N. Maklasheevskoe II gorodishhe imen'kovskoj kul'tury [Maklasheevskoe II Ancient Settlement of the Imenkovskaya Culture]. Trudy Kamskoj arheologicheskoy jekspedicii [Proceedings of the Kamskaya Archaeological Expedition]. Perm', 1968. Issue IV. Pp. 221–229.

Starostin P.N. Pamjatniki imen'kovskoj kul'tury [Sites of the Imenkovskaya Culture]. M. : Nauka, 1967. 100 p.

Stashenkov D.A. Karlinskoe I selishhe (predvaritel'naja publikacija) [Karlinskoe I Ancient Settlement (preliminary publication)]. Problemy vzaimodejstviya naselenija Vostochnoj Evropy v jepohu Velikogo pereselenija narodov [Problems of Interaction of the Population of Eastern Europe in the Era of the Great Migration of Peoples]. M. : IA RAN, 2014. Pp. 436–466.

K.A. Rudenko

Kazan State Institute of Culture, Kazan, Russia

STRATIGRAPHY OF THE IMENKOVSKAYA CULTURE SETTLEMENT OF THE KAZAN VOLGA REGION

The article explores the stratigraphy of the IX excavation at the Tetushi II settlement in Tatarstan. The settlement dates back to the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages. The author describes the cultural layer of Imenkovskaya archaeological culture of the 5th – 7th centuries AD. In this excavation, the layers related to Imenkovskaya culture were formed in the 6th – 7th centuries. In this period there was a production site, where metallurgical furnaces were located, and later – pits for melting metal. This is the first industrial metallurgical complex, investigated in excavation in the territory of Tatarstan. The stratigraphy of this site is unique. It was possible to trace a successive change of production facilities, and the constructions that had been built before them. Near the furnaces and melting pits were found a large number of fragments of crucibles for melting non-ferrous metal, including the ones with traces of metal on the crucibles' walls. Copper wires and slags were found, as well as a large number of parts from the destroyed furnaces. All this confirms the hypothesis that there was a metallurgical center which functioned for a long time. In addition, the history of this section of the cultural layer of the Tetushi II settlement and the researched objects was restored. Among such constructions is an interesting engineering structure (pit 5), built on the slope of the ravine, even before the mines were built there. The material published is important from the methodological point of view, since the stratigraphy of the Imenkovskaya culture sites has not been researched so far.

Key words: Tetushi II hillfort, Imenkovskaya culture, metallurgical furnaces, stratigraphy, dating.

А.А. Тимощенко, А.В. Выборнов, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

АНЖЕВСКИЙ КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ – НОВЫЙ РАЗНОВРЕМЕННЫЙ МОГИЛЬНИК НА ТЕРРИТОРИИ КАНСКО-РЫБИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Объекты Анжевского комплекса открыты в 1972 г. Н.А. Савельевым. Они расположены в Канской лесостепи, территориально дислоцирующейся в Канско-Рыбинской котловине, на правом берегу р. Кан в административных пределах Иланского муниципального района Красноярского края. В ходе раскопок 2015–2016 гг. обнаружен разновременный грунтовый могильник, содержащий 29 погребений и функционирующий на протяжении неолита – средневековья. Предварительно анализируя полученные материалы, можно выделить четыре группы погребений. Погребения неолитического времени составляют первую группу (три погребения). Частичные аналогии в погребальном обряде можно найти в погребениях Зеленогорского могильника и стоянки-могильника Попиха, расположенных в среднем течении р. Кан, а также в серовской погребальной традиции Прибайкалья. Вторая группа (16 погребений) датирована эпохой поздней бронзы и предварительно отнесена к красноярской культуре. Третья группа (два погребения) также датируется эпохой бронзы, но связана с таежным ареалом культур эпохи бронзы Прибайкалья и Северной Ангары. Четвертая группа (пять погребений) датируется интервалом ранний железный век – средневековье. На сегодняшний момент этот хронологический отрезок в археологии Канской лесостепи практически не изучен. Выделяется погребение с бронзовым кельтом тагарского времени и погребение, содержащее защитное вооружение в виде костяных лат.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, р. Кан, Красноярский край, могильник, неолит, бронзовый век, ранний железный век, средневековье, спасательные археологические раскопки.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-06

Введение

Объекты Анжевского комплекса археологических памятников на правом берегу р. Кан, юго-восточнее г. Канска Красноярского края, были открыты в 1972 г. КАЭ ИГУ под руководством Н.А. Савельева. Им обследовано среднее течение р. Кан. В ходе разведки обнаружено 22 разновременных археологических объекта, в том числе Смоленка и Анжевка [Тимощенко и др., 2017]. Однако эти объекты не были признаны перспективными для проведения стационарных работ. Поскольку территория Канской лесостепи к концу XX в. оставалась в археологическом плане «белым пятном», работы иркутских археологов были направлены на поиски многослойных стратифицированных стоянок, позволяющих решить вопрос построения первичной культурно-хронологической схемы района. Такими объектами стали Стрижева гора и Казачка [Генералов, 1978; Савельев и др., 1984; Тимощенко, 2008].

В настоящее время в Анжевский комплекс памятников входят объекты археологического наследия, обозначенные в учетной документации как «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-2 (Новосмоленка-2)», «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-1 (Смоленка)», «Карапсель. Местонахождение Рябчиков Ключ-1», «Карапсель. Стоянка Рябчиков Ключ-2». Археологические объекты расположены в Канской лесостепи, территориально дислоцирующейся в Канско-Рыбинской котловине, на правом берегу р. Кан в административных пределах Иланского муниципального района Красноярского края. Стоянки Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 имеют общую границу, независимую от ландшафта и характера культурных отложений.

Первые погребения на стоянке Нефтепровод-2 были описаны в ходе разведочных раскопок экспедиции СФУ под руководством Е.В. Князевой в 2011 г. В 2015–2016 гг. проведены спасательные археологические раскопки на территории, подлежащей освоению при строительстве обхода г. Канска автодороги М-53 «Байкал». В частности исследованы объекты археологического наследия «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-2 (Новосмоленка-2)», «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-1 (Смоленка)» [Выборнов и др., 2015]. В ходе раскопок выявлено несколько групп разновременных погребальных объектов.

Такую находку трудно переоценить, до исследований Анжевских памятников на территории Канско-Рыбинской котловины было известно всего 15 погребений. Пять из них относятся к периоду раннего железного века – средневековья, две – к эпохе бронзы и восемь – к неолиту [Тимошенко, 2013, с. 76–84].

На сегодняшний день культурно-хронологическая схема разработана для поселенческих комплексов каменного и бронзового веков Канско-Рыбинской котловины, предложен к выделению ряд археологических культур неолита – бронзового века [Тимошенко, 2014; Бобров и др., 2016]. Отсутствие такой схемы по погребальным комплексам затрудняет корреляционные построения с соседними регионами, Прибайкальем и Минусинской котловиной, где культурно-хронологическая схема базируется исключительно на материалах могильных комплексов. Поиски и изучение погребений в Канской лесостепи являются одной из важных проблем в археологии данного региона. Основная сложность заключается в том, что все известные погребения представлены грунтовыми могилами и абсолютно не читаются в рельефе. Их обнаружение возможно лишь случайно в ходе работ широкой площадью на стояночных комплексах.

Материалы

Могильник дислоцируется на поверхности серии сложных оползневых тел, которые выделяются над поймой р. Кан двумя террасовидными уступами, связанными с мелкоступенчатой выположенной долиной водораздела (рис. 1). Стратиграфическое положение культуросодержащих отложений в раскопе на местонахождении связано с пачкой субазральных отложений голоценового возраста. Археологический материал в основном фиксируется в первом слое – темно-серой гумусированной супеси (ранний железный век – средневековье) и втором слое – бурой сероватой супеси (неолит – эпоха бронзы).

Всего на стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 в 2015–2016 гг. обнаружено 29 грунтовых погребений (кроме того, одно безынвентарное погребение по обряду трупоположения изучено в 2011 г. Е.В. Князевой [Мандрыка и др., 2018, с. 42]). Материалы погребений ранее публиковались лишь частично, являясь частью работ, посвященных вопросам палеопаразитологии и палеопатологии [Slepchenko S.M., et al., 2017; Чижишева и др., 2018].

На стоянке Нефтепровод-1 обнаружено 15 погребений.

Погребение №1. Погребенный, мужчина 45–55 лет, был уложен на спине, вытянуто, головой на восток (рис. 2.-1). Руки погребенного были чуть согнуты в локтях и вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Ступни ног повернуты к северо-западу.

В изголовье погребенного в 0,1 м к востоку от черепа обнаружен бронзовый кельт (рис. 2.-2). Ушки топора выполнены в виде головок грифонов в скифо-сибирском зверином стиле. Здесь же, в 0,05 м к северо-востоку от черепа была найдена небольшая бронзовая обоймочка.

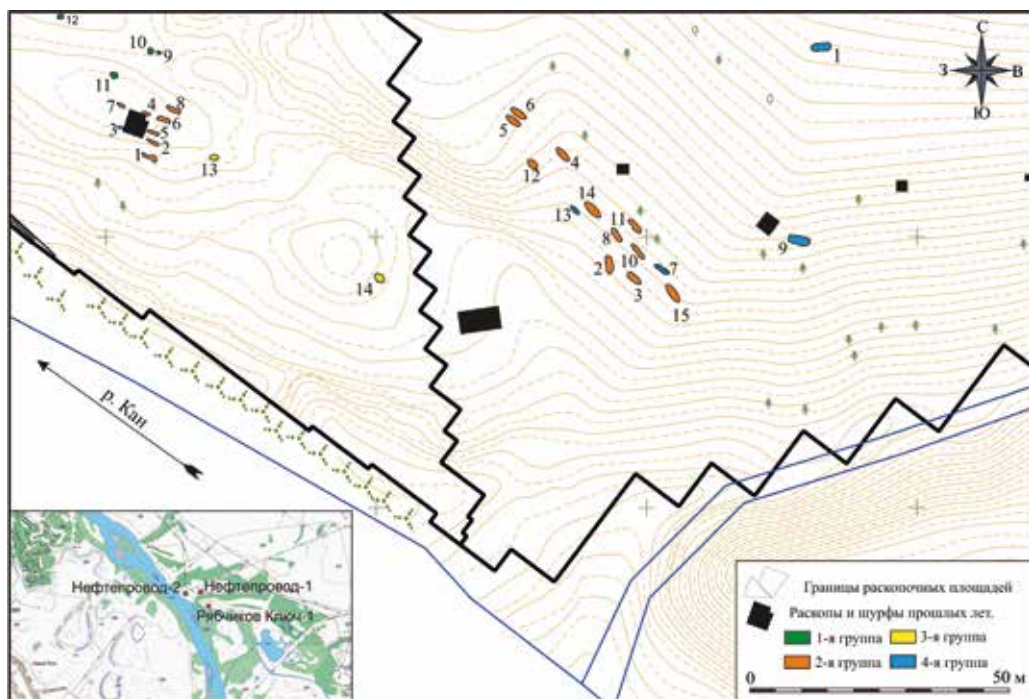

Рис. 1. Топографический план могильника Анжевского комплекса памятников

Погребение №2. Погребенный, мужчина 30–40 лет, был уложен на спине, вытянуто головой на юго-восток. Руки погребенного были чуть согнуты в локтях и вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Кисти рук соединялись в области тазовых костей. Отсутствовала плечевая кость правой руки. Череп своей лицевой частью был обращен на северо-запад. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Погребение №3. Погребенная, женщина 40–50 лет, была уложена на спине, вытянуто головой на юго-восток. Руки погребенной были вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Правая рука согнута в локте под углом 90°. Череп своей лицевой частью был обращен на север. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Погребение №4. Погребенная, женщина 30–40 лет, была уложена на дно могильной ямы на спине, вытянуто головой на юг–юго-восток. Руки погребенной были вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Ступни ног повернуты к западу. Кисть левой руки и ступня левой ноги находились не в анатомическом порядке. Голень левой ноги была сломана. Ребра погребенной были развалены наружу, что возможно, свидетельствует о том, что труп в постмортальный период долго не предавали земле. Череп погребенной своей лицевой частью был повернут на север. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Погребение №5. После снятия верхнего слоя почвы, на глубине 0,3–0,35 м от уровня современной дневной поверхности, была обнаружена надмогильная конструкция в виде кладки из рваного камня неправильной формы. Размеры кладки 1,3×0,6 м. Кладка имела 1–2 слоя и была вытянута по линии СЗ–ЮВ. Непосредственно под камнями кладки был обнаружен скелет ребенка 12–15 лет плохой сохранности. Погребенный был уложен вытянуто на спине. Ноги слегка согнуты в коленях. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

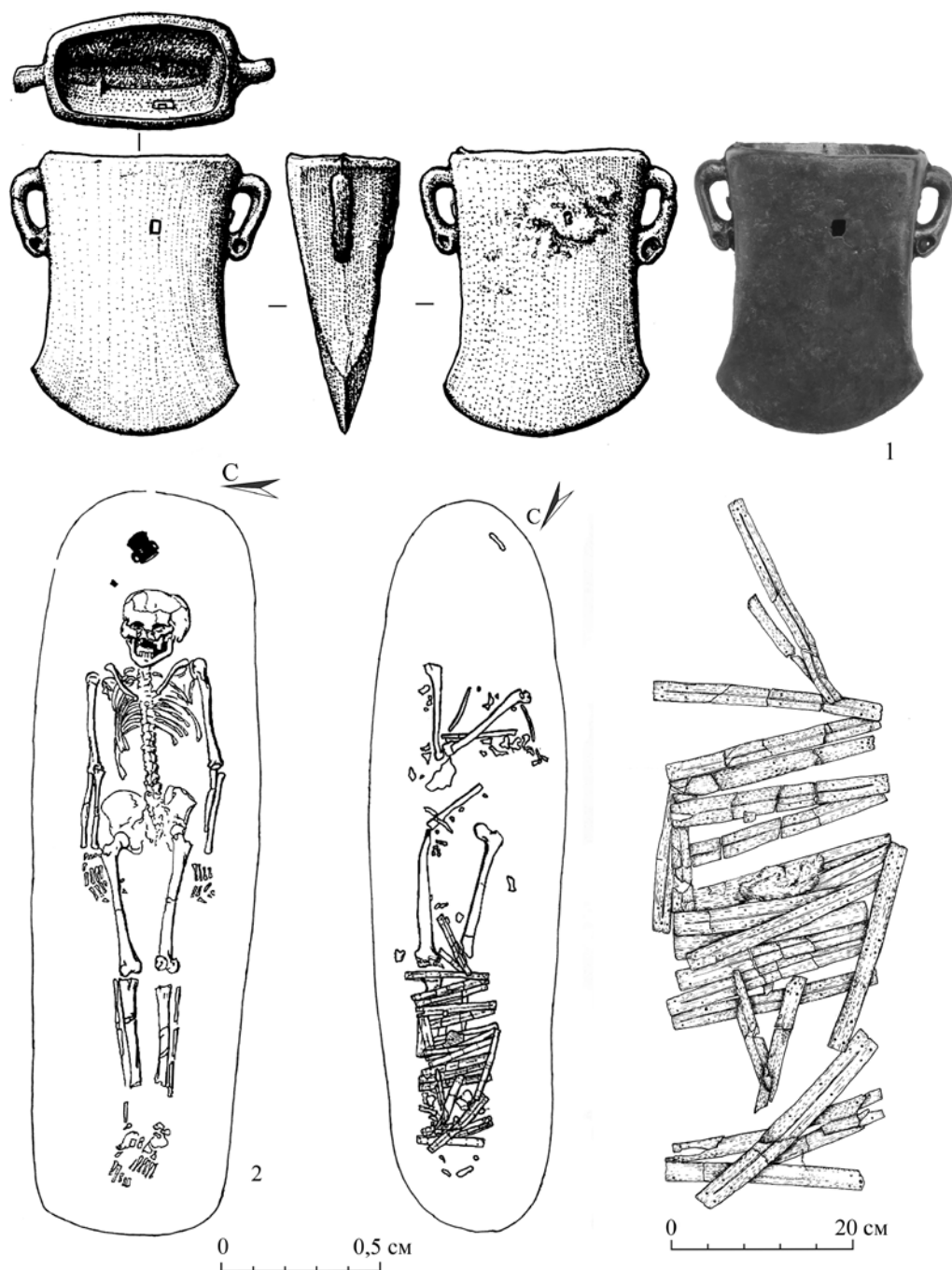

Рис. 2. Погребальные материалы раннего железного века – средневековья
 Анжевского комплекса памятников: 1 – бронзовый кельт (пог. №1 Нефтепровода-1);
 2 – план погребения №1 Нефтепровода-1; 3 – план погребения №7 Нефтепровода-1;
 4 – костяные пластины (пог. №7 Нефтепровода-1)

Надмогильная конструкция погребения №6 представлена кладкой из рваного камня неправильной формы. Размеры кладки 1,4×0,6 м. Кладка имела 1–2 слоя рваного калиброванного камня и была вытянута по линии СЗ–ЮВ. Под камнями кладки был обнаружен скелет молодой женщины 20–25 лет. Погребенная была уложена вытянуто на спине, руки согнуты в локтях. Кисти обеих рук соприкасались в области тазовых костей. Ноги вытянуты и соединены ниже колен. Череп погребенной своей лицевой частью был обращен на север. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Погребение №7 (рис. 2.-3). Обнаружен скелет взрослого мужчины 30–40 лет. Анатомический порядок костей скелета был нарушен. Кости скелета выше области таза находились в беспорядке. Череп погребенного отсутствовал. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям ног, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на юго-восток. Поверх голеней погребенного был положен роговой пластинчатый доспех (рис. 2.-4; 3). Других вещей в погребении найдено не было.

Рис. 3. Костяные пластины в погребении №7 Нефтепровода-1

Погребение №8. Погребенная – женщина 30–40 лет была уложена на спине головой на юго-восток. Левая рука погребенной вытянута вдоль тела, ладонью вниз. Правая рука вдоль тела, кисть на бедре правой ноги, ладонью вниз. Череп лицевой частью повернут на север. Сопроводительного инвентаря не обнаружено.

Погребение №9. Был обнаружен костяк взрослого человека – мужчины 35–45 лет. Погребенный расположен на спине, вытянуто, по линии СВВ–ЮЗЗ, головой на юго-запад–запад. Руки вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Кисть левой руки лежала поверх костей таза, правая – вдоль линии тела ладонью вниз. Череп был чуть повернут к северо-западу. Сопроводительного инвентаря в могиле обнаружено не было.

Погребение №10. Был обнаружен костяк взрослого человека – мужчины 40–50 лет. Погребенный был уложен на спине, вытянуто, по линии СЗ–ЮВ, головой на юго-восток, лицевой отдел черепа повернут на север. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Руки чуть согнуты в локтях, кисти соединялись в районе костей таза. В изголовье погребенного были обнаружены два предмета из бронзы. С северной стороны черепа – однолезвийный бронзовый нож с прямой спинкой (рис. 4.-10). Навершие ножа заканчивалось Г-образной фигурой. С южной стороны – тонкая бронзовая пластина (рис. 4.-12).

Погребение №11. Был обнаружен костяк взрослого человека, вероятно, мужчины. Погребенный был захоронен на спине, вытянуто, по линии СЗ–ЮВ, головой на юго-восток. Череп своей лицевой частью был повернут к югу. Кости плохой сохранности – разломаны, смещены, раздавлены. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела. Предположительно труп погребенного в постмортальный период достаточно долгое время находился в спеленом состоянии. Вещей в могиле обнаружено не было.

Погребение №12. Погребение разрушено в древности сооружением плавильного горна. Сохранившиеся части глиняной обмазки плавильной камеры позволяют предположить, что данное плавильное сооружение представляло собой горн-тигель для выплавки цветного металла. Скорее всего, часть каменной кладки погребения была использована для сооружения горна. Положение погребенного – на спине. По сохранившимся фрагментам костей скелета можно предположить, что положение рук – вдоль тела, ноги вытянуты. Ориентировано головой на восток. При расчистке погребения в районе предполагаемой поясничной части была найдена бронзовая бусина-пронизь.

Погребение №13 обнаружено на глубине всего 0,05 м от современной дневной поверхности. Могильная яма не фиксировалась. Погребенный – ребенок 12–14 лет, захоронен в вытянутом положении, головой ориентирован на восток (вверх по течению р. Кан). Лицо повернуто на север. Череп раздавлен. Шейный и грудной отделы позвоночника изогнуты. Правая лопатка выше ребер. Левая рука фрагментирована – кость предплечья лежит под углом под плечом. Таз и крестец фрагментированы. Правая рука изогнута в локтевом суставе под тупым углом наружу. От ног сохранились бедренные кости.

Погребение №14. Надмогильная конструкция представлена кладкой из 23 крупных плитчатых глыб гравелита. Погребенный – мужчина 35–45 лет обнаружен в вытянутом положении. Голова ориентирована на юго-восток (вверх по течению р. Кан). Череп и сохранившийся атлант расположены вертикально в 10 см от шейных позвонков, лицом ориентирован на северо-восток. Три позвонка шейного отдела лежат отдельно под остальным позвоночником. Руки прижаты к туловищу. Кости предплечий уходят под таз. Отдельные кости левой кисти расположены под тазом и на нем.

Погребение №15. Костяк взрослого человека, вероятно, мужчины. Погребенный был захоронен на спине, вытянуто, по линии СЗ–ЮВ, головой на юго-восток. Череп своей лицевой частью был повернут к северу. Кости плохой сохранности – разломаны, смещены, раздавлены. Правая рука погребенного была вытянута вдоль тела, левая, согнутая в локте, ладонью на тазе. Предположительно труп погребенного в постмортальный период достаточно долгое время находился в спеленом состоянии. Вещей в могиле обнаружено не было.

На стоянке Нефтепровод-2 зафиксировано 14 погребений.

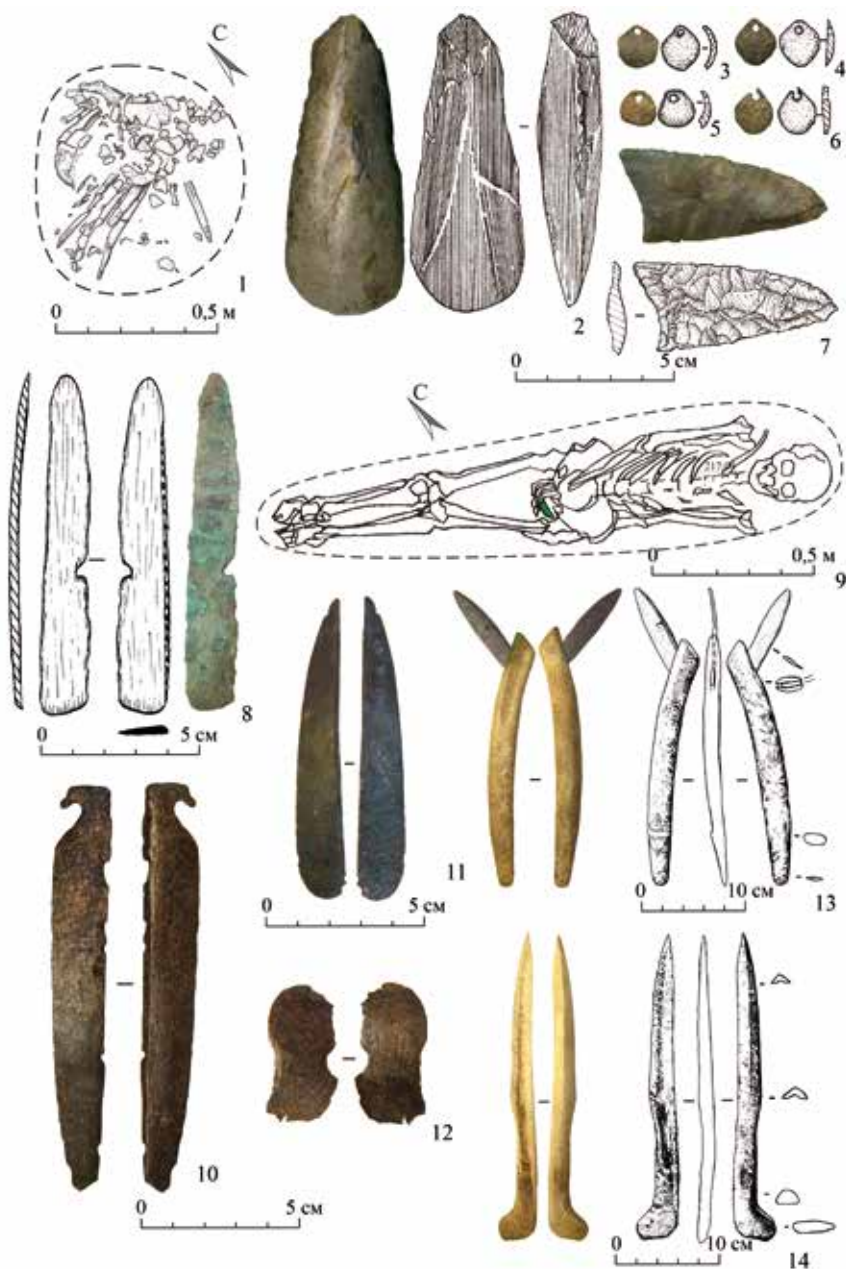

Рис. 4. Погребальные материалы неолита – эпохи бронзы Анжеевского комплекса памятников: 1 – план погребения №11 Нефтепровода-2; 2 – каменное тесло (пог. №9 Нефтепровода-2); 3–6 – костяные подвески (пог. №9 Нефтепровода-2); 7 – каменный нож (пог. №9 Нефтепровода-2); 8, 10–12 – бронзовые ножи (8 – пог. №2 Нефтепровода-2; 10, 12 – пог. №10 Нефтепровода-1; 11 – пог. №4 Нефтепровода-2); 9 – план погребения №2 Нефтепровода-2; 13 – составной нож (пог. №14 Нефтепровода-2); 14 – костяной кинжал (пог. №14 Нефтепровода-2)

Погребение №1. Надмогильная конструкция представлена разрозненным скоплением камней. Зафиксирован неполный скелет человека. Наблюдалось некоторое сохранение анатомического порядка, благодаря чему было определено, что умерший был положен в направлении восток-запад головой на восток. Самого черепа, как и его остатков, обнаружено не было. Сопроводительный материал не обнаружен.

Погребение №2. В заполнении погребения фиксировались отдельные камни. Погребенный лежал в направлении запад-восток головой на восток (рис. 4.-9). Нижние конечности сведены вместе. Левая рука вытянута вдоль костяка. Правая рука положена на костяк таким образом, что кости кисти с бронзовым ножом располагаются в районе таза. Изделие имеет прямое лезвие и обушок (рис. 4.-8). Других артефактов в погребении не обнаружено.

Погребение №3 обнаружено при зачистке уровня 1. Могильная яма впущена с уровня черно-серой плотной супеси. В погребальной яме, заполненной серой супесью, найдены обломки черепа, челюстей и ребер. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Погребение №4. Общая ориентировка могильного пятна и костяка человека – восток-запад, головой на восток. Погребение оказалось частично нарушенным, о чем говорит отсутствие костей стоп обеих ног, а также отдельных фрагментов бедренных, берцовых, локтевых, лучевых костей и коленных суставов. Кости черепа также были раздавлены на несколько фрагментов и смещены. По сохранившимся костям скелета можно говорить о захоронении покойного в вытянутом положении на спине. У левого крыла таза найден бронзовый нож. Изделие имеет прямую спинку и дугообразное, плавно сужающееся к острию лезвие (рис. 4.-11).

Погребение №5. Могильное пятно темно-серой супеси зафиксировано при зачистке кровли второго слоя и имеет форму вытянутого овала. Общая ориентировка могильного пятна и костяка человека – восток-запад, головой на восток. Сплошной каменной кладки над костяком не выявлено. Но отдельные небольшие камни размерами до 5×6 см были зафиксированы по кровле пятна в районе головы, а также ступней. Погребение оказалось частично нарушенным, о чем говорит отсутствие отдельных фрагментов ребер, бедренных, берцовых, локтевых, лучевых костей и коленных суставов. Кости черепа также были раздавлены на несколько фрагментов и смещены. По сохранившимся костям скелета можно говорить о захоронении покойного в вытянутом положении на спине.

В районе изголовья найдены многочисленные мелкие дисковидные бронзовые бусинки (более 3100 целых экземпляров). Все изделия округлой формы, с отверстием по центру. Диаметр бусинок 3–4 мм, отверстия – 1 мм.

Погребение №6. Могильное пятно темно-серой плотной супеси, имеющее овально-вытянутую форму, обнаружено в кровле слоя 2. Надмогильная конструкция представлена однослойной кладкой из небольших камней и имеет овальную форму. Общая ориентировка могильного пятна, каменной кладки и костяка человека – восток-запад, головой на восток. Захоронение покойного произведено в вытянутом положении на спине. Каких-либо артефактов не обнаружено.

Погребение №7. Могильного пятна не зафиксировано. Костяк расположен в вытянутом положении на спине по линии В–З, головой на восток. Погребение оказалось нарушенным, о чем говорит нарушение анатомического порядка костяка в районе

головы и грудной клетки. Часть костей представлена небольшими фрагментами, смещенными к тазовым костям. Археологического материала в погребении №7 не обнаружено.

Погребение №8. Погребение было введено из второго слоя. Сплошной каменной кладки над костяком не выявлено. Но отдельные камни размерами до 12×45 см были зафиксированы в районе ног. Погребение частично нарушено, о чем говорит отсутствие берцовых костей. По сохранившимся костям скелета можно говорить о захоронении покойного в вытянутом положении на спине по линии В–З, головой на восток. Правая рука покойного была вытянута и лежала на ноге, а левая – под ягодицей.

При расчистке погребения в области левой скуловой и локтевой костей зафиксированы микроокислы от разрушившихся медных изделий.

Погребение №9. Могильное пятно имело подтрапцевидную, с сильно закругленными углами, форму. Каменной кладки над костяком не обнаружено. При расчистке погребения выявлено, что произведено захоронение лишь черепа человека. Череп залегал в восточной половине ямы. У левой части черепа найдены костяные подвески. Такие же подвески найдены в 11 см справа от черепа. В общей сложности рядом с черепом обнаружено шесть подвесок (рис. 4.-3–6). Все они округлой, подромбовидной или эллипсовидной формы, с одним круглым сквозным отверстием в верхней части. В сечении подвески слегка вогнутые или выпуклые. При раскопках погребения под черепом в районе левой глазницы выявлено шлифованное тесло из светло-серого кремнистого сланца (рис. 4.-2). Орудие имеет расширенное дугообразно-выпуклое лезвие и плавно сужающееся к обушку тело. Рядом с теслом обнаружен массивный каменный нож подтреугольной формы (рис. 4.-1). Спинка и брюшко изделия обработаны фасетками диагонально-струйчатой отжимной ретуши.

Погребение №10. Могильное пятно в форме неправильного круга диаметром 1,51 м имеет в разрезе чашевидную форму. По стенкам и на дне могильной ямы зафиксированы отдельные фрагменты костей человека, залегающие на разновысотных отметках.

Погребение №11. Линзовидное скопление антропологических и палеофаунистических остатков зафиксировано в подошве 2-го литологического слоя (рис. 4.-1). В верхней части погребения сложены кости черепа человека в неанатомическом порядке. Череп захоронен фрагментарно, при захоронении не являлся единым целым, состоял из относительно крупных фрагментов (около 5–3 см), сложенных друг на друга, фрагменты свода черепа обожжены. Между фрагментами черепа встречаются мелкие фрагменты трубчатых костей (ребра, фаланги пальцев рук и ног). В северном направлении относительно фрагментов черепа, несколько ниже них находится левая ветвь и тело нижней челюсти. Под черепом компактным скоплением обнаружены фрагментированные кости позвонков, челюсти, бедренных костей, диафиз правой ключицы, плечевые кости, ребра. Помимо костей человека в этом скоплении присутствует фрагмент крупной тазовой кости животного. Сопроводительный инвентарь не обнаружен.

Наиболее вероятная интерпретация данного скопления – погребение, выполненное по обряду вторичного захоронения после частичной кремации на стороне.

Погребение №12 представлено скоплением фрагментов свода черепа взрослого человека, двух фрагментов медиальной части длинных трубчатых костей и 12 фрагментов тулова лепного керамического сосуда, покрытого технологическим декором

«сетка-плетенка». Скопление имело круглую в плане и линзовидную в разрезе форму. Положение остеологического материала в скоплении, его сохранность позволяют предположить вторичный характер погребения: фрагменты длинных костей собраны в «пучок», фрагменты свода черепа сложены «стопкой», мелкие – внутрь крупных. Фрагменты керамики рассыпаны в заполнении скопления.

Погребение №13. Надмогильная конструкция представлена каменной кладкой подовальной формы. Размеры кладки 1,6×2 м, мощность 0,15–0,25 м. Кладка сложена из массивных неокатанных камней.

Погребение ориентировано по оси ЮВ–СЗ, параллельно реке, головой на северо-запад, лицом к реке. Костяк находится на правом боку в позе эмбриона, колени сведены и прижаты к подбородку, стопы сведены вместе. Корпус скручен, руки согнуты в локтевых суставах и также сведены вместе, кисти под подбородком. Сохранность костяка хорошая, истлели только оконечности ребер, эпифиз бедренной кости, костяк сохранен в полном анатомическом порядке. Повреждений скелета не зафиксировано.

Погребение №14 представляет собой яму с неясными границами и сложной формой. Размеры ямы 1,5×2 м, глубина – 0,4 м. При разборе пятна в насыщенной золистой супеси зафиксирована нижняя челюсть человека. В районе передних зубов на подбородке имеется позеленение от контакта с бронзой. При дальнейшем разборе объекта зафиксирован череп человека. Череп расположен вертикально, ориентирован лицом на юго-восток. В районе левой теменной кости имеется отверстие трепанации, имеющее прямоугольную форму. Под черепом зафиксировано скопление, состоящее из костяного кинжала, составного коленчатого ножа, пяти каменных наконечников стрел треугольной формы с вогнутым насадом (рис. 4.-13, 14). Кинжал расположен горизонтально, острием на юго-восток; составной коленчатый нож расположен лезвием на северо-восток и лежит параллельно кинжалу, наконечники уложены на кинжал в районе острия.

Обсуждение

Таким образом, в результате спасательных работ 2015–2016 гг. на стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 Анжевского комплекса в разы увеличилась база источников по погребальным комплексам Канско-Рыбинской котловины. Предварительно анализируя полученные материалы, можно выделить четыре группы погребений.

Первая группа состоит из трех погребений (№9–11, 12 Нефтепровод-2). Планиграфически они образуют группу на северо-западном участке вскрытой территории в некотором удалении от других погребений. Все они представлены вторичными погребениями, содержащими лишь часть фрагментированных костей скелета. Частичные аналогии в погребальном обряде можно найти в погребениях Зеленогорского могильника, расположенного ниже по течению р. Кан. Сходство наблюдаются в фрагментированности и неполном присутствии костей человека, присутствии термического воздействия и наличии в составе погребений костей животных (челюсть оленя в погребении №1 зеленогорского могильника) [Абдулов и др., 2015]. По погребению №1 зеленогорского могильника получена дата по $C^{14}5660 \pm 100$ л.н. (ГИН-10934) [Тимошенко, 2014, с. 45]. В соседней Красноярской лесостепи следы кострищ над погребением зафиксированы в погребении у руч. Гремячего, что свидетельствует об использовании огня в погребальной практике. Эти комплексы датируются 2-й половиной III тыс. до н.э. [Хлобыстин, 1996].

Погребение №12, на наш взгляд, является наиболее ранним на местонахождении и может быть датировано ранним неолитом в рамках 7–6 тыс. лет назад. На это указывает определенное сходство с ранненеолитическим погребением №4 с местонахождения Попиха [Тимощенко, 2010]. Кроме того, в погребении зафиксированы обломки керамического сосуда с оттисками «сетки-плетенки», которая по существующей схеме развития керамических комплексов Красноярско-Канской лесостепи является своего рода «маркером» раннего неолита [Тимощенко, 2014, с. 41]. Пока это утверждение может рассматриваться лишь в рамках рабочей гипотезы и должно быть подтверждено методами радиоуглеродного датирования, потому что наличие «сетки-плетенки» характерно и для поздненеолитических погребений Прибайкалья, где подобная керамика существовала, в отличие от Приенисейских лесостепных территорий, на всем протяжении неолита.

Погребение №9 выделяется по достаточно представительному набору сопроводительного инвентаря. Украшения из кости в виде плоских овальных подвесок с отверстиями для подвешивания находят прямые аналогии в VI культуросодержащем горизонте местонахождения Казачка, в котором обнаружено три полностью идентичных нашим изделия. Этот комплекс относится к казачинской культуре среднего неолита Канско-Рыбинской котловины и датируется 2-й половиной V тыс. до н.э. [Тимощенко и др., 2016]. По форме эти изделия напоминают подвески из атрофированных зубов марала, характерные для китойских и серовских погребальных комплексов Прибайкалья, при этом вырезаны они из кости. Возможно, здесь мы имеем дело с репликами таких изделий. Трапециевидное шлифованное тесло и массивный плоский каменный бифасиально обработанный остроконечник с асимметричным основанием являются отличительными маркерами серовских погребений Прибайкалья [Окладников, 1976, с. 82; Базалийский, 2012, с. 89, 92]. Время существования этой погребальной традиции определяется в интервале 5200–4500 л.н. [Базалийский, 2012, с. 97].

Вторая группа, самая многочисленная, объединяет 16 погребений (№2–6, 8, 10, 11, 14, 15 Нефтепровод-1 и №1, 2, 4–8 Нефтепровод-2). В планиграфии могильника эти погребения располагаются двумя компактными группами. Их объединяет расположение погребенных в вытянутом положении на спине вдоль р. Кан, головой на юго-восток, против течения. Руки погребенных вытянуты вдоль тел и лежат на тазовых костях. Положение фаланг пальцев, а также неестественно сдвинутые кости плечевого пояса большинства погребенных позволяют предположить, что трупы в постмортальный период достаточно долгое время находились в спеленом состоянии непогребенными. Надмогильная конструкция в виде одноуровневой кладки из разрозненных камней встречена в пяти случаях, планиграфически и по составу погребений закономерности в их наличии/отсутствии не фиксируется. Большинство погребений безынвентарные, сопроводительный инвентарь фиксируется в пяти случаях и представлен исключительно бронзовыми (медными?) предметами. Обнаружено три миниатюрных ножа с прямым обухом и выпуклым лезвием. Уникальной находкой можно считать 3100 бусин в 5-м погребении Нефтепровод-2. Два других предмета истлели и потеряли свои первоначальные формы, один сохранился в виде небольшой пластины с аморфными краями, другой – медным окислом на костях погребенного, предположительно оба предмета были ножами. Выявлено два варианта расположения ножей относительно погребенных, в двух случаях они располагались в районе головы, в двух других – вложены в руки.

На территории Канско-Рыбинской котловины подобных погребений известно два – №1 с местонахождения Попиха и №1 с местонахождения Гурьев Лог. Все они обнаружены непосредственно на стояночных комплексах. Погребенные расположены в вытянутом положении, ориентированы головой против течения реки. В погребении с Попихи обнаружен идентичный рассмотренным нами миниатюрный однолезвийный медный нож [Тимощенко и др., 2013, с. 24–26]. Идентичные по форме и составу металла ножи фиксируются и во II культуросодержащем горизонте Попихи [Тимощенко, 2010]. Погребальные комплексы имеют аналогии в материалах погребений Красноярской лесостепи, могильнике Базаиха, Ладейском погребении, погребениях на поселении Усть-Мана и Дрокино-2, отнесенных к Красноярской культуре [Новых, 2010]. По дрокинскому погребению имеется радиоуглеродная дата 2890 ± 30 (5943 ГИН) [Там же, с. 220].

Таким образом, хронология этих погребений определяется эпохой поздней бронзы в диапазоне 3,5–2,8 тыс. л.н. [Тимощенко и др., 2013, с. 26].

Третья группа представлена двумя могилами (№13, 14 Нефтепровод-2). Погребения этой группы можно также датировать эпохой бронзы, но оставлены они носителями иных погребальных традиций. По площади могильника они располагались обособленно. Погребение №13 безынвентарное, выделяется расположением покойного в позе эмбриона и полным анатомическим порядком костей, без следов постмортальных деформаций. Ряд признаков, таких как ориентировка головой вниз по течению, овальная каменная кладка, скорченное положение погребенного, указывают на аналогии с погребениями бронзового века Северной Ангары, которые характеризуются рядом исследователей как вариант глазковской культуры Прибайкалья [Окладников, 1955, с. 12; Дударёк и др., 2014, с. 75]. Погребение №14 содержало хаотично разбросанные по яме фрагментированные крупные кости и череп, под которым был компактно сложен сопроводительный инвентарь. Треугольные каменные наконечники стрел, а также миниатюрный бронзовый нож, вставленный под углом в костяную рукоять, находят свои аналогии в погребениях №14 и №18 Серовского могильника и отнесены А.П. Окладниковым к глазковской культуре [Окладников, 1976, с. 85]. Эти находки, наряду с находками из погребения афанасьевской (окуневской – ?) культуры, стали основанием известной идеи М.Д. Хлобыстиной [1962, с. 6] о составных ножах как прообразах бронзовых коленчатых ножей карасукской культуры Минусинской котловины (см. критику [Вадецкая, 1986, с. 52]).

Четвертая группа погребений представлена пятью могилами (№1, 7, 9, 13 Нефтепровод-1 и №3 Нефтепровод-2).

Погребения №1 и №9 Нефтепровод-1 объединят их расположение на восточной периферии могильника, уровень закладки с кровли второго литологического слоя, расположение костяков – в вытянутом на спине положении. От погребений второй группы их отличает несколько иная ориентировка: 3–В, СЗ–СВ. Руки у погребенных этой группы в локтях не согнуты.

Уникальным является обнаружение в погребении №1 Нефтепровод-1 бронзового кельта в закрытом комплексе непо потревоженной могилы. Все найденные до этого в Канской лесостепи кельты являлись случайными находками [Генералов и др., 1995]. Ушки топора выполнены в виде головок грифонов в скифо-сибирском зверином стиле. Аналогии можно найти в материалах тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Однако Г.А. Максименков [1960б, с. 45] при описании бронзовых предметов,

синхронных тагарским, считал: «Часть вещей (ножи) имеет те же формы, что и в Минусинске, но изготовлены они на месте, другая часть (кельты с птичьими ушками), имея минусинские черты, характерна для лесостепи. Это указывает на определенные связи с югом, но не позволяет рассматривать лесостепь в качестве провинции тагарской культуры». Кельт с идентичными ушками в виде головок грифонов обнаружен в составе Верхне-Метляевского клада, найденного на территории Аларских степей Прибайкалья [Максименков, 1960а]. В составе этого комплекса он находился совместно с кельтами красноярско-ангарского типа. Таким образом, данные погребения можно предварительно датировать 1-й половиной I тысячелетия до н.э.

Погребение №7 Нефтепровод-1 имеет прямые аналогии с погребением №3 местонахождения Попиха, где в коллективном грабленном погребении зафиксированы обломки костяных пластин-лат подпрямоугольных очертаний, плоских в сечении, с просверленными отверстиями [Тимощенко, 2010]. По-видимому, как и в случае с попихинским погребением, мы имеем дело с разграблением могилы в древности, кости ног лежат в анатомическом порядке, верхняя часть костяка «перемешана». Говорить о культурной принадлежности этих погребений ввиду отсутствия известных аналогий не приходится, датировать их можно ранним железным веком.

Пока рано конкретизировать культурно-хронологическую привязку погребений №13 Нефтепровод-1 и №3 Нефтепровод-2. Они располагались на территории могильника в близости с погребениями второй группы. Единственным объединяющим и датирующим их признаком является заложение могильных ям из первого литологического слоя, что указывает на то, что эти погребения являются самыми поздними на могильнике и могут быть датированы эпохой средневековья.

Погребение №12 Нефтепровод-1 было полностью разрушено постройками более позднего времени и не содержало сопроводительного инвентаря, поэтому отнести его к какой-либо из групп не представляется возможным.

Выводы

В результате спасательных работ 2015–2016 гг. на стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 Анжевского комплекса обнаружен разновременный грунтовый могильник, содержащий 29 погребений и функционирующий на протяжении неолита – средневековья. На сегодняшний день это самый крупный из трех известных могильников Канской лесостепи. Так же как Попиха и Зеленогорский могильник, он располагался на высоком террасовидном уступе р. Кан, а погребения вложены в стояночные комплексы.

Материалы неолитического времени дополняют картину погребальных комплексов Канской лесостепи, однако до сих пор каждое из известных нам погребений по-своему уникально, и пока не удастся увидеть серийность и закономерность.

Третья группа погребений демонстрирует инокультурное влияние, скорее всего, связанное с таежным ареалом культур эпохи бронзы Прибайкалья и Северной Ангары. На стояночных комплексах следы такого влияния фиксируются при анализе каменной и керамической индустрии эпохи ранней бронзы. На основании этих наблюдений сделан вывод о едином культурном пространстве лесостепной и таежной территории от Енисея до Забайкалья в интервале 4–3,5 тыс. л.н. [Тимощенко и др., 2013, с. 26]. Определение культурной принадлежности третьей группы погребений осложняет отсутствие сопроводительного материала, но в рамках рабочей гипотезы правомерным кажется отнесение их к эпохе ранней бронзы таежного круга культур Байкальской Сибири.

Наиболее интересны погребения эпохи бронзы, отнесенные ко второй группе. 17 погребений совместно с двумя могилами с местонахождений Попиха (№1) и Гурьев Лог (№1) дают выдержанную серию. Зафиксированные в погребениях миниатюрные бронзовые ножи находят аналогии в стояночных комплексах II горизонта Попихи и II горизонта Мезенска [Тимощенко и др., 2013, с. 24]. Эти стояночные комплексы отнесены к красноярской археологической культуре, которая была предложена к выделению еще в начале XX века Г. Мергартом [1923, с. 32–35] и В.Г. Карцовым [1929, с. 21–22]. На сегодняшний момент хронологические рамки существования этой культуры определяются поздним бронзовым веком, 3,5–2,8 тыс. л.н., а территория распространения охватывает Красноярскую и Канскую лесостепи [Максименков, 1960б; Тимощенко и др., 2013]. Представляется возможным отнести эти 19 погребений к красноярской культуре. Их специфичность и некоторая архаичность по сравнению с погребальными комплексами бронзового века сопредельных территорий позволяет вновь подтвердить идею о самобытности этой культуры и отказаться от гипотезы о переселении части карасукских племен на север, как предполагала Н.Л. Членова [1972, с. 82]. По крайней мере, погребальный обряд об этом не свидетельствует.

Четвертая группа объединяет погребения, датированные ранним железным веком – средневековьем. На сегодняшний момент этот хронологический отрезок в археологии Канской лесостепи практически не изучен. Выделяется погребение №1 Нефтепровод-1 находкой бронзового кельта, по современным представлением относящегося к тагарскому времени, и №7 Нефтепровод-1, которое вместе с погребением №3 местонахождения Попиха намечает серию погребений раннего железного века, содержащих защитное вооружение в виде костяных лат.

Таким образом, новый могильник существенно дополняет картину погребальных комплексов рассматриваемого региона. Предлагаемая типология погребений носит предварительный характер и требует соотнесения с содержанием окружающих культурных слоев и других антропогенных структур археологических объектов. Дальнейшая обработка полученных материалов с привлечением специалистов естественно-научного профиля поможет более точно описать культурно-исторические процессы, протекавшие на территории Канской лесостепи в голоцене.

Библиографический список

- Абдулов Т.А., Савельев Н.А., Алтухов В.В. Зеленогорский могильник на р. Кан // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2015. Т. 13. С. 14–25.
- Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. лаборатории древних технологий. 2012. №1. С. 43–101.
- Бобров В.В., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. О культурной принадлежности неолитических комплексов Канско-Рыбинской котловины и Красноярской лесостепи // ESSE QUAM VIDERI : К 80-летию Г. И. Медведева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. С. 328–338.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука, 1986. 179 с.
- Выборнов А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Грачев И.А., Гревцов Ю.А., Журавков С.П., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Марковский Г.И., Матвеев В.Е., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Фокин С.М. Спасательные археологические раскопки под городом Канском в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 571–574.
- Генералов А.Г. Проблема хронологии и периодизации неолита Красноярско-Канской лесостепи // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. докл. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1978. С. 32–34.

Генералов А.Г., Дзюбас С.А. Бронзовые кельты Канского музея // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1995. С. 133–143.

Дударёк С.П., Лохов Д.Н. Погребальные комплексы бронзового века Северного Приангарья. Вопросы хронологии и культурной принадлежности // Изв. Иркут. госу. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 54–80.

Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов Музея Приенисейского края. Красноярск: Изд-во Госмузея, 1929. 55 с.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты Красноярско-Ангарских типов // СА. 1960а. №1. С. 148–162.

Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1960б. С. 43–46.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Бирюлева К.В., Максимович Л.А., Виноградов Д.А. Многослойный археологический объект Нефтепровод-2 в контексте культурно-хронологической периодизации древней истории Канско-Рыбинской лесостепной котловины // Изв. лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. №1. С. 40–55. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-40-55

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. КРГО. Красноярск, 1923. Т. 3. Вып. 1. С. 29–36.

Новых Л.В. Компоненты и символы Красноярской культуры поздней бронзы // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск : Аграф-Пресс, 2010. С. 220–223.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. 1955. №43. Ч. 3. 347 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск : Наука, 1976. 328 с.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее) : тез. докл. краев. конф. Красноярск : Изд-во КГПИ, 1984. С. 136–142.

Тимощенко А.А. Археологические исследования Канско-Рыбинской котловины Иркутским государственным университетом // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 38–39.

Тимощенко А.А. Археологическое местонахождение Попиха на р. Кан // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Тез. докл. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 171–174.

Тимощенко А.А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины : дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013. 274 с.

Тимощенко А.А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. : Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 10. С. 27–49.

Тимощенко А.А., Савельев Н.А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5. С. 19–27.

Тимощенко А.А., Савельев Н.А., Бобров В.В. Казачинская культура неолита Красноярско-Канской лесостепи (по материалам многослойного местонахождения Казачка) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. Красноярск : Изд-во СФУ, 2016. Ч. 1. С. 99–106.

Тимощенко А.А., Бочарова Е.Н. К проблеме археологии каменного века и эпохи бронзы Канско-Рыбинской котловины (историографический аспект) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. Вып. 6. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 231–239.

Хлобыстин Л.П. Восточная Сибирь и Дальний Восток // Археология. Неолит Северной Евразии. М. : Наука, 1996. С. 270–330.

Хлобыстина М.Д. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 32 с.

Чикишева Т.А., Кривошапкин А.Л., Поздняков Д.В., Волков П.В. Краниотомия в лечебной практике носителей археологических культур: случай прижизненной трепанации в эпоху поздней бронзы на юге Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 46. 2018. №1. С. 133–143.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

Slepchenko S.M., Ivanov S.N., Vybornov A.V., Slavinsky V.S., Tsybankov A.A., Lysenko D.N., Matveev V.E. Taenia sp. in human burial from Kan River, East Siberia // *Memórias do Instituto Oswaldo Cruz*. 2017. 112(4). Pp. 387–390.

Slepchenko S.M., Vybornov A.V., Slavinsky V.S., Tsybankov A.A., Matveev V.E. Ante Mortem Cranial Trepanation in the Late Bronze Age in Western Siberia // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2017. T. 27. №3. Pp. 356–364.

References

Abdulov T.A., Savel'ev N.A., Altuhov V.V. Zelenogorskij mogil'nik na r. Kan [Zelenogorsk Cemetery on the r. Kan]. *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. : Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija* [News of Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2015. №13. Pp. 14–25.

Bazalijskij V.I. Pogrebal'nye komplekсы epohi pozdnego mezolita – neolita Bajkal'skoj Sibiri: tradicii pogrebenij, absoljutnyj vozrast [Burial Complexes of the Late Mesolithic Age – the Neolithic of Baikal Siberia: Traditions of Burials, Absolute Age]. *Izv. laboratorii drevnih tehnologij* [News of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2012. №1. Pp. 43–101.

Bobrov V.V., Savel'ev N.A., Timoshhenko A.A. O kul'turnoj prinadlezhnosti neoliticheskikh kompleksov Kansk-Rybinskoy kotloviny i Krasnojarskoj lesostepi [On the Cultural Affiliation of the Neolithic Complexes of the Kansk-Rybinsk Depression and the Krasnoyarsk Forest-Steppe]. *ESSE QUAM VIDERI : K 80-letiju G. I. Medvedeva [ESSE QUAM VIDERI: To the 80th Anniversary of H. I. Medvedev]*. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2016. Pp. 328–338.

Vadeckaja Je.B. Arheologicheskie pamjatniki v stepjah Srednego Eniseja [Archaeological Sites in the Steppes of the Middle Yenisei]. L. : Nauka, 1986. 179 p.

Vybornov A.V., Slavinskij V.S., Cybankov A.A., Grachev I.A., Grevcov Ju.A., Zhuravkov S.P., Lysenko D.N., Makarov N.P., Markovskij G.I., Matveev V.E., Stasjuk I.V., Tomilova E.A., Fokin S.M. Spasatel'nye arheologicheskie raskopki pod gorodom Kanskom v 2015 godu [Rescue Archaeological Excavations under the City of Kansk in 2015]. *Problemy arheologii, jetnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. №XXI. Novosibirsk : Izd-vo IAET SO RAN, 2015. Pp. 571–574.

Generalov A.G. Problema hronologii i periodizacii neolita Krasnojarsko-Kanskoj lesostepi [The Problem of Chronology and Periodization of the Neolithic of the Krasnoyarsk-Kansk Forest-Steppe]. *Arheologija i etnografija Vostochnoj Sibiri : tez. dokl.* [Archaeology and Ethnography of Eastern Siberia: Theses. Doc]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1978. Pp. 32–34.

Generalov A.G., Dzjubas S.A. Bronzovye kel'ty Kanskogo muzeja [Bronze Celts of the Kansk Museum]. *Bajkal'skaja Sibir' v drevnosti* [Baikal Siberia in Ancient Times]. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta, 1995. Pp. 133–143.

Dudarkov S.P., Lohov D.N. Pogrebal'nye komplekсы bronzovogo veka Severnogo Priangar'ja. Voprosy hronologii i kul'turnoj prinadlezhnosti [Funeral Complexes of the Bronze Age of the Northern Angara Region. Questions of Chronology and Cultural Identity]. *Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser. : Geoarheologija. Jetnologija. Antropologija* [News of Irkutsk State University. Series Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2014. №7. Pp. 54–80.

Karcov V.G. Materialy k arheologii Krasnojarskogo rajona. Opisanie kolekcij i materialov Muzeja Prienisejskogo kraja [Materials for the Archaeology of the Krasnoyarsk region. Description of Collections and Materials of the Yenisei Territory Museum]. Krasnojarsk : Izd-vo Gosmuzeja, 1929. 55 p.

Maksimenkov G.A. Bronzovye kel'ty Krasnojarsko-Angarskih tipov [Bronze Celts of the Krasnoyarsk-Angara Types]. SA [SA]. 1960a. №1. Pp. 148–162.

Maksimenkov G.A. Novye dannye po arheologii rajona Krasnojarska [New Data on the Archaeology of the Krasnoyarsk Region]. *Voprosy istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Questions of the History of Siberia and the Far East]. Irkutsk : Izd-vo IGU, 1960b. Pp. 43–46.

Mandryka P.V., Senotrusova P.O., Birjuleva K.V., Maksimovich L.A., Vinogradov D.A. Mnogoslojnyj arheologicheskij ob'ekt Nefteprovod-2 v kontexte kul'turno-hronologicheskoy periodizacii drevnej istorii Kansk-Rybinskoy lesostepnoj kotloviny [Multilayered Archaeological Site Nefteprovod-2 in the Context of the Cultural-Chronological Periodization of the Ancient History of the Kansk-Rybinsk Forest-Stepping

Basin]. *Izv. laboratorii drevnih tehnologij* [Journal of Ancient Technology Laboratory]. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 40–55. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-40-55.

Mergart G. Rezul'taty arheologicheskikh issledovanij v Prienisejskom krae [Results of Archaeological Research in the Yenisei region]. *Izv. KRGO*. 1923. Vol. 3, №1. Pp. 29–36.

Novyh L.V. Komponenty i simvoly Krasnojarskoj kul'tury pozdnej bronzy [Components and Symbols of the Krasnojarsk Culture of the Late Bronze]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arheologo-etnograficheskikh soveshhanij* [Culture as a System in the Historical Context: Experience of the Western Siberian Archaeological and Ethnographic Meetings]. Tomsk: Agraf-Press, 2010. Pp. 220–223.

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyj vek Pribajkal'ja [Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region]. *MIA* [Materials and Studies on Archaeology of the USSR]. 1955. №43. Ch. 3. 347 p.

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamjatniki Nizhnej Angary [Neolithic Sites of Lower Angara]. *Novosibirsk* : Nauka, 1976. 328 p.

Savel'ev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A. Mnogoslojnoe arheologicheskoe mestonahozhdenie Kazachka kak osnova dlja periodizacii Kansko-Rybinskoj kotloviny [The Multilayered Archaeological Site of the Kazachka as a Basis for the Periodization of the Kansk-Rybinsk Depression]. *Problema issledovanija kamennogo veka Evrazii (k 100-letiju otkrytija paleolita na Enisee) : tez. dokl. kraev. konf* [The Problem of the Study of the Stone Age of Eurasia (to the 100th Anniversary of the Discovery of the Paleolithic on the Yenisei) : Theses of the Regional Conference]. Krasnojarsk : Izd-vo KGPI, 1984. Pp. 136–142.

Timoshhenko A.A. Arheologicheskie issledovanija Kansko-Rybinskoj kotloviny Irkutskim gosudarstvennym universitetom [Archaeological Researches of the Kansk-Rybinsk Hollow by Irkutsk State University]. *Etnokul'turnaja istorija Evrazii: sovremennye issledovanija i opyt rekonstrukcij* [Ethnocultural History of Eurasia: Modern Research and Experience of Reconstructions]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. Pp. 38–39.

Timoshhenko A.A. Arheologicheskoe mestonahozhdenie Popiha na r. Kan [Archaeological Location of Popikha on the River Kan]. *Evrazijskoe kul'turnoe prostranstvo. Arheologija, etnologija, antropologija* [Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology, Anthropology]. Irkutsk : Ottisk, 2010. Pp. 171–174.

Timoshhenko A.A. Neolit i bronzovyj vek Kansko-Rybinskoj kotloviny : diss. kand. ist. nauk [Neolithic and Bronze Age of the Kansk-Rybinsk Basin. Cand., Diss.]. Kemerovo, 2013. 274 p.

Timoshhenko A.A. Hronologija i periodizacija kamennogo veka Kansko-Rybinskoj kotloviny [Chronology and Periodization of the Stone Age of the Kansk-Rybinsk Hollow]. *Izv. Irkut. Gos. Un-ta. Ser. : Geoarheologija. Etnologija. Antropologija* [Izvestiya Irkutsk State University. Series : Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2014. №10. Pp. 27–49.

Timoshhenko A.A., Savel'ev N.A. Bronzovyj vek Kansko-Rybinskoj kotloviny (sovremennoe sostojanie problemy) [The Bronze Age of the Kansk-Rybinsk Basin (the Current State of the Problem)]. *Vestnik NGU. Ser. : Istoriya, filologija* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2013. Vol. 12, Issue 5. Pp. 19–27.

Timoshhenko A.A., Savel'ev N.A., Bobrov V.V. Kazachinskaja kul'tura neolita Krasnojarsko-Kanskoj lesostepi (po materialam mnogoslojnogo mestonahozhdenija Kazachka) [Kazachinskaya Culture of the Neolithic of the Krasnojarsk-Kansk Forest-Steppe (Based on the Multilayered Location of Kazachka)]. *Drevnie kul'tury Mongolii, Bajkal'skoj Sibiri i Severnogo Kitaja : materialy VII Mezhdunar. nauch. konf.* [Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Materials of the VII International Scientific Conference]. Krasnojarsk : Izd-vo SFU, 2016. Part I. Pp. 99–106.

Timoshhenko A.A., Bocharova E.N. K probleme arheologii kamennogo veka i epohi bronzy Kansko-Rybinskoj kotloviny (istoriograficheskij aspekt) [To the Problem of the Archaeology of the Stone Age and the Bronze Age of the Kansk-Rybinsk Basin (Historiographical Aspect)]. *Evrazija v kajnozoe. Stratigrafija, paleoekologija, kul'tury* [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Culture]. Issue 6. Irkutsk : Izd-vo IGU, 2017. Pp. 231–239.

Hlobystin L.P. Vostochnaja Sibir' i Dal'nij Vostok [Eastern Siberia and the Far East]. *Arheologija. Neolit Severnoj Evrazii* [Archaeology. Neolithic of Northern Eurasia]. M. : Nauka, 1996. Pp. 270–330.

Hlobystina M.D. Bronzovye nozhi Minusinskogo kraja i nekotorye voprosy razvitiya karasukskoj kul'tury [Bronze Knives of the Minusinsk Territory and Some Issues of the Development of the Karasuk Culture]. L. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 1962. 32 p.

Chikisheva T.A., Krivoschapkin A.L., Pozdnjakov D.V., Volkov P.V. Kraniotomija v lechebnoj praktike nositelej arheologicheskikh kul'tur: sluchaj prizhiznennoj trepanacii v jepohu pozdnej bronzy na juge Sibiri [Craniotomy in the Medical Practice of Carriers of Archaeological Cultures: the Case of Lifetime Trepanation in the Late Bronze Age in Southern Siberia]. *Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 46. 2018. №1. Pp. 133–143.

Chlenova N.L. Hronologija pamjatnikov karasukskoj jepohi [Chronology of the Sites of the Karasuk Era]. *MIA* [Materials and Studies on Archaeology of the USSR]. M.; L. : AN SSSR, 1972. 248 p.

Slepchenko S.M., Ivanov S.N., Vybornov A.V., Slavinsky V.S., Tsybankov A.A., Lysenko D.N., Matveev V.E. Taenia sp. in Human Burial from Kan River, East Siberia // *Memórias do Instituto Oswaldo Cruz*. 2017. 112(4). Pp. 387–390.

Slepchenko S.M., Vybornov A.V., Slavinsky V.S., Tsybankov A.A., Matveev V.E. Ante Mortem Cranial Trepanation in the Late Bronze Age in Western Siberia // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2017. T. 27. №3. Pp. 356–364.

A.A. Timoshchenko, A.V. Vybornov, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

ANZHEVSKY COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITE – NEW ASYNCHRONOUS BURIAL IN THE TERRITORY OF THE KANSK-RYBINSK BASIN. PRELIMINARY DATA

The sites of the Anzhevsky complex were discovered in 1972 by N.A. Saveliev. They are located in the Kansk forest-steppe, territorially positioned in the Kansk-Rybinsk basin, on the right bank of the Kan River in the administrative boundaries of the Ilan municipal District of the Krasnoyarsk Krai. In the course of the archaeological excavations of 2015–2016 a multilayered burial ground was discovered, containing 29 graves, that was functioning throughout the Neolithic – Middle Ages. Preliminary analysis of the obtained materials can identify 4 groups of burials. Burials of the Neolithic time constitute the first group (3 burials). Partial analogies in the funeral rite can be found in the burials of the Zelenogorsk burial ground and burial site of Popikha, located on the middle stream of the Kan River, as well as in the Serovsk burial tradition of the Baikal region. The second group (16 burials) dates from the Late Bronze Age and is preassigned to the Krasnoyarskaya Culture. The third group (2 burials) also dates from the Bronze Age, but it is connected with the taiga area of the Bronze Age cultures of the Baikal region and the Northern Angara River. The fourth group (5 burials) dates from the Early Iron Age – the Middle Ages. At the moment, this chronological segment in the archaeology of the Kansk forest-steppe has hardly been studied. The emphasis is made on the burial with the bronze celt of the Tagar period and burial containing protective equipment in the form of bone armor.

Key words: Kansk-Rybinsk depression, Kan river, Krasnoyarsk Territory, burial ground, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages, archaeological excavation.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОМПЛЕКСА УЮК-АРЖАН: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ТУВЫ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

Представлен опыт комплексного изучения материалов исследования памятника Уюк-Аржан. Данный комплекс, расположенный на территории Тувы, примечателен сочетанием довольно точно датированного погребения со стелой, содержащей руническую надпись и тамгу. Анализ результатов раскопок захоронения позволил обозначить возможности определения места рассматриваемого памятника в системе объектов Тувы и сопредельных территорий периода раннего средневековья. Высказано предварительное предположение о существовании в обозначенном регионе в VII – 1-й пол. IX в. группы населения, традиции которого указывают на возможность их связи с носителями кокзельской культуры. Ни само содержание рунической надписи, начертанной на стеле, ввиду ее относительной лапидарности, ни ее орфографические или палеографические особенности не дают возможности извлечь из них какие-либо дополнительные сведения историко-культурного характера. Вместе с тем анализ тамгового материала в сопоставлении с другими подобными памятниками Тувы на основе косвенных датировок дает основания для построения гипотетической схемы хронологического распространения данных памятников, вписывая рассматриваемый комплекс в контекст этнокультурной истории Тувы. Кроме того, авторский анализ позволил подтвердить гипотезу И.Л. Кызласова о существовании на территории Тувы в докыркызское время самобытной письменной традиции, связанной с местным тюркоязычным населением и продолжившей свое существование даже после его интеграции в возглавленное кыргызами политическое образование и растворение в кыргызской культуре. Таким образом, памятник Уюк-Аржан открывает значительные перспективы для изучения не только этнокультурных процессов, но и отчасти социально-политической истории Тувы в раннем средневековье.

Ключевые слова: Тува, раннее средневековье, Уюк-Аржан, руническая письменность, тамга, погребение, курган, стела, этнокультурная история.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-07

Введение

Вопрос о датировке и атрибуции памятников древнетюркской рунической письменности бассейна р. Енисей после концептуальных работ Л.Р. Кызласова [1960; 1965б] в общих чертах считается решенным и, в сущности, подвергается дискуссиям лишь в ряде частных моментов [Насилов, 2000, с. 125–126; Щербак, 2001, с. 88–90]. Однако уже сам Л.Р. Кызласов отмечал, что проблема является несколько более сложной, это показал опыт привязки определенных памятников к археологическому контексту. Соотнося большую часть енисейских текстов с культурой кыргызов**, исследу-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Элита древних тюрков Центральной Азии (комплексный анализ археологических и письменных источников)» (№16-31-01029a2), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

** Здесь и далее авторами используется орфографическая форма *кыргыз* для соответствующего обозначения группировки, населявшей Минусинскую котловину, по крайней мере в VI–IX вв. Это соответствует зафиксированному в памятниках древнетюркской рунической письменности написанию этнонима [Кормушин, 2008, с. 310–311; Şirin User, 2009b, s. 158–159]. Употребление формы *кыргыз* подразумевается только в связи с известной в настоящее время этнической группой, проживающей на территории Средней Азии, в частности в Кыргызстане.

дователи имеют возможность выделить отдельные памятники, не укладывающиеся в этот контекст. Таким образом, изучение подобных объектов дает основания для реконструкции различных аспектов этнокультурных и социально-политических процессов, происходивших на территории Алтае-Саянского региона в раннем средневековье.

Одним из таких памятников является стела с надписью, известная под индексом Е 2 и наименованием «Уюк-Аржан». Данный комплекс был изучен Л.Р. Кызласовым, предложившим его достаточно раннюю относительно других памятников древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна датировку [Кызласов, 1960, с. 98–100]. Учитывая, что за прошедшее время появились новые материалы раскопок с территории Тувы, сегодня мы имеем возможность использовать их для рассмотрения этнокультурных процессов на территории региона во 2-й пол. I тыс. н.э. на новом уровне. Одной из частных задач в указанном направлении является определение места комплекса Уюк-Аржан в системе археологических памятников региона раннего средневековья.

Археологический контекст комплекса

Большое значение для понимания историко-культурного контекста памятника Уюк-Аржан имеет анализ материалов раскопок данного погребального комплекса. Для этого необходимо обратиться к основным характеристикам объекта, зафиксированным в разных источниках.

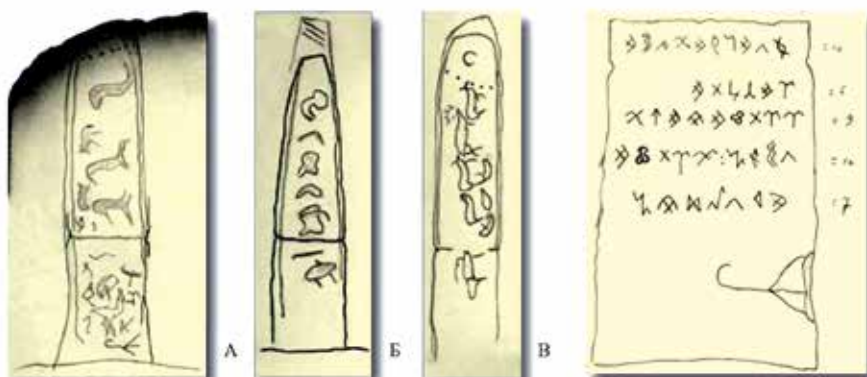
Наиболее подробная информация о рассматриваемом памятнике содержится в дневниковых записях А.В. Адрианова, который осуществил раскопки комплекса в августе 1916 г. [Адрианов, 2008, с. 20–21, 130–133; Беликова, 2014, с. 265–269]*. Одиночный курган №54 представлял собой средних размеров каменную насыпь округлой формы. У восточного края сооружения был установлен переиспользованный «оленный» камень с рунической надписью. В могильной яме, расположенной под курганной насыпью, находился умерший мужчина, уложенный вытянуто на спине и ориентированный головой в западном направлении (рис. 1). Сопроводительный инвентарь захоронения включал предметы конского снаряжения, нож и золотую серьгу (рис. 2). Рядом с умершим находились кости овцы, очевидно, составлявшие жертвенную пищу.

Материалы раскопок погребения комплекса Уюк-Аржан впервые были рассмотрены Л.Р. Кызласовым [1960, с. 98–100, рис. 1–3] в статье, посвященной анализу памятников рунической письменности Верхнего Енисея. Археолог определил датировку памятника в рамках уйгурского периода и сопоставил его с захоронениями местного тюркоязычного населения (чиков). В вышедшей позже обобщающей монографии исследователь подчеркнул, что курган №54 Уюк-Аржан, как и серия других подобных объектов, оставлен группой раннесредневековых кочевников Тувы, обряд которых отличался от традиций чиков западной ориентировкой умершего [Кызласов, 1969, с. 79–80]. Несколько погребений данного типа, раскопанных экспедициями А.В. Адрианова и С.А. Теплоухова, также были частично опубликованы Л.Р. Кызласовым [1979а, с. 193–197]. Несколько лет назад комплекс Уюк-Аржан введен в научный оборот О.Б. Беликовой [2014, с. 265–269, рис. 272–276], которая провела скрупулезную работу с дневниковыми записями и коллекциями. По ее мнению, данное погребение дати-

* В монографии О.Б. Беликовой [2014, с. 265] памятник обозначен по названию местности как могильник Коктон.

1

2

3

Рис. 1. Комплекс Уюк-Аржан: 1 – курган со стелой; 2 – схема «оленого» камня с рунической надписью; 3 – погребение (по: [Беликова, 2014, рис. 74–76, 272])

руется VIII–IX вв. В недавней статье к материалам памятника Уюк-Аржан обратился И.Л. Кызласов [2015, с. 198–200], в целом повторив интерпретацию Л.Р. Кызласова.

К настоящему времени в ходе исследований в различных частях Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, в том числе в результате раскопок последних лет, накоплен значительный объем материалов, демонстрирующих особенности памятников 2-й пол. I тыс. н.э. Анализ массива этих сведений позволяет расширить представления о месте комплекса Уюк-Аржан в системе раннесредневековых объектов данной территории.

При исследовании погребения кургана №54 Уюк-Аржан зафиксирован довольно оригинальный набор показателей обряда. Ключевыми характеристиками, требующими рассмотрения, являются одиночная ингумация и ориентировка умершего головой на запад. Второстепенными следует считать такие признаки, как наличие предметов конского снаряжения при отсутствии сопроводительного захоронения лошади, подстилка из органических материалов и жертвенная пища. Большинство археологов раннесредневековые «одиночные» погребения в культуре кочевников Тувы и сопредельных территорий раннего средневековья связываются с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, нехарактерные для «алтайских тюрок» [Кызласов, 1969, с. 22–23; Длужневская, Овчинникова, 1980, с. 83; Нестеров, 1990, с. 50]. С.И. Вайнштейн [1966, с. 331], признав обоснованность такой интерпретации, не исключил и того, что рассматриваемые объекты относятся к культуре тюрок. Анализ таких объектов показал, что большая часть «одиночных» захоронений характеризуется ориентировкой умерших на восток, значительно реже – на север. При этом зачастую подобные погребения расположены в составе тюркских некрополей, основу которых составляли «стандартные» могилы с лошадью [Серегин, 2013]. Западная ориентировка умерших, похороненных по обряду одиночной ингумации, фиксируется на территории Минусинской котловины, отражая специфику локального варианта культуры тюрок [Серегин, 2014]. Однако отсутствие лошади в памятниках Среднего Енисея характерно почти исключительно для погребений женщин и детей.

В этом плане особую группу памятников, впервые обозначенную Л.Р. Кызласовым [1969, с. 79–80] и не имеющую, за редким исключением [Худяков, Борисенко, 1998, с. 369–373, рис. 1–2], аналогий в сопредельных регионах, составляют «одиночные» погребения с западной ориентировкой в Туве. К настоящему времени, с учетом в целом сравнительно невысокой степени изученности раннесредневековых комплексов на обозначенной территории, известна уже довольно представительная серия таких объектов. Среди наиболее показательных погребений данной группы, введенных в научный оборот и содержащих достаточный для датировки инвентарь, отметим Бай-Даг-7, курган №1 [Килуновская и др., 2014]; Булук, курган №6 [Кызласов, 1979а]; Догээ-Баары-II, курган №8 [Кисель, Николаев, Хаврин, 2003, рис. 3–4]; Куй-Бар, курган №98 [Кызласов, 1979б, с. 108–109, рис. 1–2]; Кызыл-Булук, курган №139 [Кызласов, 1979б, с. 112, рис. 5–6]; Салдам, курган №2 [Беликова, 2014, рис. 85–87]; Танам, курган №23 [Кызласов, 1979а]; Уюк-Тарлык, курган №46 [Беликова, 2014, рис. 208–210] и др. При некоторой вариативности показателей (положение умерших – вытянуто на спине, скорченно на боку; конское снаряжение присутствует в части объектов, не во всех могилах фиксируется жертвенная пища и др.) очевидно, что эти комплексы

отражают существование в Туве определенной группы населения, проживавшей на данной территории в различных историко-политических условиях. Наиболее ранние погребения данной группы датируются в рамках VII – 1-й пол. VIII в. Судя по всему, основная часть объектов демонстрирует сохранение обозначенных традиций во 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в.

К последнему из обозначенных периодов в истории Тувы относится и рассматриваемый комплекс Уюк-Аржан. Хронологическими маркерами погребения кургана №54 являются предметы конского снаряжения. Удила с восьмерковидными окончаниями звеньев и S-видными железными псалями со скобой в середине получили распространение в памятниках VIII–IX вв. [Вайнштейн, 1966, табл. V.-17; Савинов, 1982, рис. 12.-2; Мамадаков, Горбунов, 1997, рис. II.-4; и др.]. Стремена демонстрируют отсутствие «поздних» признаков, характерных для конца I тыс. н.э., и могут быть датированы в рамках VIII – нач. IX в.

Вопрос о происхождении и исторических судьбах данной группы населения требует проведения отдельного исследования, предполагающего в том числе продолжение целенаправленных раскопок на территории Тувы для расширения источниковой базы. На данном этапе можно осторожно предположить определенную связь с традициями кокзальской культуры, для которых характерны одиночная ингумация в вытянутом положении, западная ориентировка умерших, погребальные конструкции из дерева и др. Некоторые заключения об этнокультурной принадлежности кочевников, оставивших рассматриваемые комплексы, позволяет сделать анализ рунической надписи и стелы на переиспользованном «оленном» камне, установленном у восточного края кургана №54 комплекса Уюк-Аржан.

Надпись и тамга

Следует отметить, что содержание надписи, зафиксированной на стеле комплекса Уюк-Аржан, ничем выдающимся не отличается от других древнетюркских рунических памятников Тувы. При этом анализ особенностей ее оформления позволяет сделать ряд важных наблюдений. Как заметил И.В. Кормушин [2008, с. 92], несмотря на скудность каких-либо подробных сведений о меморианте в тексте, наличие тамги, «а также внушительные размеры древнего (уже в древнетюркскую эпоху) оленного камня, использованного для надписи, свидетельствуют о том, что это далеко не рядовой воин».

Проблемы интерпретации рунической надписи

Несмотря на длительную историю изучения и саму лапидарность надписи, ее «прочтение и интерпретация, по справедливому замечанию И.В. Кормушина, вызывают затруднения» [Кормушин, 1997, с. 257]. Надпись нанесена на поверхность камня поперечно. А.М. Щербак и много позже независимо от него И.Л. Кызласов предложили читать памятник от нижней строки к верхней [Кызласов, 1998, с. 70, прим. 2]. Фраза в стк. 2, если считать сверху, или стк. 4, если читать текст от нижней строки, может отчасти стать ключом к некоторым догадкам. Если читать четвертый знак как /t²/ k, к чему склоняются И.Л. Кызласов и Э. Айдын, то вся строка, должна читаться *(e)l(i)m etd(i)m* [Кызласов, 1998, с. 70; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, с. 25–26]. И.Л. Кызласов [1994, с. 121–124] в свое время предложил интерпретировать X-образный знак в енисейских надписях как открытый /ä/, в отличие от дугообразного ӡ, передающего закрытый /e/. Однако глагол *et-* ‘to create’ подразумевает именно закрытый глас-

ный [Clauson, 1972, p. 36–37; Севортян, 1974, с. 312], как и термин *eġ* ‘realm’ [Clauson, 1972, p. 121–122; Севортян, 1974, с. 339–343]. Поскольку они употреблены в одной конструкции, пришлось бы без какого-либо объяснения допустить, что в одном случае знак выписан, в другом соответственно нет. Точно так же противоречит этому чтению и употребление в стк. 1 сверху (или стк. 5, если читать снизу) слова *eš(i)m* ‘мой(-и) товарищ(-и)’ (у И.В. Кормушина ‘мои супруги’), с выписанным первым знаком, который должен передавать именно закрытый /e/. Однако какие-либо другие варианты прочтения не могут считаться удовлетворительными вовсе [Кормушин, 1997, с. 259–260]. Аналогично не дает уверенного объяснения и читаемое в конце стк. 3 предполагаемое восклицание *aḡ^h(u)z*, употребляемое в других памятниках без инициального знака [Кормушин, 1997, с. 260; 2008, с. 257].

Таким образом, рассмотрение надписи с филологической точки зрения ставит больше вопросов, нежели позволяет получить какие-либо зацепки для заключений историко-культурного характера, чего хотелось бы ожидать от памятника, учитывая его относительно раннюю по сравнению с другими памятниками региона датировку.

*Возможности интерпретации тамгового материала
в контексте источников других групп*

Для стелы характерна тамга в форме птичьей лапы, которую мы находим еще на трех памятниках (Е 51; Е 109; Е 110). И.В. Кормушин читает на них этноним *toq(u)z oγd(a)md(a)m* (Е 51, стк. 2; Е 109, стк. 1; Е 110, стк. 1) [Кормушин, 1997, с. 263, 264], видя нечто похожее в надписи комплекса Ир-Холь (Элегест-IV) (Е 70, стк. 3) [Кормушин, 2008, с. 311–312] (см., однако: [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 157]), имеющего совсем иную тамгу – типа «дуга над двумя крюками» [Кызласов, 1965б, с. 41, рис. 3; Васильев, 1983б, с. 52]. Однако предложенное И.В. Кормушиным толкование текста вызывает орфографические проблемы [Erdal, 2002, с. 63, 65] и, вероятно, ошибочно – нужно глагол *oγ(a)dm(a)d(i)m* ‘I did not fall behind’ (< *oγ-ad-* ‘to tarry, to fall behind’) [Erdal, 1991, p. 488–489], ‘ich hatte keine Gelegenheit!’ [Erdal, 2002, p. 65], или ‘boy olmasına izin vermedim, kabile olmasına müsaade etmedim’ [Sertkaya, 2008, s. 227–228; Sertkaya, 2014, s. 4–7], ср. *ogdama-* ‘elde edememek, imkân bulamamak’ [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 505]. С.Е. Малов лишь гипотетически видел здесь *токуз обдамдамы* ‘девять мест моих ранений от стрел’ [Малов, 1952, с. 100] (ср.: [Кызласов, 1965а, с. 104]), у И.Л. Кызласова *oγd(a)m(a)d(a)m* ‘расстояние в полет стрелы’ [Кызласов, 2015, с. 202]. Так или иначе, все эти интерпретации пока еще сохраняют статус дискуссионных.

Фактически весь комплекс памятников с обозначенной тамгой типа «птичья лапа» (Е 2; Е 109; Е 110) ведет происхождение с территории Уюкско-Туранской котловины. Как установлено сегодня благодаря открытию О.Б. Беликовой [2014, с. 137–139, 138 (рис. 66), 151, 153, 290], изначальное место нахождения памятника Е 51 было в урочище Бай-Булун, в составе погребального комплекса, к востоку от кургана №22 (не стела Е 42, как считалось ранее). Находящийся рядом курган №21, к которому может быть привязана другая стела, – это, как теперь ясно, так называемый «памятник из Тувы» под индексом Е 50 (а не стела Е 49, как считал Л.Р. Кызласов) [Беликова, 2014, с. 135–137, 136 (рис. 65), 151, 153, 290]. Обе стелы по археологическим характеристикам находящихся рядом погребений явно относятся кыргызской культуре [Кызласов, 1983, рис. 2.-7-12, 15-19; 3]. Оба кургана, к которым «привязаны» памятники, могут

быть датированы: курган №22 (Бай-Булун-I – Е 42) – серединой X в., курган №21 (Бай-Булун-II – Е 49) – 2-й пол. X в. [Кызласов, 1960, с. 102, 114, 120; 1983, с. 157–158]*. Против таких критериев их датировки возражает Л.Г. Нечаева [1966, с. 141–142, прим. 106], поскольку курган №22, к которому изначально «привязывалась» стела Бай-Булун-I, не содержал погребения по обряду трупосожжения, а стела Бай-Булун-II сопровождалась будто бы четырьмя балбалами и розеткой из шести камней, возможно, с ней не связанными. Однако речь идет о трех поставленных в ряд к востоку от нее «оленных» камнях, далее которых «была поверхностно выложена розетка из 9 камней» [Кызласов, 1983, с. 157–158; Беликова, 2014, с. 187, 188, рис. 128, 470]**. Г.В. Длужневской такая датировка Л.Р. Кызласова была принята [Грач, Длужневская, Савинов, 1998, с. 13, 52–53 (карта)].

Для нас имеет значение тот факт, что обозначенные погребения могут быть отнесены ко 2-й пол. IX – X в., поскольку конкретизация, предложенная Л.Р. Кызласовым, основывалась преимущественно на интерпретации форм тамговых знаков, трансформировавшихся во времени согласно его собственной схеме, что, впрочем, само по себе, дискуссионно [Насилов, 2000, с. 126; Щербак, 2001, с. 90]. Сейчас мы должны понимать, что все интерпретации Л.Р. Кызласова касательно стелы Е 42 относятся к стеле Е 50, не имеющей тамги. И.В. Кормушин [1997, с. 277, 278] сделал важное уточнение в стк. 1, написанной вверх ногами по отношению к основному тексту и читающейся слева направо, выявив чтение *t(ä)ñri [q(a)n(i)]m (ä)l(i)m* (Е 50, стк. 1). Учитывая характерное для памятника употребление специального знака для закрытого /e/ следовало бы ожидать *el(i)m*. Ср.: *el(i)m q(a)n(i)m* в соседней надписи Е 51 (Е 51, стк. 2).

С.Г. Кляшторным [2007] эта стела названа надписью из Минусинского музея и ввиду прочтения личного имени *kök amaš totoq* (Е 50, стк. 2) (ср. также: [Древнетюркский словарь, 1969, с. 313]) – в бою с которым, согласно мнению исследователя, погиб мемориант, – датирована временем после похода кыркызов в Восточный Туркестан в 840–843 гг. По мнению И.В. Кормушина [1997, с. 278, 279; 2008, с. 312], речь идет об этнониме *k(ö)qkm(ü)š ʘʘʘʘ*, который также читается исследователем в надписи из д. Очуры: *köqkmüsi ʘʘʘʘʘʘ* (Е 26, стк. 16) [Кормушин, 2008, с. 17, 18, 20]. Однако проверить данное чтение в строке, не зафиксированной другими исследователями, не представляется возможным [Şirin User, 2009a, s. 169].

Согласно данным Г.В. Длужневской, археологические материалы с территории долины р. Элегест, обнаруживающей значительную концентрацию памятников древнетюркской рунической письменности, хотя и относящихся к разным тамговым группам, позволяют говорить о выделении локальной общности, связанной с тамгами типа «крест с двумя крюками», существовавшей здесь в период 1-й пол. X в., затем начавшей переселение на правый берег р. Улуг-Хем [Грач, Савинов, Длужневская, 1998,

* У Л.Р. Кызласова разное соотнесение стел с курганами: в статье 1960 г. – курган №21 с Е 49, курган №22 с Е 42, в статье 1983 г. – курган №21 с Е 42, курган №22 с Е 49.

** Л.Р. Кызласов отметил такое же рядное расположение из четырех плит в нескольких случаях: «4 стелы с текстами в Кёжээлиг-Хову на р. Чаа-Холь (№17, 21, 22, 23), две стелы с текстами в одном ряду с двумя простыми плитами (одна упала) на р. Барык (№6 и 7); стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Кёжээлиг-Хову на р. Эжим; стела с надписью в ряду с тремя простыми плитами в Тёрт-Кёжээ на р. Телэ». По наблюдениям ученого, «4 плиты обычно ставились в ряд с северо-северо-востока на юг-юго-запад» и эту черту он отметил как характеристику чаатасов [Кызласов, 1965б, с. 42; 1969, с. 116].

с. 65–68, 70 (табл. XXVI), 71 (табл. XXVII)*. Однако, это предположение о миграции носителей тамг рассматриваемого типа из долины Элегеста на правый берег Улуг-Хема сделано, видимо, только на основе памятника Элегест-I (Е 10), единственного с тамгой такого типа, обнаруженного в долине р. Элегест [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 65]. Л.Р. Кызласов в свое время датировал обозначенный комплекс серединой X в. [Кызласов, 1960, с. 102, 113, 119] или позже – концом X в. [Кызласов, 1965б, с. 41, 46], что в целом не исключает возможности, тем более при соотношении с курганом, более широкой датировки: серединой IX – X в. [Кызласов, 1960, с. 102; 1969, с. 108; 1981, с. 57] Характерно, что, судя по всему, курган содержал два погребения по обряду трупосожжения – основное и сопровождающее его женское [Кызласов, 1983, с. 155]. Э. Айдын вслед за Л. Базеном реконструирует в стк. 9, где речь должна идти о смерти меморианта, фразу *b[ar]s jilta*, т.е. ‘в год барса’ [Bazin, 1991, p. 101, 113; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 42].

Формально титул меморианта *alp uruŋu* (Е 10, стк. 5) [Tekin, 1995, s. 23–24; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 41, 42] может быть сопоставлен с наименованием посла кыргызов к танскому двору летом 843 г.: Вэнь-у Хэ 溫忸合, где при реконструкции звучания второго иероглифа как **alp*, сочетание первого и второго дает пиньин. *wēn-wū* < ран. ср.-кит. **ʔwən-ŋɔʰ*, позд. ср.-кит. **ʔun-ŋuə* [Pulleyblank, 1991, p. 322, 326], ср.-кит. **ʔwən-ŋuo* [Schuessler, 2009, p. 335 (К. 426 = 34–16с), 52 (К. 60 = 1–30g)], что в целом позволяет предполагать **u[ru]ŋu alp*. Ср.: < **Urgu Alp* [Супруненко, 1970, с. 79], ср. имя собственное или нарицательное (?) *alp uruŋu* в надписи Чаа-Холь IV (Е 16, стк. 1) [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 55]**, *ūruŋu* ‘знамя’, ‘flag, standart’, ср. казах.-уйг. *ūryū* [см.: Древнетюркский словарь, 1969, с. 37, 615–616; Clauson, 1972, p. 236], ср. *uruŋu* как титул [Кормушин, 2008, с. 36, 303–304; Aydın, 2016, s. 22].

Надо отметить, что последний памятник (Е 10) сближается с комплексом из этой же местности на правобережье Улуг-Хема Элегест-II (Е 52) с тамгой типа «дуга над крюком» с усложненным вариантом (или «дуга над двумя крюками» – иной вариант?) ввиду упоминания имени *körtlä* [Кормушин, 1997, с. 263]. Человеку с таким именем, носившим титул *хан*, служил мемориант стелы Элегест-I (Е 10). При этом мемориант надписи Элегест-II *körtlä saŋun* именует «старшим братом» или «дядей по отцовской линии» (*äci*) некоего *хана* (Е 52, стк. 1) [Кормушин, 1997, с. 176; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 131]. Сочетание *körtlä qanım* встречено в одном манихейском фрагменте из Турфана, а имя *körtlä čor* – на одной из настенных надписей из Яр-Хото в Восточном Туркестане [Зуев, 2002, с. 251; Aydın, 2012, s. 164; см. еще: Sertkaya, 2017]***. Памятник Элегест-II также содержит имя *čač bar sayra saŋun* (Е 52, стк. 3) [Кызласов, 1965а, с. 112; Кормушин, 2008, с. 144]****, на основе чего С.Г. Кляшторный, считая его

* И.В. Кормушин [1997, с. 14] также считает эту группу надписей относительно поздней.

** Ср.: [Кормушин, 2008, с. 37], где *alp* ‘отважный’, ‘храбрый’ – эпитет.

*** В связи с тем, что мемориант именует себя *bögü tärkän*, интересна фраза на одной из буддийских надписей на дощечке, датирующейся 1008 г.: *kün aj tngritäg küsänčig körtlä jaruq tngri büg[ü] tngrikänim[i]z kül-bilgä tngri elig-ning orunqa olurmış* ‘als kün-ay-tngritäg [aus] Quča, [der] körtlä-yaruq tängri, unser bögü tängrikän, auf dem Thron der kül-bilge tängri-Könige saß’ [Rybatzki, 2006, S. 235, 409, 565, 644, 711, 735], но употребление в таком же документе 983 г. сочетания *tngrikän körtlä qatun tngrim* [Rybatzki, 2006, S. 410, 475] показывает, что само слово было лишь эпитетом. См. также: [Erdal, 1991, p. 405–406].

**** Ср. иное чтение: [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 131].

вслед за И.В. Кормушиным согдийским (чачским), датирует памятник 2-й пол. IX в. [Кляшторный, 2013б]. Л.Р. Кызласов на основе археологических данных писал о середине X в., но подразумевал принадлежность к периоду 2-й пол. IX – X в. [Кызласов, 1965а, с. 112, 113; 1983, с. 154].

Надписи Элегест-II (Е 52) и Элегест-III (Е 53), как и Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70), являются наиболее восточными, если отождествлять их с типом «дуга над крюком» [Кормушин, 1997, с. 174]. Если будем рассматривать отмеченные Е 52 и Е 70 как тамги того же типа, то уместно обратить внимание на замечание И.В. Кормушина [1997, с. 16, 175, 177], что оба они могут быть палимпсестами. Упомянутый памятник Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70) Л.Р. Кызласовым [1965а, с. 106–111; 1965б, с. 39–40; 1969, с. 108] также датируется в рамках середины IX – X в.

Сейчас имеется несколько больше данных о памятниках с тамгой типа «крест с двумя крюками» [Кормушин, 1997, с. 134 (карта), 136–137, 228; Васильев, 1983б, с. 52], чем имел Л.Р. Кызласов [1960, с. 105, рис. 8], но едва ли возможно что-то сказать о них. Исходя из полученных данных, мы можем пока лишь сделать предположение о подчинении в 1-й пол. X в. определенной группы носителей тамги типа «крест с двумя крюками» группе с тамгой «дуга над двумя крюками», родственной некоему *хану*.

Мемориант надписи Элегест-I участвовал в какой-то битве при *čävilig* (*Čb²Pgd²A*) (Е 10, стк. 8), что есть Шивилиг, который, как нам думается, следует отождествлять с местностью именно в Бий-Хемском районе [Кормушин, 1997, с. 237, 241; Кормушин, 2008, с. 100–102, 312; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 41, 42]. Нельзя сделать определенное заключение, идет ли речь о столкновениях с уйгурами, что допустимо, если мы принимаем отождествление меморианта с персонажем китайских летописей, либо скорее о каких-то (междоусобных?) столкновениях с другими племенными группировками Тувы. Следует учесть, что поскольку это сражение было специально отмечено в эпитафии, оно должно было представлять собой в той или иной степени значимое событие.

На правом берегу Эйлиг-Хема с несколько более сложной тамгой данного типа «крест с двумя крюками» обнаружен памятник Хербис-Баары (Е 59), рядом с погребальным курганом с обрядом трупосожжения, который Л.Р. Кызласов [1965б, с. 39–41, 48, рис. 3] относил к рубежу X–XI вв., а Г.В. Длужневская на основе сравнительных аналогий датировала 2-й четвертью X в. [Длужневская, Семенов, 1990, с. 76, 79–80]. Однако С.Г. Кляшторный, исходя из содержания текста, являющегося эпитафией некоего Кюлюг Йегена, который, судя по всему, погиб в 27 лет, не вернувшись из похода на *toquz tatar*, связал надпись с событиями периода 842–843 гг. [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 145–146; Кляшторный, 2006, с. 346–348]*, что в целом соотносится с датировкой, предложенной С.И. Вайнштейном [1963]. Правда, Бай Юйдун на этом же основании относит надпись к X в. [Bai Yudong, 2011]. В достоверности упоминания этнонима *tatar* сомневается И.В. Кормушин [2008, с. 147], хотя прежде писал об этом уверенно [Кормушин, 1997, с. 244]. Датировка, сделанная на основе археологических характеристик, выглядит предпочтительнее.

* Даже если отождествлять *tatar* древнетюркских рунических текстов с *ши-вэй* 室韋 китайских источников, как предлагают некоторые исследователи [Викторова, 1980, с. 156], в данном случае это несущественно влияет на датировку: известен поход кыркызов на *ши-вэй* 室韋 в 848 г. [Drompp, 2002, p. 396].

В надписи Хербис-Баары (Е 59, стк. 3) от лица меморианта говорится, что его отец служил в должности *ögä* (см. ниже) правителю, названному *bäg* [Кормушин, 1997, с. 246; 2008, с. 146–147; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 141]. Любопытно, что для всех текстов этой группы характерно употребление термина *qan* в непосредственной увязке с *el* (Е 10, стк. 5; Е 59, стк. 1; Е 100, стк. 1–2; Е 147, стк. 4; Е 149, стк. 3) [Кормушин, 2008, с. 270–272]. Ряду этих текстов (Е 10; Е 59; Е 147; Е 149) присуще употребление местоимения 1 л. ед. ч. в форме *män**

Мемориант отмеченной выше надписи Элегест-III (Е 53), стела с которой происходит из этой же местности, хотя не имеет тамги**, носил титул *ögä* и служил *хану* и пять раз уходил и возвращался в родную землю (*el*) (Е 53, стк. 2) [Кормушин, 2008, с. 144–145; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 133]. Очевидно, в походы, что подсказывает указание «во имя мужской доблести» (*är ärdämi ücün*). Эта формулировка сближает текст с группой памятников с территории Хакасии (Е 29, стк. 6; Е 30, стк. 4; Е 31, стк. 4) [Şirin User, 2011, s. 118]. При этом в надписи Элегест-III (Е 53) упоминается, что некий *хан* ведет свое происхождение от *täñri* (неясно, написание окончания третьей лексемы в стк. 3 *kök täñridä boltık* (?) или *boltım*) *är ol qan ur[i] törämiş* [см.: Васильев, 1983б, с. 19, 70, 91], где первое чтение предпочитает И.В. Кормушин [1997, с. 279–280], но с его интерпретацией не согласен М. Эрдал [2002, р. 61]. Другие исследователи склоняются к чтению третьей лексемы именно как *b¹w¹l¹t¹M* [Малов, 1959, с. 72; Батманов, Арагачи, Бабушкин, 1962, с. 62; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 133]. Эти чтения оспаривает Х. Ширин Усер, у которой *kök t(ä)ñr(i)dä bul(i)t kr²w¹ (a)lq(i)nur tör(ü) m(i)š* [Şirin User, 2011, р. 118–120], для чего пришлось бы предположить обозначение губного гласного в аффиксе причастия аориста – *Ur* [Ср.: Малов, 1959, с. 72].

В надписи Хербис-Баары упомянут *qan* и эпитет *täñritäğim* (Е 59, стк. 6) [Кормушин, 1997, с. 245, 246, 282; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 141]. Употребление слова *bäg* как эпитета и титула *qan* в одном памятнике (Е 59, стк. 1, 6) явно свидетельствует о том, что первое не было здесь титулом***. Если мы принимаем трактовку термина *täk* (падежн. *täg-V*) ‘происхождение, род’ в сочетании *bars täğimä* в Первой Алтын-Кельской надписи (Е 28), то ввиду невозможности понимания из-за аффиксального показателя в тексте Хербис-Баары сочетания *täñri täğim* как личную форму выражения

* В.В. Понарядов [Понарядов, 2007, с. 128; Ponařadov, 2007, s. 139] отмечает еще такую особенность, как формант дательного падежа +*A* (Е 100; Е 147; Е 149), но это не совсем так, поскольку в данных случаях речь идет о сращении проминального -*n*- + аффикс + *GA*.

** Л.Р. Кызласов отмечал тамгу типа «дуга над двумя крюками» [Кызласов, 1960а, с. 105, рис. 8.-9] и на этом основании датировал надпись началом X в., а находившуюся рядом стелу с надписью Элегест-II (Е 52) – концом IX в. [Кызласов, 1960а, с. 113, 120]. Чуть позже ученый, указывая, что стелы Элегест-II (Е 52) и Элегест-III (Е 53) находились рядом со стелой Элегест-IV / Ир-Холь (Е 70), и на основе тех же материалов прилегающих курганов, исходя теперь из факта более простой формы последней, датировал оба первых памятника серединой X в. [Кызласов, 1965а, с. 113]. Д.Д. Васильев фиксировал как тамгу знак в виде уголка, вписанного в круг, что, по мнению И.В. Кормушина, является следствием совпадения расположения графемы в форме «крыши» /š/ с местом нанесения на «оленный» камень изображения более раннего времени [Васильев, 1983б, с. 52; Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 70, табл. XXVI; Кормушин, 1997, с. 280].

*** Согласно наблюдениям И.В. Кормушина [2008, с. 272–275], термин *bäg* используется в сенисейских надписях восточной географической группы как обозначение некоего должностного лица, далеко не первого в иерархии, в то время как в надписях западного ареала он обозначает какого-то очень могущественного правителя.

‘небоподобный’, скорее всего, его следует интерпретировать как ‘мой небесный род’ [Тишин, 2018, с. 112].

На основе датировок надписей Элегест-III (Е 53) и Хербис-Баары (Е 59), таким образом, устанавливается существование в X в. в низовьях р. Элегест и прилегающем правобережье р. Улуг-Хем института сакрализованного хана. Тамговая принадлежность памятников Е 50 и Е 51, также признающая *хана* (Е 51, стк. 2), предполагает, исходя из их расположения в рамках одного комплекса и наличия тамги на стеле Е 51, принадлежность их мемориантов к одной племенной группировке, однако также и их подчиненное положение по отношению к носителям тамги «крест с двумя крюками».

Проблемы хронологии памятников тамговой группы типа «птичья лапа»

В одной из надписей тамговой группы «птичья лапа», Уюк-Оорзак-III (Е 110, стк. 2), по мнению И.В. Кормушина [1997, с. 269; 2008, с. 162], встречено упоминание в качестве адресата прощания *t(ä)ŋri (ä)l(i)m* и титул *(a)lt(a)j j(a)byu*, хотя этого нет у других исследователей [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 203]. Даже если это так, едва ли можно, как это сделал, в частности, С.Г. Кляшторный [2013а, с. 228], связывать этот титул с «ханским наместником» енисейских кыркызов на Алтае. Во-первых, насколько позволяет судить археологический материал, проникновение енисейских кыркызов во 2-й пол. IX – X в. на Центральный и Юго-Восточный Алтай носило достаточно мирный характер: их немногочисленные группы, хотя и занимали более привилегированное положение, тесно соседствовали с местным населением [Дашковский, 2015, с. 14–16, 22, 33–44, 118–119, 161–162]. Во-вторых, титул *йабгу* имел гораздо большее распространение, судя по памятникам рунической письменности, как раз в Уйгурском каганате, где его носил предводитель правого (западного) крыла *tarduš* [Şirin User, 2009b, s. 163–164, 270]. Таким образом, если бы чтение И.В. Кормушина могло быть подтверждено, мы получали бы косвенное указание на близость надписи к периоду уйгурского господства в Туве.

И.В. Кормушин [1997, с. 264, 267] считает данный памятник палимпсестом. Это может быть важно с учетом того, что расположенный в этой же местности памятник Уюк-Оорзак-I (Е 108) характеризуется тамгой «дуга над крестом» [Кормушин, 2008, с. 66–68; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 199–201]. Впрочем, еще Д.Д. Васильев [1983б, с. 15] отметил, что «следы тамги» здесь «слабо различимы», а И.В. Кормушин [2008, с. 66] выразил сомнение в том, что эта тамга связана с зафиксированной надписью. Данное обстоятельство имеет значение в контексте сделанных выше наблюдений о взаимодействии носителей тамги типа «птичья лапа» с группой носителей тамг типа «крест с двумя крюками», которая может быть связана с типом «дуга с двумя крюками», восходящим к «дуга с крюком», часть памятников которых в восточной части Центральной Тувы также являются палимпсестами [Кормушин, 1997, с. 16; 2004, с. 219–220]. Тем более что надпись представителя последней группы (тамга усложнена) также фиксируется в долине р. Уюк (Е 1, Уюк-Тарлык). В стк. 1 Уюк-Оорзак-I тоже присутствует формула *el(i)m q(a)n(i)m* [Кормушин, 2008, с. 66, 67; Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 200] (ср. выше в Е 51, стк. 2). Э. Айдын вслед за Д.Д. Васильевым читает здесь в стк. 3 упоминание реки *egök*, а в стк. 4 (если так же не считать ее первой, читая от нижней строки к верхней) формулировку *män (a)lt(a)j oyli* [Yıldırım, Aydın, Alimov, 2013, s. 200]. Если первое слово соотносится с упоминанием в стк. 4 надписи Уюк-Туран (Е 3) – с тамгой типа «дуга над крестом» исходного варианта – *(ä)gök q(a)un*, т.е.

рекой Уюк, к долине которой мемориант употребляет выражение *järim* ‘моя земля’, то второе, ‘я сын Алтая’, соблазнительно соотносит с предложенным И.В. Кормушиным чтением титула в стк. 2 надписи Уюк-Оорзак-III (Е 110), где в этом случае слово *(a)lt(a)j* может быть не названием какой-то области, а личным именем.

По формальным показателям надпись Уюк-Оорзак-I (Е 108) может быть палеографически сблизена с надписью Уюк-Оорзак-II (Е 109) [Васильев, 1983а, с. 150, табл. 37]. Для надписи Уюк-Оорзак-II характерно необычное написание слова *saŋun* (< кит. *цзян-цзюнь* 將軍) [Aydin, 2016, s. 18–19] (пиньин. *jiāng-jūn* < ран. ср.-кит. **tsiaŋ-kun*, позд. ср.-кит. **tsiaŋ-kyn*) [Pulleyblank, 1991, p. 149, 169]*: *Š(a)Dw^ln^l* 𐰽𐰺𐰍 (Е 109, стк. 3) [Yildirim, Aydin, Alimov, 2013, s. 201, 202], т.е. со свистящим спيرانтом (палатализованным?).

К сожалению, лишь гипотетически предполагая данное значение инициального знака, мы в то же время пока объективно не можем ничего сказать о соотношении графики памятников древнетюркской рунической письменности с возможными фонетическими особенностями носителей речи. И даже если это явление имело место, нет возможности определить, отражали ли памятники речь именно тех локальных групп населения, к кому принадлежали меморианты, или же исключительно писцов, поскольку вопрос о существовании некоей социальной категории «грамотеев» плавно накладывается на вопрос о степени распространения грамотности в древнетюркской среде вообще.

Так или иначе, высказанные гипотезы об отнесении памятника Уюк-Аржан, как и всех памятников с идентичной тамгой, к представителям местного, докыркызского населения [Кормушин, 1997, с. 17, 263; Кызласов, 1998, с. 73, 74; 2015, с. 200] представляются обоснованными. И, несмотря на ненадежность чтения всех трех памятников группы Уюк-Оорзак, их данные могут быть косвенно использованы для реконструкции этапов взаимодействия местного населения с кыркызами.

По мнению Г.В. Длужневской, проникновение носителей кыркызской культуры, четко увязывающихся с тамгой типа «дуга над крюком», в Уюкскую котловину происходило в течение всего периода IX–X вв. [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 48, 66], а второй этап притока нового населения относится к концу X – началу XI в. [Грач, Савинов, Длужневская, 1998, с. 51, 66, 67, 69]. Поскольку «привязанные» к погребениям памятники Е 2 и Е 51 датируются соответственно не позднее 2-й пол. IX в. и 2-й пол. IX – X в. (или, вероятно, ближе ко 2-й пол. X в.), по формальным логическим соображениям датировка памятников Е 109 и Е 110, а возможно, и Е 108 как палимпсеста должна помещаться в промежуток 2-й пол. IX – 1-й пол. X в. Однако ввиду разночтений попытка установления соотношения между ними на основе лишь отдельных фраз представляется преждевременной. В данном случае очевидна необходимость проведения дальнейших исследований.

Очень важное обстоятельство отметил И.Л. Кызласов относительно всех памятников с тамгой типа «птичья лапа» – это нанесение тамги ниже поминального текста, строки которого направлены вверх (несколько сложнее с Е 51 [Кормушин, 1997, с. 261]). При этом памятник Уюк-Аржан уникален тем, что текст начертан поперечно, а не продольно, как это отмечено в большей части енисейских эпитафий [Кызласов,

* Впрочем, Ф. Рыбацки [Rybatzki, 1997, S. 90, Anm. 241] полагает, что, в отличие от *sāŋün*, форма *saŋun* восходит к *сян-кун* 相公 ‘Exzellenz’ (пиньин. *xiàn-gong* < ран. ср.-кит. **siaŋh-kəwŋ*, позд. ср.-кит. **siaŋ-kəwŋ*) [Pulleyblank, 1991, p. 338, 108].

2015, с. 198–199]. И.Л. Кызласов [1998, с. 69–71], как и еще ранее А.М. Щербак, предложили читать текст не от верхней строки к нижней, а от нижней к верхней, что, по замечанию И.Л. Кызласова [1998, с. 74], характерно для еще некоторой части енисейских текстов и, что немаловажно, для орхонских тюркских надписей. Другое важное обстоятельство – это наличие в надписи Уюк-Аржан графем редких форм, что, по мнению И.Л. Кызласова [2015, с. 200], является отражением «древнего и архаичного рунического алфавита».

Систематическое употребление рунических знаков редких форм и лигатур характерно для относительно незначительного числа енисейских памятников (Е 2; Е 15; Е 16; Е 41; Е 42; Е 49; Е 56; Е 65; Е 68/об) [Кызласов, 1994, с. 118, табл. XXXI, 119, табл. XXXII, 120, табл. XXXIII; 2015, с. 199, рис. 3]. Это, вероятно, также позволяет как-то по-особому отметить их, с учетом того, что, хотя все они происходят с территории Тувы, но из разных районов и при этом принадлежат к разным тамговым группам. Для И.В. Кормушина [1975, с. 45; 1997, с. 27] наличие таких сложных знаков – показатель позднего происхождения содержащих их надписей. Действительно, памятник у с. Малиновка (Е 56), согласно Л.Р. Кызласову, относится к XI–XII вв. [Кызласов, 1960, с. 103; 1969, с. 112, 120; ср.: Нечаева, 1966, с. 140, прим. 104]. Однако пример памятника Уюк-Аржан показывает, что данные формы знаков должны считаться относительно ранними, что почему-то не принял И.В. Кормушин [1997, с. 17]. Но, как ясно из факта поздней датировки памятника у с. Малиновка, приходится считать, что этот вариант древнетюркского письма бытовал, по крайней мере на территории Тувы, очень длительный срок. Л. Базен в то же время отмечал необходимость учета и лингвистического контекста, который, однако, не обнаруживает никаких архаичных форм (озвончение датива после сонорных $+KA > +GA$ в Е 15 и Е 41, множественное число на $+lAr$ в Е 16 и др.) [Bazin, 1991, p. 99]. Из этого ясно, что «чистая» палеография мало что дает для реальной датировки этих текстов.

Заключение

Таким образом, памятник Уюк-Аржан открывает значительные перспективы для изучения не только этнокультурных процессов, но и отчасти социально-политической истории Тувы в раннем средневековье, становясь, будучи более или менее четко датированным, своеобразной точкой отсчета для выявления специфики взаимодействий различных групп тюркоязычного населения в условиях меняющейся политической ситуации на периферии Центральной Азии. Уточнение прочтений других памятников древнетюркской рунической письменности, связанных с ним единством тамги, и обнаружение новых подобных объектов, а также целенаправленные археологические исследования на территории Тувы, несомненно, внесут значительно большую ясность в реконструкцию историко-культурного контекста их бытования. Нет сомнений, что именно комплексный подход ко всему материалу позволит наполнить конкретным содержанием представления об особенностях этнополитической истории Тувы периода кыргызского владычества.

Библиографический список

- Адрианов А.В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.
- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф. Современная и древняя Енисейка. Фрунзе : АН Киргизии, 1962. 252 с.

Беликова О.Б. Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 570 с.

Вайнштейн С.И. Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 264–267.

Вайнштейн С.И. Памятники 2-й половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л. : Наука, 1966. Т. II. С. 292–334.

Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности Азиатского ареала (опыт систематизации). М. : Наука, 1983а. 160 с.

Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л. : Наука, 1983б. 128 с.

Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М. : Наука, 1980. 224 с.

Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы. Эйлиг-Хем-III как источник по средневековой истории Тувы. М. : Фундамент-Пресс, 1998. 84 с.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 224 с.

Длужневская Г.В., Овчинникова Б.Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл : ТНИИЯЛИ, 1980. С. 77–94.

Длужневская Г.В., Семенов Вл.А. Кыргызские курганы правобережной Тувы // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск : ИИФФ СО АН СССР, 1990. С. 76–85.

Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербака. Л. : Наука, 1969. XXXVIII. 714 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Кисель В.А., Николаев Н.Н., Хаврин С.В. Некоторые итоги исследования средневековых захоронений могильника Догээ-Баары в Туве // Археологические экспедиции за 2003 год. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. С. 24–36.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука, 2006. 592 с.

Кляшторный С.Г. Вторая Бай-Булунская стела // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции. СПб. : ЭлекСис. 2013а. С. 223–229.

Кляшторный С.Г. Согдийский вельможа в государстве енисейских кыргызов // Scripta antiqua. М. : Собрание, 2013б. Т. III. С. 237–240.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : СПбГУ, 2005. 346 с.

Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии // Советская тюркология. 1975. №2. С. 25–47.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки. Абакан : Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2004. 336 с.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. М. : Наука, 2008. 342 с.

Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Вост. лит-ра, 1994. 327 с.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. 1998. №2. С. 68–84.

Кызласов И.Л. Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к расселению и ранней истории чиков) // Российская археология. 2010. №4. С. 88–100.

Кызласов И.Л. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // Alkis bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov : сб. ст. к 80-летию Д.М. Насилова. М. : МБА, 2015. С. 195–206.

Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. 1960. №3. С. 93–120.

Кызласов Л.Р. Новый памятник енисейской письменности // Советская этнография. 1965а. №2. С. 104–113.

- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965б. №3. С. 38–49.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М. : Изд-во МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : Изд-во МГУ, 1979а. 207 с.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюркоязычных племен Северной Тувы IX–X вв. // Изв. СО АН СССР. Сер. Общественные науки. 1979б. №1. Вып. 1. С. 105–112.
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М. : Наука, 1981. С. 54–59.
- Кызласов Л.Р. Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915–1929 гг.) // Советская археология. 1983. №3. С. 153–170.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 114 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 113 с.
- Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-III // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1997. С. 115–129.
- Насилов Д.М. [Рец. на] И.В. Кормушин. Тюркские енисейские эпиграфии: Тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 304 с. // Вопросы языкознания. 2000. №3. С. 122–126.
- Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 143 с.
- Нечаева Л.Г. Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчик. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 108–142.
- Понарядов В.В. Диалектная дифференциация в языке енисейских рунических надписей // Вопросы языкознания. 2007. №2. С. 127–132.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
- Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Глухов В.О., Завьялов В.А., Садыков Т.Р., Смирнов Н.Ю. Предварительные итоги исследований Тувинской археологической экспедиции в 2013 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. 2014. №4. С. 327–366.
- Сергеев Н.Н. «Одиночные» погребения раннесредневековых тюрков Алтае-Саянского региона и Центральной Азии: этнокультурная и социальная интерпретация // Теория и практика археологических исследований. 2013. Вып. 2(8). С. 100–108.
- Сергеев Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков: опыт реконструкции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. : История, филология. 2014. Т. 13, №5. С. 177–185.
- Супруненко Г.П. Из древнекыргызской ономастики // Советская тюркология. 1970. №3. С. 79–81.
- Тишин В.В. «Мой род Барса...»: к вопросу о социальной терминологии в памятниках древнетюркской рунической письменности енисейского бассейна // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2018. №1(29). С. 110–119.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгыс-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. IV. С. 369–373.
- Щербак А.М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб. : Наука, 2001. 152 с.
- Aydın E. Yenisey Yazıtları Nasıl Tarihlendirilebilir? // Turkish Studies. 2012. Vol. 7/2. P. 161–168.
- Aydın E. Yenisey Yazıtlarında Geçen Unvanlar ve Unvan Niteleyicileri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 2016. Cilt. 59. Sayı 2. S. 5–26.
- Bai Yudong [白玉冬]. The Kingdom of the Toquz Tatar during the 10th and 11th Centuries [10 Seiki kara 11 seiki ni okeru 'kyū sei tataru-koku' (10世紀から11世紀における「九姓タタル国」)] // Tōyō

Gakuhō (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. 2011. 第93巻. 第1号. P. 01–027 (на яп. яз. с англ. резюме на р. iii–iv).

Bazin L. Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca orientalis Hungarica. XXXIV). 571 p.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford : Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

Drompp M.R. The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest // The Turks. Ankara: Yeni Türkiye Publications, 2002. Vol. 1. Early Ages. P. 480–488.

Erdal M. Anmerkungen zu den Jenissei-Inschriften // Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags. İstanbul; Berlin: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. Wiesbaden: Harrassowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). Vol. I–II. XIV. 874 p.

Ponaryadov V.V. Yenisey runik yazıtlarında şiverelin izleri // Journal of Turkish Linguistics. 2007. №1. P. 136–141.

Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. VII, 488 p.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). XXXV, 841 S.

Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. 40). 132 S.

Schuessler A. Minimal Old Chinese and later Han Chinese: a companion to Grammata serica recens. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. XXIV, 421 p.

Sertkaya O.F. Altay, Yenisey ve Moğolistan Yazıtları Üzerine Notlar // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/3. S. 1–13.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından 10, 25, 41, 51, 70, 109 ve 110 Üzerine Etimolojik Açıklamalar ile Düzeltmeler // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 2008. Cilt 39. Sayı 39. S. 209–228.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından E-10'da K³WR²T²L², E-52'de İse K²WR²T²L²A Şeklinde Geçen Kelimeyi 'Kür(ü)t(ü)' mü Yoksa 'Körtle' mi Okumalıyız? // Journal of Turkic Studies. 2017. Vol. 1/1. P. 113–127.

Şirin User H. Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Taşı: Açurı (Oçurı, Ye 26) Yazıtı // Türkbilg. 2009a. Cilt 17. S. 158–174.

Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009b (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 s.

Şirin User H. Re-reading and Re-interpretation of Some of the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011a. Vol. 64(2). P. 117–127.

Tekin T. Elegest (Körtle Han) Yazıtı // Türk dilleri Araştırmaları. 1995. Sayı 5. S. 19–32.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig. Ankara : BilgeSu, 2013. 512 s.

Reference

Adrianov A.V. Dnevnik arheologicheskikh issledovaniya 1915–1916 gg. v Urjanhajskom krae (Tuva) [The Diary of Archaeological Research of 1915–1916. in the Uryanghai Territory (Tuva)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 146 p.

Batmanov I.A., Aragachi Z.B., Babushkin G.F. Sovremennaja i drevnjaja Eniseika [Modern and Ancient Eniseika]. Frunze : AN Kirgizii, 1962. 252 p.

Belikova O.B. Poslednjaja jekspedicija A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916 gg. Arheologicheskie issledovaniya (istochnikovedcheskij aspekt) [The Last Expedition of A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916. Archaeological Research (source study aspect)]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 570 p.

Vajnshtejn S.I. Kurgany i stela s drevnetjurkskoj nadpis'ju v urochishhe Herbis-Baary [Mounds and Stele with Ancient Turkic Inscription in the Tract of Herbis-Baara]. Uchenye zapiski TNIIJaLI [Scientific Notes]. 1963. Issue X. Pp. 264–267.

Vajnshtejn S.I. Pamjatniki vtoroj poloviny I tysjacheletija v Zapadnoj Tuve [The Sites of the Second Half of the First Millennium in Western Tuva]. Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-jetnograficheskoj jekspedicii [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographic Expedition]. M.; L. : Nauka, 1966. Vol. II. Pp. 292–334.

Vasil'ev D.D. Graficheskij fond pamjatnikov tjurkskoj runicheskoj pis'mennosti Aziatskogo areala (opyt sistematizacii) [Graphic Fund of the Monuments of the Turkic Runic Writing of the Asian Area (systematization experience)]. M. : Nauka, 1983a. 160 p.

Vasil'ev D.D. Korpus tjurkskih runicheskikh pamjatnikov bassejna Eniseja [The Complex of Turkic Runic Monuments of the Yenisei Basin]. L. : Nauka, 1983b. 128 p.

Viktorova L.L. Mongoly: Proishozhdenie naroda i istoki kul'tury [Mongolia: The Origin of the People and the Origins of Culture]. M. : Nauka, 1980. 224 p.

Grach A.D., Savinov D.G., Dluzhnevskaja G.V. Enisejskie kyrgyzy v Centre Tuvy. Jejlig-Hem-III kak istochnik po srednevekovoj istorii Tuvy [Enisei Kyrgyz in the Center of Tuva. Eilig-Hem-III as a Source on the Medieval History of Tuva]. M. : Fundamenta-Press, 1998. 84 p.

Dashkovskij P.K. Kyrgyzy na Altae v kontekste jetnokul'turnyh processov v Central'noj Azii [Kyrgyz in Altai in the Context of Ethnocultural Processes in Central Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 224 p.

Dluzhnevskaja G.V., Ovchinnikova B.B. Kochevoe naselenie Tuvy v rannem srednevekov'e [The Nomadic Population of Tuva in the Early Middle Ages]. Novejshe issledovanija po arheologii Tuvy i jetnogenezu tuvincev [The Latest Research on the Archaeology of Tuva and the Ethnogenesis of the Tuvinians]. Kyzyl : TNIIJaLI, 1980. Pp. 77–94.

Dluzhnevskaja G.V., Semenov V.I. Kyrgyzskie kurgany pravoberezhnoj Tuvy [Kyrgyz Barrows of the Right Bank of Tuva]. Pamjatniki kyrgyzskoj kul'tury v Severnoj i Central'noj Azii [Monuments of Kyrgyz Culture in North and Central Asia]. Novosibirsk : IIFF SO AN SSSR, 1990. Pp. 76–85.

Drevnetjurkskij slovar' [Old Turkic Dictionary] / pod red. V.M. Nadeljaeva, D.M. Nasilova, Je.R. Tenisheva, A.M. Shherbaka [Ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, Je.R. Tenishev, A.M. Shherbak]. L. : Nauka, 1969. XXXVIII, 714 p.

Zuev Ju.A. Rannie tjurki: ocherki istorii i ideologii [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty : Dajk-Press, 2002. 338 p.

Kisel' V.A., Nikolaev N.N., Havrin S.V. Nekotorye itogi issledovanija srednevekovyh zahoronenij mogil'nika Dogeje-Baary v Tuve [Some Results of the Study of Medieval Burials of the Doge-Baara Cemetery in Tuva]. Arheologicheskie jekspedicii za 2003 god [Archaeological Expeditions for 2003]. SPb. : Izd-vo Gos. Jermizha, 2004. Pp. 24–36.

Kljashturnyj S.G. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i jetnokul'turnaja istorija Central'noj Azii [Monuments of Ancient Turkic Writing and Ethnocultural History of Central Asia]. SPb. : Nauka, 2006. 592 p.

Kljashturnyj S.G. Vtoraja Baj-Bulunskaja stela [The Second Bay-Bulun Stele] // Drevnie tiurki v Tsentral'noi Tuve (po materialam rabot Saiano-Tuvinskoj ekspeditsii) [Ancient Turks (According to Materials of Sayan-Tuva Expedition)]. SPb.: ElekSis. 2013a. Pp. 223–229.

Kljashturnyj C.G. Sogdijskij vel'mozha v gosudarstve enisejskikh kyrgyzov [Sogdian Nobleman in the Yenisei Kyrgyz State]. Scripta antiqua [Scripta antiqua]. M. : Sobranie, 2013b. Vol. III. Pp. 237–240.

Kljashturnyj S.G., Savinov D.G. Stepnye imperii drevnej Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. SPb. : SPbGU, 2005. 346 p.

Kormushin I.V. K osnovnym ponjatijam tjurkskoj runicheskoj paleografii [To the Basic Concepts of the Turkic Runic Paleography]. Sovetskaja tjurkologija [Soviet Turkology]. 1975. №2. Pp. 25–47.

Kormushin I.V. Tjurkskie enisejskie jepitafii. Teksty i issledovanija [Turkic Yenisei Epitaphs. Texts and Research]. M. : Nauka, 1997. 303 p.

Kormushin I.V. Drevnie tjurkskie jazyki [Ancient Turkic Languages]. Abakan : Izd-vo Hakassk. gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2004. 336 p.

Kormushin I.V. Tjurkskie enisejskie jepitafii: grammatika, tekstologija [Turkic Yenisei Epitaphs]. M. : Nauka, 2008. 342 p.

Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskikh stepej [Runic Written Languages of Eurasia Steppes]. M. : Vost. lit-ra, 1994. 327 p.

Kyzlasov I.L. Materialy k rannej istorii tjurkov. III. Drevnejšie svidetel'stva o pis'mennosti [Material on the Early Turkic History. III. Ancient Proof on the Written Language]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]. 1998. №2. Pp. 68–84.

Kyzlasov I.L. Novyj tip pominal'nyh pamjatnikov tjurkojazyčnogo naselenija Juzhnoj Sibiri (k rasseleniju i rannej istorii chikov) [A New Type of Memorials of the Turkic Population of Southern Siberia (to the Settlement and Early History of The Zugii)]. Rossijskaja arheologija [Russian Archaeology]. 2010. №4. Pp. 88–100.

Kyzlasov I.L. K vydeleniju avtohtonnyh runičeskikh pamjatnikov Tuvy VIII–XII vv. [The Distinguishing of the Autochthonous Runic Monuments in Tuva in the 8th–12th centuries]. Alkis bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov : sb. st. k 80-letiju [Collection of Stories to the 80th Anniversary of D.M. Nasilov]. M. : MBA, 2015. Pp. 195–206.

Kyzlasov L.R. Novaja datirovka pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti [New Dating of the Yenisei Writing Monuments]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1960. №3. Pp. 93–120.

Kyzlasov L.R. Novyj pamjatnik enisejskoj pis'mennosti [A New Monument of the Yenisei Written Language]. Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1965a. №2. Pp. 104–113.

Kyzlasov L.R. O datirovke pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti [On the Dating of the Yenisei Writing Monuments]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1965b. №3. Pp. 38–49.

Kyzlasov L.R. Istorija Tuvy v srednie veka [History of Tuva in the Middle Ages]. M. : Izd-vo MGU, 1969. 211 p.

Kyzlasov L.R. Drevnjaja Tuva (ot paleolita do IX v.) [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th Century)]. M. : Izd-vo MGU, 1979a. 207 p.

Kyzlasov L.R. Kurgany tjurkojazyčnyh plemen Severnoj Tuvy IX–X vv. [Mounds of the Turkic Speaking Tribes]. Izvestija SO AN SSSR. Ser. Obshhestvennye nauki [Bulletin of the SB AS of the USSR. Series Public Sciences]. 1979b. №1. Vyp. 1. Pp. 105–112.

Kyzlasov L.R. Tjuhtjatskaja kul'tura drevnih hakasov (IX–X vv.) [Tyuchtyatskaya Culture of Ancient Khakassians]. Stepi Evrazii v jepohu Srednevekov'ja [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. M. : Nauka, 1981. Pp. 54–59.

Kyzlasov L.R. Kurgany tjuhtjatskoj kul'tury v Tuve (po materialam raskopok 1915–1929 gg.) [Mounds of the Tyukhtyatskaya Culture in Tuva]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1983. №3. Pp. 153–170.

Malov S.E. Enisejskaja pis'mennost' tjurkov. Teksty i perevody [Yenisei Turkic Writing. Texts and Translations]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1952. 114 p.

Malov S.E. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti Mongolii i Kirgizii [Monuments of Ancient Turkic Writing of Mongolia and Kirgizia]. M.; L. : Izd-vo AN SSSR, 1959. 113 p.

Mamadakov Ju.T., Gorbunov V.V. Drevnetjurkskie kurgany mogil'nika Katanda-III [Ancient Turkic Barrows of the Katanda-III Burial Mound]. Izvestija laboratorii arheologii. Gorno-Altajsk : GAGU, 1997. Pp. 115–129.

Nasilov D.M. [Review of] I.V. Kormushin. Tjurkskie enisejskie jepitafii: Teksty i issledovanija [Turkic Yenisei Epitaphs: Texts and Research]. M.: Nauka, 1997. 304 s. Voprosy jazykoznanija 2000. №3. [Questions of Language Studies]. Pp. 122–126.

Nesterov S.P. Kon' v kul'tah tjurkojazyčnyh plemen Central'noj Azii v jepohu srednevekov'ja [The Horse in the Cults Turkic Speaking Languages of Central Asia in the Middle Ages]. Novosibirsk : Nauka, 1990. 143 p.

Nechaeva L.G. Pogrebenija s truposozhženiem mogil'nika Tora-Tal-Arty [Burials with Bodies Burning at the Tora-Tal-Arty Burial Ground]. Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-jetnograficeskoj jekspedicii. T. II. Materialy po jetnografii i arheologii rajonov bassejna r. Hemchik [Proceedings of the Tuva Complex Archaeological and Ethnographical Expeditions. Vol. II. Material on the Ethnography and Archaeology of the Early Basin of the Hemchik River]. M.; L. : Nauka, 1966. Pp. 108–142.

Ponarjadov V.V. Dialektnaja differenciacija v jazyke enisejskich runičeskikh nadpisej [Dialectal Differentiation in the Language of Runic Inscriptions]. Voprosy jazykoznanija [Issues of Language Studies]. 2007. №2. Pp. 127–132.

Savinov D.G. Drevnetjurkskie kurgany Uzuntala (k voprosu o vydelenii kurajskoj kul'tury) [Ancient Turkic Mounds of Uzuntal (to the issue of Distinguishing of Kuraiskaya Culture)]. Arheologija Severnoj Azii [Archaeology of Northern Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1982. Pp. 102–122.

Sevortjan Je.V. *Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov (Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Bases Beginning with Vowels)]. M. : Nauka, 1974. 767 p.

Semenov V.I.A., Kilunovskaja M.E., Gluhov V.O., Zav'jalov V.A., Sadykov T.R., Smirnov N.Ju. *Predvaritel'nye itogi issledovanij Tuvinskoj arheologicheskoy jekspedicii v 2013 g.* [Preliminary Results of the Tuva Archaeological Expedition in 2013]. *Bjulleten' Instituta istorii material'noj kul'tury RAN* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences]. 2014. №4. Pp. 327–366.

Seregin N.N. «Oдиночные» погребения раннесредневековых тюрок Altae-Sajanskogo regiona i Central'noj Azii: jetnokul'turnaja i social'naja interpretacija [“Single” Burials of Early Medieval Turks of the Altai-Sayan Region and Central Asia: Ethno-Cultural and Social Interpretation]. *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij*. 2013. Vyp. 2(8) [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2013. Vol. 2 (8)]. Pp. 100–108.

Seregin N.N. *Specifika formirovanija «minusinskogo» lokal'nogo varianta kul'tury rannesrednevekovykh tjurok: opyt rekonstrukcii* [Specificity of the Formation of the “Minusinsk” Local Variant of the Culture of Early Medieval Turks: the Experience of Reconstruction]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser. : Istoriya, filologiya*. 2014. T. 13, №5 [Vestnik of Novosibirsk State. University. Series: History, Philology]. 2014. Vol. 13, No. 5]. Pp. 177–185.

Suprunenko G.P. *Iz drevnekyrgyzskoj onomastiki* [From Ancient Kyrgyz Onomastics]. *Sovetskaja tjurkologija* [Soviet Turcology]. 1970. №3. Pp. 79–81.

Tishin V.V. «Moj rod Barsa...»: k voprosu o social'noj terminologii v pamjatnikah drevnetjurkskoj runicheskoy pis'mennosti enisejskogo bassejna [“My Leopard Family ...”: to the Issue of Social Terminology in the Monuments of the Ancient Türkic Runic Writing of the Yenisei Basin]. *Vestn. Burjat. nauch. centra SO RAN*. 2018 [Vestnik of the Buryat. Scientific Center of the SB RAS]. №1(29). Pp. 110–119.

Hudjakov Ju.S., Borisenko A.Ju. *Svoeobraznoe vpusknoe pogrebenie drevnetjurkskogo vremeni na mogil'nike Tjangys-Tyt* [A Peculiar Inlet Burial of Ancient Türkic Times on the Tyangys-Tyt Burial Ground]. *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : IAEt SO RAN, 1997. Vol. IV. Pp. 369–373.

Shherbak A.M. *Tjurkskaja runika. Proishozhdenie drevnejshej pis'mennosti tjurok, granicy ee rasprostraneniya i osobennosti ispol'zovanija* [Türkic Runic. The Origin of the Earliest Written Language of the Turks, the Boundaries of its Distribution and the Peculiarities of its Use]. SPb. : Nauka, 2001. 152 p.

Aydın E. *Yenisey Yazıtları Nasıl Tarihlendirilebilir? // Turkish Studies*. 2012. Vol. 7/2. Pp. 161–168.

Aydın E. *Yenisey Yazıtlarında Geçen Unvanlar ve Unvan Niteleyicileri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. 2016. Cilt. 59. Sayı 2. Pp. 5–26.

Bai Yudong [白玉冬]. *The Kingdom of the Toquz Tatar during the 10th and 11th Centuries* [10 Seiki kara 11 seiki ni okeru 'kyū sei tataru-koku' (10世紀から11世紀における「九姓タタル国」)] // *Tōyō Gakuhō* (Reports of the Oriental Society) [東洋学報]. 2011. 第93巻. 第1号. P. 01–027 (in Japanese with an English Abstract p. iii–iv).

Bazin L. *Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca orientalis Hungarica. XXXIV). 571 p.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford : Clarendon Press, 1972. XLVIII. 989 p.

Drompp M.R. *The Yenisei Kyrgyz from Early Times to the Mongol Conquest // The Turks*. Ankara: Yeni Türkiye Publications, 2002. Vol. 1. Early Ages. P. 480–488.

Erdal M. *Anmerkungen zu den Jenissei-Inschriften // Splitter aus der Gegend von Turfan. Festschrift für Peter Zieme anlässlich seines 60. Geburtstags*. İstanbul; Berlin: Türk Dilleri Araştırmaları Dizisi, 2002. S. 51–73.

Erdal M. *Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon*. Wiesbaden: Harrasowitz, 1991 (Turcologica. Bd. 7). Vol. I–II. XIV, 874 p.

Ponaryadov V.V. *Yenisey runik yazıtlarında şiverelin izleri // Journal of Turkish Linguistics*. 2007. №1. P. 136–141.

Pulleyblank E.G. A Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. VII. 488 p.

Rybatzki V. Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy, 2006 (Publications of the Institute for Asian and African Studies. 8). XXXV, 841 S.

Rybatzki V. Die Toñuquq-Inschrift. Szeged, 1997 (Studia uralo-altaica. 40). 132 S.

Schuessler A. Minimal Old Chinese and later Han Chinese: a companion to Grammata serica recensa. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009. XXIV. 421 p.

Sertkaya O.F. Altay, Yenisey ve Moğolistan Yazıtları Üzerine Notlar // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2014. Sayı 3/3. S. 1–13.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından 10, 25, 41, 51, 70, 109 ve 110 Üzerine Etimolojik Açıklamalar ile Düzeltmeler // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. 2008. Cilt 39. Sayı 39. S. 209–228.

Sertkaya O.F. Yenisey Yazıtlarından E-10'da $K^2WR^2T^2L^2$, E-52'de İse $K^2WR^2T^2L^2A$ Şeklinde Geçen Kelimeyi 'Kür(ü)t(ü)l' mü Yoksa 'Körtle' mi Okumalıyız? // Journal of Turkic Studies. 2017. Vol. 1/1. P. 113–127.

Şirin User H. Hakasya Bulgusu Eski Bir Türk Mezar Taşı: Açurı (Oçurı, Ye 26) Yazıtı // Türkbilg. 2009a. Cilt 17. S. 158–174.

Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya, 2009b (Kömen Yayınları 32; Türk Dili Dizisi 1). 548 s.

Şirin User H. Re-reading and Re-interpretation of Some of the Yenisei Inscriptions // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2011a. Vol. 64(2). P. 117–127.

Tekin T. Elegest (Körtle Han) Yazıtı // Türk dilleri Araştırmaları. 1995. Sayı 5. S. 19–32.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. Yenisey–Kırgızistan Yazıtları ve İrk Bitig. Ankara : BilgeSu, 2013. 512 s.

V.V. Tishin¹, N.N. Seregin²

¹*Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia*

THE MAIN ASPECTS OF STUDYING THE UYUK-ARZHAN COMPLEX: THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF THE PROCESSES OF ETHNO-CULTURAL INTERACTION IN THE TERRITORY OF TUVA IN THE EARLY MIDDLE AGES

The article presents the comprehensive study of the Uyuk-Arzhan site. This complex, located in the territory of Tuva, is notable for the combination of a fairly accurately dated burial with a stela containing runic inscription and tamga. The analysis of the excavation materials from the burial allows identifying the possibility to determine the location of the site in the system of objects from Tuva and adjacent territories in the early Middle Ages. A preliminary assumption was made about the existence in the region in the 7th – first half of the 9th centuries AD of a group of people whose traditions indicate the possibility of their connection with the population of Kokel culture. Because of its relative lapidary nature, neither the very content of the runic inscription on the stela, nor its spelling or paleographic features make it possible to extract any additional historical and cultural data. At the same time, the analysis of the tamga material in comparison with other similar sites of Tuva, based on indirect dating, gives grounds to construct a hypothetical scheme for the chronological distribution of these sites, considering the complex in question in the context of the ethno-cultural history of Tuva. In addition, the authors' analysis allowed confirming the hypothesis of I.L. Kyzlasov about the existence in the territory of Tuva in the pre-Kirkiz time of an original written tradition associated with the local Turkic-speaking population which existed even after its integration into the Kyrgyz-led political education and dissolution in the Kyrgyz culture. Thus, the Uyuk-Arzhan site opens significant prospects for studying not only ethno-cultural processes, but also partly socio-political history of Tuva in the early Middle Ages.

Key words: Tuva, early Middle Ages, Uyuk-Arzhan, runic writing, tamga, burial, barrow, stela, ethnocultural history.

А.А. Тишкин, В.П. Семибратов, С.М. Ситников

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ВТОРАЯ НАХОДКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО СТРЕМЕНИ В АЛЕЙСКОЙ СТЕПИ (северо-западные предгорья Алтая)*

Предметы конского снаряжения, находимые в ходе археологических исследований, не только являются важными культурно-хронологическими индикаторами, но и способствуют реконструкции определенных сфер системы жизнеобеспечения конкретных кочевых социумов. Их изучение позволяет получить необходимую информацию для решения вопросов, связанных с рассмотрением процессов этнокультурного взаимодействия. Появление и распространение стремня имело существенное значение в истории народов Евразии. Именно эти приспособления способствовали модернизации вооружения конных всадников и повлияли на военное дело в период раннего средневековья.

В статье подробно представлена новая находка пока редкого типа железных стремня, которые бытовали в Азии и использовались в ходе тюркских завоеваний. Изделие было обнаружено в шурфе в ходе проведения археологических обследований в с. Староалейском в Третьяковском районе Алтайского края. Это уже вторая подобная находка, которая происходит из Алейской степи, в зоне северо-западных предгорий Алтая. Оба рассматриваемых стремени хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. В статье представлены датировки и некоторые их аналогии.

Ключевые слова: Алтай, Алейская степь, археологическая экспедиция, железное стремя, хронология, тюркские завоевания.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-08

Введение

В октябре 2015 г. экспедицией Алтайского государственного университета во время проведения археологического обследования земельного участка, отводимого под строительство объекта «Инженерная защита от негативного воздействия вод р. Алей в с. Староалейское Третьяковского района Алтайского края», было обнаружено железное стремя, которое оказалось в шурфе, заложенном на ровной площадке высокой поймы левого берега реки. Географические координаты этого места получены с помощью GPS-приемника: N – 51°01'30.24", E – 82°00'10.28". Вокруг шурфа на поверхности визуально прослеживались задернованные следы антропогенных разрушений в виде различных канав и углублений. Стратиграфия шурфа характерна для участков высокой поймы Алая. Она представлена несколькими горизонтами погребенных почв темно-бурого цвета, разделенными легкими суглинками аллювиального происхождения.

Стремя обнаружено под слоем дерна, представленного корневой системой луговой растительности, на глубине 12 см (верхняя часть) от современной поверхности. Предмет располагался в вертикальном положении с небольшим наклоном. Какие-либо другие археологические материалы или признаки древнего культурного слоя ни в данном месте, ни в соседних шурфах не зафиксированы.

Место находки отмечено на территории Староалейского сельсовета Третьяковского района Алтайского края, в 210 м к северу–северо-востоку от дома №45 по ул. Мира. Третьяковский район расположен на юге-западе Алтайского края, граничит с Республи-

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

кой Казахстан (рис. 1) и охватывает часть так называемого Рудного Алтая. Начальные сведения об археологических памятниках этого региона, в свое время входившего в Колывано-Воскресенский (позднее – Алтайский) горный округ, относятся к XVIII в., они связаны с его освоением русским населением [Демин, 1989; Серебряный венец..., 1999; и др.]. В советское время интенсивные обследования в Третьяковском районе проводились в связи с сооружением Гилевского водохранилища на р. Алей. Большое число памятников было открыто и раскопано экспедицией Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова. Среди них существенное место занимают исследованные погребальные комплексы эпохи средневековья [Могильников, 2002].

Рис. 1. Место обнаружения железного стремена в с. Староалейском на карте-схеме Третьяковского района Алтайского края

В геоморфологическом отношении территория, на которой было обнаружено стремя, расположена в долине Алея на участке его верхнего течения. Эта крупная водная артерия, впадающая в Обь, пересекает с юго-запада на север-восток большое пространство (рис. 1), которое обозначается как Алейская степь. В этой части юга Западной Сибири сконцентрировано значительное количество археологических объектов.

Основной задачей данной статьи является введение в научный оборот обнаруженного железного стремена (рис. 2), которое относится к довольно редкому типу таких изделий, но отражает характерный период, связанный с выходом на историческую арену ранних тюрок и началом их завоевательной деятельности.

Описание найденного стремена

Место и характер обнаруженного железного стремена свидетельствуют о том, что изделие напрямую не связано с каким-либо археологическим объектом и, скорее всего, является случайной находкой. Подобное стремя так называемого раннего типа

Рис. 2. Железное стремя из с. Староалейского: 1 – графические изображения (выполнены А.Л. Кунгуровым); 2 – фотоснимки (сделаны С.В. Семеновым)

уже было обнаружено в Алейской степи в соседнем Локтевском районе Алтайского края (рис. 3). В статье, опубликованной по поводу первой находки [Шульга, Горбунов, 1998], приведен алгоритм описания, следуя которому можно представить сходство и различия этих двух важных предметов.

Рис. 3. Первое стремя раннего типа из Алейской степи
(фотоснимки сделаны С.В. Семеновым)

Изделие, найденное в с. Староалейском, также относится к числу пластинчатых стремян с «Т-образной» подножкой (рис. 2.-1), которые, как считают исследователи, являются ранними типами, имеют свою историю появления и распространения [Амброз, 1973; Вайнштейн, 1991; Шульга, Горбунов, 1998; Комиссаров, 2006; и др.]. Найденный предмет оказался сильно покрыт окислами и существенным слоем минерализации поверхности в виде белого налета, который местами отпал (рис. 2.-2).

Общие размеры стремени из с. Староалейского следующие: высота – 20,4 см, ширина – 15,4 см, толщина (в среднем) – 0,4–0,5 см*. Эти зафиксированные параметры свидетельствуют о том, что найденное изделие больше предыдущего (из Локтевского района) (см. рис. 2 и 3).

«Ушко» рассматриваемого стремени типично для таких изделий (рис. 2). Оно длинное и пластинчатое. Расстояние от дужки до окончания составляет 6,4 см, ширина – до 3,3 см (в районе «шейки» – 2,4 см). «Ушко» имеет выделенную «головку» длиной 4,5 см, шириной от 2,8 см (вверху) до 3,3 см (у основания). Толщина рассматриваемой части от 0,2 до 0,5 см (причем тонким является самый верхний край). В «ушке», слегка согнутом вверху, немного выше основания сделано отверстие подовальной формы, размерами 1,4×0,8 см.

* Приводимые в статье параметры получены с помощью штангенциркуля.

Ширина оформленных пластинчатых дужек составляет 1,4–1,7 см (в среднем 1,5 см). Подножка лучше выражена с одной стороны, чем с другой. Ее ширина – до 1,1 см, толщина (в среднем) – до 0,45 см. Подножка не прямая, а слегка выгнута внутрь для усиления и частично повторяет нижнюю линию абриса дужки (рис. 2.-1).

По мнению П.И. Шульги и В.В. Горбунова [1998, с. 99], локтевское изделие такого же типа вырубалось «...из листа металла определенной толщины с дальнейшей небольшой проковкой». Данный момент требует детального изучения специалистами, которые смогут установить технологию изготовления подобных стремян, так как совершенно не исключено, что изделия могли выковываться по определенному шаблону или отработанной форме.

Стремя из с. Староалейского в целом сохранилось неплохо (рис. 2). Однако, как уже было отмечено, верхний слой отлетел вместе с коркой минерализации. Как и у предыдущего предмета из Локтевского района (рис. 3), «лицевая» сторона, по всей видимости, была орнаментирована. Такое оформление сохранилось очень плохо, лишь в отдельных местах можно было увидеть наличие следов от насечек (рис. 2.-2б). Оба указанных стремени хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета и сейчас выставлены в экспозиции.

Обсуждение имеющихся материалов

Обзор аналогий железным стремени раннего типа, обнаруженным на Алтае и ближайших территориях, был обстоятельно продемонстрирован в статье П.И. Шульги и В.В. Горбунова [1998]. Там же рассмотрен вопрос о происхождении плоских стремян, которые считаются дальневосточными и восходящими к стремени-подножкам. Исходя из приведенного анализа, определена дата существования и распространения подобных изделий – рубеж V/VI – 1-я половина VI вв. н.э. Появление таких стремян на Алтае и юге Западной Сибири может быть связано с тюркскими завоеваниями в начале 2-й половины VI в. Считается, что они существовали не позже 2-й четверти VI в. н.э. и были окончательно вытеснены «...более совершенными типами стремян из округлого или граненого дрота» [Шульга, Горбунов, 1998, с. 101]. Следует добавить, что на территории Горного Алтая железные плоские стремени с Т-образной подножкой обнаружены только в памятниках кызыл-ташского этапа тюркской культуры [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 9, 21], позднее 1-й половины VII в. такие изделия там не фиксируются [Тишкин, Серегин, 2011, с. 18, рис. 19].

Следует отметить, что несколько лет назад в Монголии опубликован аналогичный предмет конского снаряжения [Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014], который связывается с периодом владычества жужаней во Внутренней Азии. В связи с тем, что в указанной публикации представлен вид стремени только с одной стороны, есть смысл продемонстрировать фотоснимки, сделанные одним из авторов настоящей статьи, которому удалось непосредственно познакомиться с самим изделием, хранящимся в фондах Института истории и археологии АН Монголии. Данный экземпляр дополняет имеющиеся сведения о ранних типах железных стремян.

Заключение

Завершая данную статью, необходимо отметить, что обе находки железных стремян раннего типа, известные из Алейской степи (рис. 2 и 3), по сути, не связаны с конкретным археологическим комплексом. Данное обстоятельство может косвенно

Рис. 4. Железные стремена: 1 – из фондов Института истории и археологии Академии наук Монголии (г. Улаанбаатар); 2, 3 – расположены наклонно в экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск); 4, 5 – в экспозиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова (г. Минусинск); 6 – в экспозиции Музея Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ) (все фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным). 2–6 – без масштаба

указывать на то, что присутствие тюрок на этой территории было кратковременным и могло состояться как раз именно в период их активных военных походов в начале 2-й половины VI в. н.э. Этим же временем можно определить верхнюю хронологическую границу использования рассмотренного изделия из с. Староалейского.

Авторы не ставили задачу осуществить полный обзор имеющихся аналогичных находок, поэтому в качестве демонстрации ограничимся лишь несколькими фото-снимками, сделанными одним из авторов статьи в разных музеях Сибири. Как уже отмечалось, ближайшие стремена обнаружены в Горном Алтае [Шульга, Горбунов, 1998]. Два таких изделия (рис. 4.-2, 3) представлены в экспозиции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск). Они обнаружены на памятнике Усть-Карасу [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 55.-7–8]. Следующие два аналогичных стремени (рис. 4.-4, 5) демонстрируются на разных стендах экспозиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова (г. Минусинск). В Музее Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ) также располагается известная находка (рис. 4.-6). Данную демонстрацию можно было бы продолжить. Совершенно понятно, что в настоящее время назрела работа по максимальному обобщению и современной интерпретации всех таких стремей.

Библиографический список

- Амброз А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // Советская археология. 1973. №4. С. 81–98.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 224 с.
- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука, 1991. 296 с.
- Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1989. 120 с.
- Комиссаров С.А. Распространение стремей (в контексте межэтнических контактов) // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 4 : Востоковедение. С. 20–23.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М. : Наука, 2002. 362 с.
- Серебряный венец России: (очерки истории Змеиногорска) / Ю.П. Алехин, В.Б. Бородаев, Ю.С. Булыгин и др. Барнаул : Управление архивного дела администрации Алтайского края, 1999. 520 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья : иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 14–32.
- Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 99–101.
- Эрэгзэн Г., Ишцэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV, д. 1–31. С. 264–276.

References

- Ambroz A.K. Stremena i sedla rannego srednevekov'ya kak hronologicheskij pokazatel' (IV–VIII vv.) [The Stirrups and Saddles of the Early Middle Ages as a Chronological Index (the 4th – 8th Centuries)]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology]. 1973. №4. Pp. 81–98.
- Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyj Altaj v ehphou velikogo pereseleniya narodov [East Altai in the Era of the Great Migration of Peoples]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2003. 224 p.
- Vajnshtejn S.I. Mir kochevnikov centra Azii [World of Nomads of the Center of Asia]. M. : Nauka, 1991. 296 p.

Demin M.A. Pervootkryvateli drevnostej [Discoverers of Antiquities]. Barnaul : Alt. kn. izd-vo, 1989. 120 p.

Komissarov S.A. Rasprostranenie stremyan (v kontekste mezhehtnicheskikh kontaktov) [Distribution of Stirrups (in the Context of Interethnic Contacts)]. Vestnik NGU. Ser. : Istoriya, filologiya. 2006. T. 5. Vyp. 4 [Bulletin of NSU. Ser.: History, Philology. 2006. Vol. 5. Issue 4] : Vostokovedenie. Pp. 20–23.

Mogil'nikov V.A. Kochevniki severo-zapadnykh predgorij Altaya v IX–XI vekah [Nomads of the North-Western Foothills of Altai in the 9th – 11th Centuries]. M. : Nauka, 2002. 362 sp

Serebryanyj venec Rossii: (oчерki istorii Zmeinogorska) [Silver Crown of Russia: (Essays on the History of Zmeinogorsk)] / Yu.P. Alekhine, V.B. Borodaev, Yu.S. Bulygin et al. Barnaul : Upravlenie arhivnogo dela administracii Altajskogo kraja, 1999. 520 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. Altaj v ehposu srednevekov'ya : illyustrirovannyj istoricheskij atlas [Altai in the Middle Ages: an Illustrated Historical Atlas]. Barnaul : ООО «Pечатnaya kompaniya ARTIKA», 2011. 136 p.

Tishkin A.A., Seregin N.N. Predmetnyj kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurskoj kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI vv. n.еh.): tradicii i novacii [The Object Complex from the Sites of the Kyzyl-Tash Stage of Turkic Culture (the Second Half of the 5th – 1st Half of the 6th Centuries AD): Traditions and Innovations]. Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij. Vyp. 6 [Theory and Practice of Archaeological Research. Issue. 6]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2011. Pp. 14–32.

Shul'ga P.I., Gorbunov V.V. Stremya rannego tipa iz Alejskoj stepi [A Stirrup of the Early Type from the Alei Steppe]. Snaryazhenie verhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i srednevekov'e [Equipment of the Horse in the Altai in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 1998. Pp. 99–101.

EHrehgzehn G., Ishchrehn L. Hudgijn halzangijn oldvoryn holbogdoh on cag ba ZHuzhany arheologijn durstalyn sudalgaany asuudald [Relevant Dates for Fossils and the Study of the Archaeological Finds of the Jungu] Arheologijn sudlal [Archaeology]. 2014. B. XXXIV, d. 1–31. Pp. 264–276.

A.A. Tishkin, V.P. Semibratov, S.M. Sitnikov

Altai State University, Barnaul, Russia

THE SECOND FIND OF THE EARLY IRON STIRRUP IN THE ALEI STEPPE (north-western foothills of Altai)

The items of horse equipment, found during archaeological research, are not only important cultural and chronological indicators, but they also contribute to the reconstruction of certain spheres of the life-support system of specific nomadic societies. Their study allows us to obtain the necessary information to solve the issues related to the study of the ethno-cultural interaction processes. The appearance and distribution of stirrups was of great importance in the history of the peoples in Eurasia. It was these devices that contributed to the modernization of equestrian riders and influenced military affairs during the early Middle Ages. The article presents in detail a new find of a rare type of iron stirrups that were widely spread in Asia and used during the Turkic conquests. The product was discovered in a pit during archaeological surveys in the village of Staroaleisk in the Tretyakovsky District of the Altai Territory.

This is the second find of this type, which comes from the Alei steppe in the zone of the northwestern foothills of the Altai. Both stirrups under study are kept in the Altai Museum of Archaeology and Ethnography of Altai State University. The article presents datings and some of their analogies.

Key words: Altai, Alei steppe, archaeological expedition, iron stirrup, chronology, Turkic conquests.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 903.27«6325»(5-191.2)+903.27«6325»(571.1/.5)

Е.П. Рыбин¹, Р.А. Шелепаев^{2,3}, А.Ю. Попов^{3,4},
А.М. Хаценович¹, А.А. Анойкин¹, Г.Д. Павленок¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН, Новосибирск, Россия;

³Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;

⁴Институт нефтегазовой геологии и геофизики
им. А.А. Трофимука СО РАН, Новосибирск, Россия

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ОСАДОЧНЫХ ПОРОД В ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Изучение петрографического состава коллекций представляет собой важный этап на пути понимания характера использования человеком окружающих его ресурсов. Каменные породы играли ключевую роль в жизни палеопопуляций, влияя на технологию расщепления, типологию изделий, на маршруты перемещения групп в домашнем ареале и, возможно, на размеры последнего. Исследование петрографического состава коллекций памятников, входящих в центральноазиатскую – южно-сибирскую культурную общность начального верхнего палеолита, а также комплексов финального верхнего палеолита, происходящих из одного природно-географического региона, показывают, что древний человек предпочитал использовать осадочные кремнистые породы – силициты, имея при этом доступ к туфам, эффузивам и терригенно-вулканогенным породам. Расщепление этих трех пород представлено практически на всех изученных нами памятниках, однако силициты составляют подавляющее большинство среди отобранных образцов. Все памятники расположены в непосредственной близости от источников сырья, представленных его открытыми выходами на горных склонах и в аллювии рек.

Ключевые слова: Центральная Азия, Горный Алтай, Забайкалье, палеолит, петрография, осадочные породы, расщепление камня.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-09

Введение

Начиная с 2014 г. в долинах рек Толбор (Их-Тулбэрийн-Гол) и Харганын-Гол, правых притоков среднего течения р. Селенги в Северной Монголии, проводятся совместные геолого-археологические исследования Института археологии и этнографии СО РАН и Института геологии и минералогии СО РАН им. В.С. Соболева, направленные на определение характера адаптации древних человеческих популяций к локальному каменному сырью: отбору конкретных типов пород для расщепления на выходах сырья напрямую из толщи, отделившихся конкреций на склонах гор и из аллювия и поставление этих горных пород с образцами из археологических коллекций, полученных при раскопках археологических памятников данного региона [Рыбин, Шелепаев, Хаценович, 2014]. Первые результаты показали, что в изучаемом регионе при изготовлении каменных артефактов древний человек предпочитал силициты – осадочные кремнистые породы – с криптокристаллической структурой халцедон-кварцевого со-

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проекты №17-06-00591А и 18-09-00031).

става. В то же время в археологических коллекциях памятников из долин р. Толбор и Харганын-Гол были обнаружены артефакты из сырья, не характерного для локальных формаций. На основе анализа этих «экзотических» пород был реконструирован перенос сырья или изделий из него на дальние расстояния, превышающие 200 км. Изучение сырьевой базы на памятниках палеолита позволяет определить характер его эксплуатации древним человеком, а на основе переноса сырья – очертить домашний ареал и системы мобильности популяций.

Выявленный на основе коллекций памятников Толбор-4, 16, 21 и Харганын-Гол-5 преднамеренный отбор силицитов – каменной породы, обладающей высоким качеством с точки зрения ее расщепления [Рыбин и др., 2015], позволил связать использование наиболее высококачественных разновидностей пород, позволявших получать крупные удлиненные сколы, с пластинчатыми ассамбляжами начального этапа верхнего палеолита (НВП). В данной работе мы представляем предварительные результаты петрографического и геохимического анализов, проведенных по образцам из коллекций синхронных памятников на территории Южной Сибири – Центральной Азии, а также более поздних комплексов Северной Монголии и Забайкалья.

Методы и материалы

В данной статье мы сравниваем только культурно схожие друг с другом ассамбляжи, хронологически близкие и образующие единые технико-типологические традиции – НВП комплексы Алтая, Восточного Казахстана и Монголии, и позднего верхнего палеолита Орхон-Селенгинского прогиба.

К первой группе комплексов относятся горизонты ВП-1 и ВП-2 памятника Кара-Бом в Горном Алтае, НВП ассамбляж (гор. 7-6 и подъемный материал) памятника Ушбулак в Восточном Казахстане, и гор. 6-5 стоянки Толбор-4 и слой 3 памятника Толбор-21 в Северной Монголии в составе Орхон-Селенгинского прогиба (рис. 1). Все эти комплексы относятся к южносибирской – центральноазиатской культурной общности НВП, существовавшей в пределах 45000–37000 некалиброванных л.н. на обширной территории гор и предгорий восточной части Центральной Азии и Южной Сибири [Goebel, Derevianko, Petrin, 1993; Gladyshev et al., 2010; Rybin et al., 2016; Анойкин и др., 2017]. Комплексы этой общности характеризуются производством крупных остроконечных пластин в рамках подпризматической бипродольной системы скалывания, присутствием мелкопластинчатого технологического компонента, выраженного нуклеусами-резцами и торцовыми нуклеусами для получения пластинок, а также набором орудий-маркеров, таких как: скошенные острия, острия с утончением поперечного края, орудия с вентральной подтеской дистального края, листовидные бифасы, орудия с подтеской дистального края, острия/пластинки с притупленным краем. Также для этих комплексов выделяются специфические персональные украшения – бусины из скорлупы яиц страуса и орнаментированные пронизки. Набор орудий маркеров в отдельных комплексах может быть представлен как в полном (Кара-Бом, Толбор-4), так и редуцированном виде (Толбор-21, Ушбулак) [Rybin et al., 2016].

Ко второй группе комплексов позднего этапа верхнего палеолита относятся гор. 2-1 памятника Усть-Кяхта-3 в Забайкалье и гор. 4-3 и 2 памятника Толбор-15, гор. 3 стоянки Харганын-Гол-5 в Северной Монголии (рис. 1), по времени относящиеся к промежутку 15000–12000 некалиброванных л.н. Их индустрии характеризуются сочетанием ударного плоскостного и подпризматического расщепления, направленно-

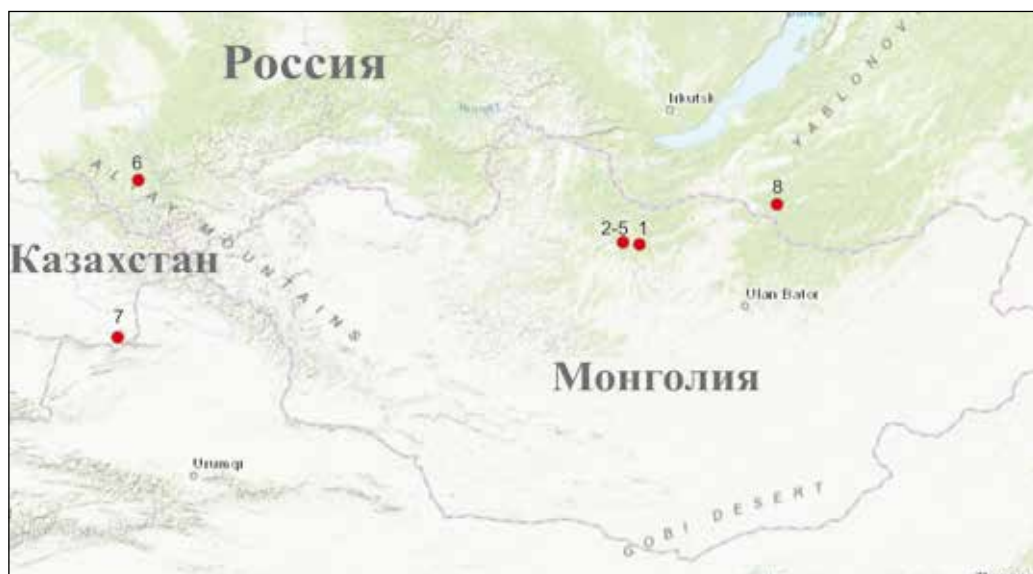

Рис. 1. Карта палеолитических памятников: 1 – Харганын-Гол-5; 2 – Толбор-4; 3 – Толбор-15; 4 – Толбор-16; 5 – Толбор-21; 6 – Кара-Бом; 7 – Ушбулак; 8 – Усть-Кяхта-3

го на получение пластин, с отжимным микрорасщеплением, реализуемым на клиновидных нуклеусах, в том числе оформленных на бифасах. В орудийном наборе обращают на себя внимание микроострия и изделия на микропластинах с элементами притупления в сочетании с крупными скреблами на отщепах и пластинах. Ярким элементом, характеризующим эти комплексы, являются бусины из скорлупы яиц страуса [Khatsenovich et al., 2017; Павленок, 2015].

Начальная стадия исследования заключалась в проведении петрографического анализа. Из образцов, выбранных из археологических коллекций по принципу отбора наиболее встречаемых пород и, напротив, единично представленных, редких, были изготовлены и проанализированы шлифы. Затем те же образцы были измельчены для проведения рентген-флуоресцентного анализа (РФА) и инструментального нейтронно-активационного метода (ИННА).

Петрографический анализ пород

На памятнике Кара-Бом, в комплексах ВП-2 и ВП-1 наиболее распространены силициты (осадочные кремнистые породы) кварцевого состава (классификация по Фролову [1992]) (рис. 2.-5–9). Выделено три основных их разновидности, отличающиеся структурно-текстурными характеристиками.

1. Силицит микро- до тонко-микрокристаллического (размер зерен 0,005–0,01 мм до 0,02 мм), иногда глинистый, с редкой мелкоалевритовой терригенной примесью (кварц, плагиоклаз, минералы тяжелой фракции). Порода неравномерно слабо кальцитизирована, может развиваться вторичный тонкокристаллический бурый материал, слюдистые минералы. Встречается органическое вещество, тонкодисперсное и в виде сгустков и прожилок. Может встречаться редкий рудный компонент. Текстура пород преимущественно массивная, слабо сланцеватая, слабо взмученная.

Рис. 2. Артефакты из верхнепалеолитических коллекций. Каменное сырье: 1 – туф; 2–14 – силициты. Памятники: 1, 2 – Харганын-Гол-5; 3, 4 – Толбор-4; 5–9 – Кара-Бом; 10–12 – Ушбулак; 13, 14 – Усть-Кяхта-3

2. Силицит тонко-микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,05 мм) с редкой мелкоалевритовой терригенной примесью (кварц, плагиоклаз, минералы тяжелой фракции). Часто развивается вторичный тонкокристаллический бурый материал. Встречаются сгустки органического вещества, мелкий органический детрит. Может присутствовать рудный компонент. Текстура пород преимущественно массивная, реже слабо слоистая, сланцеватая.

3. Силицит тонко-, участками микро-тонкокристаллический раскристаллизованный, в разной степени алевритистый. Рассеянная и послойная мелко- и крупноалевритовая, до песчаной, терригенная примесь (кварц, полевые шпаты, минералы тяжелой фракции) составляет 5–10%, до 20%. Присутствуют вторичный тонкокристаллический бурый материал, редкие стяжения рудного компонента. Текстура массивная, иногда слабо выраженная слоистая, сланцеватая. Могут отмечаться значительные вторичные изменения, вторичное минералообразование (кальцит, слюдистые минералы). Также отмечены редкие туфы и алевролит.

Для памятника Ушбулак силициты также являются преобладающей породой (рис. 2.-10–12). Среди них выделяются тонко- и микрокристаллические разновидности: слабосланцеватые; субгоризонтальнослоистые с мелкими смятиями; с глобулярной структурой; массивные с реликтами радиолярий; алевритистый и алевритовый (области до 10% и 15–20%) с редкими стяжениями рудного минерала; с тонкой линзовидной слоистостью; с радиоляритовой структурой (реликтов до 25%); с неравномерной кластической примесью; неясной кристаллизованности за счет интенсивного развития вторичного компонента. Также встречены единично туфы и алевролиты.

Петрографический анализ образцов из коллекций Харганын-Гол-5, Толбор-4 и Толбор-21 позволил выявить три типа пород – силициты (рис. 2, 2–4), туфы (рис. 2.-1) и терригенно-вулканогенную породу. Наиболее многочисленная группа силицитов включает девять разновидностей [Рыбин и др., 2016]: микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,01 мм), в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный и сульфатизированный; микрокристаллический алевритистый, в разной степени кальцитизированный и лейкоксенизированный с преимущественно массивной текстурой, иногда проявляется горизонтальная слоистость; тонко-микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,05 мм) иногда слабо алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный; от тонко- к микрокристаллическому и от тонко-микро- к скрытокристаллическому за счет градационной, участками горизонтальной слоистости; тонко-микрокристаллический углеродистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный; тонко-микрокристаллический алевритистый углеродистый, в разной степени кальцитизированный, сильно лейкоксенизированный; тонко-микрокристаллический алевритистый в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный, реже сульфатизированный, с терригенной примесью, представленной преимущественно кварцем и полевыми шпатами; тонкокристаллический (участками микро-тонкокристаллический) раскристаллизованный, слабо алевритистый, в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный; микрокристаллический, иногда участками до тонкокристаллического, алевритовый за счет существенной примеси мелко-туфового материала, представленного преимущественно кристаллокластами кварца и полевого шпата. Редко представлены терригенно-вулканогенные породы и туфы.

На памятнике Усть-Кяхта в Забайкалье наиболее распространены силициты (осадочные кремнистые породы) кварцевого состава (рис. 2.-13, 14). Выделено несколько основных разновидностей, отличающихся структурно-текстурными характеристиками.

1. Силицит микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,01 мм), иногда глинистый. Присутствует редкая мелкая рассеянная терригенная примесь (кварц, полевые шпаты), иногда послойная. Развита мелкая сгустки вторичного бурого материала. Могут встречаться сгустки рудного компонента. Иногда наблюдаются овальные образования другой кристалличности – возможно, реликты радиоларий или ходы илоедов. Текстура пород преимущественно массивная, может проявляться взмучивание, биотурбация.

2. Силицит тонко-микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,05 мм), слабо глинистый, с редкой мелкоалевритовой терригенной примесью (кварц, полевые шпаты). Присутствуют вытянутые фрагменты, вероятно, органический детрит, по которому могут развиваться рудные минералы. Отмечается вторичный тонкокристаллический бурый материал. Присутствуют мелкие спикеры губок (?). Текстура массивная.

3. Тонкогоризонтальное переслаивание силицитов микро- и тонко-микрокристаллических (прослоями до тонкокристаллических). Присутствует примесь угловатого алевритового материала (кварц, полевые шпаты, обломки эффузивных пород основного состава, минералы тяжелой фракции), доля которого выше в более крупнокристаллических прослоях (до 5–10%). Отмечается послойная концентрация темно-бурого органического вещества.

Также в коллекции присутствуют переходные кремнисто-терригенные породы.

4. Алеврит мелкозернистый с глинисто-слюдястым цементом. Отмечается слабая сланцеватость. В обломках присутствует преимущественно кварц, встречается плагиоклаз. Цемент представлен вторичным слюдястым компонентом. Присутствует субвертикальная трещина, выполненная органическим материалом. Присутствует значительное количество сгустков вторичного бурого агрегата.

5. Алеврит мелкозернистый с кремнистым цементом. Текстура слабовыраженная горизонтальная слоистая за счет послойного увеличения доли алевритового материала. В обломках преобладает кварц, встречаются плагиоклаз, редкие слюдястые обломки, акцессорные минералы. Силицитовый микрокристаллический цемент от 20–30 до 50%. Присутствует значительное количество сгустков вторичного бурого агрегата.

6. Алевропесчаник полевошпатово-кварцевый с кремнистым цементом. Слоистость слабовыраженная пологокосая за счет гранулометрической неоднородности. Полевые шпаты представлены плагиоклазом. Отмечается значительное содержание акцессорных минералов. Цемент силицитовый микро-, участками до тонкокристаллического – от 20% и более, вплоть до перехода (послойно) в силицит алеврито-песчаный в разной степени глинистый. Неравномерно, пятнами, проявлена слабая кальцификация. Присутствует значительное количество сгустков вторичного бурого агрегата.

Сравнение петрографического состава пород

Кремнистые породы, представленные в коллекциях памятников Усть-Кяхта-3 в Забайкалье и памятников Толбор-4, 21 и Харганын-Гол-5 в Северной Монголии, являются близкими по составу и, наиболее вероятно, отобраны из одной осадочной толщи, относящейся к верхнепермским свитам.

При сравнении петрографических особенностей пород изделий из Монголии и Забайкалья и памятника Кара-Бом, Горный Алтай, были выявлены следующие закономерности. Среди всех исследованных пород преобладают силициты. В коллекциях памятников Толборской группы и Усть-Кяхты-3 наиболее широко представлены микрокристаллические, иногда глинистые силициты, иногда с мелкой терригенной примесью, нередко с остатками органогенного происхождения (реликты радиолярий, спикулы губок) или примесью тонкого органического вещества. На Кара-Боме доля силицитов данного типа преобладает незначительно, часто в них наблюдается повышенное содержание тонко-микрокристаллического кремнистого материала. Можно отметить, что в породах из коллекций толборских памятников и Усть-Кяхты-3 в большей степени проявлены взмучивание, биотурбация осадка, были встречены силициты с мелкими сростками ильменита.

Следующим по распространенности среди силицитов из рассматриваемых регионов являются силициты тонко-микрокристаллические, иногда слабо алевритистые, в разной степени кальцитизированные, с органическим веществом, тонкодисперсным и в виде мелкого детрита. В породах из коллекции Кара-Бомы в большей степени отмечается массивная текстура, иногда с выраженной сланцеватостью, тогда как для селенгинских коллекций характерно проявление горизонтальной и градационной слоистости.

Среди пород изделий из коллекций памятников Толборской группы встречено достаточное количество тонко-микрокристаллических силицитов с повышенным содержанием органического и/или терригенного (туфогенного) компонента (углеродистые и алевритистые). В коллекции памятника Кара-Бом породы этих типов не встречены.

Что касается тонкокристаллических силицитов (участками микро-тонкокристаллических), в разной степени затронутых вторичным минералообразованием (кальцит, слюдистые минералы), преимущественно горизонтально-слоистых, то они в равной степени встречаются во всех изучаемых коллекциях. Однако на Кара-Боме в породах наблюдается повышенное содержание терригенной алеврито-песчаной примеси (вплоть до 20%). Кроме того, в единичном образце фиксируется развитие непрозрачных кристаллов вытянутой и квадратной формы.

Среди пород изделий из коллекций памятников Толборской группы, и в особенности памятника Усть-Кяхты-3, в большей степени развиты переходные кремнисто-терригенные типы, представленные алевролитами и алевропесчаниками с силицитовым цементом от 20% и более. Также встречаются алеврито-глинистые породы.

Помимо силицитов в изученных партиях присутствуют вулканогенно-обломочные породы. В коллекциях памятников Толборской группы преобладают туфы, мелко- и крупнозернистые, кислого состава, как лито-кристаллокластические, так и кристалло-витрокластические, тогда как в коллекции памятника Кара-Бом встречены только кристалло-витрокластические разновидности, развитые в большей степени. Также в коллекции памятника Толбор-4 присутствует единичный образец кварцита.

Петрографический состав коллекции памятника Ушбулак в Казахстане близок памятникам Толборской группы и Усть-Кяхты-3. Среди пород преобладают силициты, единично присутствуют терригенно- и вулканогенно-осадочные породы: алевролиты и туфы соответственно. Среди пород изделий преобладают тонкокристаллические и микрокристаллические разновидности.

Обсуждение и заключение

Во всех исследованных памятниках изменения текстурных особенностей силицитов, ставших сырьем для изготовления артефактов (слоистость, массивность и др.), вариации в примесях кластического или органогенного материала, в свою очередь, влиявших на механические свойства расщепляемого материала, вызваны не предпочтениями населения, а особенностями сырья, представленными в окружающих обнажениях или обломочном материале. В то же время заметно, что структурные особенности (абсолютный размер зерен, зернистость) артефактов указывают на направленную сегрегацию сырья, среди изделий преобладают тонкозернистые и микрозернистые разновидности пород, хотя в окружающих обнажениях и обломочном материале доминируют более грубозернистые разновидности. Наиболее вероятно, что при отборе сырья древний человек уделял меньшее внимание его текстуре – слоистости, массивности и т.д., раскалывая весь имеющийся в наличии набор пород. В то же время структура сырья являлась определяющей – качество тонкозернистых разновидностей силицитов, с точки зрения расщепления, значительно выше, снятие сколов с нуклеусов из них является более предсказуемым и обеспечивает сколы-заготовки ровным рабочим краем.

Сравнивая разновидности сырья в комплексах среднего палеолита и НВП памятника Кара-Бом, отметим, что, в отличие от ассамбляжа среднего палеолита, где человек использовал моносырьевую базу для расщепления, основу которой составляли силициты кварцевого состава трех разновидностей, отличающихся структурно-текстурными характеристиками, в НВП Кара-Боба человек начинает также использовать местные мелкозернистые туфы кислого состава, раскристаллизованный витрокластический туф и единично – мелкозернистый кварцевый с кремнистым цементом алевролит, при сохранении основной силицитовой базы. Это может быть связано с изменением технологии раскалывания, с переходом от леваллуазской к подпризматической пластинчатой технологии и с тем фактом, что человек начал экспериментировать с «нестандартным сырьем». Изделия из «нестандартного сырья», такого как туфы и алевролиты, отличаются низким качеством рабочей поверхности. В то же время комплексы НВП памятников Толбор-4 и Толбор-21 отмечены доминированием силицитов, что может быть обусловлено малой пригодностью для расщепления местных туфов и эффузивов.

Резюмируя представленный выше анализ, можно заключить, что в НВП человек использовал преимущественно осадочные кремнистые породы, отбирая их разновидности с тонко- и микрозернистой структурой. Именно такое каменное сырье позволяло получать крупные остроконечные пластины, и вероятно, именно этим и объясняется связь распространения опорных памятников НВП в Центральной Азии – Южной Сибири с первичными источниками силицитов. В то же время новые методы расщепления позволяли человеку экспериментировать с сырьем худшего, с точки зрения раскалывания, качеством, таким как туфы и алевролиты. Подобная ситуация была зафиксирована и в ассамбляжах Восточной галереи Денисовой пещеры, где в среднем палеолите до 70–80% продуктов расщепления базируется на осадочных породах, а в верхнем палеолите их количество снижается на 10–15% за счет вовлечения в сырьевую базу эффузивов и дайковых пород и яшмоидов [Кулик, Шуньков, Козликин, 2014].

При сравнении петрографического состава комплексов финального верхнего палеолита нами не было выявлено коренных изменений в стратегии отбора основной

сырьевой базы. На памятниках Толбор-15 (гор. 3–4) и Харганын-Гол-5 (гор. 3), Северная Монголия, и Усть-Кяхта-3, Забайкалье, расщеплению также подвергались преимущественно силициты тонко- и микрозернистой структуры, однако в это время фиксируется использование «экзотического сырья». Несмотря на то что первые предметы из нелокальных каменных пород фиксируются уже в НВП, они представляют собой изделия неутилитарного назначения с перфорацией, в том числе каменные подвески [Рыбин, 2017]. Единичные орудия из «экзотического сырья» фиксируются в раннем верхнем палеолите Монголии и Алтая, но лишь с наступлением позднего и финального верхнего палеолита их процент в ассамбляжах становится стабильным. В то же время на памятнике Ушбулак в Восточном Казахстане индустрия рубежа плейстоцена-голоцена является полисырьевой и не демонстрирует преобладания силицитов. Привлечение разнообразного, в том числе «экзотического» сырья в финальном верхнем палеолите может быть связано с тем, что необходимость получать крупные удлиненные пластины отпала с появлением микрорасщепления и составных и вкладышевых орудий. Крупные отщепы, на которых изготавливались скребла и орудия для грубой обработки, такие как струги и скобели, могли получать с нуклеусов, изготовленных из сырья худшего качества, нежели тонкозернистые силициты.

Вероятным является существование пояса осадочных пород, протянувшегося через Центральную Азию и захватывающего Южную Сибирь. Он прослеживается на территории Монголии и Забайкалья в Орхон-Селенгинском прогибе, а также в Восточном Казахстане. С этой точки зрения перспективным направлением археологических изысканий становится выявление памятников в тех регионах, где известны толщи осадочных пород, особенно относящиеся к верхнепермским свитам.

Библиографический список

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Исаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 19–25.

Кулик Н.А., Шульков М.В., Козликин М.Б. Петрография каменных артефактов из Восточной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 57–59.

Павленок Г.Д. Технология обработки камня в селенгинской культуре Западного Забайкалья (по материалам стоянки Усть-Кяхта-3) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю. Разновидности каменного сырья и особенности их отбора древним человеком в палеолитических индустриях памятников Харганын-Гол-5 и Толбор-21 (Толборский археологический микрорайон, Северная Монголия): предварительные результаты // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 170–178.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Шелепаев Р.А., Попов А.Ю., Колмогоров Ю.П. Петрохимические исследования источников каменного сырья в палеолите Северной Монголии // Вестник НГУ. Сер. : История, филология, 2016. Т. 15. Вып. 7 : Археология и этнография. С. 28–38.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Звинс Н., Пэйн, К., Болорбат Ц., Одсүрен Д., Галфи Й., Анойкин А.А., Маргад-Эрдэнэ Г., Марченко Д.В., Ангарагдулгуун Г. Новые результаты изучения стоянки Толбор-21 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. С. 198–201.

Рыбин Е.П., Шелепаев Р.А., Хаценович А.М. Исследования источников каменного сырья палеолитических объектов долин рек Их-Тулбэрийн-Гол и Харганын-Гол в Северной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 87–90.

Фролов В.Т. Литология. Т. 1. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

Gladyshev S.A., Olsen J., Tabarev A.V., Kuzmin Y.V. Chronology and periodization of Upper Paleolithic sites in Mongolia // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2010. №38. P. 33–40.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the middle-to-upper paleolithic transition at Karabom. *Current Anthropology*. 2016. Vol. 34. P. 452.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T., Popov A.Y., Odsuren D. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // *Quaternary International*. 2017. Vol. 442. P. 78–94.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // *Quaternary International*. 2016. Vol. 425. P. 69–87.

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Ushbulak-1: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // *Antiquity Project Gallery*. 2017. Vol. 91. Iss. 360. P. e1.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulyanov V.A., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Isakov G.T., Vasiliev S.K. Issledovanie industrii nachalnyh etapov verhnego paleolita na stoyanke Ushbulak-1 (Vostochnyj Kazahstan) v 2017 godu [Research of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak-1 Site (Eastern Kazakhstan) in 2017]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. T. XXIII. Pp. 19–25.

Kulik N.A., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Petrografiya kamennyh artefaktov iz Vostochnoj galerei Denisovoj peshchery [The Petrography of Lithic Artifacts from Western Gallery of Denisova Cave]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. XX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014. Pp. 57–59.

Pavlenok G.D. Tekhnologiya obrabotki kamnya v selenginskoj kulture Zapadnogo Zabajkalya (po materialam stoyanki Ust-Kyahta-3) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Technology of Stone Processing in the Selenga Culture of Western Transbaikalia (based on the Materials of the Ust-Kyakhta-3 Site): Aynopsis Abstract of Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Novosibirsk, 2015. 26 p.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Shelepaev R.A., Popov A.Yu. Raznovidnosti kamennogo syr'ya i osobennosti ikh otbora drevnim chelovekom v paleoliticheskikh industriyakh pamyatnikov Kharaganyn-Gol-5 i Tolbor-21 (Tolborskii arheologicheskii mikrorajon, Severnaya Mongoliya): predvaritel'nye rezul'taty [Varieties of Stone Materials and Features of their Selection by Ancient People in the Paleolithic Industries of the Haraganyn Gol-5 and Tolbor-21 Monuments (The Tolborsk Archaeological District, Northern Mongolia): Preliminary Results]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovanii* : Sbornik statei, posvyashchennyi 70-letiyu professora Yu.F. Kiryushina [Archaeology of Western Siberia and Altai: the Experience of Interdisciplinary Research: a Collection of Articles Devoted to the 70th Anniversary of Professor Yu. Kiryushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 170–178.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Shelepaev R.A., Popov A.Yu., Kolmogorov YU.P. Petrohimicheskie issledovaniya istochnikov kamennogo syr'ya v paleolite Severnoj Mongolii [Petrochemical Analyses of the Raw Material Outcrops in the Paleolithic of Northern Mongolia]. *Vestnik NGU* [Bulletin of NSU]. Ser. : istoriya, filologiya, 2016. T. 15. Vyp. 7 : Arheologiya i etnografiya [Series: History, Philology. 2016. Vol. 15. Issue 7]. Pp. 28–38.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Zwyns N., Painy, C., Bolorbat Ts., Odsuren D., Galfi J., Anoikin A.A., Margad-Erdene G., Marchenko D.V., Angaragdulguun G. Novye rezul'taty izucheniya stoyanki Tolbor-21 (Severnaya Mongoliya) [New Research Data from the Tolbor-21 Site (Northern Mongolia)]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. XX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2017. Pp. 100–107.

gy, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XXIII. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2017. S. 198–201.

Rybin E.P., Shelepaev R.A., Khatsenovich A.M. Issledovaniya istochnikov kamennogo syrya paleoliticheskikh ob'ektov dolin rek Ikh-Tulbehrijn-Gol i Kharganyn-Gol v Severnoj Mongolii) [A Study of Stone Raw Material Sources for Paleolithic Objects in the Ikh-Tulberijn-Gol and Kharganyn-Gol River Valleys in Northern Mongolia]. Problemy arheologii, ehtnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. XX. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i ehtnografii SO RAN, 2014. Pp. 87–90.

Frolov V.T. Litologiya [Lithology]. Vol. 1. M. : Izd-vo MGU, 1992. 336 p.

Gladyshev S.A., Olsen J., Tabarev A.V., Kuzmin Y.V. Chronology and Periodization of Upper Paleolithic Sites in Mongolia // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2010. №38. Pp. 33–40.

Goebel T., Derevianko A.P., Petrin V.T. Dating the Middle-to-Upper Paleolithic Transition at Karabom. Current Anthropology. 2016. Vol. 34. 452p.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Shelepaev R.A., Zotkina L.V., Bolorbat T., Popov A.Y., Odsuren D. New Evidence for Paleolithic Human Behavior in Mongolia: the Kharganyn Gol 5 site // Quaternary International. 2017. Vol. 442. P. 78–94.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The Impact of the LGM on the Development of the Upper Paleolithic in Mongolia // Quaternary International. 2016. Vol. 425. P. 69–87.

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. Ushbulak-1: New Initial Upper Paleolithic Evidence from Central Asia // Antiquity Project Gallery. 2017. Vol. 91. Iss. 360. P. e1.

**E.P. Rybin¹, R.A. Shelepaev^{2,3}, A.Yu. Popov^{3,4},
A.M. Khatsenovich¹, A.A. Anoikin¹, G.D. Pavlenok¹**

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation;*

²*V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy, SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation;*

³*Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation;*

⁴*A. A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics, SB RAS, Russian Federation*

SEDIMENTARY ROCKS EXPLOITATION IN UPPER PALEOLITHIC KNAPPING TECHNOLOGY IN THE TERRITORY OF CENTRAL ASIA AND SOUTH SIBERIA

Study of petrographic composition is important for understanding how humans exploited available resources. Stone raw material played a pivotal role in the subsistence life of paleopopulations, influencing knapping technology, tool typology, routes of population movements within the home area, and possibly the size of the region. Petrographic study of assemblages, related to Initial Upper Paleolithic tradition in Central Asia – South Siberia, and to Final Upper Paleolithic, originated from the single natural and geographic region, demonstrates that ancient humans preferred exploiting the sedimentary silica-rich rocks – cherts with a cryptocrystalline structure of chalcedony-quartz composition, while the tuffaceous siltstone and coarse tuff and tuffites were available. Knapping of all these types is presented almost at all studied sites, but cherts are in the overwhelming majority among sampled rocks. All Paleolithic sites are situated near raw material sources, presented by their ingress or rivers' alluvium.

Key words: Central Asia, Mountain Altai, Transbaikalia, Paleolithic, petrography, sedimentary rocks, stone knapping.

А.З. Бейсенов¹, Д.О. Гимранов², И.К. Ахияров¹, Д.Б. Дуйсенбай¹

¹Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы, Казахстан;

²Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ САКСКОГО ВРЕМЕНИ АБЫЛАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Поселение Абылай находится в Каркаралинском районе Карагандинской области, северо-западнее села Нуркен. Памятник был открыт в 2004 г. А.З. Бейсеновым в ходе разведочных работ. Строения с каменными основаниями расположены на юго-восточном склоне возвышенности и занимают меридиональную полосу длиной около 100 м и шириной около 20 м. Вблизи поселения имеются два родника. В статье приводятся данные раскопа №1, заложенного на поселении в 2016 г. На площади 208 кв. м были вскрыты остатки девяти небольших каменных сооружений жилого и хозяйственного назначения, имеющих округлые и вытянутые формы. На площади раскопа найдено свыше 1200 фрагментов от лепных плоскодонных сосудов и свыше 200 каменных орудий и заготовок. 143 фрагмента являются венчиками сосудов. Орнамент в виде небольших ямок и «жемчужин» имеет незначительная часть посуды. Основная масса орудий выполнена из туфа, гранита и песчаника. Всего было исследовано 2256 костей животных, найденных на раскопе №1. Из них видовое определение сделано по отношению к 754 костям. Все определимые кости относятся к домашним животным: мелкому рогатому скоту, крупному рогатому скоту, лошади. Особенности топографии и планировки, керамический комплекс памятника однозначно близки к ранее изученным поселениям сакского времени Центрального Казахстана, датированным в рамках VII–V вв. до н.э.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, сакская эпоха, поселение, керамика, каменные орудия, топография, планировка.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-10

Введение

В 2004 г. А.З. Бейсеновым было обнаружено поселение Абылай, на площади которого четко фиксировались камни от развалов многочисленных сооружений. На основании визуальных особенностей и фрагментов керамики, найденных на поверхности в северной части объекта, памятник уже тогда был предварительно датирован ранним железным веком. После этого объект был трижды осмотрен, последний раз – в сентябре 2015 г. Раскопки проводились в полевых сезонах 2016–2017 гг. Планируется продолжение работ. В настоящем сообщении приводятся данные раскопа №1, 2016 г.

Согласно современному административному делению памятник находится на территории Нуркенского сельского округа Каркаралинского района Карагандинской области, в 10,8 км к северо-западу от с. Нуркен (рис. 1), в 1 км северо-западнее от одноименной зимовки.

Поселение растянулось на юго-восточном склоне общего горного массива, среди высоких и близкорасположенных сопок с каменистыми вершинами. Строения с каменными основаниями стен занимают меридиональную полосу длиной около 100 м и средней шириной около 20 м. Следует отметить, что склоновая топография является одной из важных особенностей известных ныне поселений сакского времени восточных районов Центрального Казахстана. Судя по визуальным особенностям, поселение Абылай занимает площадь чуть более 2000 кв. м. По отношению к основной массе поселений это довольно значительная площадь. Для подавляющего большинства из более чем 50 поселений, выявленных в восточных районах Центрального Казахстана, характерно наличие всего от 2–3 до 5–6 строений относительно небольших размеров.

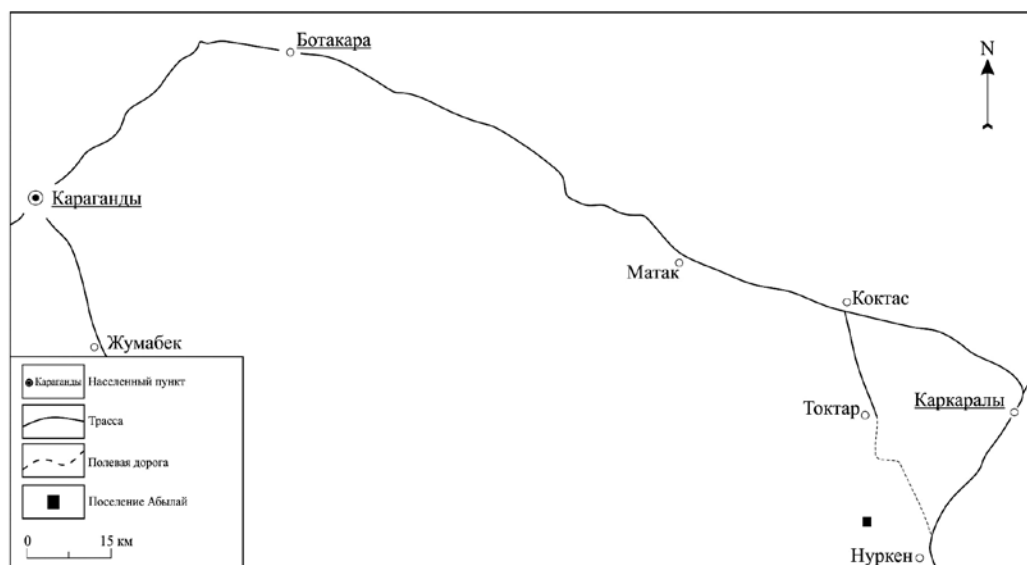

Рис. 1. Карта с расположением поселения Абылай

В районе поселения отмечено два родника. Исток первого из них, ныне не действующего, находится в 35 м к северо-востоку от крайних строений поселения. Этот родник, протекая в восточном направлении, впадает во второй, действующий родник, исток которого находится на расстоянии 65 м восточнее поселения. Сток этого родника образует небольшой ручей, текущий на северо-восток. Могильников в непосредственной близости от поселения не выявлено. На расстоянии 0,5 км к юго-западу на каменистой вершине очередного поднятия расположен один курган с каменной насыпью, диаметром 10 м, высотой 0,6 м.

Таким образом, в топографическом отношении поселение укрыто среди горных вершин, в непосредственной близости от него находятся родники, что говорит о хорошем обеспечении древних жителей водой. Зимой, как можно наблюдать и сейчас, на верхних склонах возвышенностей снег отсутствует, что позволяет пасти здесь мелкий и крупный рогатый скот в течение длительного времени. В ближайшем окружении находятся три действующие зимовки, а также в пяти пунктах отмечены развалы зимовок конца XIX – 1-й пол. XX в. В отношении последних один такой объект, что в районе действующей зимовки Аккезен, по своим внешним особенностям может претендовать и на более ранние периоды. Не исключается возможность отнесения его к раннему железному веку. Вблизи действующей зимовки Абылай находятся два поселения периода поздней бронзы. Работы по сплошному обследованию местности в районе поселения Абылай еще не завершены. На площади указанных двух поселений обнаружены фрагменты керамики эпохи бронзы, а также единичные каменные орудия.

Ближайшие раскопанные поселения древней эпохи находятся на расстоянии 25–28 км южнее, в горной местности Каракуыс. Это поселение эпохи бронзы Бақыбулак, поселения сакского времени Кызылсуир-2, Туйетас, Сарыбуйрат [Бейсенов, Ломан, 2009; Ахияров, Бейсенов, 2016]. Помимо этого, в районе села Нуркен в разных пунктах открыты и раскопаны ряд курганных погребений сакской эпохи, основная часть

их материалов отражена в публикациях [Бейсенов, 2007; 2015; 2016а; 2016б]. Там, чуть севернее села Нуркен, пять небольших рек [Бейсенов, 2016б] сходятся в одно русло, затем, далее к северу, течет довольно полноводная для этих районов река Жарлы. В целом бассейн реки Жарлы, куда входит и рассматриваемый памятник, является одним из перспективных в отношении археологии раннего железного века районов Центрального Казахстана. Открытые как в бассейне реки Жарлы, так и в других местах поселения сакской эпохи А.З. Бейсенов считает зимниками. Есть перспектива поиска вдоль течения реки Жарлы летних стоянок этого времени. Из памятников эпохи средневековья здесь известно святилище Абылай кыпчакского времени [Ермоленко, 2004, с. 37].

Методы, материалы и результаты исследований

Поселение Абылай в отношении планировки условно можно разделить на три части: северную, центральную и южную. Северная часть включает в себя группу из 9–10 небольших, длиной около 3–5 м, сооружений преимущественно округло-овальных очертаний и одно более крупное строение размерами 11×4 м, расположенное южнее основной массы. К югу от этого сооружения зафиксирована прямая, относительно широкая полоса из камней длиной около 20 м, проходящая поперек длинной оси поселения – с запада на восток. Эта каменная полоса, по-видимому, развалы от довольно большой стены, хорошо фиксируется на поверхности еще до раскопок. Строения южнее этой стены можно условно считать началом центральной части, где фиксируются около 15 строений округло-овальных форм. Размеры их в целом ненамного больше, чем у сооружений в первой части. В крайней южной части поселения – два небольших сооружения, аналогичные вышеописанным, южнее их находится большое округлое строение размером 11×8 м.

Отмеченные в северной и южной частях поселения два более крупных сооружения, по-видимому, являлись загонами для скота. По поводу особенностей и функции поперечной широкой полосы что-либо можно будет говорить лишь после раскопок на этом участке поселения. Отметим, что ее продолжение (ответвление) выявлено и в северной части поселения, где проводились раскопки (см. ниже).

В 2016 г. на поселении Абылай был заложен раскоп №1 площадью 208 кв. м. Сначала были разбиты шесть квадратов, в дальнейшем раскоп расширили, и он состоял из 13 квадратов со сторонами 4×4 м. Для раскопа были выбраны крайние северные строения поселения. Квадраты по линии 3–В обозначались буквенными индексами от А до Г, квадраты по линии Ю–С – цифровыми от 0 до 3.

После снятия дернового слоя мощностью 0,12–0,15 м, с удалением небольших камней и зачистки на этом уровне, был снят первый план раскопа (рис. 2). В целом стратиграфия памятника проста, за дерново-гумусным слоем следовал слой светло-коричневой супеси толщиной 0,15–0,3 м, в зависимости от участка поселения. Так, в секторах, расположенных на севере и востоке, уровень материка достигается на отметке 0,3–0,35 м, тогда как самым глубоким участком можно считать квадраты А2–А3 в юго-западной части поселения, здесь уровень материка был достигнут на отметке 0,4–0,45 м.

В ходе раскопок зафиксировано расположение сооружений с каменным основанием, имеющих небольшие размеры. В южной части раскопа расчищена широкая полоса из относительно крупных камней, которая начинается с квадратов А3 и Б3 и идет по направлению с юг–юго-запада на север–северо-восток (рис. 3). Эта полоса в северной части имела ширину 1,2–1,5 м, в южной – около 1,8 м. В северо-восточной части

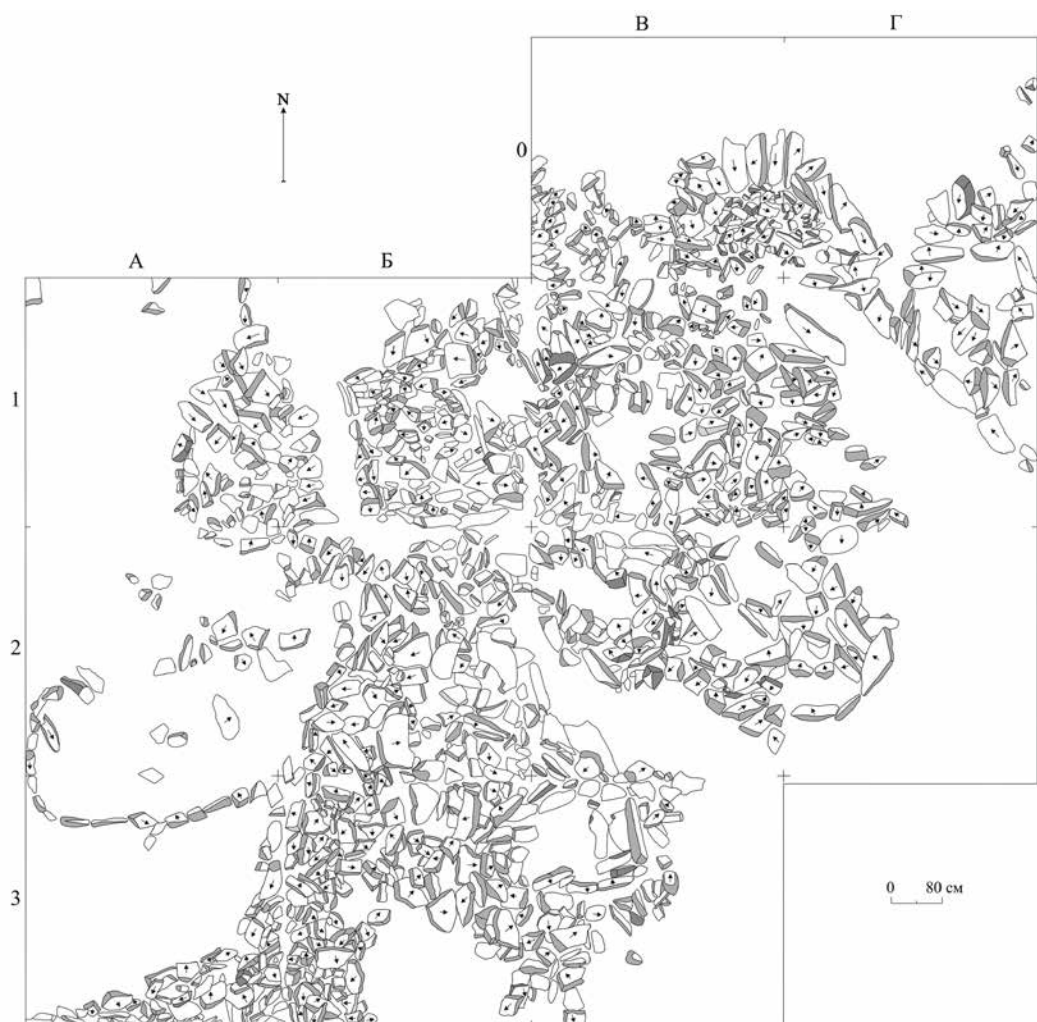

Рис. 2. Поселение Абылай. Раскоп №1. План после снятия дернового слоя

раскопа фиксируется вторая широкая полоса камней, но формой в виде угла, обращенного на юг. Сооружения округло-овальных очертаний с разных сторон примыкают к указанным двум широким рядам камней. Представляется, что эта каменная полоса – непростая деталь в планировке строений. По-видимому, она является развалом довольно широкой и высокой стены из камней, проложенной с юга на север, с дальнейшим поворотом на северо-восток. Связь основных сооружений условно жилищно-хозяйственного назначения с этой предполагаемой стеной очевидна. Стена была скорее сплошной. Участок ее развала в квадратах Б1 и Б2 в ходе расчистки был разобран, так как здесь выявилась и в дальнейшем была вскрыта большая хозяйственная яма (№VI). В момент раскопок северо-западный край этой ямы уходил под внешний ряд камней развала указанной стены.

В дальнейшем, по мере послойного снятия грунта, были удалены многочисленные камни от развалов сооружений. На уровне материка был снят второй план с фиксацией основных контуров стен жилищно-хозяйственных строений, хозяйственных ям (рис. 3; 4).

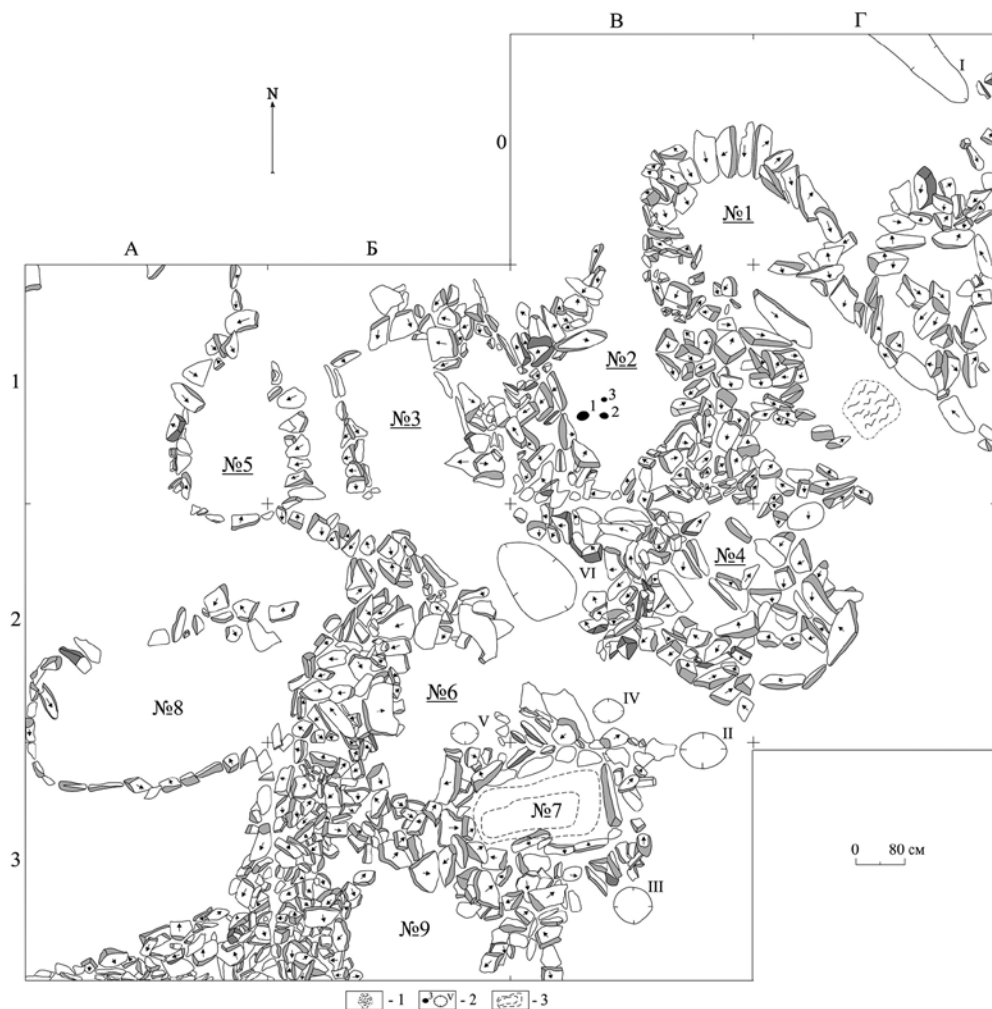

Рис. 3. План после расчистки на материковом уровне

Всего на раскопе зафиксировано девять сооружений, были отмерены их внутренние параметры. Сооружение №1 северо-восточное, имеет форму полуовала, открыто с юго-восточной стороны, длина сооружения 2,4 м, ширина 1,6 м. С его восточной стороны находится развалы от какой-то пристройки, назначение которой остается неясным. Сооружение №2 имеет выход в северную сторону, длина помещения без учета коридора 2,4 м, с учетом коридора – 4 м, ширина 1,6–1,7 м. В этом сооружении обнаружены три небольших ямы, возможно, столбовых. Яма №1, западная, имела округлую форму, диаметр составил 0,22 м, глубина 0,05 м (рис. 3; 5), яма №2, юго-восточная, имеет овальную форму, длина ямы 0,2 м, ширина 0,1 м, глубина 0,15 м, яма №3, северная, округлая, диаметр 0,1 м, глубина 0,05 м.

Рис. 4. Фото. Каменные основания сооружений после полной расчистки, вид с юга

Западнее расположено сооружение №3, размерами 4×2 м, имеет выход в южной стороне. К юго-востоку расположилось сооружение №4, имеющее нечеткую форму овала, внутри фиксируются вертикально вкопанные плиты. Размеры – 2×2 м.

Участок, где расположены отмеченные четыре сооружения и северо-восточный угол широкой стены, можно считать северо-восточной половиной площади комплекса, попавшей в раскоп №1. Остальные сооружения занимают юго-западную часть раскопа. Здесь северную периферию занимает сооружение №5, размерами 2,4×1,6 м. Южнее его, к восточной стороне широкой стены примыкает сооружение №6 неясных очертаний, с выходом на восток. Напротив данного сооружения, но уже с западной стороны широкой стены, расположено сооружение №8, размерами 4×2 м. К юго-востоку от сооружения №6, по-видимому, находилось сооружение №7, использованное впоследствии коргантасским населением для совершения захоронения своего соплеменника. Юго-западнее его находится сооружение №9, размерами 2,4×1,65 м. С запада оно примыкает к широкой стене. Северо-восточная стена этого сооружения, шириной 0,8–1 м, опять же является ответвлением от основной широкой стены.

Стены сооружений очерчивают вертикально вкопанные плиты, к моменту раскопок в той или иной степени наклоненные внутрь или наружу. Вдоль этих плит фиксируются сохранившиеся участки из положенных плашмя камней. Согласно этим данным стены сооружений, состоявшие, по-видимому, из деревянной основы, имели каменное основание в виде плашмя положенных плит, подпиравших стены снаружи. Нижний край стен был обрамлен также вертикально вкопанными плитами.

Общая глубина раскопа составляет, как указывалось, 0,3–0,45 м от современной дневной поверхности. В стратиграфии отмечены: дерновый слой темного цвета, мощностью 0,12–0,15 м; светло-коричневый слой супеси с мелким щебнем, мощностью 0,15–0,3 м; материк, супесь с щебнем, коричневого цвета. Основная масса обнаружена под дерном, в супесчаном слое светло-коричневого цвета.

Помимо указанных трех небольших ям внутри сооружения №2, условно отнесенных к категории столбовых, на площади раскопа №1 обнаружены шесть ям более крупных размеров (рис. 5).

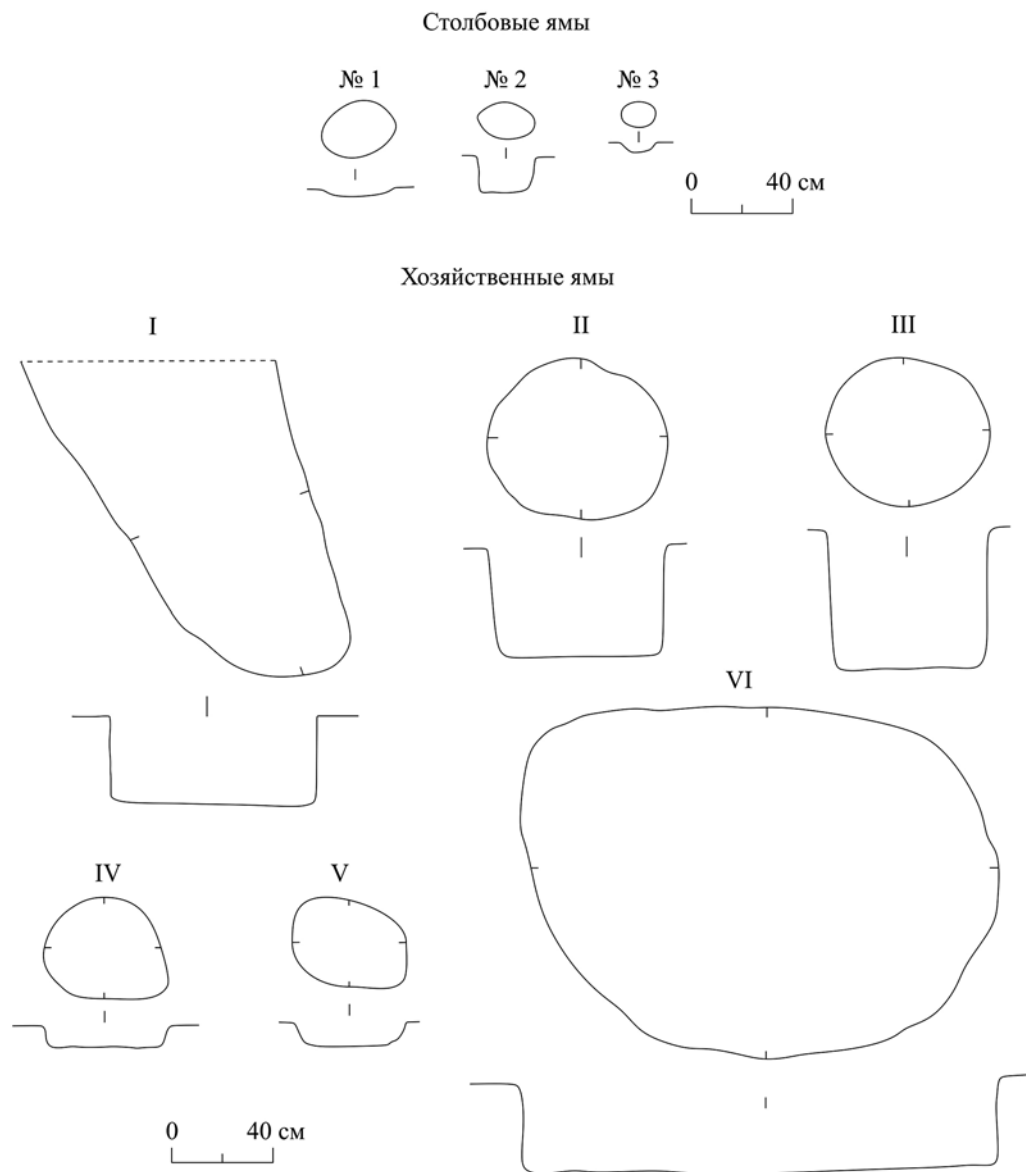

Рис. 5. Хозяйственные и столбовые ямы

Хозяйственная яма №1 была обнаружена в квадрате Г0, вытянута по линии ЮВ–СЗ, расположена немного диагонально, постепенно сужается к югу, длина сторон: западной – 1,7 м, восточной – 1,2, южной – 0,4, северной – 1 м. Глубина ямы – 0,4 м.

Две хозяйственные ямы были обнаружены в квадрате В3, восточнее и южнее коргантасского погребения. Хозяйственная яма №2 (восточная), размерами 0,75×0,6×0,45 м,

имеет немного вытянутую форму, здесь было обнаружено несколько фрагментов керамики, на дне также была обнаружена плита, размерами соответствовавшая параметрам дна ямы, толщиной 0,1 м. Хозяйственная яма №3 (южная) имеет округлую форму, диаметр 0,65 м, глубина 0,55 м, внутри ямы на глубине 0,1 м найдены немногочисленные фрагменты керамики, заполнение смешанное, бурого цвета.

Хозяйственные ямы №4 и 5, параметрами 0,5×0,4×0,08 м и 0,45×0,35×0,09 м, были обнаружены в юго-восточном углу сооружения №6 и к северо-востоку от коргантасского погребения. Заполнение их смешанное, бурого цвета.

Хозяйственная яма №6, овальной формы, длиной 1,9 м, шириной 1,3 м, глубиной 0,35 м, была расположена в квадратах Б2–В2. Яма заполнена смешанным грунтом, значительно насыщенным золой. Возможно, это водосборная яма. В квадрате Г1 обнаружен слой прокаленной золы, пятно располагалось на проходе к сооружению №1.

Рис. 6. Фото. Коргантасское погребение

Коргантасское погребение (рис. 6), обнаруженное в квадратах Б3 и В3, в наземной части представляло собой подпрямоугольную выкладку из крупных продолговатых камней, ориентированную длинной осью по линии ЗЮЗ на ВСВ. Внутренняя часть выкладки набросана мелким камнем вперемежку с землей. Длина выкладки составила 2,9 м, ширина – 1,4 м. В ходе дальнейших раскопок внутри выкладки на глубине 0,5 м были обнаружены разбросанные камни, лежавшие преимущественно в западном секторе. На этой же глубине в западном углу были обнаружены фрагменты железа. Это мелкие осколки какого-то железного предмета, возможно, ножа: самый большой фрагмент прямоугольной формы имеет размеры 2,5×1 см, остальные сильно измельчены. На этой глубине (0,5 м ниже современной дневной поверхности) зафиксирован материк, поверхность которого, возможно, была слегка заглублена и выровнена древними. В дальнейшем по очертанию довольно хорошо фиксируемого пятна была вскрыта могильная

яма, содержащая полный костяк человека. Длина могильной ямы 2,3 м, ширина 0,8 м, глубина 0,76 м от материкового уровня. Умерший, ориентированный головой на восток–северо-восток, был уложен в небольшое углубление длиной 1,85 м, шириной 0,5 м, дно которого на 8 см ниже дна могильной ямы. Череп лежал на каменной подушке. Каких-либо находок не обнаружено. Анатомический порядок костей скелета не нарушен, тем не менее, возможно, погребение потревожено, о чем говорят указанные фрагменты железного предмета. Следует отметить, что сооружение №7, быть может, составляло одно помещение с сооружением №6. Камни для выкладки вокруг погребения взяты из развалов сооружений, закругленность конструкции в этом месте может оказаться искусственной, созданной в результате деятельности коргандасцев.

На вскрытой площади было найдено свыше 1200 фрагментов керамики. Основная масса их была сконцентрирована в западных и северных квадратах, а именно А1, А2, А3, Б1 и В0. К центру раскопа – в квадратах Б2, В2 и Г2 – керамики мало. Большая часть фрагментов представлена обломками стенок сосудов. Найдено 143 фрагмента от венчиков сосудов, 33 фрагмента – от придонных частей.

Керамика поселения Абылай (рис. 7) представлена, главным образом, сосудами горшковидной формы, есть также фрагменты от баночных сосудов. Толщина стенок сосудов варьирует в пределах 0,6–1,1 см.

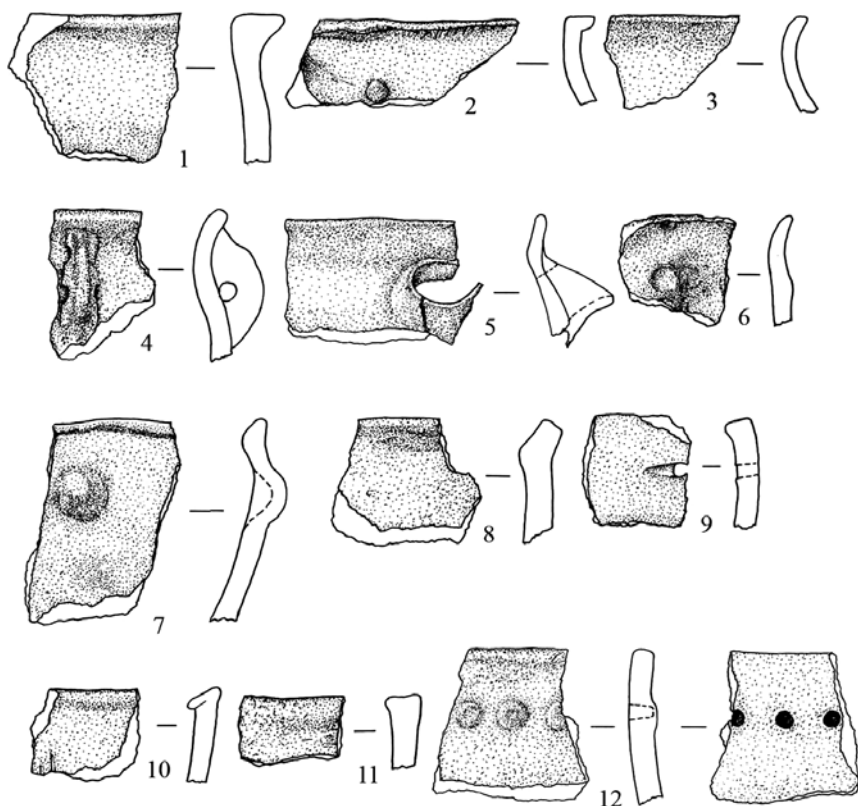

Рис. 7. Керамика из раскопа №1

Венчики сосудов в основном уплощенные, круглые и заостренные. Редкий орнамент представлен жемчужинами, выдавленными изнутри пальцем либо слегка закругленным концом палочки. Диаметр последних 3–6 мм. Имеются также ямки, нанесенные концом палочки, есть фрагменты со сквозным отверстием. Есть также один фрагмент с пальцевым защипом, один фрагмент со сформованным сливом, еще один фрагмент с наlepным ушком со сквозным отверстием. В целом керамика сильно фрагментирована, крупные обломки присутствуют в малых количествах, целые сосуды отсутствуют.

На площади раскопа №1 найдены свыше 200 каменных орудий и заготовок (рис. 8).

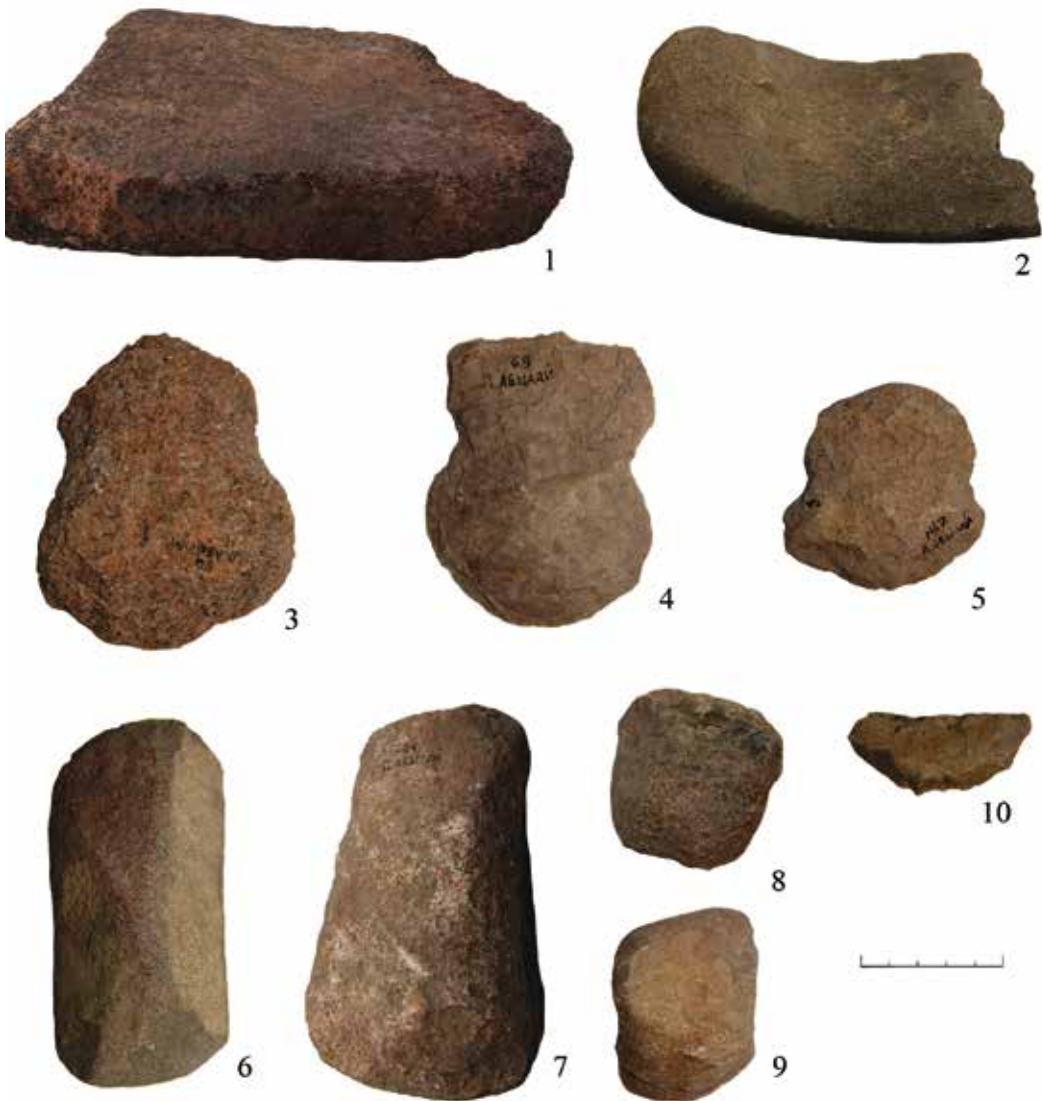

Рис. 8. Каменные орудия из раскопа №1

Большая часть орудий была найдена в квадратах А1, Б1, В0, Г0 и Б2. Самое малое количество происходит из квадратов Г1 и Г2, здесь обнаружено всего несколько экземпляров.

В коллекции больше всего мотыг и мотыгообразных орудий – 48 штук. В меньших количествах обнаружены скребла, терчники, обломки курантов и зернотерок, ударные орудия. Помимо этого, встречены резак, ложила и песты. Многочисленная группа неопределенных предметов может быть обломками и заготовками прочих орудий. Полная характеристика найденных орудий может быть выполнена лишь путем проведения трасологического анализа, что еще предстоит сделать.

Проведенные старшим научным сотрудником Института геологических наук им. К.И. Сатпаева (Алматы, Казахстан) кандидатом геолого-минералогических наук А.А. Антоненко определения показали, что большая часть орудий и заготовок представлена туфами – 65,8% от общего числа, затем гранитами – 20,6%, и песчаниками – 6,3%. Далее имеются орудия из туфо-песчаника – 2,9%, алевролита – 1,6%, аргиллита – 1,6%.

Поселение Абылай расположено в гористой местности, с хорошими выходами пород. Район в геологическом плане в основном сложен породами палеозоя, мезозойские и кайнозойские образования представлены небольшими участками развития пород [Геологическое строение..., 2000]. Среди интрузивных пород палеозоя преобладают гранитоиды (породы группы гранита – граниты и гранодиориты). Осадочные отложения представлены в подавляющем большинстве терригенными породами (песчаники, гравелиты, аргиллиты, алевролиты), незначительно распространены карбонатные породы (известняки). Вулканогенные образования представлены риолитами, дацитами, андезитами и их туфами. В районе также развиты граниты триаса и современные отложения (супеси, суглинки, глины, песок). Образования этих возрастов имеют резко подчиненное распространение по сравнению с палеозойскими образованиями. В данном районе сильно развита разрывная тектоника, выражающаяся в большом количестве разломов и зон брекчирования. При определении материала, из которого изготовлены изделия, было отмечено, что в основном использовались туфы, граниты (большая часть), и незначительная часть изготовлена из аргиллитов, алевролитов, песчаников, туфо-песчаников и туфо-брекчий. Это, видимо, связано с возможностями обработки и доведения каменного материала.

Туф – горная порода, на 90% состоящая из пирокластического (мелкие обломки пород и минералов – вулканический пепел) материала [Белоусова, Михина, 1972; Петрографический словарь, 1981]. В настоящее время порода является ценным сырьем для производства облицовочных плит, что связано с небольшим весом и легкостью обработки. Граниты – второй материал по количеству изготовленных предметов. Граниты, являясь достаточно твердой кристаллической породой благодаря большому количеству кварца и полевых шпатов, малому количеству слюды и других мягких минералов, природной трещиноватости, обладают способностью давать при искусственном раскалывании острые грани, что и находит отражение в изготовлении древних орудий труда. В связи с тем, что гранит достаточно твердая порода, она может использоваться для изготовления молотков, гранитом можно обрабатывать и другие камни. Природная трещиноватость гранитов может давать оптимальные обломки в виде плит, которые можно использовать в личных целях.

Песчаники – твердая терригенная порода, состоящая из сцементированных песчинок (результат воздействия температуры и давления) [Белоусова, Михина, 1972; Петрографический словарь, 1981]. Как и гранит, может использоваться для изготовления молотков (твердость), топоров, скребков (дает острые края). Кроме этого, как хороший абразивный материал, песчаник может быть точилом; даже в наше время для того, чтобы заточить нож, можно использовать мелкозернистый песчаник. Вместе с тем песчаник – твердая порода и с трудом подвергается обработке. Алевролиты и аргиллиты – терригенные породы (состоят из разных соотношений песчаного и глинистого материала, подвергшегося высокой температуре и давлению) [Белоусова, Михина, 1972; Петрографический словарь, 1981]. Достаточно хрупкие породы, раскалываются на пластины с острыми краями, что нашло отражение в использовании этих пород при изготовлении, например, скребков. Изготовить топор из алевролита и аргиллита нельзя – материал хрупкий, быстро расколется.

Туфо-брекчия и туфо-песчаник – породы, где пепловый материал присутствует в разных пропорциях с песком и небольшими обломками других пород. Породы не отличаются большой крепостью, что обусловило их небольшое применение. Остальные породы, развитые в районе поселения (гранодиориты, гравелиты, известняки, андезиты и др.), или обладают малой твердостью и крепостью, или требовали в то время больше затрат времени и труда на изготовления предмета*.

Следует подчеркнуть, что как керамика, так и каменные орудия однозначно близки таковым из ранее изученных поселений Центрального и Северного Казахстана.

На раскопе №1 было обнаружено довольно значительное количество костей животных. Большая часть костей была найдена в квадратах А1, Б1, В1, А2, Б2 и В2.

Всего изучено 2256 костей млекопитающих, среди которых только 754 (33%) определено до вида, все кости принадлежат домашним животным (табл. 1–10). Костей птиц и рыб в исследуемых материалах не обнаружено. Соотношение остатков домашних животных по глубине вскрытых отложений памятника выглядит примерно одинаковым (табл. 2). Был также проведен анализ неопределимых костных остатков. Анализировались их величина и распределение по горизонтам поселения Абылай. Как видно из таблицы 10, доминирующей размерной группой являются фрагменты от 1 до 5 см (71%). Их доля с глубиной раскопа практически не изменяется. Все эти факты могут свидетельствовать о том, что мы имеем дело с единым остеологическим комплексом.

Крупный рогатый скот – *Bos taurus*

Этому виду принадлежит 223 кости, минимально от восьми особей (табл. 1). Как видно из таблицы 3, кости большей частью раздроблены (85%). Среди отделов скелета преобладают кости нижнего отдела конечностей (табл. 4). Размеры костей КРС приведены в таблице 7. Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы. Из таблицы 5 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (79%). Это указывает на то, что основное стадо крупного рогатого скота содержалось для получения молочного сырья. Восемь костей КРС имеют следы погрызов хищником, видимо, собакой.

* Выражаем признательность А.А. Антоненко за подробные консультации по части местных пород.

Мелкий рогатый скот – *Ovis aries* et *Capra hircus*

Этим видам принадлежит 373 кости, минимально от 15 особей (табл. 1). Основываясь на данных таблицы 3, можно заключить, что степень раздробленности костей большая (около 95%). Среди отделов скелета преобладают кости верхнего отдела конечностей (табл. 4), что свидетельствует о том, что кости мелкого рогатого скота являются типичными кухонными остатками. Размеры костей МРС приведены в таблице 8. Возрастной состав забиваемых животных определялся по состоянию зубной системы. Из таблицы 5 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (85%). Достаточно высокий процент взрослых животных, указывает на то, что основное стадо мелкого рогатого скота содержалось для получения шерсти. Одна кость имеет следы погрызов собакой. Три кости несут следы обжига.

Лошадь – *Equus caballus*

Этому виду принадлежит минимальное количество костей (из трех основных видов) – 154, минимально от пяти особей (табл. 1). Степень раздробленности, как видно из таблицы 3, достаточно высокая – 64%. Среди отделов скелета преобладают кости нижних отделов конечностей (табл. 4). Это может быть связано с тем, что в эту группу входят самые компактные и прочные кости, которые сохраняются хорошо. Размеры приведены в таблице 9. Возрастной состав, как и у других видов, определялся по состоянию зубной системы. Из таблицы 5 видно, что в основном происходил забой взрослых животных (70%). Скорее всего, лошадей использовали в первую очередь как рабочую силу, а потом уже как источник питания. На одной кости отмечены следы обжига.

Собака – *Canis familiaris*

Этому виду принадлежит четыре кости (атлант, нижняя челюсть, фрагмент черепа и зуб), которые принадлежат одной особи (табл. 1). Все кости фрагментированы, видно, что они принадлежат особи небольших размеров.

Большую часть определимых костных остатков составляют кости домашних копытных животных, кости мелкого рогатого скота составляет половину от определимых остатков. Второе место по количеству костей занимает крупный рогатый скот (30%), на третьем месте находится лошадь – 20%. Можно заключить, что основой хозяйства населения, оставившего данный памятник, было животноводство. Основой животноводства было разведение мелкого и крупного рогатого скота для получения молочного сырья, шерсти и мяса. Лошади использовались в основном как рабочая сила, а уж потом как источник питания.

Мы сравнили соотношение костей домашних животных из разных памятников раннего железного века Казахстана (табл. 6). Материал из поселений Едирей-1 и Едирей-3 был любезно определен ранее палеозоологом кандидатом биологических наук Б.У. Байшашовым. Эти поселения располагаются, как и поселение Абылай, в Центральном Казахстане. В работе А.А. Горячева и Т.А. Егорова [2015, с. 90–99] мы нашли упоминание о соотношении костей домашних животных на поселении Бутақты (Жетысу, район г. Алматы). Данные по синхронному поселению Актау, на территории Западного Казахстана, мы получили из работы П.А. Косинцева [1988, с. 32–51]. Памятники Талды-Булак-2, Тузусай-1 и Цыганка-8, расположенные в Жетысу, опубликованы в работе N. Venecke [2003, с. 63–84]. Информация о соотношении костей домашнего скота поселений Актас-2 и Луговое-холм, расположенных также в Жетысу, взята из работы К.А. Акишева [1972, с. 31–46].

Таблица 1

Видовой состав костных остатков с поселения Абылай

Виды	Количество костей/особей	Количество костей, %
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	223/8	10,0
Мелкий рогатый скот – <i>Capra et Ovis</i>	373/15	17,0
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	154/5	5,9
Собака – <i>Canis familiaris</i>	4/1	0,1
Млекопитающие, неопределимые	1502	67,0
Всего:	2256	100,0

Таблица 2

Характеристика видового состава костных остатков
в соответствии с глубиной вскрытых отложений

Виды				
	Лошадь	КРС	МРС	Неопределенные кости
Глубина 0–15 см				
Абс.	27	26	56	19
%	21	20	44	15
Глубина 15–25 см				
Абс.	46	67	113	20
%	19	27	46	8
Глубина 25–40 см				
Абс.	36	83	149	29
%	12	28	50	10

Таблица 3

Состав элементов скелета крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади

	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь	
	Ц*	Ф*	Ц	Ф	Ц	Ф
Рог		1				
Череп		6		8		3
Нижняя челюсть		21	2	21		14
Зубы	54	9	94	22	30	10
Подъязычная	1					
Атлант	1		1			
Позвонки		3		4		2
Ребра		10		15		6
Лопатка		1		12		5
Плечевая		5		21		
Лучевая		7		32		5
Локтевая		2		5		1
Метаподия		34		25		19
Таз		9		8		1
Бедренная		4		28		3
Большеберцовая		11		54		4
Таранная	4		8	1	5	1
Пяточная		2		3		1
Мелкие кости запястья и заплюсны	13	4	3	3	9	
Фаланга I	4	4	2	1	8	6

Окончание таблицы 3

	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь	
	Ц*	Ф*	Ц	Ф	Ц	Ф
Фаланга 2	6	1			9	2
Фаланга 3	6				5	
Грифельная					5	

*Ц – целые и условно целые кости; Ф – фрагменты.

Таблица 4

Соотношение отделов скелета лошади, крупного и мелкого рогатого скота

Отдел скелета	Крупный рогатый скот		Лошадь		Мелкий рогатый скот	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голова	29	18,1	17	15,0	31	12,1
Туловище	14	8,8	7	6,2	20	7,8
Верхний отдел конечностей	39	24,4	20	17,7	160	62,3
Нижний отдел конечностей	78	48,8	69	61,1	46	17,9

Таблица 5

Возрастной состав крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади, %

Возраст	Вид
	Крупный рогатый скот
Старые особи	0
Взрослые особи	79
Полувзрослые и молодые особи	21
	Мелкий рогатый скот
	12
Старые особи	85
Взрослые особи	3
Полувзрослые и молодые особи	
	Лошадь
	9
Старые особи	70
Взрослые особи	21
Полувзрослые и молодые особи	

Таблица 6

Соотношение домашних копытных из разных поселений РЖВ, %

Название памятника	Территория	Крупный рогатый скот	Мелкий рогатый скот	Лошадь
Абылай	Центральный Казахстан	30,0	50,0	20,0
Едирей-1*	Центральный Казахстан	15,0	17,0	68,0
Едирей-3*	Центральный Казахстан	25,0	38,5	35,0
Бутақты	Южный Казахстан	35,0	60,0	3,0
Ақтау	Западный Казахстан	29,5	4,3	49,7
Талды-Булак-2	Юго-Восточный Казахстан	30,0	65,0	5,0
Тузусай-1	Юго-Восточный Казахстан	32,0	61,0	7,0
Цыганка-8	Юго-Восточный Казахстан	26,0	70,0	6,0
Актас-2	Юго-Восточный Казахстан	16,3	48,4	32,7
Луговое-холм	Юго-Восточный Казахстан	33,1	37,9	22,8

*Данные предоставлены к.б.н. Б.У. Байшашовым (Институт зоологии МОН РК, Алматы).

Таблица 7

Размеры костей крупного рогатого скота, мм

Признаки													
DLS*	MBS	Ld	GL	SD	Bp	Bd	Glpe	Dd	GLm	GLl	Dm	DI	
Фаланга №3													
66	26,6	54											
72,5	25,4	52,3											
69,9	23,7	50,4											
Фаланга №2													
			37,8	23,3	26,8	22,5							
			40	24,8	30,3	23,8							
			38,9	27,8	33	25,8							
			35,5	22,2	28,7	22,3							
			40,2	25,4	29,3	23,9							
Фаланга №1													
			63,5	26,4	35,1		62,3						
					28,1								
			61,3	23,7	28,6	28,3	57,1						
			63,2	26,5	30,2	28	57,2						
			66,2	23,5	28,2	27,6	29,7						
Большая берцовая													
						65,5		48,1					
Таранная													
						42			64,3	58,6	34,2	34,9	
						39,3			60,9				35

*Аббревиатуры названий промеров соответствуют приведенным в работе Driesch [1976].

Таблица 8

Размеры костей мелкого рогатого скота, мм

Признаки						
GLm*	GLl	Bd	Dm	DI	GL	GB
Таранная						
32	32,8	21	18,5	19,8		
34	35,2	24	20,4	19,6		
32	30,1	20	18,6	17,5		
36	34,5	23	19,7	21,6		
31	30,3	21	20	17,7		
32	29,8	20	18,8	18,5		
Пяточная						
					65,7	21,3

*Аббревиатуры названий промеров соответствуют приведенным в работе Driesch [1976].

Таблица 9

Размеры костей лошади, мм

Признаки													
1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Таранная													
61,8	55,0	58,5	25,9	48,0	32,2	47,9							
58,8	59,8	61,7	26,2	50,2	34,8	52,3							
56,3	51,9	58,0	28,1	47,5	34,7	48,4							

Окончание таблицы 9

Признаки													
1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
59,6	58,0	60,5	26,9	50,0	33,2	50,1							
59,2		65,6	22,8	52,2	34,6	53,0							
Фаланга №3													
46,1	52,0	42,4	76,0	24,0	47,5								
49,6	60,5	42,0	67,1	20,0	42,9								
48,5	58,7	40,4	72,7	24,2	41,3								
52,1	67,9	42,4	65,3	25,8	46,5								
Фаланга №2													
44,8	36,0	42,1	50,0	29,5	44,5								
45,3	34,4	37,7	44,3	30,4	41,9								
43,7	34,6	46,5	50,6	31,6	49,9								
46,2	34,2	40,1	45,0	31,1	44,5								
48,9	38,2	48,4	54,7	33,1	51,9								
47,9	36,4	41,0	49,9	30,4	45,4								
45,5	36,9	47,2	55,3	32,9	52,1								
44,6	36,7	43,7	50,1	31,1	48,3								
Фаланга №1													
74,7	68,9	31,3	50,4	32,1	43,6	46,4	43,1	66,1	62,5	61,7	9,6	11,7	40,6
85,4	76,0	32,9	52,8	37,7	44,5	53,2	50,6	76,1	72,7	71,5	8,9	9,8	42,6
85,0	78,6	34,0	53,5	34,0	45,5	59,0	53,6	75,6	66,6	67,1	11,9	10,1	42,0
83,8	75,4	34,0	55,4	38,5	44,3	51,3	46,3	72,6	61,4	62,3	10,2	11,3	43,1
78,9	72,9	32,0	49,0	32,7	42,2	49,2	44,1	69,1	58,3	60,3	12,4	10,7	41,1
92,5	84,3	37,9	58,2	39,7	51,4	59,9	55,4	81,1	70,8	72,0	10,0	12,1	46,3
Пяточная													
		52,5	19,1		46,0	47,3							
Метаподия													
		22,7	24,1	44,5	35,2	41,3	9,0	5,5					
									47,7	47,7	36,4	27,8	29,8
Лучевая													
						71,5	60,1	37,0	28,1	15,9			
						79,9	66,5	37,8	29,9	18,8			
Лопатка													
		48,3	55,0	83,3									

*Номера промеров соответствуют номерам, приведенным в работе Eisenmann [1986].

Таблица 10

Характеристика раздробленности неопределимых
костных остатков по глубине вскрытых отложений

Уровни	Величины	Размерный класс фрагментов		
		1–5	5–10 см	10–15 см
		см		
0–15 см	Абс.	183	58	0
	%	76	24	0
15–25 см	Абс.	208	115	5
	%	63	35	2
25–30 см	Абс.	481	146	13
	%	75	23	2

При сравнении доли каждого вида домашнего скота в общем числе определимых костей заметно, что общей закономерности распределения костных остатков по видам в известных поселениях раннего железного века не наблюдается (табл. 6). Лошадь доминирует на памятниках Едырей-1 и Актау. Крупный рогатый скот не доминирует ни на одном из упомянутых памятников. В материалах изученного нами поселения, как и у большинства других памятников, доминирующей группой домашних животных является мелкий рогатый скот. Но в связи с достаточно большим количеством лошади поселение Абылай по структуре домашнего скота может сравниться только с поселением Луговое-холм. Эти данные говорят о том, что ядром животноводства у населения раннего железного века в Казахстане было выращивание МРС, а поголовье КРС и лошади различалось на разных территориях. Видимо, потребность в крупном рогатом скоте была повсеместно высокой, так как количество костных остатков КРС ни в одном памятнике не выглядит низким. Этого нельзя сказать о лошади. На многих поселениях лошадь представлена в ограниченных количествах, необходимых в первую очередь для хозяйственных нужд, нежели для питания. Несмотря на достаточно большой процент лошади на изучаемом памятнике, ее содержали в первую очередь для хозяйственных нужд, верховой езды. Представленные немногочисленные данные из поселения Абылай пока еще не позволяют делать какие-либо окончательные выводы о скотоводстве этого населения. Необходимы более представительные материалы, в том числе и из других поселений данного региона.

Заключение

Материалы раскопа №1 поселения Абылай дополняют наши знания по сакским поселениям восточной части Центрального Казахстана. Ранее в публикациях А.З. Бейсенова неоднократно указывалось на экологическую обусловленность в устройстве таких поселений, располагающихся на верхних, малоснежных, склонах возвышенностей (рис. 9) и имеющих своеобразную планировку.

На фоне имеющихся данных новым является наличие фиксируемой как на нераскопанных участках, так и на площади раскопа №1 широкой стены, к которой привязаны жилищно-хозяйственные строения. Как показывает наблюдение по раскопу №1, стена имеет изгибы и короткие ответвления. Местами, таким образом, образуются небольшие закутки, «карманы», в которых расположены сооружения. Такие строения, весьма небольших размеров, тоже встречены впервые, на других поселениях они обычно более крупные [Бейсенов, 2017а; 2017б; Бейсенов, Ломан, 2009]. Термин «жилище» по отношению к вскрытым сооружениям на раскопе №1 применяется пока условно – основная их часть может оказаться чисто хозяйственного назначения. Разумеется, этот вопрос будет уточняться в ходе дальнейшего исследования памятника. Ранее по отношению к поселениям восточной части Центрального Казахстана была предложена дата в пределах VII–V вв. до н.э. На основании как археологических, так и многочисленных углеродных данных тасмолинская культура ныне датируется в рамках VIII–V вв. до н.э. [Бейсенов, 2017в; 2018]. Возможно, нижняя дата поселений заходит в VIII в. до н.э., чему не противоречат данные углеродных анализов [Бейсенов, 2018]. Поселения сакского времени соседнего Северного Казахстана (Кеноткель-10, Таскора, Таскора-1) по своим особенностям, в том числе и по керамике, очень близкие к поселениям Центрального Казахстана, датированы VIII–VI вв. до н.э. [Хабдулина, 2003]. Вопрос нижней даты поселений Центрального Казахстана должен уточняться-

Рис. 9. Фото. Место расположения поселения. Вид с севера

ся в будущем. На раскопе №1 поселения Абылай обнаружено коргантасское погребение, устроенное в развалах сакских сооружений. Это третий случай после поселений Кызылсуир-2 и Шидертинское-2, где также были найдены погребения коргантасского периода, устроенные в слое сакского времени. Коргантасские погребения датированы, в том числе и по углероду, периодом IV–II вв. до н.э. (подробнее см.: [Бейсенов, 2017г]). Скорее всего, к IV в. до н.э. тасмолинские поселения уже были заброшены. В ходе раскопок поселения Абылай были получены методом флотации несколько проб грунта из культурного слоя, ожидаемые результаты анализа будут представлены в ходе дальнейшего исследования памятника.

Библиографический список

- Акишев К.А. К проблеме происхождения нomaдизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата : Наука, 1972. С. 31–46.
- Ахияров И.К., Бейсенов А.З. Поселение сакской эпохи Түйетас в Центральном Казахстане // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 237–244.
- Бейсенов А.З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. Караганда : Карагандинский государственный университет, 2007. С. 173–198.
- Бейсенов А.З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвященный памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.
- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи урочища Назар (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016а. №1 (14). С. 84–93.

- Бейсенов А.З. Дромосные курганы сакской эпохи на реке Жарлы (Центральный Казахстан) // Самарский научный вестник. 2016б. №3 (16). С. 78–86.
- Бейсенов А.З. Жилище сакской эпохи // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2017а. №45. С. 72–82.
- Бейсенов А.З. Круглое жилище сакской эпохи // Самарский научный вестник. Самара, 2017б. Т. 6, №1 (18). С. 94–100.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Сарыарки // Казахстан в сакскую эпоху : коллективная монография. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017в. 228 с.
- Бейсенов А.З. Коргантасские погребения в Центральном Казахстане // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: материалы 2-й междунауч. конф., посвященной 80-летию д.и.н., проф. П.Б. Коновалова (Улан-Удэ, 4–6 декабря 2017 г.). Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 2017г. С. 103–108.
- Бейсенов А.З. Тасмолинская культура Центрального Казахстана в исследованиях начала XXI века // Археология и давняя история Украины. Вып. 2 (27). Киев: Институт археологии, 2018. С. 385–395.
- Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы : Инжу-Маржан полиграфия, 2009. 264 с.
- Белоусова О.Н., Михина В.В. Общий курс петрографии. М.: Наука, 1972. 344 с.
- Геологическое строение Казахстана. Алматы: Гылым, 2000. 396 с.
- Горячев А.А., Егорова Т.А. Поселение раннего железного века в ущелье Бутаковка (юго-восточная окраина г. Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвященных памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90–99.
- Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Кемерово : КемГУ, 2004. 130 с.
- Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности : сб. науч. трудов. Свердловск : УрО АН СССР, 1988. С. 32–51.
- Петрографический словарь. М. : Недра, 1981. 496 с.
- Хабдулина М.К. Поселения раннесакского времени на р. Селеты // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи. Астана: Куль Тегин, 2003. С. 189–214.
- Benecke N. Iron Age economy of the Inner Asian steppe. A bioarchaeological perspective from the Talgar Region in the Ili River Valley (Southeastern Kazakhstan) // Eurasia Antiqua. 2003. №9. Pp. 63–84.
- Eisenmann V. Comparative osteology of modern and fossil horses, half-asses, and asses, In Meadow, RH, Uerpmann H-P. (Eds.) // Equids in the Ancient World. Volume I. Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden, 1986. Pp. 67–116.
- Von den Driesch A. A guide to the measurement of animal bones from archaeological sites // Peabody Mus. Bull. 1976. N1. 136 p.

References

- Akishev K.A. K probleme proishozhdeniya nomadizma v aridnoi zone drevnego Kazahstana [To the Problem of the Origin of Nomadism in the Arid Zone of Ancient Kazakhstan]. Poiski i raskopki v Kazahstane [Search and Excavations in Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka, 1972. Pp. 31–46.
- Akhiyarov I.K., Beisenov A.Z. Poselenie saksoid epokhi Tyietas v Tsentral'nom Kazahstane [The Touyetas Settlement of the Saka Time of in Central Kazakhstan]. Aktual'nie problemi arheologii Evrazii [Actual Problems of the Archaeology of Eurasia]. Almaty : Institut arheologii im. A.Kh. Margulana, 2016. Pp. 237–244.
- Beisenov A.Z. Raboti na mogil'nike Nurken-2 [Work on the Nurken-2 Burial Ground]. Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki [Historical and Cultural Heritage of Saryarka]. Karaganda : Karagandiskii Gosydarstvennii Universitet, 2007. Pp. 173–198.
- Beisenov A.Z. Poseleniya i mogil'niki saksoid epokhi Tsentral'nogo Kazahstana [Settlements and Burial Grounds of the Saka Era of Central Kazakhstan]. Saksкая kul'tura Saryarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turnykh processov stepnoi Evrazii : sb. nauch. st., posvyachennih pamyati arkheologa K.A. Akiшева [Saksкая Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethno-Sociocultural Processes of Steppe

Eurasia. Collection of Scientific Articles Dedicated to the Memory of Archaeologist K.A. Akishev]. Almaty: Naychno-issledovatel'skiy tsentr istorii i arheologii «Begazy-Tasmola», 2015. Pp. 11–38.

Beisenov A.Z. Dromosnie kurgani sakscoi epohi yrochicha Nazar (Tsentrāl'nii Kazahstan) [Dromatic Mounds of the Saka Era of the Natural Boundary of Nazar (Central Kazakhstan)]. Samarskii naychnii vestnik [Samara Scientific Bulletin]. Samara, 2016a. №1 (14). Pp. 84–93.

Beisenov A.Z. Dromosnie kurgani sakscoi epohi na reke Zharly (Tsentrāl'nii Kazahstan) [Dromatic Mounds of the Saka Time on the Zharly River (Central Kazakhstan)]. Samarskii naychnii vestnik [Samara Scientific Bulletin]. Samara, 2016b. №3 (16). Pp. 78–86.

Beisenov A.Z. Zhiliche sakscoi epohi [The Saka Time Dwelling]. Vestn. Tom. gos. un-ta [Bulletin of Tomsk State University]. Tomsk, 2017a. №45. Pp. 72–82.

Beisenov A.Z. Krugloe zhiliche sakscoi epohi [Round House of the Saka Time]. Samarskii naychnii vestnik [Samara Scientific Bulletin]. Samara, 2017b. Vol. 6, №1 (18). Pp. 94–100.

Beisenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Saryarki [Tasmolinskaya Culture of Saryarka]. Kazakhstan v sakscoy epohy : kollektivnaya monografiya [Kazakhstan in the Sak Time: Collective Monograph]. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh. Margulana, 2017v. 228 p.

Beisenov A.Z. Korgantasskie pogrebeniya v Tsentrāl'nom Kazahstane [Korgantas Burials in Central Kazakhstan]. Aktual'nye voprosi arkheologii i etnologii Tsentrāl'noi Azii : materialy 2' mezhdunar. naych. konf., posvyachennoi 80-letiyu d.i.n., prof. P.B. Konovalova (Ulan-Ude, 4–6 dekabrya 2017 g.) [Actual Questions of Archaeology and Ethnology of Central Asia: Materials of the 2nd International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Doctor of Historical Sciences, professor P.B. Konovalov (Ulan-Ude, December 4–6, 2017)]. Ulan-Ude : Buryatskiy nauchnyi tsentr SO RAN, 2017g. Pp. 103–108.

Beisenov A.Z. Tasmolinskaya kul'tura Tsentrāl'nogo Kazahstana v issledovaniyakh nachala XXI veka [Tasmolinskaya Culture of Central Kazakhstan in the Early 21st Century]. Arkheologiya i davnaya istoriya Ukrainy. Vyp. 2 (27) [Archaeology and the Long History of Ukraine. Issue. 2 (27)]. Kiev : Institut arkheologii, 2018. Pp. 385–395.

Beisenov A.Z., Loman V.G. Drevnie poseleniya Tsentrāl'nogo Kazahstana [Ancient Settlements of Central Kazakhstan]. Almaty : Inzhy-Marzhan poligrafiya, 2009. 264 p.

Belousova O.N., Mikhina V.V. Obchi' kurs petrografii [General Course of Petrography]. M. : Nauka, 1972. 344 p.

Geologicheskoe stroenie Kazahstana [Geological Structure of Kazakhstan]. Almaty : Gylym, 2000. 396 p.

Goryachev A.A., Egorova T.A. Poselenie rannego zheleznogo veka v ychel'e Butakovka (yugovostochnaya okraina g. Almaty) [Settlement of the Early Iron Age in the Butakovka Gorge (South-Eastern Outskirts of Almaty)]. Saksckaya kul'tura Saryarki v kontekste izycheniya etnosociokul'turnykh processov stepnoi Evrazii : sb. naych. st., posvyachennikh pamyati arkheologa K.A. Akisheva [Saksckaya Culture of Saryarka in the Context of the Study of the Ethno-Sociocultural Processes of Steppe Eurasia: collection of scientific articles dedicated to the Memory of Archaeologist K.A. Akishev]. Almaty: Nauchno-issledovatel'skiy tsentr istorii i arkheologii «Begazy-Tasmola», 2015. Pp. 90–99.

Ermolenko L.N. Srednevekoveye kamennye izvayaniya kazahstanskikh stepei (tipologiya, semantika v aspekte voennoi ideologii i traditsionnogo mirovozzreniya) [Medieval Stone Sculptures of Kazakhstan Steppes (Typology, Semantics in the Aspect of Military Ideology and Traditional Worldview)]. Kemerovo : KemGU, 2004. 130 p.

Kosincev P.A. Golocenovye ostatki krupnykh mlekopitayuchikh Zapadnoi Sibiri [Holocene Remnants of Large Mammals of Western Siberia]. Sovremennoe sostoyanie i istoriya zhivotnogo mira Zapadno-Sibirskoi nizmennosti : sb. naych. trydov [Current State and History of Fauna of the West Siberian Lowlands: Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk : UrO AN SSSR, 1988. Pp. 32–51.

Petrograficheskii slovar' [Petrographic Dictionary]. M. : Nedra, 1981. 496 p.

Khabdulina M.K. Poseleniya rannesakskogo vremeni na r. Selety [Settlements of the Early Saka Time on the Sileti River]. Stepnaya tsivilizatsiya Vostochnoi Eurazii. T. 1. Drevnie epokhi. [Steppe Civilization of Eastern Eurasia. Vol. 1. Ancient Epochs]. Astana : Kul' Tegin, 2003. Pp. 189–214.

Benecke N. Iron Age Economy of the Inner Asian Steppe. A bioarchaeological Perspective from the Talgar Region in the Ili River Valley (Southeastern Kazakhstan) // Eurasia Antiqua. 2003. №9. Pp. 63–84.

Eisenmann V. Comparative Osteology of Modern and Fossil Horses, Half-asses, and asses, In Meadow, RH, Uerpmann H-P. (Eds.) // *Equids in the Ancient World*, Volume I. Dr. Ludwig Reichert Verlag. Wiesbaden, 1986. Pp. 67–116.

Von den Driesch A. A guide to the Measurement of Animal Bones from Archaeological Sites // *Peabody Mus. Bull.* 1976. N1. 136 p.

A.Z. Beisenov¹, D.O. Gimranov², I.K. Akhiyarov¹, D.B. Duisenbay¹

¹*A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Kazakhstan;*

²*Institute of Plant and Animal Ecology UB RAS, Yekaterinburg, Russia*

THE ABYLAÏ SETTLEMENT OF THE SAKA TIME IN CENTRAL KAZAKHSTAN

The settlement of Abylai is located in the Karkaralinsky district of the Karaganda region, northwest of the Nurken village. The site was discovered in 2004 by A.Z. Beisenov during exploration work. The buildings with stone bases are located on the south – eastern slope of the hill and occupy a meridian strip about 100 m long and about 20 m wide. Near the settlement there are two streams. The article provides the data of the excavation 1, laid down in the settlement in 2016. On the area of 208 m², the remains of nine small stone structures of residential and economic purpose were discovered, with rounded and elongated shapes. More than 1200 fragments from molded vessels with flat bottoms and over 200 stone tools and blanks were found on the excavation area. 143 fragments are the coronals of the vessels. A small part of the dishes have the ornament in the form of small pits and “pearls”. The bulk of tools are made of tuff, granite and sandstone. In total, 2256 bones of animals found on excavation site 1 were studied. Specific definition was made in relation to 754 bones. All definable bones are related to domestic animals: small horned livestock, cattle, horses. Such data of the monument, as features of topography and planning, ceramic complex, are uniquely close to the previously studied settlements of the Saka time of Central Kazakhstan, dated within the 7th – 5th centuries BC.

Key words: Central Kazakhstan, Saka epoch, settlement, ceramics, stone tools, topography, planning.

И.А. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, А.И. Кукушкин

Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан

ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА МОГИЛЬНИКЕ ШАНТИМЕС*

Могильник Шантимес представляет собой разновременный памятник, на погребальной площадке которого визуально зафиксированы 19 сооружений, среди них выделяется гигантская четырехугольная каменная платформа и расположенные по ее периметру округлые жертвенники, датированные финальной бронзой, а также небольшие каменные курганы раннего железного века, один из которых был исследован в 2016 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института. Он представлял собой каменную насыпь диаметром около 4,5 м с кольцевой крепидой из крупных камней. В центральной части сооружения было выявлено погребение, совершенное в грунтовой яме, на дне которой расчищен костяк женщины 18–25 лет, уложенной в вытянутом положении на спине и ориентированной головой на юго-запад. Инвентарь захоронения довольно беден: металлическая серьга из проволоки, клык животного, а также фрагменты кожаного пояса с восемью металлическими вставками восьмеркообразной формы, найденные в области тазовых костей.

Погребальный обряд и обнаруженные вещи имеют определенные аналогии в культурах раннего железного века. Предварительная датировка была уточнена радиоуглеродным анализом, результаты которого позволяют отнести захоронение к кругу раннетасмолинских памятников (1-я половина VIII – 2-я половина VI в. до н.э.).

Ключевые слова: ранний железный век, могильник, погребение, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-11

Введение

В 2016 г. экспедицией Сарыаркинского археологического института при КарГУ им. Е.А. Букетова были продолжены исследования могильника Шантимес, который находится в Бухар-Жырауском районе Карагандинской области, в 120 км северо-восточнее г. Караганды, в 2 км восточнее п. Тортколь, в 0,5 км севернее правого берега реки Шантимес. На относительно ровной площадке визуально выявлено 19 разновременных (эпоха финальной бронзы и ранний железный век) погребальных и ритуальных объектов (рис. 1). Первые работы на памятнике были проведены экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея в 2012 г. и охватили сооружение 2, не давшее материала [Жусупов, Дмитриев, 2017]. В 2016 г. в качестве объектов исследований выбраны гигантская четырехугольная каменная платформа (сооружение 1), жертвенник (сооружение 6) [Кукушкин, Дмитриев, 2017] и каменный курган (сооружение 18).

В рамках данной статьи вводятся в научный оборот материалы сооружения 18, которое до раскопок фиксировалось по отдельно выступающим камням, один из них располагался в центральной части и первоначально был принят за наклонившийся менгир.

Описание исследованного объекта

В процессе снятия насыпи в центральной части сооружения на глубине 5 см от условного нуля обнаружен каменный наконечник стрелы размерами 3×1,8×0,4 см, с обломленным острием и прямым основанием. Поверхность изделия покрыта негативами сколов, а края подработаны мелкой ретушью (рис. 2.-4).

* Работа выполнена в рамках грантового проекта МОН РК AP05131774 «Исследование этнокультурных процессов на территории Сарыарки и сопредельных регионов в эпоху бронзы».

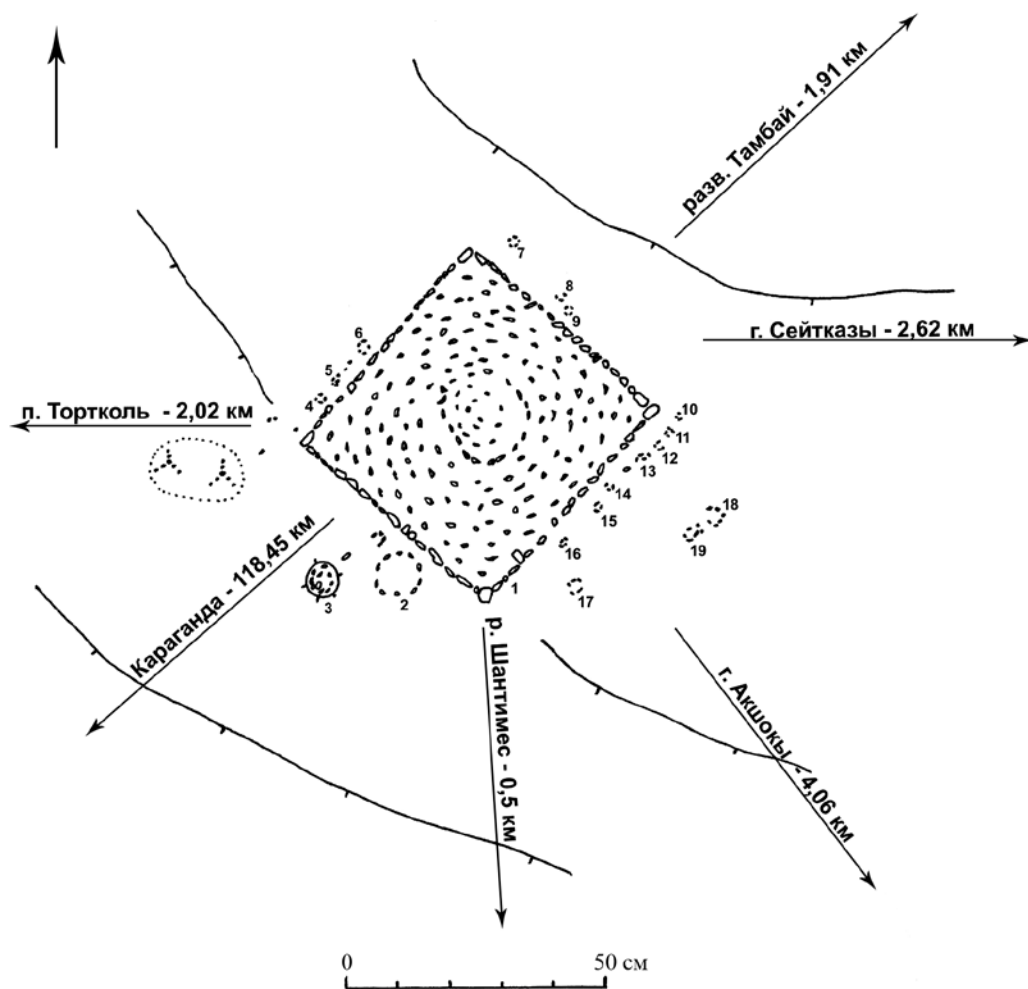

Рис. 1. План могильника Шантимес

После снятия дерна была выявлена крепида диаметром около 4,5 м, сохранившаяся только в восточной части кургана и состоящая из плашмя уложенных в один ряд крупных камней. Внутреннее пространство надмогильного сооружения заполнено слоем среднего и мелкого по размеру камня. Причем центральная часть была, вероятно, окаймлена еще одним кольцом из крупного камня, внутри которого расчищена вымостка, представляющая собой наброс из мелкого камня размерами $2 \times 1,4$ м, ориентированный длинной осью по линии 3–В (рис. 2.-1).

Под вымосткой обнаружена грунтовая яма размерами $1,6 \times 0,7 \times 0,6$ м, перекрытая каменными плитами, одна из которых частично завалилась внутрь погребения. Ориентирована по линии ЮЗ–СВ. У южного угла зафиксирован прокол диаметром 0,2 м. На дне могилы расчищен костяк женщины 18–25 лет*, уложенной на спине в вытянутом положении и ориентированной головой на юго-запад. Правая рука располагалась

* Половозрастные определения выполнены канд. ист. наук К.Н. Солодовниковым (ИПОС СО РАН).

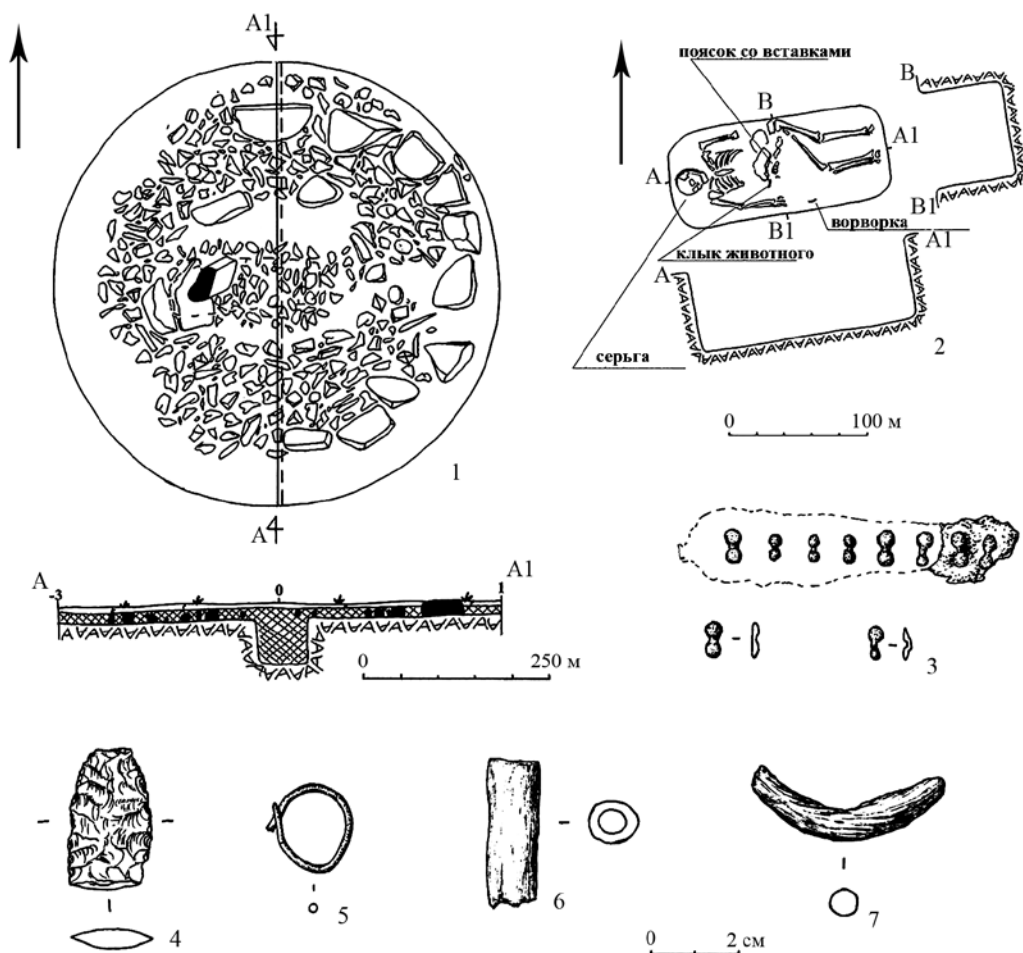

Рис. 2. Могильник Шантимес. Сооружение 18

вдоль тела, левая согнута в локте, а кисть находилась на тазовых костях. Смещение бедренных костей связано с частичным обрушением в могилу плиты перекрытия. Череп слегка приподнят, так как покоился на своеобразной земляной «подушке» (рис. 2.-2). Справа от височных костей черепа обнаружена серьга диаметром 2 см, скрученная из тонкой бронзовой проволоки, один из концов которой был заострен (рис. 2.-5). Справа от тазовых костей находился клык животного плохой сохранности (рис. 2.-7), а также костяная трубочка длиной 3,5 см, диаметром 1,1 см (рис. 2.-6), изготовленная из трубчатой кости крупной птицы. В процессе расчистки бедренных костей и таза найдены остатки кожного пояса, к которому были прикреплены восемь бронзовых вставок восьмеркообразной формы (рис. 2.-3).

Обсуждение результатов

Конструкция надмогильного сооружения в виде каменного панциря с крепидой по основанию широко известна в памятниках раннего железного века Урало-Казахстанских степей [Таиров, 2007; Бейсенов и др., 2017].

Вытянутое на спине положение умершего, в том числе с помещением кисти левой руки на тазовых костях, зафиксировано в 16% погребений VIII–V вв. до н.э. в Степном Приишимье [Хабдулина, 1994, с. 23]. Ориентация в юго-западном направлении несколько нетипична, так как для данной эпохи преобладающим является северный сектор с некоторым отклонением к западу [Маргулан и др., 1966; Таиров, 2007; Бейсенов и др., 2017, с. 86]. Однако зафиксирована, например, в могильнике Карамурун-II [Маргулан и др., 1966, рис. 54.-2] и в 25% захоронений Степного Приишимья [Хабдулина, 1994, с. 23].

Погребальный инвентарь представлен бронзовой серьгой, фрагментом кожного пояса с бронзовыми вставками, костяной трубкой (ворворкой?) и клыком животного. Подобные изделия встречены среди материалов некрополей Графские Развалины и Алып-каш [Хабдулина, 1994, табл. 15.-7; 18.-3]. Бронзовые вставки восьмеркообразной формы довольно своеобразны и характеризуются крайней миниатюрностью. Прямые аналогии авторам статьи не известны, однако определенное сходство наблюдается с изделиями предсавроматского времени из погребения у Красной Деревни [Археология СССР..., 1989, табл. 62.-57] и раннескифских комплексов Тывы [Археология СССР..., 1992, табл. 72.-30]. Ранние прототипы этой разновидности украшений отмечены также в комплексах предшествующего времени на обширной территории от Маньчжурии и Минусинской котловины до Северного Кавказа [Членова, 1972, табл. 63.-37; 67–68.-IV, XVII].

Столь невыразительный погребальный инвентарь, упрощенная конструкция и небольшие размеры надмогильной постройки маркируют захоронение рядового члена сакского общества.

Для установления абсолютного возраста захоронения был проведен радиоуглеродный анализ костного материала в лаборатории 14CHRONO Centre Queens University (г. Белфаст, Северная Ирландия).

Могильник Шантимес. Сооружение 18. Радиоуглеродная AMS-дата для погребения

Лабораторный номер	¹⁴ C BP	Калиброванная дата (1 сигма, 68.3%)	Калиброванная дата (2 сигма, 95.4%)
UBA-33184	2481 ± 39	Cal BC 758-727 (0.163) 718-705 (0.056) 694-678 (0.088) 673-541 (0.692)	Cal BC 775-473 (0.965) 465-451 (0.016) 446-430 (0.019)

Полученная AMS-дата (табл.) была обработана в соответствии с калибровочной кривой 2013 г. и позволяет с достаточной уверенностью датировать исследованное сооружение 18 могильника Шантимес в широких рамках 1-й половины VIII – 2-й половины VI в. до н.э. и предположительно отнести к кругу раннетасмолинских памятников Центрального Казахстана.

Библиографический список

- Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1989. 473 с.
 Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 504 с.
 Бейсенов А.З., Бедельбаева М.В., Хабдулина М.К., Самашев З., Ермолаева А.С., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А., Лукпанова Я.А., Курманкулов Ж., Утубаев Ж.Р., Алтынбекова Э.К. Казахстан в сакскую эпоху. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. 228 с.
 Жусупов Д.С., Дмитриев Е.А. Археологические исследования 2012 года в местности Тортколь // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда : КарГУ, 2017. С. 52–54.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Ритуально-погребальный комплекс финальной бронзы Шантимес (Центральный Казахстан) // Изв. Алт. гос. ун-та. 2017. №5 (97). С. 207–212. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-37.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1966. 436 с.

Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы : Ракурс, 1994. 170 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М. : Наука, 1972. 248 с.

References

Arheologija SSSR. Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja [Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow : Nauka, 1989. 473 p.

Arheologija SSSR. Stepnaja polosa Aziatskoj chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremja [Steppe Strip of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow : Nauka, 1992. 504 p.

Bejsenov A.Z., Bedel'baeva M.V., Habdulina M.K., Samashev Z., Ermolaeva A.S., Dzhumabekova G.S., Bazarbaeva G.A., Lukpanova Ja.A., Kurmankulov Zh., Utubaev Zh.R., Altynbekova Je.K. Kazakhstan v saksuju jepohu [Kazakhstan in the Saka Age]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2017. 228 p.

Zhusupov D.S., Dmitriev E.A. Arheologicheskie issledovaniya 2012 goda v mestnosti Tortkol' [Archaeological Research in 2012 in the Tortkol Area]. Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii i arheologii [Actual Problems of National History and Archaeology]. Karaganda : KarGU, 2017. Pp. 52–54.

Kukushkin I.A., Dmitriev E.A. Ritual'no-pogrebal'nyj kompleks final'noj bronzy Shantimes (Central'nyj Kazakhstan) [The Shantimes Ritual-funeral Complex of the Final Bronze (Central Kazakhstan)]. Izv. Alt. gos. un-ta [Bulletin of Altai State University]. 2017. No5 (97). Pp. 207–212. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-37.

Margulan A.H., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M. Drevnjaja kul'tura Central'nogo Kazakhstana [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata : Nauka KazSSR, 1966. 436 p.

Tairov A.D. Kochevniki Uralo-Kazhastanskih stepej v VII–VI vv. do n.e. [Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 7th – 6th Centuries BC]. Cheljabinsk : Izd-vo JuUrGU, 2007. 274 p.

Habdulina M.K. Steпноe Priishim'e v jepohu rannego zheleza [Steppe Prehistorye in the Early Iron Age]. Almaty : Rakurs, 1994. 170 p.

Chlenova N.L. Hronologija pamjatnikov karasukskoj jepohi [Chronology of the Sites of the Karasuk Time]. Moscow : Nauka, 1972. 248 p.

I.A. Kukushkin, E.A. Dmitriev, A.I. Kukushkin

*Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganga
State University, Karaganda, Kazakhstan*

THE WOMAN'S BURIAL AT THE SHANTIMES BURIAL GROUND

The Shantimes burial ground is a multi-time site, on the funerary site of which 19 structures are identified. Among them is a giant quadrangular stone platform with rounded altars located along its perimeter, dated to the Final Bronze, and small stone mounds dated to the Early Iron Age, one of which was excavated in 2016 by the expedition of the Saryarka Archaeological Institute. It was a stone mound, with a diameter of about 4.5 m, with a ring-fence made of large stones. In the central part of the structure, a burial was found in a ground pit, at the bottom of which was the skeleton of a woman aged 18–25 years, laid out in an extended position, on her back and with the head oriented to the south-west. The burial equipment is quite poor: a metal wire earring, an animal's canine, and the fragments of a leather belt with eight metallic eight-shaped inserts found in the pelvic area.

The burial rite and the discovered things have certain analogies in the cultures of the Early Iron Age. The preliminary dating was refined by radiocarbon analysis, the results of which make it possible to classify the burial as belonging to the circle of early sites (the first half of the 8th centuries – the second half of the 6th century BC).

Key words: Early Iron Age, burial ground, burial, radiocarbon dating.

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин, Ч. Мунхбаяр
*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Ховдский государственный университет, Ховд, Монголия*

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ТЮРКСКОГО КОМПЛЕКСА БАЯН БУЛАГ-I (Монгольский Алтай)*

Публикуются материалы раскопок тюркского ритуального комплекса Баян булаг-I, исследованного участниками Буянтской российско-монгольской археологической экспедиции в 2010 г. на территории Монгольского Алтая. Приведено подробное описание зафиксированных конструкций, а также обнаруженных предметов. Установлено, что изученный комплекс, разрушенный к моменту проведения работ, представлял собой одиночную подпрямоугольную оградку с изваянием, установленным с восточной стороны. Очевидно, с оформлением скульптуры было связано сооружение выкладки округлой формы. Одной из конструктивных характеристик комплекса является яма в центре оградки, в которой зафиксированы остатки деревянного столба. В ходе раскопок обнаружен фрагмент стенки керамического сосуда без орнамента, а также характерный железный нож. Осуществленный анализ полученных материалов, прежде всего реалий на каменном изваянии, позволил отнести комплекс Баян булаг-I к катандинскому этапу культуры тюрков (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.).

Ключевые слова: Монгольский Алтай, раннее средневековье, тюрки, ритуальный комплекс, раскопки, оградка, изваяние.

DOI: 10.14258/tpai(2018)2(22).-12

Введение

К настоящему времени в результате исследований, проведенных в различных частях Центральной Азии, накоплен значительный объем материалов, демонстрирующих особенности традиции сооружения тюркских ритуальных комплексов во 2-й половине I тыс. н.э. [Грач, 1961; Кубарев, 1984; Баяр, 1997; Суразаков, Тишкин, Шелепова, 2008; Серегин, Шелепова, 2015; и др.]. Вместе с тем очевидно, что информационный потенциал таких памятников далеко не исчерпан. В частности, одним из наиболее перспективных направлений дальнейших работ является проведение полевых исследований в малоизученных областях региона, прежде всего в Западной Монголии. Такой подход позволяет заполнить лакуны в имеющейся источниковой базе, дает возможность раскрыть особенности ритуальной практики отдельных групп номадов на конкретных территориях, а также способствует получению ценных сведений для реконструкции разных аспектов истории раннесредневековых кочевников, весьма фрагментарно представленных в письменных свидетельствах.

Начиная с 2007 г. системные исследования, направленные на выявление, детальную фиксацию и изучение тюркских оградок на территории Монгольского Алтая, осуществляются Буянтской российско-монгольской археологической экспедицией, в свое время созданной тремя университетами: из Барнаула, Ховда и Улаанбаатара [Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007]. К настоящему времени раскопаны 26 подобных объектов, демонстрирующих как общие, так и особенные черты ритуальной практики раннесредневековых номадов [Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Горбунов, Тишкин, Шелепо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

ва, 2008; Горбунов и др., 2015; Тишкин, Горбунов, Серегин, 2017; и др.]. В настоящей статье рассматриваются результаты исследований, проведенных на комплексе Баян булаг-I, расположенном в Монгольском Алтае (рис. 1). Следует отметить, что вопросы методики раскопок памятника подробно освещены в отдельной зарубежной публикации [Тишкин, Горбунов, Серегин, 2016], в которой по неизвестным нам причинам не были представлены имевшиеся иллюстрации при наличии в тексте сносок на них.

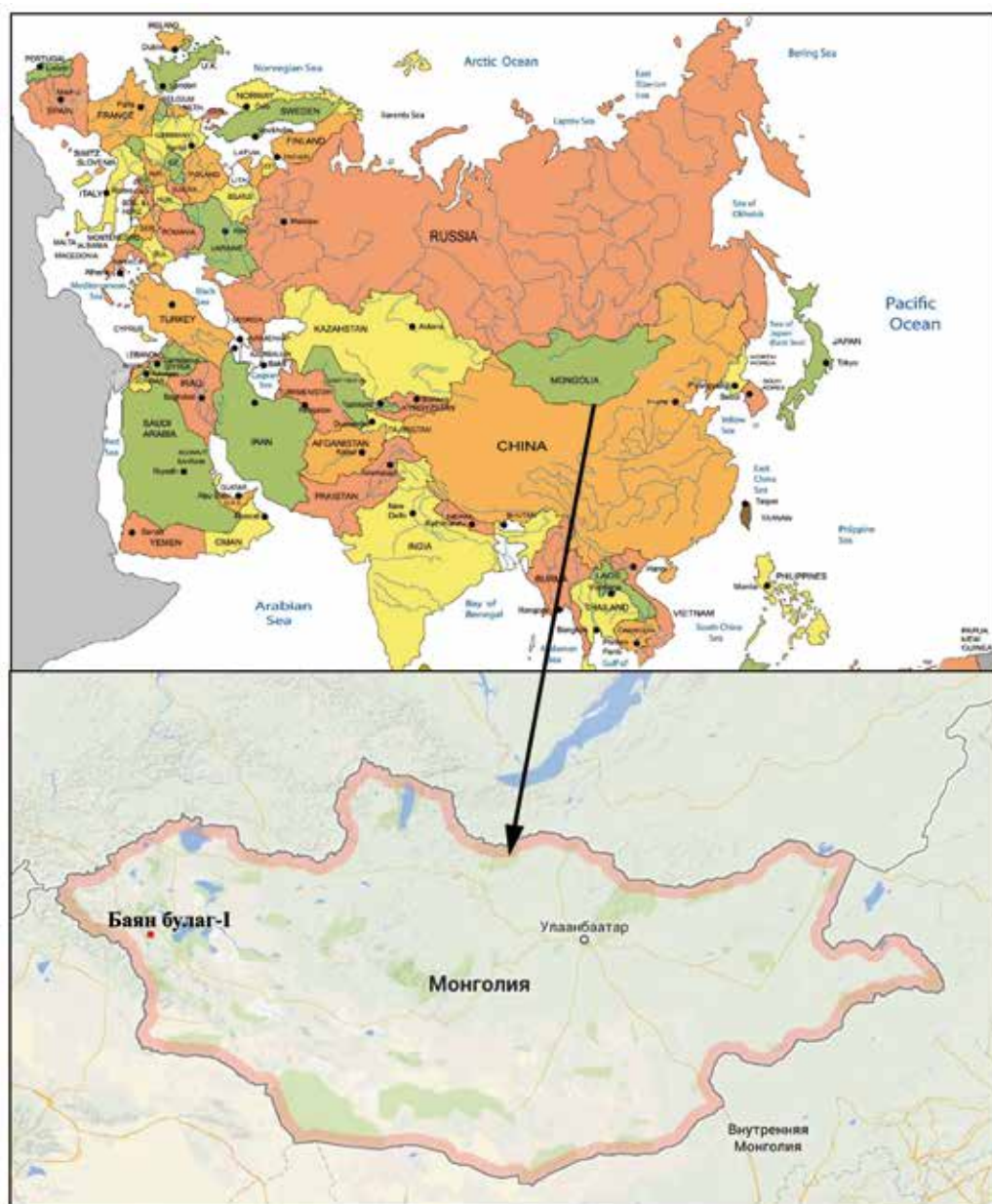

Рис. 1. Место расположения памятника Баян булаг-I на карте-схеме Монголии

Информация об обнаруженном изваянии также нашла разное отражение в отдельных изданиях [Тишкин и др., 2006, с. 112; Горбунов, Тишкин, 2014; и др.]. Важной задачей данной работы, кроме обобщения и демонстрации всех имеющихся данных, является культурно-хронологическая идентификация археологического объекта в виде тюркской оградки.

Описание исследованных объектов

Археологический комплекс Баян булаг-I расположен в одноименном урочище, на левом берегу р. Буянт, в 24–25 км юго-западнее г. Ховда, в Ховдском аймаке Монголии. Географические координаты раскопанного объекта, полученные при помощи GPS-приемника, таковы: N – 47° 55.734', E – 091° 21.525'. Высота над уровнем моря, отмеченная тем же прибором, составила 1584,5 м. Комплекс зафиксирован в ходе сплошных обследований, осуществленных участниками Буянтской экспедиции в 2009 г. в урочище Баян булаг (в переводе с монг. яз. – «Место, богатое источниками»). Тогда же были сфотографированы и зарисованы два каменных изваяния, находившиеся у разрушенных тюркских оградок [Горбунов, Тишкин, 2014, рис. 1–3]. В следующем году оградка №2, еще до раскопок демонстрировавшая ряд оригинальных конструктивных особенностей, была полностью исследована, а изваяние скопировано с помощью микалентного полотна. Следует отметить, что в указанном урочище зафиксировано несколько тюркских ритуальных комплексов.

В 2010 г. намеченный для раскопок объект представлял собой отдельно стоявшую оградку (№2) с выкладкой и оформленной площадкой к востоку от нее. Оба этих сооружения исследовались сплошным раскопом, ориентированным длинными сторонами по линии 3–В (рис. 2; 3.-I). Структура раскопа прослежена по разрезу А–А' (рис. 3.-2): длина 6 м, глубина в точке А до уровня материка 0,1 м, в точке А' – 0,07 м. Разрез демонстрирует материк – супесь светло-охристого цвета с вкраплениями гальки. В него попали элементы конструкции оградки: девять камней забутовки, уложенные в 1–2 слоя от уровня материка. Расстояние между ними составило 1,35 м. В разрезе демонстрируется столбовая яма с остатками деревянного столба. Стенки ямы наклонные, дно ровное. Ее длина по разрезу 0,4 м, глубина в материке 0,4 м. Столб имел размеры 0,3×0,1 м. В восточной части разреза отмечены два крайних камня от кольцевой выкладки, расстояние между которыми составило 3,1 м. Кроме того, в разрезе отражена яма с изваянием, шириной 0,45 м, глубиной 0,38 м. Западная стенка ямы наклонная (в разрез также попали камни контрфорса), восточная – прямая, дно ровное, со скругленными углами. Изваяние в яме оказалось размещено наклонно. Его размеры по разрезу – 1,15×0,2 м. Расчистка оградки выявила сооружение, основу которого составляла выкладка из средних и мелких камней, сложенных в 1–2 слоя (рис. 2 и 3). По периметру выкладки зафиксированы остатки от стенок оградки (рис. 4.-I). От восточной стенки сохранился фрагмент основания плиты, поставленной на ребро (размерами 0,2×0,05×0,1 м). От западной стенки остались три фрагмента основания плит размерами 0,1–0,2×0,05×0,1 м, два из которых заходили друг за друга. От северной стенки обнаружен лежавший плашмя фрагмент плиты размерами 0,4×0,05×0,2 м. Судя по положению этих плит, первоначальные размеры оградки составляли 1,85×1,85 м. Внутри оградки, ближе к южной стенке, найден фрагмент керамического сосуда без орнамента (рис. 3.-I; 5.-I). В центральной части оградки зафиксирована яма с остатками деревянного столба (рис. 3 и 4). На уровне материка она имела округлую форму диаметром

0,4 м. Сверху по ее периметру располагались шесть камней, образовавших «гнездо». У южного края ямы, между двух камней, обнаружен железный нож (рис. 3.-1; 4.-2-3; 5.-2). С глубины 0,1 м (от уровня материка) в заполнении ямы стала попадаться

Рис. 2. Баян булаг-I. Оградка №2. Вид с разных сторон после зачистки каменных сооружений (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

деревянная труха, а на глубине 0,2 м обозначилась нижняя часть деревянного столба (рис. 3.-2). Его зафиксированные размеры следующие: высота 0,2 м, диаметр 0,10–0,12 м. Основание столба было ровно спилено, а верхушка, видимо, сломана. Общая глубина ямы в материке составила 0,4 м. Стенки ямы наклонные, дно ровное. Заполнение ямы состояло из гумусированной супеси с примесью мелкой гальки и камней от контрфорсов. К восточной стенке оградки примыкала выкладка, окомтуренная 24 камнями, среди которых преобладали окатанные валуны (рис. 2 и 3). Они образовывали неровное кольцо средним диаметром 3 м. У западного края этого кольца находилось изваяние, у которого отсутствовала верхняя часть (рис. 2; 6.-1).

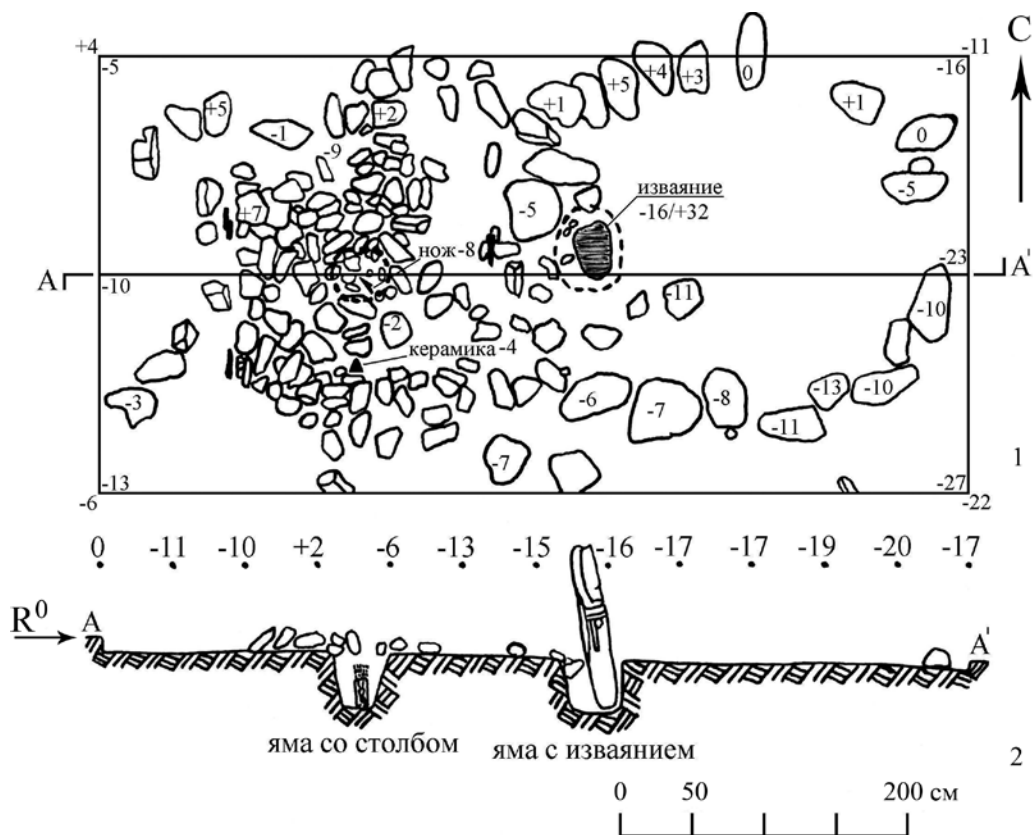

Рис. 3. Баян булаг-I. Оградка №2. План (чертежи выполнены В.В. Горбуновым)

Изваяние было установлено в яму овальной формы, размерами 0,6×0,48 м, углубленную в материк до 0,38 м, на расстоянии 0,45 м от восточной стенки оградки (рис. 2–3; 6–7). Голова изваяния оказалась сбита и лежала за его спиной. Она состыковывается с туловищем. Изначально изваяние «лицевой» стороной было обращено к востоку. Оно сделано из каменного блока, со скульптурной проработкой головы и туловища (рис. 6–7). Дальнейшее описание приводится из опубликованной статьи [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 25–26]: «Отколотая голова имеет размеры 47×32,5×19 см. В анфас она овальной формы (43×32,5 см), в профиль ближе к прямоугольнику, не считая шеи, от которой отделена канавкой. На лицевой стороне канавками передан контур

слегка выступающего трапецевидного носа и глаза, неглубокой выбивкой переданы брови и рот. Правые глаз и бровь, а также рот сильно испорчены. На левой стороне головы читается скула, и на уровне уха изображена серьга. Она обрамлена канавкой, имеет кольцо каплевидной формы и подвеску с шаровидным утолщением и растрескиванием. Наибольшие размеры серьги – 13×5,5 см. Правая сторона головы повреждена. Размеры туловища – 116,5×39×20,5 см. На уровне плеч, с прогибом на груди, канавкой показан воротник верхней одежды. Правая рука согнута в локте и поднята к лицу. Она заканчивается расширением, напоминающим кубок для питья. Левая рука присогнута в локте и опущена к поясу. Она заканчивается четырьмя пальцами, сжимающими рукоять меча. Пояс выбит двумя канавками, его ширина до 4 см. Справа он под-

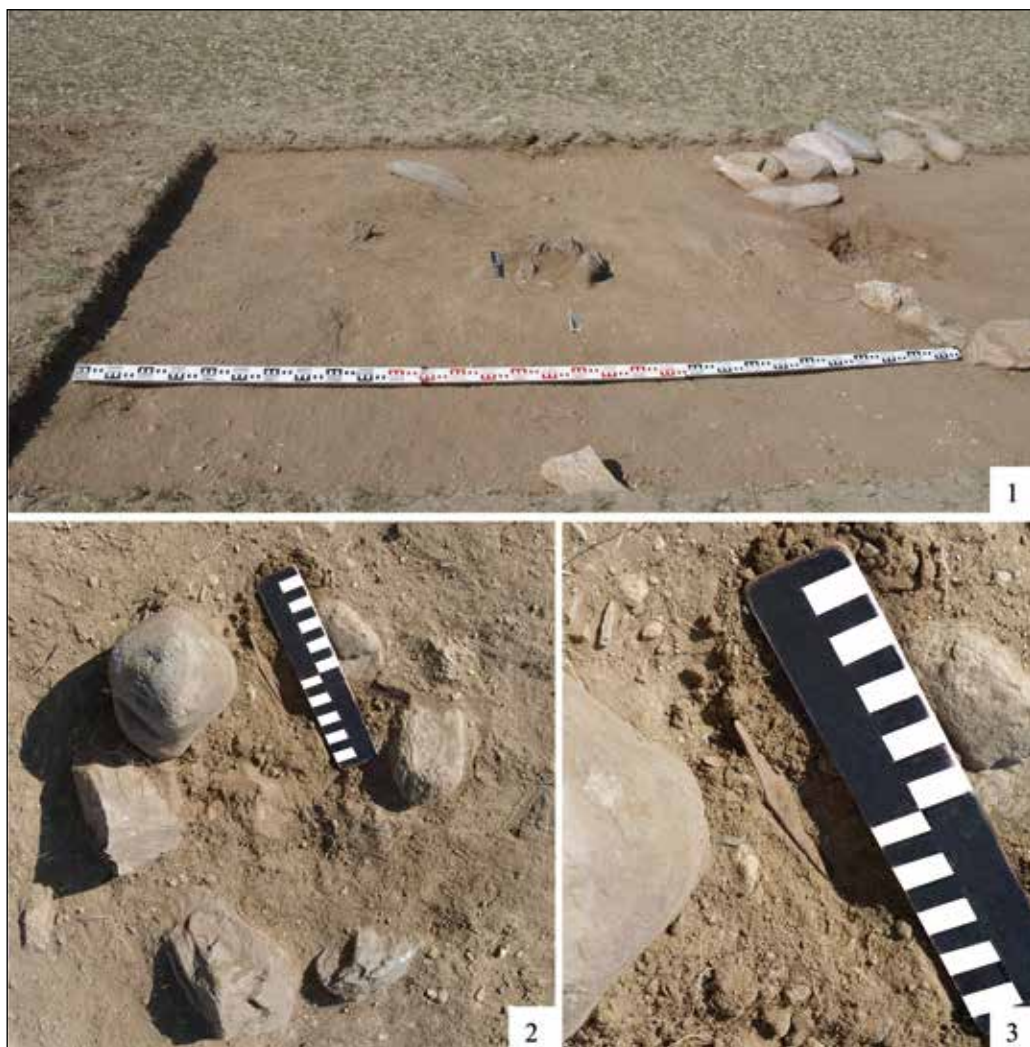

Рис. 4. Баян булаг-I. Оградка №2: 1 – остатки плит от стенок оградки, ямы (для изваяния и столба); 2 – контур ямы для деревянного столба в центре оградки; 3 – железный нож среди забутовки ямы (фотоснимки сделаны А.А. Тишкиным)

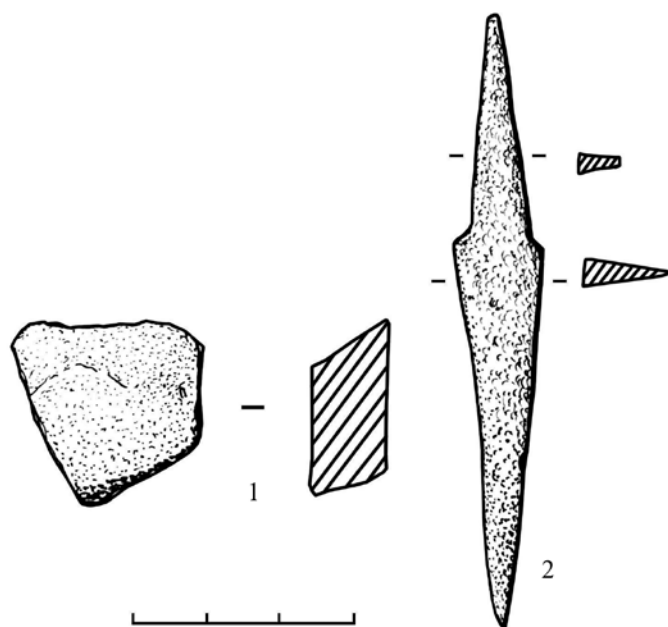

Рис. 5. Баян булаг-I. Оградка №2. Находки:
1 – фрагмент керамики; 2 – железный нож
(рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым)

положении, изображен прямоугольный предмет, обрамленный канавкой размерами 17×2 см, со слегка выделенной рукояткой. Скорее всего, это напильник. Ниже меча скульптура слегка сужается...».

Обсуждение материалов

Анализ результатов исследований позволяет представить изначальную конструкцию разрушенного комплекса, а также осуществить культурно-хронологическую интерпретацию полученных материалов. Установлено, что изученный объект представлял собой одиночную подпрямоугольную оградку с изваянием, установленным с восточной стороны. Очевидно, с наличием скульптуры было связано сооружение выкладки округлой формы. Одной из конструктивных характеристик комплекса является яма в центре оградки, в которой зафиксированы остатки деревянного столба. Объекты с таким сочетанием признаков получили наибольшее распространение в традициях тюрок Центральной Азии во 2-й половине VI – 1-й половине VIII в. н.э. [Серегин, Шелепова, 2015, с. 76–77].

Одной из немногих находок, зафиксированных в ходе раскопок оградки, стал железный нож (рис. 5.-2). Общая длина изделия составляет 8,5 см. Черен ножа прямой, трапецевидного абриса, длиной 3 см, шириной в основании 0,85 см, толщиной 0,02 см. Клинок ножа однолезвийный, треугольного абриса (лезвие слегка вогнуто от сработанности), длиной 5,5 см, шириной в основании 1,3 см, толщиной 0,03 см. При переходе черена в клинок имеются два немного наклонных плечика, более короткое – со стороны обуха и более длинное – со стороны лезвия. Подобные изделия характерны для материальной культуры тюрок Центральной Азии и не имеют узкой

ходит к рукояти меча, слева к кисти руки заходит на оба бока изваяния. Контур меча обрамлен канавками, он изображен в наклонном положении рукоятью вверх. Рукоять прямоугольная, шириной 3 см. Перекрестие меча тоже прямоугольное, размерами 11×2 см. Ножны меча шириной до 4 см, заходят на левый бок изваяния. Они имеют две скобы сегментной формы (у перекрестия и ближе к середине) и соединены с поясом двумя портупейными ремешками. На правом боку изваяния у пояса рельефно выбита сумочка овальной формы (6×5 см) с небольшим выступом наверху. За ней, в вертикальном по-

хронологии [Гаврилова, 1965, табл. IV.-9; Овчинникова, 1990, рис. 28.-6, 15; Кубарев, 2005, рис. 19.-5, 8]. Ближайшей аналогией данной находке является железный нож несколько больших размеров, обнаруженный в ходе раскопок оградки №5 комплекса Хар узуур в Монгольском Алтае [Тишкин и др., 2013, с. 160].

Рис. 6. Баян булаг-I. Оградка №2. Результаты фиксации изваяния:
1 – фотографирование; 2 – прорисовка (фотоснимок сделан А.А. Тишкиным,
графическая прорисовка выполнена В.В. Горбуновым)

Наиболее показательным элементом (с точки зрения хронологии) для комплекса Баян булаг-I является каменное изваяние. По всей видимости, для изготовления скульптуры был использован «оленный» камень. Об этом свидетельствует выбитое кольцо (серьга) на нижней боковой части каменного блока (рис. 7.-3). Отметим, что случаи переиспользования древних изваяний тюрками в раннем средневековье не являются редкими. Подобная ситуация зафиксирована при исследовании целого ряда памятников на различных территориях [Грач, 1961, с. 28, 50; Кубарев, 1984, табл. XLVII.-243, XXXIX.-223; Худяков, Плотников, Данченко, 1988, с. 56, рис. 5.-3; Савинов, 1994, с. 41, 47; Волков, 2002, с. 50–51, табл. 20, 35.-1; и др.]. Скульптура, установленная у оградки №2, по своим канонам (правая рука с сосудом, левая – на мече, подвешенном к поясу) относится к серии классических тюркских изображений мужчин-воинов. Анализ имеющихся реалий позволяет уточнить датировку памятника. Так, мечи с прямоугольными удлинненными перекрестиями характерны для тюркского

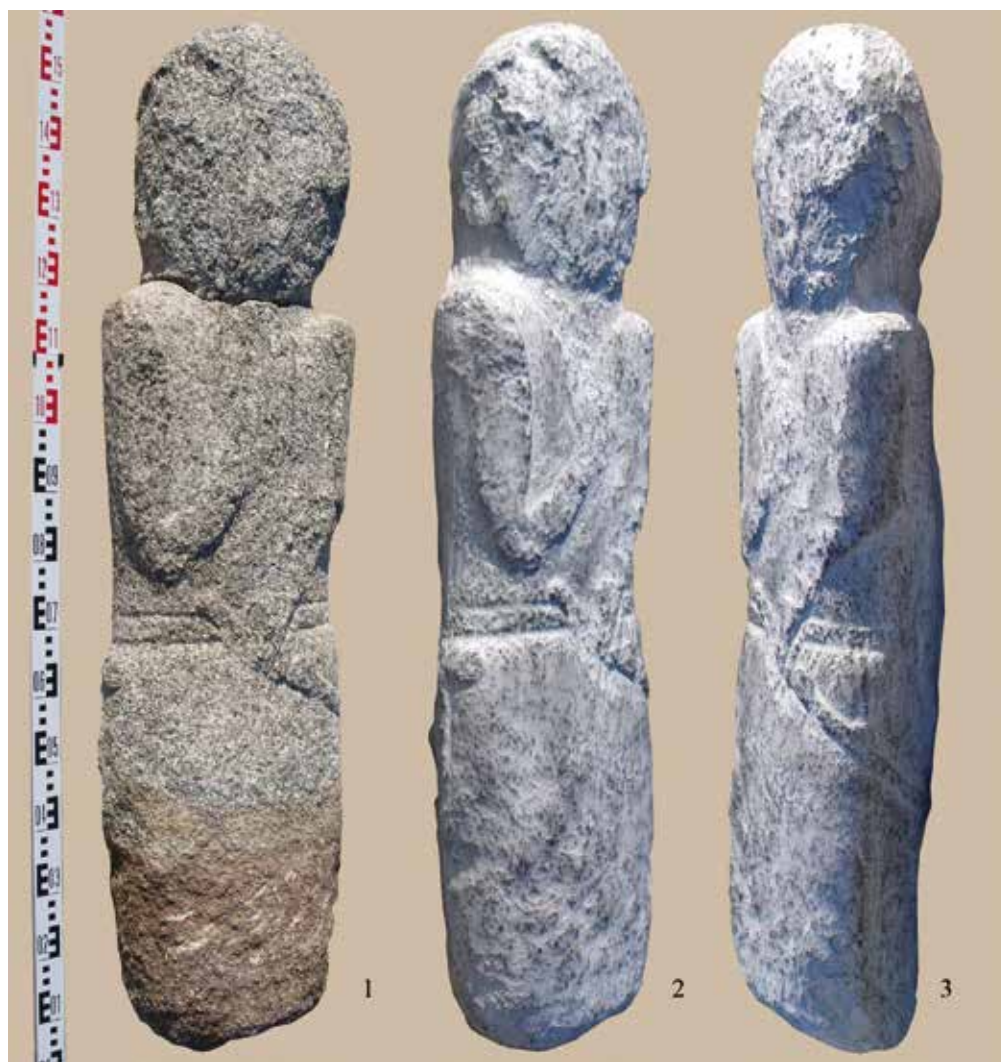

Рис. 7. Баян булаг-I. Оградка №2. Изваяние: 1 – восстановленный вид каменной скульптуры; 2–3 – микалентные копии (по: [Горбунов, Тишкин, 2014, рис. 3])

оружия 2-й половины VII – 1-й половины VIII в. [Горбунов, 2006, с. 63–65, рис. 50.-4]. Серьга с изваяния у оградки №2 Баян булага-I находит соответствия среди аналогичных предметов из тюркских памятников 1-й половины VIII в. [Овчинникова, 1990, рис. 10.-5]. Таким образом, раскопанный комплекс может быть отнесен к катандинскому этапу культуры тюрков (2-я половина VII – 1-я половина VIII в.) [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 12, 25–28].

Заключение

Фиксация и раскопки тюркских оградок, проведенные на территории Монгольского Алтая, показывают, что в данном крупном регионе (культурно-исторической области) сконцентрировано достаточно большое количество ритуальных объектов ран-

него средневековья. Данная ситуация свидетельствует о перспективности дальнейших поисков и исследований тюркских памятников с учетом уже имеющегося опыта работ. Наибольшая концентрация оградок отмечена в северной части Монгольского Алтая, что свидетельствует о необходимости реализации там системных раскопок. Важным является получение материалов, позволяющих провести радиоуглеродное датирование тюркских объектов. Пока для установления датировки используются конструктивные особенности оградок, редкие находки и изваяния, что и было продемонстрировано в данной статье. Комплексный анализ всех данных обеспечит информацией дальнейшую реконструкцию системы жизнеобеспечения кочевников тюркского времени на Алтае и сопредельных территориях.

Библиографический список

- Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). Улаанбаатар : Ин-т истории АН МНР, 1997. 148 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. : Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Выявление и изучение тюркских изваяний в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 23–27.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Исследования ритуальных комплексов Монгольского Алтая на памятниках Бугатын узуур-I и II // Теория и практика археологических исследований. 2008. Вып. 4. С. 92–102.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улаан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. 2007. Вып. 3. С. 62–68.
- Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М. : Изд-во вост. лит-ры, 1961. 94 с.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.
- Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Археологический комплекс Котыр-Тас на Алтае. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 112 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. 136 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. О методике исследования тюркских оградок (по материалам комплекса Баян булаг-I в Монгольском Алтае) // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев окулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары. Алматы : Қазақ университеті, 2016. С. 423–425.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Тюркские оградки археологического памятника Баян булаг-II в Монгольском Алтае: результаты исследований и комплексного анализа // Вестн. Том. гос. ун-та. 2017. №424. С. 136–144.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Горбунов В.В., Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч.Б., Идэрхангай Т.О., Фрибус А.В., Эрдэнэбаатар Д. Результаты полевых исследований в Ховдском аймаке Монголии летом 2012 года // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. Т. 12. Вып. 5: Археология и этнография. 2013. С. 157–169.

Тишкин А.А., Нямдорж Б., Дашковский П.К., Нямсүрэн Л., Мунхбаяр Ч. Археологические изыскания в Ховдском аймаке (предварительное сообщение) // Эколого-географические, археологические и социогеографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 107–114.

Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченко Г.П. Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл – Самагалтай – Хандагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. Новосибирск : Наука, 1988. С. 54–89.

References

Bajar D. Mongolyn tov nutag dah' turjegijn hun chuluu (Tjurkskie kamennye skul'ptury Central'noj Mongolii) [Turkic Stone Sculptures of Central Mongolia]. Ulaanbaatar : In-t istorii AN MNR, 1997. 148 p.

Volkov V.V. Olennye kamni Mongolii [Deer Stones of Mongolia]. M. : Nauchnyj mir, 2002. 248 p.

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altajskikh plemen [Kudyrge Burial Ground as a Source on the History of Altai Tribes]. M.; L. : Nauka, 1965. 146 p.

Gorbunov V.V. Voennoe delo naselenija Altaja v III–XIV vv. Ch. II: Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [The Military Affairs of the Altai Population in the 3rd – 14th Centuries. Part II: Offensive Weapons]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. 232 p.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A. Vyjavlenie i izuchenie tjurkskikh izvajanij v doline Bujanta (Mongol'skij Altaj) [Identification and Study of Turkic Sculptures in the Buyant Valley (Mongolian Altai)]. Drevnie i srednevekovye izvajanija Central'noj Azii [Ancient and Medieval Sculptures of Central Asia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2014. Pp. 23–27.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbajar Ch. Prodolzhenie issledovanij tjurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaja [Continuation of the Studies of the Turkic Fences in the Territory of the Mongolian Altai]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. №1 (11). Pp. 70–86.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Shelepova E.V. Issledovanija ritual'nyh kompleksov Mongol'skogo Altaja na pamjatnikah Bugatyn uzuur-I i II [Studies of the Ritual Complexes of the Mongolian Altai on the Bugatyn Uzuur-I and II Sites]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research. 2008. Issue. 4]. Pp. 92–102.

Gorbunov V.V., Tishkin A.A., Jerdjenjebaatar D. Tjurkskie ogradki v Zapadnoj Mongolii (po materialam raskopok na pamjatnike Ulaan hudag-I) [Türkian Fences in Western Mongolia (Based on Excavations on the Ulaan Khudag-I Sites)]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij. 2007. Vyp. 3 [Theory and Practice of Archaeological Research. 2007. Issue. 3]. Pp. 62–68.

Grach A.D. Drevnetjurkskie izvajanija Tuvy. M. : Izd-vo vost. lit-ry, 1961. 94 s.

Kubarev V.D. Drevnetjurkskie izvajanija Altaja [Ancient Turkic Sculptures of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 230 p.

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tjurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov) [Culture of the Ancient Turks of Altai (Based on the Materials of Funerary Monuments)]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 2005. 400 p.

Ovchinnikova B.B. Tjurkskie drevnosti Sajano-Altaja v VI–X vekah [Türkic Antiquities of the Sayano-Altai in the 6th – 10th Centuries]. Sverdlovsk : Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 223 p.

Savinov D.G. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii [Deer Stones in the Culture of the Eurasian Nomads]. SPb. : Izd-vo SPbGU, 1994. 208 p.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tjurkskie ritual'nye komplekсы Altaja (2-ja polovina I tys. n.je.): sistematizacija, analiz, interpretacija [Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd half of the 1st Millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation]. Barnaul : Azbuka, 2015. 168 p.

Surazakov A.S., Tishkin A.A., Shelepova E.V. Arheologicheskij kompleks Kotyr-Tas na Altae [Archaeological Complex of Kotyr-Tas in the Altai]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2008. 112 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Gorbunova T.G. *Altaj v ehposu srednevekov'ya: illyustrirovannyj istoricheskij atlas* [Altai in the Middle Ages: an Illustrated Historical Atlas]. Barnaul : OOO "Pechatnaya kompaniya ARTIKA", 2011. 136 p.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N. O metodike issledovaniya tyurkskih ogradok (po materialam kompleksa Bayan bulag-I v Mongol'skom Altae) [On the Methodology of the Turkic Fences the Research (Based on the Bayan Bulag-I Complex in the Mongolian Altai)]. "Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану" атты "VIII Оразбаев оқулары" халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары // «Қазіргі жоғарғы білім жүйесіндегі археология, этнология және музейтану» атты «VIII Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-әдістемелік конференция материалдары [Materials of the International Scientific-Methodological Conference "VIII Orazbayev's Readings on Archaeology, Ethnology and Art in the System of Modern Higher Education"]. Almaty : Qazaq universiteti, 2016. Pp. 423–425.

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N. Tjurkskie ogradki arheologicheskogo pamjatnika Bajana Bulag-II v Mongol'skom Altae: rezul'taty issledovanij i kompleksnogo analiza [Turkic Fences of the Bayan Bulag-II Archaeological Site in the Mongolian Altai: the Results of Research and Complex Analysis]. Vestn. Tom. gos. un-ta [Journal of Tomsk State University]. 2017. №424. Pp. 136–144.

Tishkin A.A., Grushin S.P., Gorbunov V.V., Kovalev A.A., Munhbayar CH.B., Idehrhangaj T.O., Fribus A.V., EHRdehnehaatar D. Rezul'taty polevyh issledovanij v Hovdskom ajmake Mongolii letom 2012 goda [Results of Field Research in the Khovd Aimag of Mongolia in the Summer of 2012]. Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. T. 12. Vyp. 5: Arheologiya i ehtnografiya [Journal of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 12. Issue. 5: Archaeology and Ethnography]. 2013. Pp. 157–169.

Tishkin A.A., Nyamdorzh B., Dashkovskij P.K., Nyamsurehn L., Munhbayar CH. Arheologicheskie izyskaniya v Hovdskom ajmake (predvaritel'noe soobshchenie) [Archaeological Research in the Khovd Aimag (Preliminary Report)]. Ehkologo-Geograficheskie, arheologicheskie i socioehtnograficheskie issledovaniya v Yuzhnoj Sibiri i Zapadnoj Mongolii [Ecological-geographical, Archaeological and Socioethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2006. Pp. 107–114.

Hudjakov Ju.S., Plotnikov Ju.A., Danchenok G.P. Arheologicheskie raboty v zone stroitel'stva avtomagistrali Kyzyl – Samagaltaj – Handagajty na territorii Ovjurskogo rajona Tuvinskoj ASSR [Archaeological Work in the Construction Zone of the Kyzyl-Samagaltai-Khandagayty Highway in the Ouursky District of the Tuva ASSR]. Drevnie pamjatniki Severnoj Azii i ih ohrannye raskopki [Ancient Sites of Northern Asia and Their Excavations]. Novosibirsk : Nauka, 1988. Pp. 54–89.

A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, N.N. Seregin, Ch. Munkhbayar

Altai State University, Barnaul, Russia;

Khovd State University, Khovd, Mongolia

RESULTS OF STUDIES OF THE BAYAN BULAG-I TURKIC COMPLEX (Mongolian Altai)

The article concerns the materials of the Bayan bulag-I Turkic ritual complex, excavated by the participants of the Buyant Russian-Mongolian archaeological expedition in 2010 in the territory of the Mongolian Altai. The authors present a detailed description of the fixed structures along with the objects found. It is established that the studied complex, which had been destroyed by the time of the work, was a single subrectangular enclosure with a statue established on the east side. Obviously, the construction of a rounded form was associated with the design of the sculpture. One of the constructive characteristics of the complex is a pit in the center of the enclosure, in which the remains of a wooden pillar are found. During the excavations of the enclosure, a fragment of the wall of a ceramic vessel without ornament and a ceramic knife were discovered. The analysis of the obtained materials, first of all the realities on the stone statue, allowed attributing the Bayan bulag-I complex to the Katanda stage of the Turkic culture (second half of the 7th – first half of the 8th centuries AD).

Key words: Mongolian Altai, early Middle Ages, Turks, ritual complex, excavations, enclosure, sculpture.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук.
АН СССР – Академия наук СССР.
АСУП – Археология Симбирского-Ульяновского Предволжья.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГИН – Геологический институт РАН.
ИА – Институт археологии.
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет.
КазССР – Казахская Советская Социалистическая Республика.
КарГУ – Карагандинский государственный университет имени академика
Е.А. Букетова
КАЭ – комплексная археологическая экспедиция.
КРС – крупный рогатый скот.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МНР – Монгольская Народная Республика.
МОН РК – Министерство образования и науки Республики Казахстан.
МРС – мелкий рогатый скот.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
НИИ – Научно-исследовательский институт.
РАН – Российская академия наук.
РНФ – Российский научный фонд.
СА – Советская археология.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
СФУ – Сибирский федеральный университет.
ТГУ – Томский государственный университет.
ТКАЭ – Труды Куйбышевской археологической экспедиции
ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории
УрО – Уральское отделение
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анойкин Антон Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; anui1@yandex.ru

Ахияров Ислам Кизамединович, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; Казахстан, 050010, Алматы, пр-т Достык, 44; islam.akhiyarov@mail.ru

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Казахстан, Алматы, пр-т Достык, 44; azbeisenov@mail.ru

Берлина Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр СО РАН»; 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86; svb82@mail.ru

Выборнов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; vybornov@archaeology.nsc.ru

Гимранов Дмитрий Олегович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН; 620144, Екатеринбург ул. 8 Марта, 202; djulfa250@rambler.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; gorbunov@hist.asu.ru

Дмитриев Евгений Анатольевич, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; yevgenii1992@mail.ru, dmitriyeva1992@gmail.com

Дуйсенбай Данияр Болатбекович, магистр гуманитарных наук, научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана; 050010, Казахстан, Алматы, пр-т Достык, 44; daniar_db88@mail.ru

Кукушкин Алексей Игоревич, магистр гуманитарных наук, младший научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; tatarlandia@mail.ru

Кукушкин Игорь Алексеевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете имени академика Е.А. Букетова; 100028, Казахстан, Караганда, ул. Университетская, 28; sai@ksu.kz

Лазаретов Игорь Павлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, дом 18 литер а; lazaretov@yandex.ru

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой, кандидат исторических наук, преподаватель Ховдского государственного университета (Монголия); munkh_boroldoi@yahoo.com

Новиков Игорь Константинович, заведующий учебно-исследовательской археологической лабораторией, старший преподаватель кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета; 640020, Курган, ул. Советская, 63, стр. 4; sherlock2479@yandex.ru

Павленок Галина Дмитриевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; pavlenokg@archaeology.nsc.ru

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН; 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; papindv@mail.ru

Полеводов Альберт Викторович, кандидат исторических наук, главный специалист отдела государственного надзора, учета и использования объектов культурного наследия управления по сохранению и государственной охране объектов культурного наследия, Министерство культуры Омской области; 644121, Омск, ул. Калинина, д. 6, кв. 8; pole12w@yandex.ru

Поляков Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург); 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, дом 18 литер а; poliakov@yandex.ru

Попов Алексей Юрьевич, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории седиментологии Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН; доцент кафедры минералогии и петрографии геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Коптюга, 3; PopovAY@ipgg.sbras.ru

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, доцент Казанского государственного института культуры, профессор; 420059, Казань, Оренбургский тракт, 3; murziha@mail.ru

Рыбин Евгений Павладьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии каменного века Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; ryber@yandex.ru

Сафаров Михаил Юрьевич, заведующий отделом культурного наследия Омского государственного историко-культурного музея-заповедника «Старина Сибирская»; 644011, Омск, ул. Конева, 10, кв. 76; safarow67@mail.ru

Семибратов Владимир Петрович, кандидат исторических наук, инженер Отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; semibratovvladimir@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая; докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; nikolay-seregin@mail.ru

Ситников Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, инженер Отдела сопровождения научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; ssm3052007@yandex.ru

Тимощенко Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; timoshenkoaleksey@bk.ru

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; tihij-51@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, главный научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211; tishkin210@mail.ru

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; fedorukas@mail.ru

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61; olunka.p@mail.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; 656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 112; frolov_jar@mail.ru

Хаценович Арина Михайловна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Лаврентьева, 17; archeomongolia@gmail.com

Цембалюк Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр СО РАН»; 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86; svetac80@mail.ru

Шелепаев Роман Аркадиевич, кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории петрологии и рудоносности магматических формаций Института геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН; доцент кафедры минералогии и петрографии геолого-геофизического факультета Новосибирского государственного университета; 630090, Новосибирск, пр-т акад. Коптюга, 3; rshel@igm.nsc.ru

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (22) • 2018

Редактор: Н.Ю. Ляшко

Перевод и редактирование текстов на английском языке, References: Е.А. Воронцова

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Журнал распространяется по подписке ФГУП «Почта России»

Подписной индекс П4317

Цена свободная

Подписано в печать 08.06.2018. Печать офсетная

Бумага офсетная. Формат 70х100/16. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 15,7. Тираж 500 экз. Заказ №309.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Дата выхода 15.06.2018.

ISSN 2307–2539

Теория и практика археологических исследований. 2018. №2